

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК
XXVI

ВЫПУСК
XXVI

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Географическое общество СССР
Восточная комиссия

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Серия основана в 1959 году

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVI

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
(География, этнография, история)

Книга 3

Москва
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 26.8г
С83

Рецензенты

Е. В. Зеймаль, С. Г. Кляшторный

Ответственные редакторы

О. Ф. Акимушкин, В. А. Ромодин

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР*

**Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя
С83 и Центральная Азия. Книга 3.— М.: Наука. Глав-
ная редакция восточной литературы, 1989.— 270 с.:
ил.**

ISBN 5-02-016448-8

В очередной сборник вошли статьи, характеризующие вклад русских и советских ученых и путешественников в исследование Средней и Центральной Азии с XVIII в. до наших дней, а также статьи, в которых на основе привлечения восточных рукописей освещаются малоизученные аспекты быта, истории и культуры народов региона.

С 1805030000-207
013(02)-89 57-89

ББК 26.8г

ISBN 5-02-016448-8

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

П. И. Хотеев

**ПАМЯТИ ВАДИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА РОМОДИНА
(1912—1984)**

Каждого, кто знаком с творчеством Вадима Александровича Ромодина, поражает стремительность, с которой он вошел в науку. Его судьба сложилась таким образом, что он смог полностью посвятить себя востоковедению, когда ему было за 30. К этому времени он четко осознал, что изучение Востока — главное дело его жизни. Вот почему его деятельность в этой отрасли знаний до конца его дней была проникнута вдохновением и целеустремленностью.

Вадим Александрович учился в Москве у И. М. Рейснера на отделении Востока исторического факультета МГУ и закончил курс обучения в 1948 г. В предельно короткие сроки он подготовил диссертацию по теме «Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в.» [10]. Это исследование получило высокую оценку И. М. Рейснера [3]. Весьма примечательно, что уже тогда И. М. Рейснер ставил В. А. Ромодина в один ряд с крупнейшими специалистами по истории и этнографии Афганистана. Диссертационное исследование, частично опубликованное в 1951 г., явилось первым большим успехом Вадима Александровича и принесло ему широкую известность. В. А. Ромодин — один из немногих современных ученых, сумевших добиться всеобщего признания за столь непродолжительный отрезок времени.

Более 30 лет жизни В. А. Ромодина связаны с Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР. Сюда он пришел уже сложившимся ученым в начале 50-х годов. Вскоре признание его заслуг проявилось, в частности, в том, что он был приглашен к участию в работе над «Советской Исторической Энциклопедией», в первом томе которой был помещен его обширный очерк по новой истории Афганистана [1, стб. 938—954]. Позднее этот очерк лег в основу его статьи, опубликованной в третьем издании «Большой Советской Энциклопедии» [6, с. 422—423].

Важнейшим этапом в творчестве В. А. Ромодина явилась работа над двухтомной «Историей Афганистана», написанной совместно с В. М. Массоном [2]. Перу Вадима Александровича принадлежат две главы первого тома и весь второй том, имеющий подзаголовок «Афганистан в новое время». В общей слож-

В. А. Ромодин

ности для этого издания он написал около 40 печатных листов. Рукопись этого труда была подготовлена уже к 1961 г., и тома вышли в свет поочередно в 1964 и 1965 гг. По своей масштабности и основательности «История Афганистана» не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и по сей день остается непревзойденной. Для этой работы Вадим Александрович привлек небывалый по объему фактический материал из самых разнообразных источников. Вместе с тем здесь учтен весь опыт и обобщены результаты многолетних исследований русских, советских и зарубежных специалистов.

Приведем здесь отзывы об «Истории Афганистана», принадлежащие двум известным ученым. По мнению ташкентского историка и писателя, большого знатока Афганистана А. В. Станишевского, за написание второго тома этой работы В. А. Ромодину следовало бы присвоить степень доктора исторических наук. Американский ученый Людвиг Ададек в предисловии к своей книге называет «Историю Афганистана» превосходной и выражает сожаление по поводу того, что эта книга мало доступна для исследователей — ее просто не достать [11, с. 11]. Действительно, двухтомник В. А. Ромодина и В. М. Массона трудно приобрести не только за рубежом, но и в Советском Союзе, ибо это фундаментальное исследование было напечатано тиражом всего лишь 2100 экз. и уже давно стало библиографической редкостью. За 20 с лишним лет, прошедших со времени его опубликования, в научной литературе на него сделаны сотни ссылок, причем этот труд наряду с афгановедами пристально изучают и востоковеды других специальностей. Настолько широк круг затрагиваемых здесь проблем. «История Афганистана» до сих пор не утратила своего научного значения и, безусловно, заслуживает переиздания.

Каждая печатная работа В. А. Ромодина (будь то тезисы научного доклада на трех-четыре страницах или же объемистая монография) является существенным вкладом в изучение Афганистана и сопредельных с ним регионов. Авторитет трудов Вадима Александровича в научных кругах был и остается необычно-

венно высоким. Однако, как ни парадоксально, этот авторитет существовал и сохраняется поныне главным образом, если так можно выразиться, лишь в устной традиции. Прекрасные монографические исследования и статьи В. А. Ромодина еще не получили должной оценки ни в отечественной, ни в зарубежной печати: не было опубликовано ни одной рецензии на его книги. По-видимому, это явление можно объяснить лишь тем, что работы В. А. Ромодина написаны на таком высоком уровне, охватывают настолько широкий спектр сложнейших вопросов и содержат такой обширный материал, что не всякий специалист может взять на себя смелость их проанализировать.

Вадим Александрович прекрасно знал работы своих предшественников, практически всю литературу по изучаемым им проблемам. Его исследования всегда строились на солидной источниковедческой базе. Он часто вводил в научный обиход нетрадиционные, не совсем привычные для историков материалы. Это могла быть магнитофонная запись воспоминаний очевидца какого-либо события или же нигде не публиковавшиеся сведения, которые сообщал своим студентам И. М. Рейснер. Занимаясь историей установления советско-афганских связей, Вадим Александрович по крупицам собирал интересующие его факты, разбросанные в различных мемуарах, к которым до него не обращался ни один афгановед. Первым из историков В. А. Ромодин подробно изучил важнейший источник — хранящийся в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина машинописный отчет управляющего Бухарской таможней Е. П. Ковалева по его поездке в 1907 г. вдоль русско-афганской границы. Вадим Александрович хорошо знал фонд А. Е. Снесарева в Архиве востоковедов ЛО ИВАН СССР.

Много лет В. А. Ромодин увлеченно и плодотворно работал над ценнейшими материалами, содержащимися в официальной афганской хронике «Сирадж ат-таварих». Результаты работы с этим источником легли в основу его докторской диссертации «Официальная историография Афганистана и события второй половины XIX — начала XX в.», которую он, к сожалению, не успел защитить.

В истории Вадима Александровича прежде всего интересовали люди, конкретные личности. Он внес много нового в исторические портреты лидера младоафганцев Махмуда Тарзи, первых советских дипломатических представителей в Кабуле, афганского историографа Файза Мухаммада — автора «Сирадж ат-таварих».

Особое внимание В. А. Ромодин уделял работе со словом. В его книгах и статьях нет ни одной небрежной формулировки. Он выработал ясный и четкий стиль изложения. Самые сложные понятия и события у него изложены доходчиво и просто. Он сознавал, что история — это наука, которая имеет много общего со словесностью. Глубоко научное содержание в его работах

всегда удачно сочеталось с правильными, продуманными формами изложения.

Вадим Александрович постоянно думал о читателе. Так, работая над «Очерками по истории и истории культуры Афганистана» [9], он искренне надеялся, что эта книга привлечет внимание не только специалистов, но и рядовых читателей. И его надежды полностью оправдались: «Очерки» были распроданы в считанные дни, и остается лишь сожалеть, что эта замечательная книга вышла тиражом лишь 3000 экз. Можно было предвидеть, что интерес к этому изданию будет велик.

Серьезное научное значение имеют исследования В. А. Ромодина по истории востоковедения, источниковедению и историографии. Его перу принадлежат такие публикации, как «Afghan Studies» [12], «Из истории изучения афганцев и Афганистана в России» [7]. О широком научном кругозоре В. А. Ромодина свидетельствует его историко-библиографический обзор «Изучение Афганистана в Советском Союзе» [8], охватывающий работы советских авторов, начиная с известной книги А. Е. Снесарева и кончая новейшими справочными пособиями по Афганистану. Характерно, что в этом обзоре наряду с важнейшими работами по истории, т. е. по основной специальности Вадима Александровича, рассматриваются самые значительные исследования по филологии, этнографии, географии, экономике Афганистана.

Важное место в жизни В. А. Ромодина занимала преподавательская деятельность, интерес к которой он унаследовал от своего учителя И. М. Рейснера. В связи с этим здесь уместно привести фрагмент из воспоминаний Вадима Александровича, посвященных И. М. Рейснеру: «При определении круга учеников И. М. Рейснера неправильно ограничиваться только теми, кому посчастливилось быть среди его студентов или аспирантов. Многие начинающие исследователи пользовались его консультациями и советами, он щедро делился своими знаниями и идеями с будущими учеными, у которых он не был формально ни преподавателем, ни научным руководителем» [9, с. 12]. Аналогичные формы общения со студентами и молодыми учеными складывались и у Вадима Александровича. Официально он руководил лишь несколькими аспирантами. В то же время трудно определить количество диссертаций, подготовленных при его доброжелательном содействии. Следует отметить, что он консультировал многочисленных соискателей не только кандидатской, но и докторской степени.

Вадим Александрович преподавал на кафедре истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Ленинградского университета. Он сделал многое для организации на этой кафедре группы истории Афганистана. Несколько поколений студентов-восточников пользовались и продолжают пользоваться учебными пособиями, в которых разделы по Афганистану написаны В. А. Ромодиным (см. [4, с. 132—137, 408—418; 5, с. 563—573]).

В. А. Ромодин был одним из основателей Восточной комиссии Географического общества СССР, учрежденной в декабре 1955 г. Он не только сам выступал на ее заседаниях с докладами и сообщениями, но и привлекал к работе Географического общества своих учеников. Целый ряд содержательных статей Вадима Александровича был опубликован в серии трудов «Страны и народы Востока». Несколько выпусков этого продолжающегося издания вышло в свет под его редакцией.

Литература

1. *Ахрамович Р. Т., Ромодин В. А.* Афганистан. Исторический очерк.— Советская Историческая Энциклопедия. Т. 1. М., 1961.
2. *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 1. М., 1964; Т. 2. М., 1965.
3. *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
4. *Ромодин В. А.* Афганистан.— Новая история стран зарубежной Азии и Африки. Изд. 2-е. Л., 1971.
5. *Ромодин В. А.* Афганистан в XVI—XVIII вв.— История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
6. *Ромодин В. А.* Афганистан. Исторический очерк (до 1919 г.).— Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1970.
7. *Ромодин В. А.* Из истории изучения афганцев и Афганистана в России.— Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 1. М., 1953.
8. *Ромодин В. А.* Изучение Афганистана в Советском Союзе.— Ближний и Средний Восток: экономика и история. Сб. статей. М., 1983.
9. *Ромодин В. А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана: середина XIX — первая треть XX в. М., 1983.
10. *Ромодин В. А.* Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в. (сравнительно с другими афганскими племенами). Автореф. канд. дис. М., 1951.
11. *Adamec L. W.* Afghanistan, 1900—1923. A Diplomatic History. Berkeley — Los Angeles, 1967.
12. *Romodina V. A.* Afghan Studies. M., 1967.

Е. А. Княжецкая

**НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ ЭКСПЕДИЦИИ И. М. ЛИХАРЕВА
(1719—1720)**

В 1714—1719 гг. Петр I направил несколько экспедиций на поиски золота под г. Яркенд. Одной из них была экспедиция гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева.

Полученные Петром сведения о местонахождении этого города, оказались неверными, золото не было найдено. Яркенд искали в Сибири, тогда как он находился и находится в Центральной Азии, в бассейне р. Яркенддарья, притока р. Тарим. Эти реки текут в противоположных направлениях, истоки их разделены горными хребтами.

Ошибочные сведения Петру I сообщил в 1714 г. сибирский губернатор князь Гагарин. Он утверждал, что в Сибири из Амударьи близ Яркенда добывают золотой песок и что путь от Тобольска до этого города займет не более двух с половиной месяцев, а путь к нему лежит от Ямышева озера. Царя серьезно заинтересовала возможность получения золота в своей стране. Длившаяся уже много лет Северная война требовала от государства больших затрат. Как известно, Петр I никогда не был в Сибири, его легко было ввести в заблуждение. Он не усомнился в достоверности сообщений такого значительного лица, как сибирский губернатор. Весной 1714 г. последовал ряд указов об организации экспедиций к Яркенду [21, с. 105, 108]. Города не обнаружили, золота не нашли.

В 1719 г. Гагарин был арестован и отдан под суд за казнокрадство, взятки, злоупотребления властью. Вспомнили и неудачу экспедиций за золотом. На допросах в Сенате Гагарин настаивал на достоверности своих сведений о добыче золота и назвал ряд жителей Тобольска и Яркенда, от которых он получил такие сообщения. Этим людей разыскали. Совершенно неожиданно их показания полностью опровергли все, что говорил Гагарин. Ему рассказывали, что золотой песок добывают из Яркенддарьи под Яркендом, а про Амударью не слыхали. По их словам, они говорили губернатору, что путь от Тобольска до Яркенда занимает около семи месяцев. Гагарин, сообщив Петру ложные сведения о месте добычи золота, показал ему и об-

разец яркендского золотого песка, который он купил у жителей Тобольска и Яркенда. Это сообщение также было опровергнуто. Губернатору продавали китайское, а не яркендское золото. Следует упомянуть еще об одной попытке Гагарина придать видимость правдоподобия своему обману. В письме амстердамскому бургомистру Витсену, большому другу царя, он сообщил ложные сведения о находке золота у Ямышева озера в Сибири в 1715 г.¹ и прислал золотой образец. Витсен отдал его в пробирную палату, где определили, что по качеству золото похоже на гвинейское. Вероятно, оно было китайским. Очевидно, Гагарин знал о предстоявшем в начале 1716 г. путешествии Петра I по странам Западной Европы и рассчитывал, что при встрече с царем Витсен сообщит ему содержание письма и покажет образчик золота [37, с. 452].

Современники событий обвиняли Гагарина в «мазепином намерении», попытке отторгнуть Сибирь от России и стать ее правителем. Ему нужно было получить для своего замысла оружие и порох, для этого и были задуманы вооруженные экспедиции.

Если вполне очевидно, что Гагарин сознательно вводил в заблуждение Петра ложными сообщениями о золоте в Сибири, то для обвинений его в государственной измене прямых доказательств нет. Причины обмана остаются невыясненными. Возможно, эта тайна истории когда-нибудь будет разгадана [9, с. 57—67, 2 л. карт; 13, с. 14—16].

Петр I, по-видимому, не терял надежды найти в пределах России необходимое для казны золото. После ареста Гагарина он вернулся к намерению разведать путь к Яркенду и узнать, есть ли возможность найти там золотой песок. Руководство новой экспедицией было поручено И. М. Лихареву. Он возглавил находившуюся в Москве «сибирскую канцелярию», которая занималась расследованием различных преступлений, совершенных в Сибири.

По царскому указу от 18 января 1719 г. ему предстояло выполнить ряд важных дел. Прибыв в Тобольск, произвести расследование «о худых поступках» бывшего губернатора. Разыскать в Тобольске людей, сообщивших ему о золоте, и проверить их сообщения, поднявшись вместе с ними вверх по Иртышу. Дойдя до оз. Зайсан, построить там крепость и найти путь от озера к Яркенду, затем разузнать о золоте. О том, как проходила экспедиция Лихарева, было известно из работы историка XVIII в. Г. Ф. Миллера. Сведения о ней он собрал во время путешествия по Сибири в 30-х годах XVIII в., пользуясь документами Тобольской губернской канцелярии, а главным образом словесными показаниями участников событий. Г. Ф. Миллер писал: «На сем моем объявлении можно утвердиться, хотя не все на письменных доказательствах основано» (цит. по [10, с. 74]). Об экспедиции Лихарева упоминается и в более поздних работах, но они только повторяют сведения Миллера. Вот что он сообщал.

Весной 1719 г. Лихарев с отрядом направился к Тобольску, с ним были два геодезиста и капитан. Прибыв в Тобольск, он послал на оз. Зайсан капитана с солдатами. Миллер называл его Урасовым. Войдя в Зайсан, на лодках объехали вокруг озера в поисках места для постройки крепости. Видели устье Черного Иртыша, впадающего в озеро, затем вернулись в Тобольск. Сам Лихарев остался в Тобольске для заготовки провианта и набора солдат. Только весной 1720 г. он вышел в путь с отрядом к оз. Зайсан. Не найдя на его берегах подходящего места для постройки крепости, поднялся вверх по Черному Иртышу. 1 августа 1720 г. на отряд напали местные кочевники — джунгарские калмыки. Бой шел два дня, затем заключили перемирие, но крепость заложить не удалось. На обратном пути в том месте, где Иртыш проходит через Алтайские горы, Лихарев заложил Усть-Каменогорскую крепость, затем вернулся по Иртышу в Тобольск. Поздней осенью выехал в Петербург [12, с. 334; 10, с. 74].

Итак, крепость на озере Лихарев не заложил, путь к Яркенду не разведан, о золоте не узнал. Эти сведения в дальнейшем никем из историков и географов не пересматривались и не дополнялись. Положение изменилось, когда в 1964 г. начались наши поиски архивных документов об экспедиции и обнаружилось новые, важные сведения. Одновременно были вновь пересмотрены печатные материалы, имеющие отношение к этой экспедиции. История долгих и сложных поисков в архивах полностью отражена в литературе. Мы ограничимся сообщением об их результатах [12, с. 333—340; 10, с. 74—77].

Царский указ от 18 января 1719 г. о новой экспедиции к Яркенду написан в ответ на «Пункты», которые днем раньше, 17 января, подал Петру I И. М. Лихарев. В них он указывает нужное ему число солдат, офицеров, обер-офицеров, лекарей, спрашивает, на каких судах подниматься от Тобольска по Иртышу, старых или вновь построенных, куда писать с дороги царю и откуда ждать дальнейших указов.

В пункте пятом сказано: «Понеже там в войске инженера никакого нет... того для прошу, чтоб царское величество указал со мною одного капитана инженера и при нем из Академии одного или двух учеников с инструментами, для подлинного описания тамошних мест» [21, с. 616]. Петр в указе ничего не ответил на этот пункт, хотя на другие ответы были им даны. Ответ Лихарев получил от Правительствующего Сената в указе от 31 января 1719 г.: «...по пятому пункту капитана инженера и учеников географических с инструментами из Академии дву[x] дать» [21, с. 622]. Имена учеников Морской академии, геодезистов — Петр Чичагов и Иван Захаров.

Миллер в своей работе ничего не писал о деятельности геодезистов во время экспедиции. Поиски в архивах обнаружили, что на пути от Семипалатной крепости вверх по Иртышу к оз. Зайсан инженером капитаном и геодезистом были выполне-

ны съемки пройденных местностей. По найденному предписанию Лихарева инженеру капитану Урезову (Миллер называл его Урасов) и геодезисту Чичагову, им следовало, поднимаясь вверх по течению, подробно описать берега Иртыша, измерить ширину и глубину его русла, отметить пороги по его течению, определить, какие суда могут пройти через пороги. Осмотреть устья всех притоков Иртыша, измерить их ширину и глубину. Осмотреть берега оз. Зайсан, узнать, какие реки в него впадают и какие вытекают, найти на берегах Иртыша и Зайсана места для строения крепостей. 16 ноября 1719 г. Лихарев сообщал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, что посланные им на оз. Зайсан капитан и навигатор² вернулись в Тобольск 15 октября. О том, что ими было сделано, послал в Сенат «подлинное ведение и карту». Отвезти эти материалы в Петербург поручил участнику экспедиции поручику, князю Шаховскому и вернувшемуся навигатору. В архивных документах была найдена копия «ведения», т. е. путевого журнала. На нем надпись: «Ведение, какво подал господин капитан Урезов». Приведем краткие сведения из этого журнала.

Вышли в путь из Семипалатной крепости вверх по Иртышу 24 июля 1719 г. «Шли на греблях, бечевою и парусом». На всем пути делались промеры ширины и глубины притоков Иртыша, а в местах их впадения в Иртыш — ширины и глубины самого Иртыша. От р. Бухтарма до р. Уба на протяжении 90 км Иртыш течет через ущелье в отрогах Алтая. Здесь путь был очень трудным. На веслах идти было нельзя, из-за сильного течения и нагромождения камней «шли завозом, привязывались за камень и за деревья, хватались руками и баграми». На этом отрезке Иртыша видели 36 лесистых островов. Из ущелья вышли 9 августа, пришли к р. Бухтарма, где остановились, чтобы испечь хлеб. 19 августа дошли до оз. Зайсан, 21 августа вошли в него на веслах и парусах. Объехали озеро, измеряя глубины, берега его заросли тростником. 24 августа достигли устья Черного Иртыша, пошли вверх по течению. Встретили кочевье джунгарских калмыков, через переводчика вели мирные переговоры.

На середине Черного Иртыша глубина оказалась 22 фута. 5 сентября повернули вниз по Черному Иртышу в Зайсан, вышли к Иртышу. На обратном пути промеров не делали. Прошли крепости: Убинскую, Семипалатную, Долон-Карайскую, Ямышеву, Железенскую и Омскую. 10 октября пришли в Ишимский острог, отсюда на подводах прибыли в Тобольск 15 октября 1719 г. Путешествие продолжалось около трех месяцев. Предписание Лихарева об исследовании и описании Иртыша и Зайсана было полностью выполнено.

Итак, путевой журнал экспедиции на Зайсан найден. Оставалось выяснить, были ли сделаны инструментальные съемки пройденного пути и существует ли карта этих съемок. Капитан Урезов не упоминал о составлении карты, но из письма Лихаре-

ва Апраксину было известно, что вместе с путевым журналом послана и карта.

В двух «реэстрах» карт (одном — XVIII в., другом — начала XIX в.) имеются упоминания о карте течения Иртыша, присланной из Сибири майором Лихаревым в 1719 г. В «реэстре» XIX в. названо имя составителя карты — геодезист Чичагов. В результате дальнейших поисков в архивах была обнаружена копия карты течения Иртыша и оз. Зайсан, составленная Чичаговым. Копия датирована 1731 г. На ее обороте надпись: «Сей чертеж дан был м. [майору] Угримову, а при возвращении от контайши с прочими паки возвращен». Майор Угримов в 1732 г. был направлен с дипломатическим поручением к джунгарскому князю — хун-тайджи³. Очевидно, в связи с этим для него была снята копия с карты 1719 г. На ней нанесена градусная сетка, все основные населенные пункты очень точно расположены по широте.

Оставалось отыскать подлинную карту 1719 г. Ведь могло быть, что копия точнее подлинника. За время, прошедшее от составления карты Чичаговым до снятия с нее копии, могли быть получены более верные данные, перенесенные на копию. Поиски в архиве были продолжены. Однако карту долго не удавалось найти. Видимо, она затерялась среди архивных документов. Наконец после длительной переписки подлинник карты был найден, и нам прислана его фотокопия. Выяснилось, что составление этой карты следует считать большим достижением географии и картографии петровского времени. Составлена она, несомненно, в результате полевых инструментальных съемок. На ней подробно нанесены географические объекты, правильно указано направление течения Иртыша. В нижней части карты надпись: «Сию карту делал геодезист Петр Чичагов и руку приложил».

Размер карты 52×64 см, выполнена в красках и в туши. Ориентирована на юг. Масштаб 100 верст в дюйме, составлена в прямоугольной цилиндрической проекции. Для проведения астронавигационных наблюдений Чичагов, несомненно, пользовался секстантом и хронометром. Карта ограничена меридианами и параллелями, размеры по долготе 15°30', по широте 11°. Оцифровка градусной сетки дана через 1° по широте и через 1° по долготе, каждый градус разбит на 10-минутные отрезки.

Для определения точности карты была произведена сверка ее содержания (реки, озера, населенные пункты) с картами 1914, 1936 гг. и более поздними, а также со справочными изданиями. За редкими исключениями, все географические объекты на карте Чичагова были обнаружены на более поздних картах, в некоторых случаях с измененными названиями. Очевидно, что обследование пройденной местности было сделано весьма тщательно, географические пункты наносились по наблюдениям и съемкам.

Составленная нами сравнительная табл. I может представить интерес для географов, гидрологов и топонимистов.

**Притоки Иртыша, населенные пункты и озера,
расположенные по его течению**

По карте Петра Чичагова 1719 г.	По данным XIX — начала XX в. и более поздним
<p>р. Кабан (приток Черного Иртыша) оз. Нор Зайсан р. Бекау (левый приток) р. Курчюм (правый приток) р. Нарын (правый приток) р. Бухтурма (правый приток) Уськаменная крепость р. Умба (правый приток) р. Уба (правый приток) Убинская крепость р. Шилба (правый приток)</p> <p>р. Гурбанчар (левый приток) Семипалатная крепость Долонская крепость р. Долонка (левый приток) р. Чиган Амант соленое озеро Ямышево, справа по течению Иртыша</p>	<p>р. Каба оз. Зайсан р. Буконь р. Курчум р. Нарым р. Бухтарма Усть-Каменогорск реки Большая и Малая Умба р. Уба не существует река без названия и село Новая Шульба р. Чар-Гурбан г. Семипалатинск не существует р. Долонка р. Чаганка соленые озера: Ближне-Ямышевское и Дальне-Ямышевское. В настоящее время переименованы в озера Калатуз и Кара-Аул</p>
<p>Ямышева крепость р. Окуневка (левый приток) р. Железенка (левый приток)</p>	<p>нас. п. Ямышево р. Окуневка название такой реки на карте не найдено</p>
<p>Железенская крепость Омская крепость р. Ом (правый приток) р. Кулачь (левый приток) Чернолуцкая слобода оз. Беква (слева по течению) р. Большая (левый приток)</p>	<p>нас. п. Железинка г. Омск р. Омь протока Кулачинская с. Чернолуцкое на этом месте не обнаружено название реки не обнаружено; есть ст-ца Большерецкая</p>
<p>р. Бызовка (левый приток) р. Тара (правый приток) р. Обросимова (правый приток) р. Барбашина (правый приток) г. Тара р. Уй (правый приток) р. Оша (левый приток) р. Шиш (правый приток) р. Большой Ускус (правый приток) оз. Увек (справа по течению) р. Ишим (левый приток) оз. Супринское (слева по течению) оз. Каратуйское (справа по течению) р. Женьжурка (правый приток) оз. Бегишево (справа по течению) р. Вагай (левый приток) г. Табольск</p>	<p>р. Бызовка р. Тара приток без названия приток без названия г. Тара р. Уй р. Оша р. Шиш р. Туй не обнаружено р. Ишим оз. Супринское не обнаружено р. Инжурка оз. Бегишева р. Вагай г. Тобольск</p>

Сравнительные данные широт и долгот по карте Чичагова и современным картам

Город	Карта Чичагова 1719 г.		Современные карты	
	широта	долгота	широта	долгота
Тобольск	58°00′	—	58°11′	—
Тара	56°45′	4°30′	56°54′	6°00′
Омск	54°48′	4°40′	54°57′	5°05′
Семипалатинск	50°30′	11°30′	50°27′	12°00′
Усть-Каменогорск	49°40′	13°00′	49°58′	14°25′

Примечание. За условный исходный меридиан принят г. Тобольск

Можно считать, что определения широт на карте Чичагова даны для того времени с большой точностью, отклонения от современных карт колеблются от 3′ до 18′. Известно, что расхождения при определении широт на картах первых геодезистов отклонялись от современных данных на величину от 20′ до 1—2°. Долготы в начале XVIII в. астрономически не определяли, а получали путем простого счисления от условно принятого съемщиком начального меридиана, что давало значительные отклонения. Это отразилось в определении долгот на карте Чичагова [12, с. 335—338] (табл. 2).

Итак, были найдены новые, весьма важные для историков Петровской эпохи, географов, картографов материалы о составлении первой русской карты Западной Сибири, сделанной с поразительной для того времени точностью. Найдена и сама карта⁴. Наблюдения и съемки были выполнены участниками экспедиции 1719 г. инженером капитаном Андреем Урезовым и геодезистом Петром Чичаговым⁵. Хотя начальник экспедиции И. М. Лихарев сам не участвовал в съемках, они производились по его почину и под его руководством. В организации съемочных работ он действовал совершенно самостоятельно.

Лихарев поставил вопрос об описании мест, которые предстояло пройти экспедиции. Больше того, никакой поддержки в своих научных начинаниях со стороны царя он не получил. Петр I не ответил на его просьбу дать экспедиции геодезистов и инструменты, а поручил ответ Сенату. Когда в Петербург были доставлены путевой журнал капитана Урезова и карта течения Иртыша Чичагова, царь не проявил к этим работам внимания и остался крайне недоволен тем, что подчиненные Лихарева выполняли не то, что предписывал царский указ, а то, что им приказал начальник экспедиции. Недовольство и даже гнев Петра I, вызванные действиями Лихарева, явно выражены в письме к нему. Приводим текст этого письма полностью с соблюдением орфографии и пунктуации.

«К Лихареву в 1720 году февраля 26 дня.

Господин Маеор; писма твои ис Тоболска писанные до нас все дошли, в которых согласно пишеш о делах что следовал ты за бывшим губернатором Гагариным в Тоболску, но нам нужнее было чтоб ты ехал сам по данному вам указу к Зайсан озеру, для проведыванья о золоте и для осмотру водяного ходу, и хотя ты посылал туды офицера с навигатором однако они совершенно о том непроведали, и для того по вскрытии льду поезжай туды сам как наискоряе. А к губернатору Сибирскому князю Черкасскому указ от нас дан, чтоб он вас всем снабдил как рекрутами, так амунициею и прочим, дабы ты низачем оснований не имел». Письмо написано писарским почерком. В левом нижнем углу приписка рукой Петра: «...также не описывайся более но чини по данному тебе указу ибо описки твои в дело не поставят дано указ в котором явно изображено что то делать что мочно» [12, с. 339]. Вполне понятно, что Лихарев навлек на себя гнев Петра I тем, что не выполнил ни одного из предписаний царского указа. В то же время трудно себе представить, как мог царь совершенно не оценить съемочные и картографические работы, выполненные под руководством Лихарева, хотя они и не входили в планы, предписанные Петром I. В его царствование зародилась научная картография в России, развитию которой царь придавал огромное значение. Видимо, в этом случае в сознании Петра I все заслонило стремление во что бы то ни стало найти в пределах своей страны золото, так необходимое для пополнения казны, истощенной Северной войной. **Чтобы закончить тему о поисках золота во времена Петра I, следует сказать, что он пытался найти его не только в своей стране.** В 1718 г. в Бухарию и в Персию с этой же целью был направлен итальянец на русской службе Флорио Беневени. Золото в Амударье он обнаружил в Бадаксане (Бадахшан) и сообщил интересные сведения о способах его добычи. Путешествие было трудным и долгим, вернулся он в Россию после смерти Петра I, осенью 1725 г. (см. [23, с. 64, 76, 104, 142, 150; 15, с. 128—133]). В 1721 г. был издан указ о направлении посланцев «завезть купечество... к китайским городам Селим и Даба, также и к жилищу Далай-Ламы...». Настоящей целью посольства предполагалась не торговля, а поиски месторождений золота. По-видимому, экспедиция в Китай и Тибет не состоялась, никаких сведений о ней нет [22, с. 313].

В 1722 г. в Джунгарию был направлен «капитан от артиллерии» Иван Унковский с дипломатическим поручением к хунтаиджи Цэван Рабтану. В одном из пунктов указа требовалось получить разрешение на добычу золотой руды, что может принести «великое богатство» самому «контайше». Ответ был уклончивым [29, с. 213].

Следует сказать, что Миллер ошибся, указав, что Усть-Каменогорская крепость была основана в 1720 г. Лихаревым. Из архивных документов стало известно, что она ~~заложена~~ ~~годом~~

раньше, осенью 1719 г., по приказанию Лихарева участником экспедиции подполковником Прокофием Ступиним. Напомним, что на карте Чичагова, составленной осенью 1719 г., нанесена «Уськаменная крепость» [10, с. 74—77]. Мы считали, что установление новой даты основания Усть-Каменогорской крепости подводит итог нашим исследованиям деятельности Лихарева как начальника экспедиции к верховьям Иртыша. Однако такое решение оказалось преждевременным.

Во время дальнейших исследований Петровской эпохи выяснилось, что какая-то русская военная экспедиция оказалась причастной к находке в Сибири старинных рукописей на неизвестном языке и археологических предметов. Сопоставление русских и иностранных печатных сообщений с архивным документом позволило установить, что то была экспедиция Лихарева. О находке старинных рукописей при Петре I, как впоследствии выяснилось тибетских, было известно давно. Этому вопросу посвящена большая литература. Писали о них современники находок, писали в XVIII и XIX вв., ряд работ принадлежит современным авторам (см. [44, с. 374—376, табл. V; 48, с. 3, 312—318; 34, с. 108—123; 41, с. 82—86; 38, с. 232—242; 6, с. 626—628; 46, с. 463—468, табл. III—VII; 20, с. 258—270; 2, с. 87—92, 113; 32, с. 198—201; 33, с. 42, 227—230, 331—333, 335—336, 388; 8, с. 67—75; 43, с. 150—151; 35, с. 1; 27, с. 6; 17, с. 5—16; 24, с. 23, 24, 51; 28, с. 241; 14, с. 1206; 5, с. 59—81; 4, с. 149—176]). Рукописи были найдены в Сибири в развалинах буддийского храма-монастыря неподалеку от Усть-Каменогорской крепости⁶. В работе одного из современников событий указано и время этой находки — 1720 г. [48, с. 3, примеч.]. Другой автор конца XVIII в. подтверждает эту дату [2, с. 87].

О постройке буддийского монастыря в верховьях Иртыша стало известно еще в середине XVII в. из статейного списка первого русского посла в Китай — Ф. И. Байкова. В 1655 г. по пути в Пекин он проезжал через владения хана западных монголов-ойратов Аблая из племени хошоутов. Хан кочевал в то время в верховьях Иртыша. Байков сообщал, что Аблай начал строить город на речке Бешка, «которая течет из камня в Иртыш». Мастеров для постройки города хану прислали из «Китайского царства». Город-монастырь стал называться Аблай-хийд⁷, в русском произношении Аблай-кит. На обратном пути из Китая, в 1657 г., Байков увидел вновь построенный город. «А живет тут калмыцкий лама... А поставлены у того ламы две палаты бурханные⁸, великие, кирпич жженой...» [1, с. 125, 142]. Хан Аблай поддерживал регулярные связи с русскими властями, владения его лежали на тогдашних путях из России в Китай. Он оказал гостеприимство и ряд услуг первому официальному русскому послу в Китай — Байкову и поэтому пользовался некоторыми преимуществами по сравнению с другими ойратскими ханами. В 1662 г. посол Аблая получил в Москве в Посольском приказе для хана жалованную грамоту

царя Алексея Михайловича. В 20-х годах XVII в. владетельные князья-ханы Западной Монголии приняли буддизм-ламаизм как официальную религию, отказавшись от шаманизма. В строительстве городов-монастырей принимали участие ламы. Монастырь, построенный из камня или кирпича, становился очагом оседлости. Около него располагалась ставка хана, здесь торговали приезжие купцы, начиналось хлебопашество. Аблай-хийд в 1657 г. был торжественно освящен Зая-пандитой, видным деятелем ламаизма в Западной Монголии. Речка Бешка, на которой Аблай построил город-монастырь, имела разные названия: Бешка, Беска, Себа и последнее — Аблай-китка, закрепившееся за ней после постройки Аблай-хийда. Она брала начало в Аблай-китских, или Себинских, сопках и впадала в Иртыш с левой стороны. Существует она и в наши дни. На современных картах нанесена р. Аблакетка, впадающая в Усть-Каменогорское водохранилище. Резиденция Аблая — Аблай-хийд — существовала недолго. В 1671 г. правитель Джунгарского ханства Галдан, которому подчинялись ойратские князья и ханы, разбил в сражении Аблая. Он бежал на Яик и Волгу и умер в Астрахани [7, с. 11, 128, 182, 210—211, 213; 27, с. 6].

Большое количество тибетских и монгольских рукописей, найденных в разрушенном монастыре во времена Петра I, по-видимому, были привезены ламами. Если давно стало известно, где и когда эти рукописи были найдены, сведений о том, кто их обнаружил в покинутом монастыре, не было, кроме одного упоминания в справочном издании 60-х годов XIX в. Здесь сказано, что рукописи нашли усть-каменогорские охотники [27, с. 6]. Это сообщение вызывает сомнение. В недавно заложенной Усть-Каменогорской крепости мог находиться только воинский гарнизон. Охотниками могли быть окрестные жители монголы-ойраты. Как это будет видно из дальнейшего, им ничего не надо было находить, они давно знали о существовании покинутого монастыря и находившихся в нем рукописях. Для выяснения вопроса, кому принадлежит честь этой драгоценной находки, мы обратились к свидетельствам современников. Очень важным оказалось сообщение пленного шведского офицера Страленберга, прожившего в Сибири 13 лет. Он писал, что в 1720 г. русский военный отряд, вышедший из Тобольска вверх по Иртышу, нашел в заброшенном храме древние письмена.

Существенным было и обнаруженное донесение сибирского губернатора князя Черкасского Петру I, помеченное 1721 г. Он писал, что приезжие офицеры сообщили о находке в степи за Усть-Каменогорской крепостью старых палат и в них рукописей. Шесть листов он послал царю, а палаты велел описать и составить чертеж. По-видимому, губернатор предполагал, что Петр I еще не знает об этих находках. Офицеры, передавшие губернатору рукописи, очевидно, принадлежали к гарнизону Усть-Каменогорской крепости [48, с. 3, 312—318; 28, с. 241].

И заключил наши поиски найденный в архиве, никогда не

публиковавшийся рукописный чертеж, названный в архивной описи «План Аблайкитских палат»⁹ (рис. 1). На нем изображен одноэтажный храм на горе, окруженный стеной, крыша трехъярусная. Масштаб не указан. Размеры 58,5×47. Тушь и акварель. Надписи сделаны скорописью петровского времени. Одна из них, в левом нижнем углу чертежа: «Сие строение обретаеца над невеликою рекою которая именуеца Аблакви, да при Иамышевской дароге к сталице Иръкень. Растоянием 24 часа от города Ускаминей. Такжеде присем показует высоту церкви которая велми дивна».

В 1720 г. вверх по Иртышу в сопровождении солдат и офицеров направился сам Лихарев на поиски Яркенда. Поиски не состоялись, сражение с местными жителями, джунгарскими калмыками, заставило его вернуться. Никакого другого русского военного отряда в тех местах в то время не было. Чертеж явно имеет прямое отношение к этому походу и, вероятно, составлен с натуры либо самим Лихаревым, либо кем-нибудь из офицеров. Надпись на чертеже — своего рода указатель дороги от Ямышева озера к Яркенду (на чертеже «Иръкень»). Указано, что монастырь стоит в 24 часах езды от Усть-Каменогорской крепости, а сама крепость названа городом, уже обжитым местом. Видимо, и чертеж и надпись предназначались тем, кому предстояло бы продолжить поиски Яркенда, так и не найденного Лихаревым. Возвращаясь в 1720 г. вниз по Иртышу в Тобольск, он по ходу своего пути не мог миновать Усть-Каменогорскую крепость. Очевидно, осенью 1720 г., когда отряд сделал привал в новой крепости, был обнаружен покинутый монастырь и в нем старинные рукописи. Все рассмотренные данные дают, по нашему убеждению, основание считать, что находка рукописей является заслугой экспедиции И. М. Лихарева.

Здесь нужно сказать об упущенной Петром I возможности добыть золото в Сибири. Речка, которая в надписи на чертеже названа Аблакви, в русском произношении звучит «Аблайкитка». В справочнике 60-х годов XIX в. [27, с. 6] о ней приведены интересные сведения: «Некоторые ручьи, впадающие в Аблайкитку, например Бердибай с Сербулаком, замечательны своими золотыми россыпями». Если золотоносные ручьи существовали здесь в XIX в., то можно предположить, что они были в этих краях и в XVIII в., но никому из участников русской экспедиции не стало о них известно.

Итак, выяснилось, что сообщение сибирского губернатора Черкасского Петра I в 1721 г. о находке рукописей и составлении чертежа найденных палат запоздало. Чертеж уже был сделан в 1720 г., тогда же нашли рукописи, а сообщение об их находке напечатала в октябре 1721 г., по сведениям, полученным из России, старейшая европейская газета, еженедельно выходившая во Франции с 1631 г. [36; 40, с. 3].

Когда рукописи привезли в Петербург, оказалось, что никто не может их ни прочитать, ни перевести, ни даже определить, на

каком языке они написаны. В феврале 1721 г. библиотекарь Петра I И. Д. Шумахер был направлен в заграничную командировку с научными целями. Весной 1722 г., возвращаясь через Англию и Голландию, он приехал в Лейпциг и привез с собой один из наиболее сохранившихся листов рукописей. Этот лист Шумахер показал известному немецкому ученому, издателю международного научного журнала «Acta eruditorum» И. Б. Менке, который также не смог определить язык рукописи. Тогда же лист был показан другому немецкому ученому — М. Лакрозу. Он состоял членом Берлинского научного общества и был известен как полиглот и широко образованный человек. Но и ему не удалось ни прочитать рукописный лист, ни определить его язык. Менке опубликовал весь этот лист, его лицевую и оборотную стороны, в своем журнале как отпечаток гравюры на меди, сделав его, таким образом, достоянием ученых (лист тибетского ксилографа см. в статье М. И. Воробьевой-Десятовской). Менке привел и сведения о внешнем виде рукописи: ширина ее — $7\frac{3}{4}$, длина — $27\frac{1}{2}$ дюйма. Материал похож на пергамент, на самом деле — плотная льняная лощеная бумага. Буквы серебряные [44, с. 374—376, табл. V]. В июне 1722 г. Шумахер по приказу Петра I направил этот же непрочитанный лист во Францию президенту Академии наук аббату Биньону. В его распоряжении имелись переводчики, знавшие восточные языки. Дело с переводом затянулось. Только 1 февраля 1723 г. Биньон направил письмо Петру I, объясняя задержку ответа трудностями, с которыми встретились переводчики. К письму был приложен латинский перевод рукописи, выполненный братьями Мишелем и Этьеном Фурмон.

Начертания букв присланного листа также не были им известны. После долгих поисков и размышлений они обратились к латино-тибетскому словарю, составленному миссионером Фано, недавно приехавшим из Тибета. При помощи словаря переводчики определили, что рукопись написана на тибетском языке. К сожалению, в словаре не хватало многих слов. Не имея других пособий, они пытались все же разгадать смысл этого текста. Точного перевода дать не могли. То, что удалось им сделать, они считали истолкованием, переложением смысла содержания рукописи (paraphrase) [46, с. 425—426].

В связи с переводом тибетского листа возникла переписка между Россией и Францией, между аббатом Биньоном, с одной стороны, и Шумахером и Блюментростом — с другой. В письме от 19 марта 1723 г. Биньон сообщал Шумахеру, что, хотя и с трудом, удалось разобраться в присланной тибетской рукописи. Перевод уже послан его величеству. Если работа переводчиков будет одобрена, просьба прислать в ответ русские книги для библиотеки короля, с оплатой их стоимости или же в обмен на французские книги¹⁰. В феврале 1724 г. Блюментрост написал Биньону, что Петр I очень доволен точностью перевода и знаниями французских ученых, проявленными ими при толковании

рукописи. Он приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей¹¹. Часть рукописей была повреждена временем и изъедена червями.

В письме от 24 сентября 1724 г. Биньон ответил, что безмерно счастлив одобрением его величеством работы переводчиков. Очень огорчен плохим состоянием остальных рукописей. Все же надеется получить хотя несколько листов из драгоценных остатков и сделать новые переводы¹². Как видно, Петр I проявил большой интерес к обнаруженным рукописям и высоко оценил эту находку.

В дальнейшем русским путешественникам удалось вывезти еще некоторое количество рукописей. Это были ученые, побывавшие в Сибири в XVIII в., — И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас. По непонятным причинам никто из них не дошел до Аблай-кита. Осмотр храма и сбор уцелевших рукописей выполнили по их поручениям несведущие люди — солдаты, писари, студенты [38, с. 232; 46, с. 424; 20, с. 258—260; 2, с. 87—88; 33, с. 228—230; 27, с. 6]. Только один из путешественников XVIII в. побывал в самом Аблай-ките в 1735 г. Им был близкий сподвижник Петра I, начальник Олонецких, а затем Уральских металлургических заводов В. И. Геннин. Он осмотрел монастырь и оставшиеся в нем рукописи, обследовал окрестности и сделал интересные открытия. К ним мы еще вернемся [6, с. 626—628].

Находка рукописей в Сибири и перевод одного из листов во Франции заинтересовали русских ученых. В 1730 г. академик Т. З. Байер писал, что пытался разобраться в языке рукописи, но ничего существенного узнать не мог, ему не выпало такой удачи, как братьям Фурмон. Очевидно, имелся в виду словарь Фано, которым пользовались французские переводчики. Первый шаг для ознакомления ученых с тибетской рукописью сделал Менке, опубликовав ее в виде гравюры. Байер, так же как и Менке, не знавший тибетского языка, предпринял второй шаг, напечатав латинский перевод, сделанный братьями Фурмон. Так, выяснилось, что они перевели только лицевую сторону листа, оборотную же не переводили [34, с. 117—123]¹³. Уезжая в 1733 г. в путешествие по Сибири, Миллер взял с собой копию тибетского листа и перевод его, сделанный во Франции. Сомневаясь в его точности (сам он не знал тибетского языка), он хотел показать переведенный текст людям, знающим язык. В 1735 г., находясь на р. Селенге, Миллер посетил ставку монгольского князя Лобзана из племени зонгол, здесь его познакомили с ламой, известным ученым Агван-пхунцхог Дордже. Лама перевел начало текста тибетского листа на монгольский

язык, которого Миллер также не знал. Тот же лама определил, что перевод братьев Фурмон совершенно неправилен.

Когда Миллер вернулся в Петербург, академик Гольдбах рекомендовал ему одного из переводчиков Коллегии иностранных дел — Петра Смирнова, хорошо знавшего монгольский язык. Смирнов пригласил в помощь переводчика-монгола и вдвоем они перевели на русский язык монгольский перевод ламы Дордже. Затем Миллер перевел русский текст на латинский язык и опубликовал его. Переведены всего полторы строки тибетского листа. Что было неправильным в переводе французских переводчиков, Миллер не показал и перевода их не опубликовал [46, с. 427, 463—464, 466—467]. Первой страницей русской тибетологии называют советские исследователи попытку Г. Ф. Миллера сверить перевод тибетской рукописи, выполненный во Франции, и сделать свой перевод. находка тибетских рукописей вызвала большой интерес и у зарубежных ученых, которым тибетский язык и тибетская письменность были очень мало известны. Тибетский лист из буддийского монастыря целое столетие привлекал внимание европейских востоковедов [4, с. 149; 5, с. 64]. Сошлемся на одного из них.

В 1820 г., через 100 лет после находки рукописей, известный французский ученый-востоковед Ж.-П. Абель-Ремюза подробно описал историю перевода рукописи во Франции, но сам перевода ее не сделал. Он резко осудил братьев Фурмон, которые взялись за перевод, не имея никакого представления об языке, с которого переводили. Так как в словаре миссионера Фано многие тибетские слова отсутствовали, переводчики заменяли их другими, похожими по смыслу, в некоторых словах изменяли окончания, другие разделяли или сближали слоги. В результате получилась груда слов без всякой связи, в которой только расстроенное воображение могло предположить какой-то смысл. Тут же Абель-Ремюза выразил удивление тем, что Миллер критиковал перевод, сделанный во Франции, не будучи сам в состоянии произнести хотя бы один слог из текста, о котором он писал [33, с. 331—333, 335—336]. До сих пор исследователи не задавались целью перевести на русский язык текст тибетской рукописи и его латинский перевод, сделанный во Франции, а также проверить точность перевода Миллера. Нам представилось желательным и нужным выяснить все, что было связано с этой рукописью, так долго привлекавшей и привлекающей внимание отечественных и зарубежных ученых. Важно было найти еще и перевод с монгольского на русский язык, сделанный П. Смирновым для Миллера. К сожалению, обнаружить его не удалось. По нашей просьбе учеными-специалистами тибетологом и латинистом были сделаны переводы на русский язык: тибетского текста, латинского перевода братьев Фурмон и латинского перевода Миллера¹⁴. Перевод тибетского листа, его характеристика, изложение содержания и транслитерация выполнены тибетологом М. И. Воробьевой-Десятовской¹⁵. Нам остается сказать,

что хронологические рамки рукописи — XIV—XVII вв., текст — философско-религиозный. Имея теперь квалифицированный перевод тибетского листа, сравним с ним переводы братьев Фурмон и Миллера. Следует сказать, что лама перевел на монгольский язык для Миллера полторы строки тибетского листа. Миллер сделал свой перевод в объеме тех же полутора строк. Для удобства сравнения мы даем примерно в том же объеме перевод братьев Фурмон.

Перевод на русский язык латинского перевода тибетского листа, сделанного во Франции в 1723 г.

«Если удалить смелость, то что ничтожнее коня. Если его глупая жизнь расстроится в соответствии с его духом, который приводил в движение члены, то оказывается одно только гниение. Что же, молится ли он раненный. Это нелепо, как видно всем и также молится ли изувеченная птица. Как только она больна, она не может больше открывать рта. Итак, то, что изучается с разумной душой, зависит от познания той же самой разумной души и тех рассуждений, которые они вызывают. Следовательно, так как конь рассуждать не может, несомненно, всякий, кто тогда задумается над положением рассуждающей души, сейчас же воспримет, каковы условия этого большого или каково различие между конем и готовым умереть человеком».

Перевод на русский язык латинского перевода тибетского листа, сделанного Миллером в 1735 г.

«Посредством твердого сознания я всему повиновался, взвесив. Вначале всякому живущему возникает помощь отсюда. По завершении всего этого, что будет, никому не известно. Ведь вся религия есть объяснение религии. Вельможи же своим пониманием этого не охватывают. Вся религия, очевидно, содержит все объяснение религии. Объяснение бестелесных поистине провозглашено всегда, от тайны это зависит. Всегда все это найти могут».

Теперь можно сказать, что мнение востоковеда Абель-Ремюза подтвердилось. Перевод братьев Фурмон — это набор слов, не имеющий ничего общего с текстом подлинника. Перевод Миллера имеет только отдаленное сходство с подлинным переводом текста, которым мы теперь располагаем. Объясняется это рядом причин. Первая и основная заключается, очевидно, в том, что лама плохо знал тибетский язык. Поэтому в переводе Миллера можно проследить: неправильное чтение отдельных знаков, неточное деление текста на слова, неправильный перевод некоторых слов, буквальный перевод технических терминов (так, например, термин «магическое заклинание» переведен как «тайна», слово «блунпо» — «глупец», «глупый» ошибочно прочтено как слово «блонпо» — «вельможа», «сановник»). Имена собственные бодхисаттв переведены как обычный текст и т. д.¹⁶. Второй причиной мог оказаться трехступенчатый перевод — с

тибетского на монгольский, с монгольского на русский, с русского на латинский. Это вполне могло привести к ошибкам. Есть еще одно объяснение. Г. Ф. Миллер не знал ни тибетского, ни монгольского языков, а по утверждению М. В. Ломоносова, плохо знал и латинский язык [16, с. 24].

Итак, более чем через 260 лет внесена ясность в историю перевода одного из тибетских листов, найденных в разрушенном буддийском монастыре экспедицией И. М. Лихарева. Выполненная специалистами тибетологом и латинистом работа оказалась весьма полезной. Она представляет большой интерес: как установление исторического факта, независимо от философско-мистического содержания текста рукописи; как разрешение двухвековой загадки; как вклад в историю культуры Востока, и буддизма в частности; как вклад в историю отечественного востоковедения, в изучение такой важнейшей эпохи, как петровское время; как одна из вех в истории изучения Востока в Европе. В этой статье ряд вопросов ставится впервые. До сих пор никто из отечественных и зарубежных исследователей не ввел в научный оборот тибетский текст, опубликованный немецким ученым Менке. Никто не пытался перевести его на какой-нибудь европейский язык и проверить перевод тибетского текста братьев Фурмон, ни один исследователь не проверил перевод Миллера. Теперь эти интересные проблемы получили свое разрешение.

В заключение темы о тибетских рукописях следует упомянуть еще одно имя — П. И. Кульвинского, переводчика Посольского приказа с монгольского и тибетского языков в конце XVII и начале XVIII в. По одним упоминаниям в литературе, сведений о его деятельности в области тибетского языка не сохранилось [14, с. 1206; 5, с. 62]. По другим, он знал монгольский и тибетский языки, монгольское и тибетское письмо. Неоднократно ездил послом в Джунгарию к ойратским князьям. Тибетскому языку и письменности научился, очевидно, у образованных лам, живших в ставках ойратских князей. П. И. Кульвинский может считаться лучшим переводчиком с монгольского XVII в. и первым русским знатоком тибетской письменности [7, с. 216—217; 25, с. 140—150]. Умер Кульвинский в 1707 г. Если бы ко времени находки рукописей он был жив, то, вероятно, мог бы определить отношение текста тибетского листа к буддизму. Перевести же в те годы этот текст сколько-нибудь точно было очень трудно, а вероятно, и невозможно.

С находкой рукописей непосредственно связаны и археологические находки вблизи монастыря Аблай-кит, сделанные тем же отрядом экспедиции И. М. Лихарева в 1720 г. Уже упоминавшийся пленный шведский офицер Страленберг писал, что в 1720 г. русский военный отряд, поднявшийся из Тобольска вверх по Иртышу, нашел кроме рукописей много предметов древнего искусства [48, с. 3, примеч.]. В октябре 1721 г. французская газета сообщала, по сведениям, поступившим из Петербурга, что кроме находки библиотеки древних рукописей, кото-

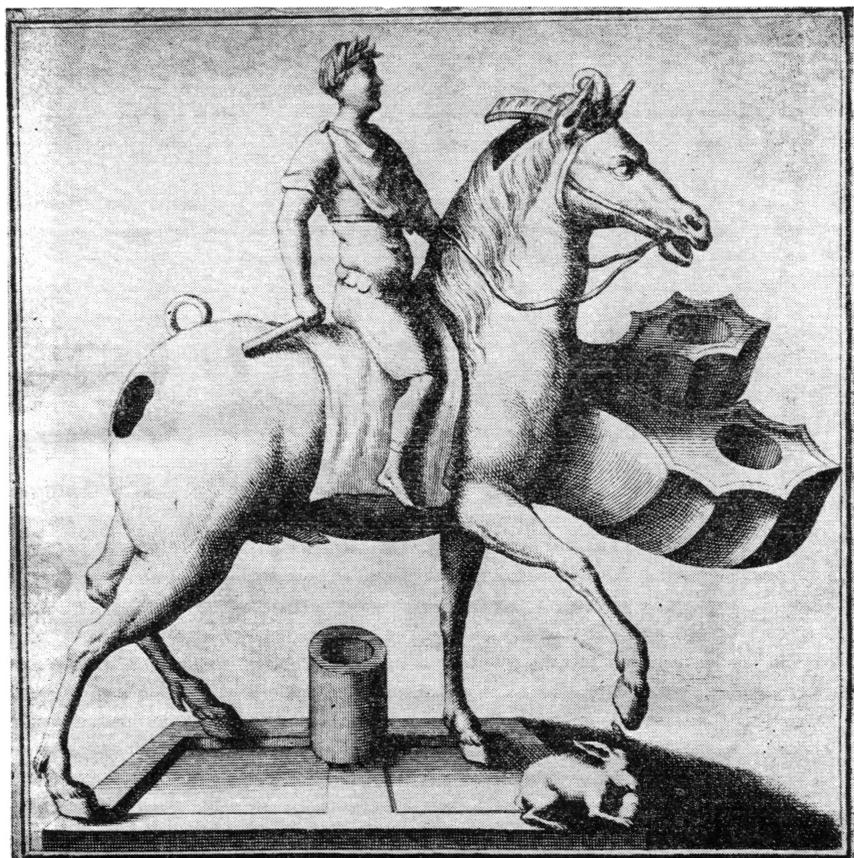

Рис. 2. Статуэтка римского императора.
Светильник IV—V вв.

рую царь считает драгоценным сокровищем, местные крестьяне принесли (в отряд. — *Е. К.*) несколько бронзовых фигур, которые они нашли на могилах вблизи покинутого монастыря, где находилась библиотека рукописей. Царь поставил эти фигуры в свой кабинет. Среди них выделяется светильник в виде конной статуи римского полководца, увенчанного лавровым венком (рис. 2). Есть и другие конные фигуры, вероятно восточного происхождения, и несколько индийских богинь [36]. По распоряжению Петра I были сделаны рисунки этих фигур и направлены в 1722 г. в Париж, в Академию надписей и изящной словесности [41, с. 4; 42, с. 82; 8, с. 67]. Затем И. Д. Шумахер передал их для изучения известному французскому ученому, бенедиктинскому монаху Бернару Монфокону. Широко образованный человек, он знал кроме многих европейских языков древнееврейский, халдейский, коптский, арабский, оставил много научных

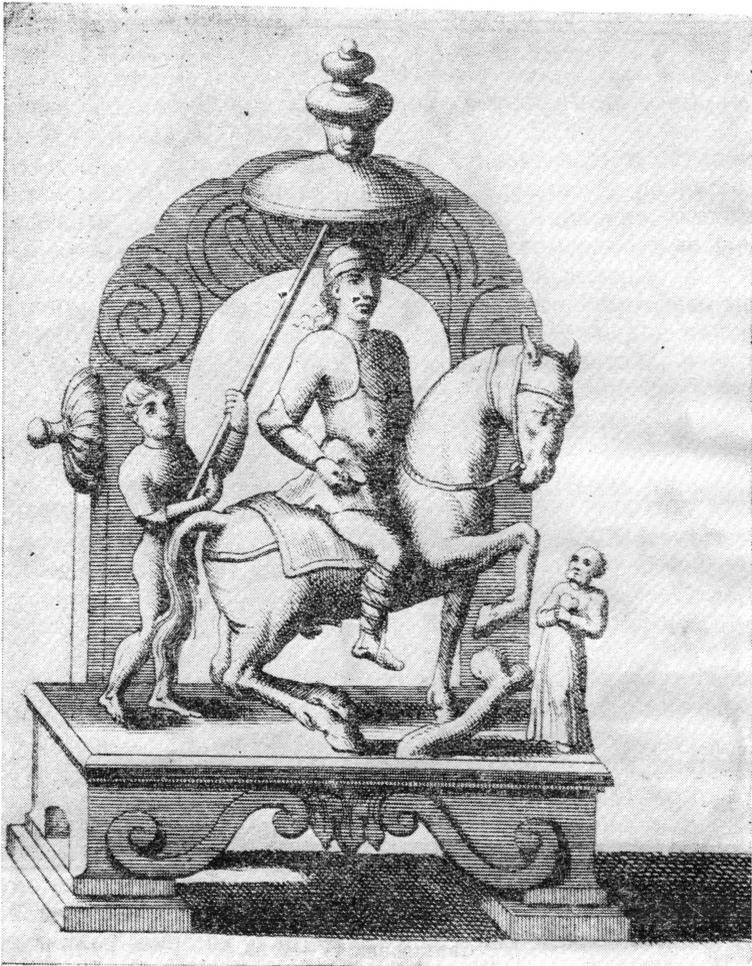

Рис. 3. Предположительно редкая фигура греко-буддийского стиля. V—VI вв. Стиль создан в Индии и Афганистане под влиянием завоеваний Александра Македонского

трудов. Поддерживал связи с русскими учеными, сообщая о научных изданиях, печатавшихся в Париже [11, с. 97]. В 1724 г. Б. Монфокон опубликовал в виде гравюр девять из полученных им из России рисунков, а также издал «Мемуар» И. Д. Шумахера, сопровождавший рисунки [45, с. 152—154].

«Мемуар Шумахера, библиотекаря его царского величества. Калмыки — это татары, находящиеся под покровительством его царского величества. Они живут между Сибирью и Каспийским морем, восточнее Волги. Это там было найдено строение и рукописи, о которых сообщала „Gazette“ от 18 октября 1721 г.

И сейчас там находят в их могилах и в пещерах различные предметы. Одни относятся к религиозному культу, другие являются украшениями, орудиями труда или оружием, а именно топоры, ножи, различные сосуды, урны, погребальные лампы, серьги, кольца, пряжки и фигуры людей и животных из бронзы или серебра различной отделки, как это видно по рисункам, сделанным с оригиналов, найденных в том же самом месте.

Описание Шумахера весьма ценно, так как он делал его с натуры, когда статуэтки доставили в Петербург. «Первые две фигуры изображают цариц или богинь, сидящих на троне в восточных позах (со скрещенными ногами. — *Е. К.*). Сделаны из желтого металла, по-видимому коринфской бронзы, есть повреждения. Третья — человек на коленях, со сжатыми кулаками, в которые вставляются свечи, на снимке кольцо, за которое его подвешивали, материал тот же. Четвертая — бронзовая статуя восточного князя на лошади, на голове диадема. Над его головой ребенок держит зонтик, перед ним стоит священник (рис. 3). Пятая — бронзовая лошадь. Шестая — погребальная лампа, конная статуя всадника с лавровым венком на голове, в римской манере (см. рис. 2). В правой руке обломок копыя или жезла полководца. Эта фигура чрезвычайно примечательна¹⁷. Седьмая изображает гуся с клювом, движущимся на шарнире, язык из проволоки, издающей звуки, есть дефекты. Восьмая — сова, сибирский идол, почитаемый и сейчас. Девятая фигура — китайская, из бронзы». Шумахер подробно описал все девять фигур, рисунки с которых опубликовал Монфокоп.

Затем Б. Монфокоп дал свое описание всех девяти фигур. Оно почти не отличается от описания Шумахера. Фигуру, которую Шумахер назвал совой, Монфокоп нашел похожей на летучую мышь [45, с. 152—154, табл. 69—73]. Публикация Монфокопом рисунков археологических находок представляет большой интерес. Она является единственной. В печати появилось изображение только одной из девяти фигур — римского всадника, но это перепечатка из труда Монфокона [47, с. 531]. Публикация Монфокона ценна и потому, что эти археологические находки больше не существуют. После смерти Петра I, который хранил их в своем кабинете, они были переданы в «Кунсткамеру». В Архиве АН СССР в Ленинграде находятся папки с акварельными рисунками экспонатов «Кунсткамеры». Они выполнены в 1730—1753 гг. ее художниками. Рисунки чрезвычайно ценны тем, что дают представление об экспонатах, погибших во время пожара 1747 г. [31, с. 147—156]. Одна из папок озаглавлена: «Предметы китайской и преимущественно среднеазиатской археологии». На первом листе надпись: «Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере до ее пожара 1747 г. Хранить с особой тщательностью». На листе 247 рисунок третьей из опубликованных Монфокопом фигур, человека на коленях, в свободной одежде, с отверстиями для светильников вместо кистей рук. Подпись: «Рисовал Андрей Поляков, марта 11-го дня 1736 г.».

Рисунок выполнен желтоватой акварелью, изображение дано анфас. На листе 250 рисунок шестой фигуры — светильника в виде римского всадника с лавровым венком на голове и жезлом в руке. По-видимому, статуэтка была серебряной. Художник Франц Беренс выполнил рисунок серой акварелью, даты нет¹⁸. Под обоими рисунками ссылки на публикацию Монфокона и неверное указание на место находок — «Семипалатинск». Только в одной книге приведено это ошибочное сообщение [32, с. 198]. В ней много вымысла, неточностей, ничем не подтвержденных подробностей, доверять ее сообщениям нельзя [19, с. 129].

Перейдем к характеристике археологических находок, сделанной в наши дни советским ученым А. П. Терентьевым-Катанским, историком-востоковедом. *Первая* фигура, по-видимому, древнее изображение неизвестной индийской богини, датировать ее следует началом нашей эры. *Вторая* фигура не вызывает сомнений. Это изображение популярной богини ламаистского пантеона — Зеленой Тары, устоявшийся образ искусства тибето-монгольского буддизма. Дата — около XVII в. Ее изображение, опубликованное Монфоконом, совпадает с другой, более поздней публикацией [39, табл. 116]. *Третья* — светильник в виде человека в позднеримском одеянии или в одеянии дьякона времен Византийской империи. Прическа позднеримская. Могла быть из Рима или из его восточных провинций (Сирия?). Даты — V—VI вв. *Четвертая* (см. рис. 3) — всадник, за ним ребенок с зонтом, перед ним фигура священника. Зонт, обрамление и подставка — явно восточные. В верхней части обрамления предположительно изображение субургана — буддийского реликвария. Под копытом коня стилизованное изображение облака или коралловой ветки. Доспехи и диадема явно стилизованы художником-гравером, но обувь античная. Предположительно редкая фигура греко-буддийского стиля — V—VI вв. Греко-буддийский стиль был создан в Северной Индии и Афганистане, в древней Гандхаре. Позднее этот стиль получил широкое распространение в странах Центральной Азии. *Пятая* — статуэтка всадника. Головной убор и прическа напоминают позднеиранские. В поднятой руке, очевидно, было копье. Общее впечатление — иранский катафрактарий (римский термин) — тяжеловооруженный воин. Поздний Иран — V—VI вв. *Шестая* (см. рис. 2) — светильник в виде статуэтки римского императора, в руке императорский жезл — IV—V вв. *Седьмая* (рис. 4) — явно китайская. В руке опухало из волоса, на голове убор высшего чиновника. За спиной, по-видимому, изображение дракона, на животе четки. Отдельно изображен обломок жезла с привязанной к нему тыквенной бутылью, признак даосских святых (даосы — последователи древней китайской религии Лао-дзы). Возможно, это один из восьми «бессмертных» (даосские божества) — VIII—IX вв. *Восьмая* — фигурка гуся. Возможно, остаток музыкального или механического инструмента византийского или ближневосточно-

Рис. 4. Статуэтка китайского происхождения.
По-видимому, изображение даосского святого,
одного из восьми «бессмертных»

го происхождения (Аравия, Сирия), V—VII вв. *Девятая* — фигурка совы или летучей мыши. Колокольчик на груди — принадлежность одежды сибирских шаманов. Форма головы и крылья напоминают изображение летучей мыши в Китае, нижняя часть — изделия алтайских скифов. Вероятно, китайская работа, которая оказалась в Сибири у шаманов. Приблизительно VIII—IX вв.

Итак, хронологические рамки этих археологических находок у стен Аблай-кита — начало нашей эры — XVII в. Как могли предметы, относящиеся к столь разным эпохам, странам и народам, оказаться в могильных холмах Западной Сибири? Дать обстоятельный ответ на такой вопрос в объеме этой статьи не представляется возможным. По-видимому, надо считать, что дошли они в этот отдаленный край по древним караванным путям, многие столетия соединявшим Восток и Запад.

То, что храм-монастырь, служивший резиденцией ойратскому хану, был построен им вблизи древних захоронений, видимо, не было случайным. На буддийском Востоке могилы предков считаются священным местом. Монастыри и храмы часто возводили и возводят возле могильных курганов.

Следует упомянуть еще об одной, более поздней археологической находке у стен Аблай-кита. Ее сделал в 1735 г. уже упоминавшийся ученый, путешественник В. И. Геннин. Он обнаружил захоронение, поразившее его своей необычностью. Останки погребенного лежали «в могиле... на выбитой золотой тонкой доске, а поверху его платья наложено было золотыми тонкими листами, выбитыми толстотою против бумаги, всего золота с пуд». Геннин составил чертеж этого захоронения, но, к сожалению, при печатании рукописи его книги чертежа не оказалось [6, с. 627]¹⁹. Описанный Генниным способ погребения представляет несомненный научный интерес. Он был распространен во многих странах Центральной Азии, в том числе в Восточном Туркестане. Его описывали более поздние путешественники, среди них Н. М. Пржевальский.

Итак, история экспедиции И. М. Лихарева закончена. Продолжалась она два года (1719—1720). На наш взгляд, итоги ее заслуживают весьма высокой оценки. В результате полевых инструментальных съемок была составлена первая русская карта Западной Сибири, с исключительной для того времени точностью. Создание карты было замыслом самого Лихарева, выполненным им совершенно самостоятельно, не только без согласия, но и при явном противодействии Петра I. Путешествие его на оз. Зайсан и Черный Иртыш оценивается в литературе как весьма важное в географическом отношении. Подчеркивается, что после Лихарева на Черный Иртыш русские проникли лишь через полтора века²⁰ [3, с. 54]. Находка тибетских рукописей, которые он спас для истории, также большая его заслуга. Им суждено было сыграть важную роль в развитии как отечественного, так и западноевропейского тибетоведения. Благодаря ему

были сохранены и привезены в Россию и ценнейшие археологические находки.

Здесь интересно заметить, что если Петр I совершенно не оценил создание И. М. Лихаревым карты Западной Сибири, то с находками рукописей и археологических предметов дело обстояло иначе. Как писала французская газета [36], по сведениям, полученным из Петербурга, он считал найденную библиотеку рукописей «драгоценным сокровищем», а древние статуэтки поставил у себя в кабинете, проявив особый интерес к конному изображению римского императора. Первая публикация рисунков этих археологических находок была осуществлена во Франции. В настоящей статье дается первая отечественная публикация наиболее интересных из них ²¹. При написании данной статьи большую помощь автору оказали консультации специалистов различного профиля. Автор выражает глубокую благодарность М. И. Воробьевой-Десятковской, старшему научному сотруднику ЛО Института востоковедения АН СССР, А. И. Доватуре, знатоку древних языков, А. П. Терентьеву-Катанскому, научному сотруднику ЛО Института востоковедения АН СССР, Б. И. Кузнецову, доценту восточного факультета ЛГУ, А. А. Терентьеву, научному сотруднику Музея истории религии и атеизма в Ленинграде.

Можно считать, что результаты работ экспедиции И. М. Лихарева представляют большой интерес для ученых различных специальностей — географов, историков, историков географических знаний, картографов, тибетологов, археологов, искусствоведов Востока, историков культуры, буддологов.

¹ Дату письма установить не удалось; вероятно, 1716 г.

² Так при Петре I называли геодезистов — учеников Морской академии.

³ В русском произношении «контайша».

⁴ Фотокопию карты см. [12, между с. 336 и 337].

⁵ Ни в одном из документов не упоминается имя второго геодезиста — Ивана Захарова. Неизвестно, оставался ли он в Тобольске или все же принял участие в съемках.

⁶ В нескольких работах приведены ошибочные сведения о месте находки: в одном случае Астрахань, в другом — Семипалатинская крепость [41, с. 4; 42, с. 82; 8, с. 67; 32, с. 198—201].

⁷ Х и й д — по-монгольски «монастырь».

⁸ Б у р х а н — по-монгольски «идол», «бог»; по-уйгурски «пророк», «Будда». Очевидно, здесь «бурханские» означает «с идолами», т. е. со статуями будд, ср. [30, с. 249].

⁹ Библиотека Академии наук СССР. Отдел рукописной и редкой книги. Собрание иностранных рукописей. Ф^о. № 266, т. 5, л. 54. «План Аблайкитских палат».

¹⁰ Как видно, аббат Биньон считал перевод вполне приемлемым, если обращался с такой просьбой.

¹¹ Имелось в виду местное население, жившее в окрестностях монастыря.

¹² Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 8, л. 82—83, 162—163; то же, № 2, л. 184—185.

¹³ В литературе встречаются упоминания о том, что французские переводчики кроме латинского перевода сделали еще и французский — для короля Людовика XV и русский — для Петра I. Эти сведения не подтверждаются [41, с. 4—7; 42, с. 82—86; 8, с. 67—75].

¹⁴ Переводы с латинского языка выполнены А. И. Доватуром.

¹⁵ См. ее статью «Лист тибетской рукописи из Аблай-кита» в настоящем сборнике.

¹⁶ Об этом см. в статье М. И. Воробьевой-Десятковской в настоящем сборнике.

¹⁷ О ней упоминается в современной советской литературе [18, с. 41].

¹⁸ Ленинградское отделение Архива АН СССР. Разряд IX, оп. 4, ед. хр. 247, 250.

¹⁹ Потерю чертежа можно объяснить тем, что труд В. И. Геннина был опубликован через 202 года после того, как был написан (1735—1937).

²⁰ По-видимому, имеется в виду путешествие в Джунгарию М. В. Певцова.

²¹ Следует подчеркнуть, что публикация археологических находок приводится здесь не по самим статуэткам, которых уже не существует, а по гравюрам, сделанным во Франции в 1724 г. с рисунков этих находок, выполненных (не позже 1722 г.) по приказанию Петра I. Поэтому вполне возможно, что внешний вид статуэток отличался от их изображений на гравюрах. Вместе с тем следует принять во внимание, что рисунки двух статуэток, выполненные художниками «Кунсткамеры», совпадают с их изображениями, опубликованными в 1724 г. По-видимому, эти рисунки были сделаны с натуры, а не с гравюра, поскольку одна из фигур, а именно «светильник в виде человека в широких одеждах», дана анфас, а на гравюре в профиль.

Литература

1. [Байков Ф. И.]. Путешествие российского посланника Федора Ивановича Байкова в Китай. 1654. Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 4. М., 1788.
2. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной. Пер. с франц. СПб., 1779.
3. Венюков М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877.
4. Воробьева-Десятковская М. И., Савицкий Л. С. Тибетоведение.— Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
5. Востриков А. И. С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета.— Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 4. М.—Л., 1935.
6. Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.
7. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
8. Исторический, статистический и географический журнал на 1825 г. Ч. 3. Кн. 1, июль, с. 62—76.
9. Княжецкая Е. А. История одной географической ошибки петровского времени.— Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М.—Л., 1965.
10. Княжецкая Е. А. Когда был основан Усть-Каменогорск.— Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1969, т. 101, № 1.
11. Княжецкая Е. А. Научные связи России и Франции при Петре I.— Вопросы истории. М., 1981, № 2.
12. Княжецкая Е. А. Первые русские съемки Западной Сибири.— Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1966, т. 98, № 4.
13. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964.
14. Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв.— Известия Российской Академии наук. VI серия, III. [Пг.], 1919.
15. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.—Л., 1950.
16. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6 (1747—1765). М.—Л., 1952.
17. Майков Л. Современные рассказы и отзывы о Петре Великом.— Русский архив. 1881, т. 1, кн. 1.
18. Неверов О. Я. Памятники античного искусства в России петровского времени.— Культура и искусство петровского времени. Л., 1977.

19. *Павленко Н. И.* Три так называемых завещания Петра I.— Вопросы истории. 1979, № 2.
20. *Паллас П. С.* Путешествия по разным местам Российского государства... Ч. 2. Кн. 2. 1770. СПб., 1786.
21. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1830.
22. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1830.
23. *Попов А. Н.* Сношения России с Хивой и Бухарой. СПб., 1853.
24. *Радлов В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1891.
25. *Рерих Ю. Н., Шастина Н. П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель.— Проблемы востоковедения. 1960, № 4.
26. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1 (1700—1725). М., 1978.
27. *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1863.
28. *Спицын А.* Сибирская коллекция Кунсткамеры.— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1906, т. 8, вып. 1.
29. [*Унковский И.*] Посольство к зюнгарскому хунтайчи Цэван Рэбтану капитана от артиллерии И. Унковского. Путевой журнал за 1722—1724 гг. СПб., 1887.
30. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.
31. *Шафрановская Т. К.* О сокровищах петровской Кунсткамеры. Советская этнография. 1965, № 2.
32. [*Штелин Я.*] Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1 и 2. Изд. 2-е. [М.], 1800.
33. *Abél-Rémusat J. P.* Recherches sur les langues tartares. Т. 1. P., 1820.
34. *Bayeri T. S.* Museum sinicum. Т. 1. Petropoli, 1730.
35. *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. SPb., 1846.
36. Gazette. P., 18.10.1721.
37. *Gebhardt J. F.* Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz Witsen. Т. 2. Utrecht, 1882.
38. *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Т. 1. Göttingen, 1751.
39. *Grünwedel A.* Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. Lpz., 1900.
40. [*Hatin E.*] Bibliographie historique de la presse périodique française. P., 1860.
41. Histoire de l'Academie royale des inscriptions et des belles lettres. Т. 5. P., 1729.
42. Journal des scavans. Amsterdam, 1730, janvier.
43. *Krusenstern A.* Précis du systeme des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. Varsovie, 1837.
44. *Menke J. B.* Nova literaria de ms-ptis codicibus in Tartaria repertis.— Acta eruditorum. Lipsiae, 1722.
45. *Montfaucon B.* Supplément du livre de l'Antiquité expliquée. Т. 5. P., 1724.
46. *Mülleri G. F.* De scriptis tanguticis in Sibiria repertis.— Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae. Т. 10. 1738. Petropoli, 1747.
47. *Reinach S.* Repertoire de la statuaire grecque et romaine. Т. 2. P., 1898.
48. *Strahlenberg P. J.* Das nord und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

М. И. Воробьева-Десятовская

**ЛИСТ ТИБЕТСКОЙ РУКОПИСИ
ИЗ АБЛАЙ-КИТА**

В России возникновению востоковедения как науки предшествовал длительный период изучения и использования многих восточных языков в сфере практической деятельности. Это было обусловлено особенностями ее географического положения — на протяжении сотен тысяч километров Россия граничила с восточными странами. Ни одно из европейских государств не имело таких границ. Пограничная служба и торговые и дипломатические связи с этими странами уже в XV в. потребовали людей, знающих восточные языки, культуру, религии, обычаи. Переводчики с восточных языков — драгоманы и толмачи — появились на Московской Руси задолго до учреждения Посольской избы (1549 г.)¹.

Многие восточные народы издавна проживали на территории России. Пограничные районы Сибири были населены бурятами, монголами, уйгурами, тибетцами, китайцами, корейцами, маньчжурами и др. Тибетские ламы жили среди калмыков Поволжья и бурят Забайкалья. В казахстанских степях кочевали ойраты — носители буддийской культуры. Для всех этих народов тибетский язык был языком буддийских текстов, языком учености и образованности. Монголы и буряты часто привлекались для службы в качестве переводчиков (один из наиболее образованных среди них — И. Ериг — находился в штате переводчиков Российской Академии наук во второй половине XVIII в.). Были переводчики и среди русских, знающих тибетский и монгольский языки. Очевидно, упомянутый в статье Е. А. Княжецкой² П. И. Кульвинский был одним из первых переводчиков, сведущих в тибетском языке. По-видимому, не обходился без переводчиков с ойратского и монгольского языков во время своей экспедиции и сам И. М. Лихарев. И все же в момент появления при дворе Петра I первых листов тибетской рукописи обстоятельства сложились так, что под рукой не оказалось знающих тибетский язык. Пришлось эти листы отправить в Европу, где в то время с тибетским языком были знакомы еще меньше. Только предприимчивые миссионеры-католики успели побывать в Тибете и издали первый в мире словарь тибетского

языка, предназначенный для общения с местным населением на самые примитивные бытовые темы. Этот-то тибетско-латинский словарь миссионера Фано и был использован братьями Фурмон для перевода на латынь сложнейшего буддийского тантрического текста, понимание которого и в наши дни вызывает значительные трудности. Обратимся к самому тексту.

Судя по приведенному в статье Е. А. Княжецкой описанию рукописи (по И. Б. Менке)³, в руки ученых попал лист из так называемой «парадной рукописи», т. е. рукописи, изготовленной для чтения в особо торжественных случаях и хранящейся в тибетских и монгольских монастырях в качестве реликвии. Об этом говорит, во-первых, размер листа (ок. 68,75×19,4 см) — это очень большая и, судя по всему, тяжелая рукопись — такой том не будешь носить для чтения каждый день; во-вторых, качество бумаги — плотная лощеная, напоминающая пергамент (такая бумага для рукописей применялась в Тибете и Монголии крайне редко) и, наконец, использование чернил с серебряным порошком для написания текста. Аналогичные рукописи — на белой, синей или черной бумаге, которая иногда покрывалась лаком, — хранятся в фонде тибетских ксилографов Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. Они такого же размера, как рукопись из Аблай-кита, написаны чернилами с бронзовым («под золото») или иным металлическим («под серебро») порошком. Иногда в Тибете в чернила добавляли настоящий золотой или серебряный порошок. Форма листа — почти, это обычный для тибетских и монгольских рукописей стандарт — вытянутые листы, в которых длина намного превосходит ширину. Обычно на таких листах располагались пять-восемь строк текста с каждой стороны. В данной рукописи — по восемь строк. О том, что рукопись из Аблай-кита — парадная, свидетельствует и еще один факт: на листе нет отверстия для брошюровки, но это отверстие отмечено графически. Это значит, что листы складывались в пачку, один на другой, пачка помещалась между двумя досками, обтянутыми шелком или парчой, возможно разукрашенными драгоценностями; после этого том заворачивали в кусок шелковой материи и хранили вместе с другими такими же томами.

Время и место переписки рукописи без анализа бумаги установить не удастся. По палеографии рукопись напоминает тибетскую (нужно при этом учитывать, что в нашем распоряжении имеется копия, изготовленная Менке в виде гравюры на меди). Скорее всего рукопись действительно была привезена из Тибета (священной для всех буддистов страны, где жил Далай-лама) и хранилась в монастыре Аблай-кит в качестве реликвии. Лист относится к середине сочинения, его порядковый номер не сохранился. Возможно, в том же томе были переписаны и другие сочинения.

По содержанию текст представляет собой буддийское сочинение ваджраянского толка. Оно вошло в состав тибетского

буддийского канона и несколько раз было отпечатано ксилографическим способом. Тибетское название сочинения: «gsang-sngags-chen-po rjes-su 'dzin-pa'i mdo» — «Сутра о следовании великой мантре». Санскритское название: «Махамантранудхари-сутра». Санскритский текст данного сочинения, который следует считать оригиналом, утрачен; в науке известны только его тибетский и китайский переводы. В Дэргеском издании тибетского Канджура это сочинение находится в разделе rgyud-'byin («тантры»), том pha, л. 150б(2) — 156а(6) ⁴.

Сочинение представляет собой беседу будды Вайрочаны (тиб. gnam-rag snang-mdzad) с бодхисаттвами, держащими ваджру, во главе с Ваджрапани, а также с Самантабхадрой, Майтреей, Акашагарбхой, Авалокитешварой и другими о применении мантр (тиб. gsang-sngags) для достижения просветления (бодхи). В отрывке объясняется, как применять мантры для понимания «сферы дхармы» (скр. «дхарма-дхату», тиб. chos-dbyings). Приводится санскритский текст мантр, записанных тибетским письмом, которые связаны с каждым из перечисленных выше бодхисаттв и соответственно должны произноситься теми, кто пользуется их помощью для достижения просветления. Понимание текста и его адекватный перевод с помощью русской терминологии стали возможными только в начале XX в., после опубликования трудов ученых Петербургской буддологической школы: О. Розенберга, Ф. И. Щербатского, Е. Обермиллера, С. Ф. Ольденбурга и др. В начале XVIII в., когда этот текст был найден, ни в России, ни за рубежом понять такой сложный философский текст, естественно, никто не мог. Перевести его правильно с помощью русских эквивалентов буддийских терминов не мог ни один переводчик — монгол или калмык, поскольку эти эквиваленты в науке отсутствовали. Монгольские переводчики могли дать только их традиционное толкование.

Копия текста изготовлена Менке в основном удовлетворительно. Пропущены или смещены некоторые подстрочные или надстрочные знаки, которые служат для обозначения гласных в тибетском письме. Кое-где выпущены слоги (это могла быть и ошибка переписчика), в сложных акшарах (лигатурах) не совсем четко скопирована нижняя часть, которая часто сливается с надстрочными значками строки, расположенной ниже, например в лигатуре spy.

Несмотря на то что лист рукописи был издан в Лейпциге еще в 1722 г., он с тех пор не привлекал внимание ученых, издание было забыто. К тибетскому тексту никогда более не возвращались, он не переводился ни на один из европейских языков (кроме двух неудачных переводов на латинский язык, приведенных в статье Е. А. Княжецкой). Поэтому целесообразно помимо фотокопии листа (см. рис.) предложить вниманию читателей перевод текста хотя бы одной из сторон (стороны а). При издании текста необходима транслитерация, в которой восстановлено правильное тибетское написание. Знаки, отсутствую-

щие в копии и добавленные при восстановлении правильной тибетской орфографии, заключены в квадратные скобки.

Транслитерация (сторона а)

1. [rnam]-par thugs-su chud-pa des|sngon sems-can-rnams-la phan-par bsheng-nas|'di-dag thams-cad bshado||zes-bya-bar-ni mi-shes-so||chos-rnams-kyi-ni chos-kyi mtshan|blun-po des-ni de mi-shes||chos-
2. rnams-kun-gyi mtshan-nyid-ni stong-pa nyid-du yang-dag gsungs||sngags-pa rtag-tu dang-gnas-nas||rab-tu nges-par las-bya'o||bgegs zi-bar bya-ba rim-par phye-ba rgyas-pa'o||de-nas phyag-na-rdo-rje la sogs-pa rdo-rje-'dzin-de-
3. dag dang kun-tu-bzang-po la sogs-pa byang-chub-sems-pa-de-rnams-kyis bcom-ldan-'das rnam-par-snang-mdzad la phyag-'tshal-nas|snying-rje-chen-po 'byung-ba'i dkyil-'khor-chen-po 'dir chos-dbyings rnam-par dag-pa'i sgo ci-ltar
4. rtogs-par rang-rang-gi tshig-tu brjod-pa'i cho-ga-gis gsang-sngags-rnams smra-bar 'dong-nas bcom-ldan-'das la gsol-ba btab-bo||de-nas bcom-ldan-'das rnam-par-snang-mdzad-kyis byang-chub-sems-dpa'-de-dag dang...
5. rdo-rje-'dzin-de-dag la mi-mnyams-pa'i chos-nyid-du byin-gyis brlabs-nas bka'-stsal-ba|rigns-kyi bu-dag chos-kyi dbyings ci-ltar rtongs-pa-bzin sems-can-gyi khams rnam-par sbyod-pa'i gsangs-sngags-kyi tshig-rnams smras-shig||
6. de-nas de'i tshe byang-chub-sems-dpa' kun-tu-bzang-pos sangs-rgyas-kyi brgyan-gyi-yul zes-bya-ba'i ting-nge de 'dzin la snyoms-par zug-s-nas stobs thogs-pa-med-pa'i gsang-sngags smras-pa||namah samanta-buddha nane|samantanu-
7. gata-paraja-dharmme-nirj[a]ta-mahamaha-svaha* || kun-[tu-bzang-po]s byang-chub-[sems-dpa]'i'o||de-nas byang-chud-sems-dpa' byams-pas byams-pa-chen-po-kun-tu-'byung-ba zes-bya-ba'i ting-nge 'dzin la snyoms-par-zug[s]-nas rang-gi snying-po[s] smras-pa||namah samanta-
8. buddha nana|ajita-jnyaya-sarvva-satvayashayanugata svaha|| byams-pa'i-'o||de-nas yang byang-chub-sems-dpa' nam-mkha'i snying-pos rnam-par dag-pa'i yul zes-bya-ba'i ting-nge 'dzin la snyoms-par zug-s-nas gsang-sngags smras-pa|

Перевод

1. Тот, кто [учение] хорошо усвоил [и] еще раньше приносил пользу живым существам, все это объяснил. О том, что называется «несведущий»: [наличие] множества дхарм — [это и есть] характерная черта дхармы¹. Глупец этого не разумет.

* В санскритских мантрах здесь и далее все долготы опускаются из-за невозможности набора.

2. Истинная сущность всех дхарм правильно определяется как пустота². [Для постижения этого] постоянно следует употреблять мантру³. Воистину правильно [так] следует поступать. Чтобы успокоить злого духа, постепенно [эту истину] следует раскрывать и распространять. Затем
- 3—4. бодхисаттва Ваджрапани и другие, держащие ваджру⁴, и Самантабхадра и другие бодхисаттвы, будду Вайрочану почтив, обратились с молитвой к будде, подошли, чтобы сказать мантры по способу произнесения каждого слова отдельно, [желая] понять, каков вход в совершенно чистую сферу дхармы⁵, в этот великий круг, порождающий милосердие. Затем будда Вайрочана тем бодхисаттвам
5. и тем держателям ваджры рассказал о самой несравненной дхарме, благословив [их]: «Благородные юноши! Каким образом следует постигать сферу дхармы? [Для этого] следует произносить слова мантры, которая [обычно] употребляется в мире живых существ».
6. Затем, в то [самое] время, бодхисаттва Самантабхадра, в созерцание под названием «Страна украшения будды»⁶ погрузившись, бесстрастно сидя, произнес без остановки мантру: «Слава [тем] многим, которые полностью [стали] буддами!
7. Следующий за [ними],двигающийся вперед по направлению к дхарме, великий из великих да славится!»⁷. Такова [мантра] Самантабхадры. Затем бодхисаттва Майтрея, в созерцание под названием «Полностью явивший доброту»⁸ погрузившись всем своим существом, произнес [мантру]: «Слава [тем] многим, которые полностью
8. [стали] буддами! Прославившиеся как непобежденные, надежда всех живых существ, да славятся [они]!» Такова [мантра] Майтреи. Затем бодхисаттва Акашагарбха, бесстрастно сидя в созерцании под названием «Совершенно чистая страна»⁹, произнес мантру¹⁰.

Комментарии

¹ Тиб. chos-kyi mtshan = скр. «дхарма-лакшана», букв. «признак (или характерная черта) дхармы».

² Тиб. stong-pa = скр. «шуньята»; учение о пустоте — одно из основных философских положений Махаяны. Различные буддийские школы толковали этот термин по-своему. Вкратце «пустота» может быть определена как «отсутствие в мире чего бы то ни было, кроме дхарм»; «безобъектность и бессубъектность». В зависимости от того, как трактовался в этом контексте сам термин «дхарма», — как материальная или как идеальная субстанция, существующая только в сознании воспринимающего, — понятие «пустота» меняло сущность своего наполнения.

³ Т. е. «магическую формулу»: способ постижения философских истин с помощью мантр, имеющий конечной целью быст-

рое достижение просветления («бодхи»),— путь, предлагаемый Ваджраяной.

⁴ Этимология имени Ваджрапани— «Тот, у кого в руках ваджра»; ваджра является символом (и орудием) целой группы тантрических божеств.

⁵ Тиб. chos-dbyings, скр. «дхарма-дхату», букв. «область (сфера, район) дхармы», т. е. область буддийского Учения как такового.

⁶ Имеется в виду самадхи («глубокий транс, медитация»), которая по-санскритски называется «буддхаламкара-вьюха».

⁷ Санскритский текст мантры записан тибетскими буквами, так же как и все остальные мантры этого сочинения.

⁸ Санскритское название этой самадхи— «махамайтри-сарвабхута».

⁹ Санскритское название самадхи— «шуддхаваса» или «шуддхаабхиваса».

¹⁰ На стороне б следует санскритский текст мантры Акашагарбхи и затем, до конца листа, приведены мантры следующих бодхисаттв и божеств:

1. Sgrib-pa-thams-cad-rnam-par-sel-ba, скр. «Сарвадукхадрашамана»;

2. Kun-tu-spyan-ras-gzigs-dbang-phyug, скр. «Авалокитешвара»;

3. Mthu-chen-thob, скр. «Махапрабха»;

4. Lha-mo-sgrol-ma, богиня Тара;

5. Khio-gnyer-can-ma, скр. «Бхрикути», гневная богиня, букв. «С лицом, сморщенным от гнева»;

6. Gos-dkar-can-ma, богиня Сарасвати;

7. Rta-mgrin, Дамдин, скр. «Хайагрива»;

8. Sa'i-snying-ra, скр. «Бхумигарбха» или «Притхвигарбха» (?);

9. 'Jam-dpal-gzon-nur-gyur-ra, скр. «Манджушрикумарабхута».

¹ Имена некоторых переводчиков на восточные языки в 1488—1492 гг. см.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906, с. 34.

² См. настоящий сборник, с. 26.

³ См. в настоящем выпуске статью Е. А. Княжецкой «Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719—1720)».

⁴ A Complete Catalogue of the Tibetan Budist. Canon (Bkañ-ḥgyur and Bstan-ḥgyur). Tôhoku University. 1934, № 563.

А. П. Терентьев-Катанский

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ РУССКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

(по материалам архивов Русского географического общества
и Ленинградского отделения ИВ АН СССР)

Роль ученых России в исследовании Центральной Азии очень велика. Английский путешественник начала нашего века Дуглас Каррутерс, посетив этот регион, констатировал, что «русские исследования были систематическим предприятием, частью того огромного плана, который был задуман Русским географическим обществом под руководством его высокоодаренного вице-президента П. П. Семенова» [18, с. 9].

Знакомство русских с Центральной Азией восходит к XVII в. Значительный шаг в ее исследовании был сделан в эпоху Петра I, когда было положено начало научному востоковедению в России.

Однако подлинный расцвет в изучении Центральной Азии наступает в XIX в. Он характеризуется прежде всего тщательным изучением древних письменных источников. Здесь следует упомянуть имя первого русского китаиста — Н. Я. Бичурина. Его труды «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «Записки о Монголии», «История Тибета и Хухунора», основанные на глубоком изучении первоисточников, до сих пор не утратили своего значения.

Исследования Центральной Азии в XIX — начале XX в. возглавили два учреждения — Русское географическое общество (РГО), основанное в 1845 г., и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, основанный в 1903 г. Экспедиции, посылаемые первым учреждением, ставили перед собой в основном географические задачи — съемка карт, планов, исследование караванных путей, но попутно и изучение этнографии и археологических памятников. Русский комитет интересовался археологией, этнографией, историей и изучением языков Центральной Азии. Наибольшее значение для изучения прошлого Центральной Азии имели посланные Географическим обществом экспедиции М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, а также направленные комитетом экспедиции М. М. Березовского и С. Ф. Ольденбурга. Кроме материалов

экспедиций Русский комитет получал сведения от лиц, проживавших в Восточном Туркестане, — Н. Ф. Петровского, Н. Н. Кроткова и некоторых других.

Материал, собранный русскими исследователями Центральной Азии, настолько велик, что выходит за рамки краткого сообщения. Автору настоящего обзора пришлось ограничиться данными документов, хранящихся в архивах Русского географического общества и Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, а также опубликованными протоколами заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии и отчетами отдельных экспедиций.

Из русских путешественников одним из первых о древностях Центральной Азии заговорил Н. М. Пржевальский в описании своего четвертого путешествия (1883—1886). Он не ставил перед собой археологических целей, но сообщил в этом плане немало интересного: «Еще красноречивее свидетельствуют путешественнику о... умерщвлении живительной влаги и о прогрессе мертвящих сил пустыни засыпанные песком некогда цветущие оазисы и города. Про многие из них известно из китайских летописей, некоторые мы видели сами; наконец, об иных слышали от туземцев, которые говорят, что в старину на площади между Хотаном, Аксу и Лобнором лежали 23 города и 360 селений, ныне не существующих... Еще и теперь жители Хотана, Керии, Ния и других оазисов ежегодно осенью и зимой ходят в песке искать оголенные бурями остатки прежних поселений. Там, как говорят, находят иногда золото и серебро» [30, с. 365].

В Черчене Пржевальский видел два города, разрушенные — один в VIII в., другой в XIII в., при Чингисхане.

В раскопках, производимых кладонискателями в Черчене, находили иногда склепы и отдельные деревянные гробы. В тех и других набальзамированные трупы обыкновенно сохранялись очень хорошо. Тут играла роль также необычайная сухость почвы и воздуха. Трупы мужчин были большого роста, с длинными волосами. У женщин волосы были заплетены в одну или две косы. Однажды был открыт склеп с 12 мужскими трупами в сидячем положении. В другой раз был найден гроб с телом молодой девушки. Ее глаза были закрыты золотыми кружками, а голова стянута от подбородка через темя золотой пластинкой. На трупе была надета длинная, но узкая шерстяная одежда, украшенная на груди золотыми звездочками.

В том же районе часто находили украшенные золотом одежды, всегда шерстяные и узкого покроя, а также железные вещи, в том числе кетмени [20, с. 378].

О древностях на Хотандарье Пржевальский замечает следующее: «По Хотандарье такие остатки (городов) встречаются чаще на восточной ее стороне и еще более на соседней Керийской реке (Керия-дарья?), прежнее русло которой тянется... на расстояние 5—6 дней пешей ходьбы... Изредка попадаются древние кумирни с глиняными, иногда вызолоченными идолами; ...на-

конец, говорят, что в трех днях пути к востоку от лежащего на низовье Хотан-дарьи урочища Янгуз-кум стоит в песках целый город» [30, с. 471].

Сообщения Н. М. Пржевальского живо заинтересовали русских ориенталистов.

В 1889 г. в статье «Забытый путь в Китай» И. П. Минаев писал: «Не только Черчен, вся страна от Лоб-Нора до Хотана ждет специальных разысканий в историко-археологическом отношении. Станем надеяться, что почин в этом деле выпадет на долю русских путешественников и ориенталистов» (цит. по [20, с. 336]).

В числе русских путешественников, обративших внимание на следы древней культуры в Центральной Азии, был и М. В. Певцов. В организованной РГО экспедиции 1889—1890 гг., в которой участвовали известные впоследствии исследователи Центральной Азии В. И. Роборовский и П. К. Козлов он неоднократно встречал развалины старинных городов. Краткое писание их М. В. Певцов дал в путевых заметках и в своей книге «Путешествия по Восточному Туркестану, Кунь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Джунгарии».

В 40 верстах к востоку от Яркенда М. В. Певцов отметил развалины, называемые местными жителями Коне-татар. В них были явно заметны фундаменты домов и сохранились пни от больших деревьев. Местные жители находили в развалинах уварь, обломки разных орудий, иногда золотые и серебряные вещи [3, л. 96—97].

В окрестностях Хотана Певцов упоминает две группы развалин. В одной из них, находящейся в 6 верстах к востоку от города (Хотана?), были заметны остатки глиняной стены, за которой находились фундаменты домов.

Другая группа развалин находилась в 8 верстах к юго-западу от города, на месте, где, по преданию, в IX в. стоял дворец хотанского правителя.

Близ западной окраины Черченского оазиса М. В. Певцов отметил развалины города [27, с. 225]. По дороге в Харашар он также посетил развалины большого древнего города, окруженного высоким земляным валом. Перед валом находился ров. На пространстве, огороженном валом, были заметны следы строений и развалины очень большого здания [27, с. 336—337].

То, что местные жители считали описанные Певцовым развалины китайскими, не говорит о том, что в действительности они являлись таковыми. То же самое говорили позднее и о Хара-Хото, когда П. К. Козлов спрашивал местное население, кому принадлежит город.

Г. Н. Потанин также описывал встречающиеся ему по пути развалины. В письмах к секретарю РГО А. В. Григорьеву из экспедиции 1884—1885 гг. он сообщает: «Развалины городов, которыми славится Ордос, встречаются также на окраине его. На пути из Гуйхуачена к Желтой реке мы встретили следы двух го-

родов. Одни [развалины] находятся на середине пути к Желтой реке и известны китайцам под названием Ту-чэн, другие лежат на высоком яру над самой Желтой рекой и называются у монголов Тохтохоро. Первые имеют вид земляных валов, совершенно сглаженных; Тохтохоро сохранился несравнимо лучше. Стены стоят еще местами отвесно» [2, л. 10].

Местность Боро-балгасун также обязана своим названием развалинам старого города; внутри городских стен теперь рассеяно десятка два монгольских лацуг. Кроме Боро-балгасуна указывают еще на развалины Чаган-балгасуна. Третьи следы старого города находятся также возле китайского города Юй-лин, известного у монголов под названием Темету.

Г. Н. Потанину же принадлежат первые сведения о Хара-Хото. В своей книге «Тангуты-тибетские окраины Китая и Центральной Монголии» он говорит: «Из памятников древности [торгоуты] упоминают развалины города Эргэ-хара-бурюк, которые находятся в одном дне пути к востоку от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой кэрим, т. е. стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи» [29, с. 464].

В. И. Роборовский не был новичком в деле исследования Азии. Он участвовал в третьей и четвертой экспедициях Н. М. Пржевальского, а также в экспедиции М. В. Певцова (1889—1890), упоминаемой выше.

Еще будучи ее участником, он обратил внимание на рассказы местных жителей о городе «Кок-мунар» («Зеленые башни»; по Роборовскому — «Кок-муна»), на правом берегу р. Эндере: «Туземцы туда ходят и откапывают из развалин кое-какие золотые и серебряные вещи, а также драгоценные камни», — писал Роборовский (цит. по [20, с. 383]). Можно предположить, что интерес М. В. Певцова к остаткам древней культуры Центральной Азии повлиял и на В. И. Роборовского, который в 1893—1895 гг. совершил самостоятельную экспедицию.

Древности Центральной Азии вызывали у В. И. Роборовского значительный интерес. В своем отчете о ходе экспедиции [26] и в краткой заметке о древностях в Люкчунской котловине он дает первое в русской литературе подробное, насколько это было возможным, их описание [4].

В окрестностях Турфана и Люкчуна экспедиция встретила много развалин древних уйгурских городов и селений.

В 8 верстах к западу от Турфана В. И. Роборовский обнаружил развалины большого города, именуемого местными жителями Су-ван-шари. По массе сохранившихся остатков культовых зданий он заключил, что это домусульманский город.

На 2—3 версты к югу от Турфана В. И. Роборовский отметил развалины старого Турфана, окруженные толстой глинобитной стеной.

В упомянутых выше источниках есть сведения о двух горо-

дах с одинаковым названием — Асса-шари. Один из них на памяти В. И. Роборовского был совершенно разрушен, в другом городе еще сохранились здания со следами буддийской росписи.

Между Турфаном и Люкчуном находятся развалины огромного города Идикут-шари. Ко времени экспедиции Роборовского эти развалины сохранились лучше других. Город был обнесен стеной протяженностью 16 верст. В домах были сводчатые потолки. Большинство сохранившихся зданий имело два-три этажа. На внутренних и наружных стенах сохранились остатки буддийской росписи. Во многих случаях роспись эта была повреждена (исчарапаны лица). Постройки были все из сырцового кирпича. Много попадалось гигантских статуй Будды, развалин храмов и монастырей.

Раскапывая эти развалины, местные жители часто находили различные предметы обихода — старую глиняную посуду, стеклянные цветные украшения, монеты серебряные и медные, множество рукописей. Многие из этих находок приобрел Роборовский.

У западной стены города В. И. Роборовский видел большую ступообразную гробницу с круговым ходом внутри, украшенным росписью по стенам и потолку. Вне города, на восток от него, находились две группы могил в виде субурганов. Отдельные могилы были пирамидальной формы, шестигранные, с круглым отверстием в крыше и шестью нишами внутри, предназначенных для покойников.

Между Люкчуном и Идикут-шари, в ущелье, сохранилось много пещер с буддийской росписью. В них экспедиция собрала обрывки писем и рисунков на бумаге, шелке и грубом холсте.

На восток и юго-восток от Идикут-шари попадалось множество развалин. Среди них Роборовский отметил довольно хорошо сохранившийся большой храм с росписью, краски которой еще не утратили свежести.

Среди предметов, привезенных экспедицией, особого внимания заслуживают глиняные бурханы и уйгурские рукописи. Последние настолько заинтересовали Академию наук, что для детального исследования было решено отправить на место группу специалистов. Рукописи добывал не только Роборовский, но и казак Шестаков, оставленный экспедицией на Люкчунской метеорологической станции на два года.

Н. Ф. Петровский, служивший в Восточном Туркестане с 1882 г. и в 1895 г. назначенный генеральным консулом в Кашгар, также внес значительный вклад в изучение древних культур Туркестана.

С. Ф. Ольденбург в своей статье «Памяти Н. Ф. Петровского» говорит: «Интерес к современному, естественный в консуле, не ослабил в Николае Федоровиче интерес к старине. Ко времени его поселения в Кашгаре было еще мало известно о древностях в Китайском Туркестане (очевидно, речь идет о 1882 г.,

так как в 1895 г. Роборовский уже собрал свои коллекции древностей. — А. Т.-К.)... Никем еще не была сделана попытка начать систематическое соби­рание древностей и исследование того, что еще осталось в стране от прежних культур. Николаю Федоровичу принадлежит большая заслуга в этом деле: он первый, насколько позволили ему его сложные и трудные занятия по кашгарскому консульству, стал последовательно собирать все, относящееся к прошлому края... Николай Федорович... постоянно собирал древности, посещая, когда это ему было возможно, лично места находок, или же, в местах, куда он лично не мог направиться, заставляя собирать своих агентов» [23, с. 5—8].

В заседании Восточного отделения императорского Русского археологического общества 28 ноября 1892 г. было решено связаться с Н. Ф. Петровским и просить его сообщить, не имеются ли или не могут ли быть получены в консульстве путем расспросов сведения об остатках древностей в Куче и других местах Кашгарии. К ответу Петровского был приложен лист старинной рукописи.

Рукопись была написана на бумаге песочного цвета и, по мнению С. Ф. Ольденбурга, не могла считаться особенно древней. Несмотря на сходство форм отдельных букв с известными образцами североиндийских писем, данная рукопись заключала в себе новый, доселе не встречавшийся алфавит [21, с. 81—82].

В течение осени и зимы 1892—1893 гг. Петровский прислал в Петербург свыше 100 рукописей. Приобретал он их у местных жителей и получал их из разных мест (Куча, Курля, Аксу). Н. Ф. Петровский затруднялся точно определить место обнаружения присланных им рукописей, но, по мнению С. Ф. Ольденбурга, все они были найдены в одном месте, вероятно в Кучинском округе.

Рукописи, присланные Петровским, были написаны на березовой коре, коже и бумаге. Бумага была покрыта с обеих сторон тонким слоем гипса, на котором и был написан текст, по­видимому, не кистью, а тростниковым пером, так как там, где чернила сошли, в некоторых случаях остались следы нажима у краев букв.

Форма упомянутых выше рукописей — потхи, книги из длинных листов, являющиеся подражанием форме индийских книг на пальмовых листьях (слово санскритское). Сохранились отверстия посередине листов для скрепления их шнуром. Рукописи были, по индийскому обычаю, заключены между двумя дощечками. Четыре из них сохранились целиком.

По характеру письма Ольденбург разделил рукописи на две группы: индийскую и кашгарскую (последняя была известна лишь в рукописях, найденных в Кашгаре [22, с. 1—2]).

Судя по письму С. Ф. Ольденбурга Н. Ф. Петровскому, последний прислал часть своих коллекций в Петербург уже в

1893 г., т. е. год спустя после назначения его консулом [9, л. 1—2]. В числе прочих говорится о санскритской рукописи, которую Н. Ф. Петровский обещал привезти с собой.

В одном из более поздних, недатированных писем С. Ф. Ольденбург говорит, что рукописи, присланные Н. Ф. Петровским в последний раз (?), в основном на санскрите, а частью на неизвестном языке, но индийскими письменами; судя по одному из замечаний в письме, эти рукописи из Хотана [9, л. 3]. В письме (1904 г.) С. Ф. Ольденбург говорит, что среди рукописей, присланных Н. Ф. Петровским в 1903 г., большинство представляет собой отрывки из *Saddharmapundarika* [9, л. 5].

Сам Н. Ф. Петровский в своей «Записке (В. Р. Розену. — А.Т.-К) об изучении Восточного Туркестана» говорит: «Сведения об остатках в Восточном Туркестане древностей собираются мною уже давно» [8, л. 3]. Далее он сообщает, что буддийских древностей в Восточном Туркестане, в частности в Куче, очень много. Сам Н. Ф. Петровский в Куче не был, но, желая проверить сведения, помещенные в трудах Иакинфа, Риттера и Григорьева, расспрашивал приезжих жителей Кучи. Судя по их рассказам, можно заключить, что «башни без окон и дверей», которые находятся в окрестностях этого города, должны быть не чем иным, как ступами (субурганами)¹. Ввиду желания Восточного отделения императорского Русского археологического общества осведомиться о Кучинских древностях Н. Ф. Петровский послал в Кучу одного из местных жителей, поручив ему собрать сведения: где, в каких местах и какие по виду находятся там древности.

Близ самого Кашгара Н. Ф. Петровский обследовал два памятника, из которых один несомненно буддийский, другой, вероятно, тоже буддийский. Первый памятник — остаток ступы, сильно поврежденный. Она (ступа) находится в 3 верстах от Кашгара. Вокруг ступы был проведен ров, так что ее основание находилось не на поверхности земли, а на дне рва. Сложена ступа была из кирпича неправильной формы. Как рассказывали Н. Ф. Петровскому местные жители, ступу пробовали разрывать китайцы, но неизвестно, нашли ли там что-нибудь.

Другой памятник находился в 15 верстах к северу от Кашгара на большой дороге, ведущей к селению Артыш. Это — три отверстия, вырытые в толще горного отрога, и остатки стены на краю одного из оврагов, прорезавших эту местность. По преданию, в помещении с тремя окнами жила китайская царевна (подробности не указаны). Когда Н. Ф. Петровский осматривал этот памятник, он первоначально предположил, что эти отверстия — остаток подземного помещения, находившегося в кремле древнего города, и что осыпавшаяся гора, оторвав часть помещения, обнажила двери его комнат. Но, осмотрев местность, он не мог найти признаков входа. Один из сопровождавших Н. Ф. Петровского казаков вскарабкался по веревочной лестнице и заглянул в отверстие. По его словам, там находилась пе-

щера с двумя дверьми, а посредине комнаты — изображения сидящего божества. По-видимому, Петровский посетил еще раз этот памятник и обследовал его изнутри, так как более подробно сообщает о нем в своей статье «Буддийский памятник близ Кашгара» [28, с. 298]. О других, неизвестного происхождения памятниках Н. Ф. Петровский пишет, что их очень много и ни один из них не исследован.

Н. Ф. Петровский, не имея возможности посетить эти памятники, дает их краткий перечень.

Недалеко от Яркенда, почти у самого края песков, по его словам, находилось древнее поселение, носящее название Татар-кишлак; окрестная местность, почти до Хотана, носила название Татар-замин, т. е. Татарская земля.

В 25—30 верстах от Кашгара и недалеко от местности, называемой Биби-Мариам (в этом названии Н. Ф. Петровский усматривает влияние несториан), были обнаружены интересные развалины под названием Хан-уй, т. е. ханское место, ханский дом.

На северо-востоке от Кашгара, по мнению Н. Ф. Петровского, находилась некогда столица уйгуров Баласагун (Хара-Балгас?). Это его отождествление базировалось на названии местности Сугун и на наличии там развалин. Местность эта находилась в ущелье, ведущем к русской границе в Семиречье, в долину Аксяя.

В отношении изучения древностей Центральной Азии Н. Ф. Петровский в свое время считался общепризнанным авторитетом. К нему обращались за советами и Туркестанский кружок любителей археологии [7], и Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии [9, л. 6]. После смерти Н. Ф. Петровского Русский комитет на одном из своих заседаний поставил вопрос о покупке его коллекции [33].

Научное значение находок Н. Ф. Петровского побудило Русское археологическое общество поднять вопрос о снаряжении экспедиции в страны бассейна Тарима, включая не только Хотан и прилегающие к нему области, но и Кучу, Турфан и прочие места к юго-востоку от Тянь-Шаня.

После Н. Ф. Петровского начали собирать древности секретарь консульства Я. Я. Лютш, горный инженер Л. М. Белинко, составивший свою коллекцию в Кашгаре, а также С. А. Колоколов, преемник Н. Ф. Петровского на посту консула. Под влиянием Петровского начали собирать свои коллекции и иностранные исследователи [20, с. 386—387].

Д. А. Клеменц, прибыв в 1881 г. в Минусинск в качестве политического ссыльного, познакомился с основателем местного музея Н. М. Мартьяновым и стал его сотрудником. Он провел перестройку археологического отдела.

Деятельность Д. А. Клеменца как археолога началась в 1883 г. в экспедиции, исследовавшей район соприкосновения Восточного Алтая и Западных Саян в верховьях Томи и Абакана.

В 1898 г. Клеменц возглавил академическую экспедицию в Восточный Туркестан. История возникновения этой экспедиции такова: в 1896 г. в Императорское Русское географическое общество поступил мешок с обрывками китайских и уйгурских рукописей, подобранных и купленных в разных местах Турфанского оазиса, главным образом, по-видимому, в Идикут-шари и Туюк-мазаре, экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1894—1895) [25, с. 219]. Секретарь общества А. В. Григорьев искал возможности разобраться в содержимом мешка. Он обратился к С. Ф. Ольденбургу, который вместе с А. О. Ивановским разобрал рукописи и нашел обрывки китайские, уйгурские и двуязычные — уйгурские с санскритской транскрипцией. С. Ф. Ольденбург представил их В. В. Радлову, который очень заинтересовался ими, решил как можно скорее снарядить экспедицию в Турфан [19, с. 1235] и сделал о них доклад в Академии наук. Отделение исторических наук избрало комиссию из академиков В. В. Радлова, К. Г. Залемана и В. Р. Розена. Комиссия предложила командировать Д. А. Клеменца с женой и М. С. Андреевым для исследования главным образом Туюк-мазара и Идикут-шари, а по возможности и других мест Турфанского оазиса. Экспедиция была снабжена фотоаппаратом и инструментами для съемки эстампажей надписей.

Экспедиция выехала из Петербурга в первой половине мая 1898 г. через Барнаул, Бийск, Коши-агач в Кобдо. 15 июля экспедиция прибыла в Кобдо, 13 августа — в Гучен, оттуда направилась в Урумчи.

14 сентября экспедиция остановилась около развалин Идикут-шари. 19 сентября она направилась в Безеклик, 26 сентября выехала из Туюк-мазара по направлению к Сыркипу, откуда — в Пичан, затем опять в Сыркип, чтобы осмотреть старинное буддийское здание и угольные копи. После этого экспедиция двинулась по направлению к Люкчуну, которого достигла 30 сентября. Затем, 1 октября, Д. А. Клеменц и его спутники посетили развалины Асса-шари. 2 октября они выехали из Люкчуна, посетили линию оазисов по р. Туюк, а затем Астану. Дневник экспедиции обрывается на набросках гор около пикета Толу, куда Клеменц прибыл 27 октября. Но из письма Радлову, датированного 30 октября, следует, что экспедиция к этому времени уже прибыла к русской границе и что из Люкчуна участник экспедиции М. С. Андреев ездил осматривать Лемджийское ущелье [25, с. 223].

Основной архив М. С. Андреева хранится в Таджикской ССР. В весьма небольшом фонде Андреева в архиве ЛО ИВ АН СССР материалов, связанных с экспедицией Клеменца, не обнаружено. Сам Клеменц смотрел на эту экспедицию как на предварительную. В его распоряжении было слишком мало времени, сил и средств для систематического изучения древностей Турфанского оазиса. Он поставил себе задачей только выяснить в общих чертах, какие древности можно найти в Турфанском

оазисе и что можно впоследствии сделать для исследования этих древностей.

Экспедиция Д. А. Клеменца дала перечень мест, где сохранились памятники древности:

- 1) Яр-Хото (город на р. Яр);
- 2) пещеры против города на правом берегу реки;
- 3) пещеры погребальные в ущельях около Яра;
- 4) старый Турфан;
- 5) медресе с башней около старого Турфана, относительно которого существует легенда, что оно было некогда несторианским храмом;
- 6) развалины Идикут-шари;
- 7) развалины к востоку от Идикут-шари;
- 8) башня Тайзан в Астане;
- 9) развалины Сенгим-агыза (около входа в Сенгинское ущелье);
- 10) развалины в ущелье Сенгин;
- 11) пещеры Безеклик;
- 12) пещеры и развалины в Туюк-мазаре;
- 13) буддийская ступа в Сыркипе;
- 14) остатки древностей в Лемджийском ущелье;
- 15) развалины монастыря к югу от Люкчуна, называемые Асса-шари [25, с. 226].

Последующие экспедиции и исследования (в том числе экспедиции С. Ф. Ольденбурга) прибавили немного к этому списку:

- 1) древности в ущельях и на невысоких горах к северу от мусульманского Турфана — ущелье Курутка, Таллык-булак, Сасык-булак и местность Шипан;
- 2) ущелья к северо-западу от Безеклика, известные у местного населения под названием Бетбуха, Ходжам-булаге, Пакабулак;
- 3) развалины на островах болотистого озера Чикан-кол к северу от Сенгинского ущелья;
- 4) пещеры в боковом ущелье, выходящем в Лемджийское ущелье [25, с. 226].

Экспедиции Д. А. Клеменца трудно было доставить рукописи, образа, статуэтки, так как местные жители не знали цен на древности и продавали их неохотно. Тем не менее Клеменц все-таки привез из Турфанского оазиса некоторое количество уйгурских документов, рукописей и ксилографов.

Экспедиции не удалось снять местность из-за недостатка времени, но сам Клеменц сделал несколько набросков дороги и планов зданий. Фотографий было сделано немного, так как в условиях пещер это было очень затруднено.

Несмотря на указанные выше недочеты, значение экспедиции Д. А. Клеменца очень велико.

Уйгурские рукописи, привезенные Д. А. Клеменцем, были изданы В. В. Радловым [18, с. 1285]. Можно смело сказать, что

ряду последующих экспедиций, в том числе и экспедиции С. Ф. Ольденбурга, дали толчок материалы, полученные Д. А. Клеменцем [17, с. 8].

Интересно привести выдержку из записки, поданной в Восточное отделение Русского археологического общества в 1900 г.: «Прежде всего мы считаем нужным обследовать Турфанский округ, понимая под этим место от города Токсуна на западе до Пичана на востоке включительно и от южных склонов Тянь-Шаня на севере до Чол-тага и Куруг-тага на юге. Желательно бы было проникнуть на восток до Хами и осмотреть все имеющиеся там остатки буддийских монастырей; но и эту экскурсию мы позволим себе только в том случае, если исследование оазисов Турфанского края будет обеспечено и временем и людьми.

Рядом с задачей исследования Турфанского края ставим исследование местности, лежащей к западу от него, т. е. путь от Токсуна через Карашар (Харашар. — А.Т.-К.), Курлю до Кучи и исследование Кучинского округа до границ его на западе, до высоких предгорий Тянь-Шаня на севере, до озера Бабакуль и близлежащего около него местечка Шахьяр на юге.

Необходимость дополнить исследования экспедиции 1898 г. в Турфане ясна сама собой: помянутая экспедиция при малочисленности состава, весьма умеренных средствах и краткости срока пребывания не могла подробно исследовать встреченного там материала.

Что касается города Кучи и его окрестностей, а также... городов Карашара и Курли, то в большинстве дошедших до нас источников, как китайских, так и мусульманских, мы видим указание на высокую культуру этих местностей; с древнейших времен здесь процветало горное дело, и Куча была одним из центров буддизма. В окрестностях Кучи упоминают о больших и малых пещерах с изображениями 1000 Будд... Нельзя не вспомнить при этом, что в пределах той же местности, в Шахьяре, поручиком Боуэром была приобретена весьма редкая рукопись.

Дальнейшие исследования мы предполагали бы направить через Турфан или Токсу на Лоб-нор, осмотреть попутно встречающиеся развалины и остановиться там для более подробного обследования его окрестностей. От Лоб-нора естественный переход к Черченскому оазису и обследование всего пути от Черчена до Хотана включительно, с боковыми маршрутами в степь, в те местности, куда туземцы направляются за поисками древних и ценных вещей...». К сожалению, этот план не удалось осуществить в полном объеме [20, с. 367—368]. 1 ноября 1903 г. С. Ф. Ольденбург выступил на заседании Русского комитета с предложением снарядить археологическую экспедицию в Турфан и Кучу. Предложение вызвало интерес и было одобрено комитетом, который постановил подать ходатайство министру финансов об ассигновании необходимых для экспедиции средств.

В 1904 г. Д. А. Клеменц на заседании Русского комитета

заявил, что если экспедиция в Центральную Азию вообще невозможна, то следует послать М. М. Березовского в Кучу, а С. М. Дудина — в Турфан. Клеменц просил Русский комитет позволить Березовскому собрать этнографический материал по поручению и на средства Музея Александра III [31].

В Приложении III к протоколу заседания II за 1904 г. С. Ф. Ольденбург высказал ряд соображений об экспедиции в Кучу. По его мнению, центром исследования должен был быть вначале сам город Куча. Важно было выяснить путем расспросов и осмотра, в каком отношении современный город находился к старому. Следовало помнить, что многие современные святыни (мазары и т. п.) в ряде случаев были основаны на месте древних, домусульманских сооружений.

На карте Н. Ф. Петровского несколько восточнее Кучи был обозначен «старый город». По предположению С. Ф. Ольденбурга, это могла быть старая Куча. К северу от данного пункта были отмечены друг против друга в горах два древних города, один из которых был назван «старым городом Афрасиаба». К северу от современной Кучи на карте Петровского были обозначены развалины. Ольденбург считал, что к одной из групп этих развалин должны относиться расспросные данные, полученные Форсайтом, об обширных развалинах в горах, где находили обломки статуй, пещеры с фресками и другие древности. К северо-западу от города находились развалины «Мин-уй² Афрасиаба». К юго-западу от Кучи были отмечены две группы развалин — город Янтак и Тунгуз-баш Афрасиаба. На северо-востоке от города близ реки была указана «старая башня» и в том же направлении, к северу от дороги на Харашара в Кучу, было обозначено в горах место Тамга-таш, где, судя по названию, могли быть надписи. Особый интерес представляла Шахъ-яр (к югу от Кучи), где поручик Боуэр обнаружил санскритскую рукопись, и остатки старинного города с пещерами в местности Мингай (возможно, искаженное Мин-уй), не отмеченной на карте Петровского. Сверх того, Ольденбург рекомендовал обратить внимание на развалины недалеко от Марал-баши.

В 1905 г. Русский комитет послал М. М. Березовского в Кучу. В конце года он и Н. М. Березовский прибыли на место. В 1907 г. ими были присланы кальки, цветные копии фресок и фотографии. К несчастью, архив М. М. Березовского, хранящийся в ЛО ИВ АН СССР, весьма невелик. Тем не менее этот материал проливает некоторый свет на интересующую нас тему. Есть его материалы и в Государственном Эрмитаже, но они выходят за рамки данного обзора.

Сохранился список мест, где были найдены древние рукописи во время путешествия М. М. Березовского в Кучу в 1905—1907 гг.:

- 1) Он-башский Мин-уй,
- 2) Таджит-Мин-уй,

- 3) Таджит — главный храм (зачеркнуто карандашом),
- 4) Таджит — монастырь,
- 5) Кызылский Мин-уй,
- 6) Кызыл-карга [9].

Подробно описывает М. М. Березовский свое посещение раскопок П. Пеллио, происходивших весной 1907 г. По-видимому, он говорит о Субаши, где обе экспедиции встретились. Как замечает М. М. Березовский, он приехал, когда раскопки были только начаты, и уехал еще до их окончания [14, л. 19]. После того как М. М. Березовский уехал, раскопки продолжались в северной части городища (какого?) и затем вне его.

Одно из строений, называемое М. М. Березовским «тура» — «башня», особенно заинтересовало его. По его предположению, это была ступа. Обычно ступа состоит из двух террас, «тела» и верхушки [13, л. 1]. В «туре» можно было различить лишь две части. Нижняя терраса лежала, по-видимому, прямо на почве или на аморфной насыпи. М. М. Березовский высказал предположение, не служила ли аморфная масса второй террасой [13, л. 1]. Он даже сомневается, была ли она насыпана или возвышалась над находящимся перед ней двором, так как последний мог быть врезан в почву.

В Архиве ЛО ИВ АН СССР хранится также дневник путешествия М. М. Березовского за 1907 г. [10]. Собственно говоря, это даже не дневник, а ряд отрывочных записей, в которых научная информация чередуется со счетами на закупку продовольствия и инструментов для экспедиции.

Первое упоминание об археологических находках встречается на листе 9: «Купил 3 монеты... т. к. они будто бы найдены в Чemen Туре». Там же впервые упоминается местность Таджит.

На листах 14 и 15 идет подробное описание постройки, в которой М. М. Березовский предполагает буддийскую ступу. Судя по отдельным записям, эта постройка находилась где-то в районе Люкчуна. Верхняя часть сооружения была не совсем квадратной, а скорее в форме пирамиды с дугообразными ребрами. Тут же в дневнике помещено два наброска предполагаемой ступы. Далее описывается двор, примыкающий к постройке. Есть упоминание о том, что в окрестностях данного комплекса находили большие сосуды, врытые в землю.

Листы 18 и 23 содержат краткие упоминания о прибытии в Кучу 28 марта и отъезде оттуда в Кумтуру 30 апреля.

На листе 24 М. М. Березовский высказывает интересные мысли о фресках в пещерных монастырях Центральной Азии. По его мнению, фрески, начинавшие стареть, стирали и на их месте писали новые. Разница же типов живописи фресок, как считал Березовский, объяснялась не тем, что одни были написаны раньше, а другие позже, а тем, что в пещерных монастырях жили монахи разных национальностей и каждая национальная группа придерживалась своего излюбленного стиля и типа живописи. Подтверждается это, по мнению Березовского, тем, что в одном

и том же монастыре можно найти фрески нескольких стилей, но одинаковой сохранности.

На листе 27 помещена короткая заметка о поездке в Криш 16 сентября 1907 г. и о возвращении оттуда 19 сентября. Затем идет отрывок, в котором М. М. Березовский излагает свое мнение о причине упадка буддизма в округе Куча. Он считает, что буддизм погиб здесь катастрофически. Это не была гибель только одной религии, на смену которой явилась другая, но гибель всего строя жизни, всей культуры. Это была катастрофа, от которой страна одичала и обезлюдела. Некогда, как считал Березовский, округ Куча был населен «вдвое, втрое, может быть, в десять раз гуще, чем теперь». Обезлюдение нельзя приписать только обезвоживанию. Правда, все древние городища находятся на высохших арыках. Но это скорее является результатом запущенности арычного хозяйства. Катастрофа, погубившая и буддизм, и высокую культуру, могла быть только «тяжкой войной или, может быть, рядом войн, неприятельским нашествием, совершенно обезлюдившим страну и превратившим ее в пустыню».

«Приступив к детальной археологической работе, очень быстро чувствуется потребность в общем и достаточно подробном плане больших комплексов, представляющих обычно большие поселения или даже города», — пишет М. М. Березовский в данной рукописи [12, л. 5]. Возможны ли такие планы? М. М. Березовский отвечает утвердительно. По его мнению, «археолог удовлетворится совсем общим планом даже небольшой части сложного комплекса, между тем как в большинстве случаев несомненно, что общий план выразит не меньшую, а большую часть комплекса» [13, л. 7]. Такие планы составил сам М. М. Березовский в Шикшине, Безеклике, Яре и других городах.

М. М. Березовский ставит вопрос: когда выгоднее делать общий план — до или после раскопок данного комплекса? Как он считает, план, сделанный до раскопок, дает возможность:

1) сделать правильную номенклатуру зданий, что имеет чрезвычайно большое значение при сложных комплексах;

2) получить основу и систему для всякого рода предварительных работ перед раскопками: описание, фотографирование и т. д.;

3) дать систематическое изображение хода и порядка раскопок [13, л. 8—9].

Одним из наиболее интересных документов в фонде М. М. Березовского в Архиве ЛО ИВ АН СССР является альбом «Орнаменты на фресках. Китайский Туркестан, Кучарский округ» [12]. Альбом содержит зарисовки фресок и их отдельных деталей. Нумерация начинается с титульного листа. Нумерованы именно листы, а не рисунки — последние помещены с обеих сторон; иногда нумеруются развороты. Листы 2—8 представляют собой копии фресок из Таджикиста — головы богов, очень живые и красочные изображения птиц и животных, геометрические

орнаменты. Последний рисунок (лист 8) — изображение Ма-
hāraṅgirvāna. На листах 9 и 10 есть пометка «Кум-тура» (гео-
метрический и растительный орнамент, голова демона). Листы
11—16 не содержат никаких указаний на место нахождения
фресок, но, по-видимому, это та же Кум-тура (иногда пишется
слитно — Кумтура). Очень интересен рисунок на оборотной
стороне листа 14, изображающий воина в доспехах и одежде
персидского типа, а также лист 15 — голова Нагараджи. Лист
16 — очень странное изображение трехголового персонажа с
прической и фрагментом одежды монашеского типа. Лист 17
имеет пометку «Криш». За ним до листа 24 — никаких пометок,
но, по-видимому, их содержание относится к Кришу. Очень ин-
тересно изображение зеленого попугая, похожее на аналогичные
рисунки из Хара-Хото (там попугай имеет две головы). Почти
на всех фресках, относящихся к Кришу, — интересные изобра-
жения животных, связанных, вероятно, с буддийской символи-
кой или с местным фольклором.

Значительную роль в деле изучения древностей Центральной
Азии сыграл российский консул в Урумчи Н. Н. Кротков. Рус-
ский комитет неоднократно получал от него рукописи и пред-
меты, найденные в Восточном Туркестане [6, л. 1, 4, 5, 38, 39, 40].

В 1908 г. секретарь русского консульства в Кульдже
А. А. Дьяков доставил в комитет вместе с другими фрагмента-
ми две уйгурские рукописи — одну манихейскую (молитву по-
каяния), другую буддийскую (отрывок сутры Avalokiteśvara, пе-
реведенный с китайского [34]). В 1909 г. он же приобрел два
шлема, фрагмент панциря и уйгурской одежды [35]. Все это бы-
ло передано в Музей этнографии при Академии наук.

Вопрос о находках, сделанных Монголо-Сычуаньской экспе-
дицией под руководством П. К. Козлова, достаточно разработан
(см.: *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хо-
то. Пг., 1923; *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской ико-
нографии Хара-Хото. СПб., 1914; *Кычанов Е. И.* Звучат лишь
письмена. М., 1965; *Лубо-Лесниченко Е. И.* и *Шафранов-
ская Т. К.* Мертвый город Хара-Хото. М., 1968 — особенно биб-
лиография к последней работе). Здесь можно упомянуть лишь
о некоторых деталях.

Первое пребывание легкого разезда в Хара-Хото было пя-
тидневным. П. К. Козлов, А. А. Чернов, Н. Н. Напалков, два
казака и два проводника-монгола с интересом рыли, копали, ис-
кали на поверхности и в конце концов были вознаграждены на-
ходками — рукописями, бурханами, монетами, массой черепков,
характеризующих фарфоровые и глиняные изделия, небольшим
количеством металлических изделий и другими вещами.

Особенно удачная находка была сделана в субургане А. Это
были рукописи. Часть из них П. К. Козлов выслал секретарю
РГО [1, л. 13].

Судя по словам Козлова о том, что ночлег перед выступле-
нием в дальнейший путь будет устроен в Хара-Хото, где пу-

тешественники собираются провести одни сутки всем отрядом, можно заключить, что до этого раскопки велись лишь частью отряда [1, л. 16].

Организованная Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии экспедиция 1909—1910 гг. была возглавлена С. Ф. Ольденбургом. Перед отъездом экспедиции он проконсультировался с Грюнвелелем и Пеллио, как с людьми, уже побывавшими в этих местах. Большую помощь оказал экспедиции Н. Н. Кротков, российский консул в Урумчи.

Экспедиция выехала из Петербурга 6 июня 1909 г. Руководил экспедицией, как сказано выше, С. Ф. Ольденбург. Фотографии и рисунки были поручены С. М. Дудину, съемка планов — горному инженеру Д. А. Смирнову. Наблюдать за раскопками должны были археологи В. И. Каменский и его помощник, сотрудник Керченского музея С. П. Петренко. К сожалению, во время пути оба археолога заболели и вернулись в Россию.

От Петербурга до Омска экспедиция ехала по железной дороге, от Омска до Семипалатинска — пароходом. В Семипалатинске получили заранее посланное посылками снаряжение и на тарантасах выехали в Чугучак, где наняли переводчика — Босука Темировича Хохо, служившего толмачом при ямыне.

По дороге из Чугучака в Урумчи встречалось множество курганов, но экспедиция раскопками их не занималась, так как ее работы предполагалось начать южнее Тянь-Шаня.

В долине урумчийской реки осмотрели развалины старинного города Улан-бая, сделали общий план, сняли фотографии и немного раскопали один холм, может быть, развалины храма.

Экспедиция решила начать работы не с Турфанского оазиса, а с Харашара, так как в Урумчи С. Ф. Ольденбурга убедили в том, что жара в Турфане затруднит работу. Впоследствии он убедился, что опасения эти вряд ли основательны и работа в Турфане возможна, по-видимому, круглый год.

В Ушак-тале экспедиция провела три дня, исследуя буддийскую пещеру в горах к северу от селения и развалины старинного города к югу от него. Пещера сильно пострадала от времени. Сохранились лишь слабые следы росписи, изображающей многорукого Авалокитешвара, рай будды Амиды и другие сюжеты.

За местечком Табельгу, верстах в 12 от Ушак-тала, сохранились развалины небольшого субургана и какой-то постройки. Подъезжая к Харашару, экспедиция встречала остатки старинных построек, но в настолько плохом состоянии, что даже общий план их можно было восстановить лишь с трудом. В Харашаре экспедиция не остановилась, а направилась прямо в Дензиль. С. Ф. Ольденбург пришел в ужас от работы экспедиции Ле Кока. «Это грабительство, — писал он Н. Н. Кроткову, — очень ловкое, очень умное, но не научная раскопка, а грабительство» [5, л. 8—9]. Сами развалины очень заинтересовали С. Ф. Ольденбурга, особенно с точки зрения архитектуры.

«Здесь, — писал он в том же письме, — несмотря на грабеж наших предшественников, много важного дела, хотя и увезти много не удастся, а рукописей и следов даже нет».

За Харашаром, около Шикшина (немецкие археологи и Свен Гедин применяют для обозначения этой местности название Шорчук), экспедиция осталась на более долгое время и приступила к раскопкам.

Развалины в Шикшине, по мнению С. Ф. Ольденбурга, представляют собой остатки монастыря. К северо-западу от них на склонах невысоких холмов находятся 11 пещер. Остатки фресок и скульптур указывают на тесную связь пещер с монастырем, такую же, какую проф. А. Грюнведель обнаружил относительно города Идикут-шари и пещер в ущельях к северу от Турфана [24, с. 5].

Раскопав храм *F4*, члены экспедиции убедились, что там кто-то уже вел беспорядочные раскопки. В обходном коридоре нашли скульптурную группу *Mañāraḡinīrvana*. Кроме того, была найдена неотожествленная скульптурная группа, две каменные головы и фрагменты статуй из известковой массы.

Там же найдены остатки лестницы, поделенные на три отдела. По мнению С. Ф. Ольденбурга, это лестница схождения Будды с неба.

В здании *K 9-e* (?) Д. А. Смирнов нашел очень интересные по письму фрески. Их, из-за весьма ненадежного положения открытых раскопками стен, пришлось спилить. Стиль этих фресок был настолько своеобразен, что С. Ф. Ольденбург затруднялся соотнести его со стилем живописи других районов Восточного Туркестана.

В здании *K. 13* роспись по стилю была ближе к китайской.

В здании *E 4* были найдены глиняные головки и штампы для их изготовления. По стилю они были близки к гандхарским терракотам.

Что касается пещер, то А. Грюнведель обнаружил их 10, а Ольденбург — 11.

В своем отчете С. Ф. Ольденбург отмечает пять типов пещер.

Многое из того, что еще застал А. Грюнведель, к моменту экспедиции С. Ф. Ольденбурга уже не существовало [23, с. 13]. Очень важно нахождение членами русской экспедиции рукописи на санскритском языке и геометрического орнамента, повторяющегося в Идикут-шари.

В пещере 11 сохранились изображения донаторов, по которым можно сделать ряд выводов о внешнем виде и одежде древних обитателей этих мест. Стиль скульптуры и живописи сближает Шикшин, с одной стороны, с памятниками Турфана, с другой — с памятниками Кучи. Обстоятельство это вполне объясняется историей Харашара, который в разные времена в политическом отношении становился ближе то к Турфану, то к Куче.

Покинув Шикшин, экспедиция направилась в Турфанский

округ. С. Ф. Ольденбург отмечает четыре важных объекта, подлежащих раскопкам, в Турфанской долине — Яр-Хото (Коне-шар), Старый Турфан, Идикут-шари, развалины большой ступы в Астане — и восемь объектов в ущельях гор, окаймляющих с севера Турфанскую долину.

В Яр-Хото экспедиция расчистила только один небольшой храм, причем нашли много фрагментов уйгурских и китайских рукописей и сильно попорченных образов на полотне. Там же нашли любопытные сооружения — 101 чайтья³ на общем пьедестале (см. аналогичное сооружение в Идикут-шари). Напротив острова, на котором стоит Яр-Хото, экспедиция обнаружила пещеры с остатками росписи.

В Старом Турфане, кроме развалин храма и большой чайтья, почти ничего не было обнаружено, что могло бы относиться к буддийской культуре. Преобладали остатки мусульманских сооружений. Раскопок в Старом Турфане экспедиция не делала.

В Идикут-шари С. Ф. Ольденбург обследовал группу чайтья, аналогичную группу в Яр-Хото. В одном из зданий были обнаружены интересные фрески, близкие, по его мнению, к образам «тибетского» стиля, найденным в Хара-Хото, и к старинным тибетским образам в Берлинском этнографическом музее. Большой монастырь в юго-западной части города оказался во всех отношениях аналогичен монастырям в Яр-Хото, Сенгим-агызе (по-видимому, ирано-тюркское смешанное название; «сенгин» — каменистый, «агыз» — проход, ущелье) и Туюк-мазаре.

С. Ф. Ольденбург отметил, что никто не производил съемки плана города. Это было необходимо ввиду быстрого разрушения многих зданий.

В местечке Астана была обследована большая ступа, называемая местными жителями Тайзан. Это название упоминается и в старых уйгурских документах, найденных поблизости.

Когда, по рассказам местных жителей, с Тайзана начали свозить землю на поля, внутри оказалась большая статуя сидящего божества. Местные жители разбили ее. Внутри нашли много книг, которые потом были сожжены.

Были сведения о высокой стене, тянувшейся от Тайзана до Идикут-шари. К моменту прибытия в Астану русской экспедиции она была уже разрушена.

Тайзан был глинобитным. Только ниши были выложены кирпичом. В них сохранились следы штукатурки и росписи.

С. Ф. Ольденбург заинтересовался также многочисленными развалинами, находящимися в маленьких ущельях в предгорье. Вот краткий перечень развалин, а также древностей, в них найденных.

1. Куртка (у Ольденбурга «Курутка»)

Мало исследованное место. На западном берегу реки — большой храм со статуей напротив входа (сохранился постамент со следами красной краски). На восточном берегу, за де-

ревней, виден большой комплекс развалин, точный план которых нельзя выяснить без раскопок. Выше по ущелью чайтья и между ними разного рода подземные ходы и сводчатые помещения, назначение которых пока неясно.

2. Таллык-булак

Пещеры и здания этого ущелья сильно разрушены. Экспедиция сняла планы и фотографии. Кроме того, там, где общая композиция фресок была нарушена сделанными ранее вырезками или естественным разрушением, С. Ф. Ольденбург выпиллил несколько образцов.

3. Сасык-булак, Шипан

Шипан — большие развалины, где германская экспедиция нашла много христианских рукописей. В Сасык-булаке роспись многих пещер напоминает росписи в Идикут-шари.

4. Сенгин-агыз (дословно «каменное ущелье», у Ольденбурга «Сенгим-агыз»)

Ущелье это лежит к северу от Караходжа и необыкновенно богато любопытными остатками древности. К несчастью, к моменту посещения ущелья русской экспедицией здания заплыли глиной и многие пещеры обвалились. Поэтому, по мнению С. Ф. Ольденбурга, развалины могли бы дать богатый научный материал лишь при самом внимательном и кропотливом исследовании. Одно из зданий привлекло особый интерес С. Ф. Ольденбурга. В нем были обнаружены остатки статуи божества (по его мнению, Авалокитешвара или Майтрейа). Пол помещения был расписан под пруд. С обеих сторон пьедестала статуи — картуши со «стилизованнными» китайскими иероглифами (по мнению П. Пеллио, А. И. Иванова и В. М. Алексеева, это выдуманные знаки, но, может быть, это неизвестное письмо). Судя по описанию С. Ф. Ольденбурга, это помещение могло изображать рай будды Амиды.

В развалинах обнаружено несколько листов уйгурских рукописей и ничтожные фрагменты санскритских.

Монастырь № 7, обнаруженный в Сенгим-агыз, по типу был очень близок к монастырям в Идикут-шари, Яр-Хото и Безеклике. В другом монастыре было обнаружено много надписей, написанных центральноазиатским брахми.

5. Безеклик

В Безеклике достаточно поработали экспедиции А. Грюнведеля. Русская экспедиция сняла план, во многом совпадающий с его планом, но более точный.

6. Чикан-кол

Это болотистая местность, в которой когда-то, вероятно, было больше сухих мест. На западном краю болота экспедиция ис-

следовала большой и довольно хорошо сохранившийся монастырь. Посредине главного храма — чайтья с тремя рядами ниш: по одной с каждой стороны внизу и выше — два ряда, по пять ниш в каждом. Главный храм и чайтья выходят на большой двор. Любопытно большое башенное сооружение в юго-западном углу с рядом мелких помещений. К северо-востоку от монастыря, на краю болота — мыс, на котором развалины храма и еще какие-то мелкие развалины. Посредине болота на возвышении стоял большой комплекс зданий, к моменту приезда экспедиции сильно разрушенный. В этой же местности экспедиция обследовала еще несколько зданий со статуями и пещеры с росписью.

7. Туюк-мазар

Ущелье за Туюк-мазаром до экспедиции С. Ф. Ольденбурга посетили Д. Клеменц, А. Грюнведель, А. Ле Кок, А. Stein и, как предполагает Ольденбург, некоторые другие путешественники. С. М. Дудин снял ряд фотографий, Д. А. Смирнов — план некоторых пещер и обеих этажей монастыря на правом берегу реки. Число построек и пещер в ущелье и при входе в него весьма значительно. В отчете об экспедиции С. Ф. Ольденбург сообщает, что предметы, сданные Н. Н. Кротковым в Музей антропологии и этнографии, получены им из Туюк-мазара и, по видимому, взяты из монастыря на правом берегу реки.

8. Сыркип (Лемджийское ущелье)

В селении Сыркип экспедиция С. Ф. Ольденбурга осмотрела ступу, несколько напоминающую ступу в Идикут-шари, во всех ярусах было по семь ниш. В нишах четырех верхних ярусов сохранились статуи сидящих Будд. Внутри ступы было нечто вроде винтового сводчатого хода, заканчивавшегося большим помещением. Была ли там статуя божества или книги, образа и другие предметы культа, сказать трудно.

В Лемджийском ущелье экспедиция отметила плохо сохранившиеся здания неизвестного назначения и два камня, на одном из них находились знаки, похожие на тамги, на другом — сцены из жизни Будды и китайские надписи. Из Турфанского оазиса экспедиция С. Ф. Ольденбурга направилась в округ Куча.

Первое место, которое посетила экспедиция в Куче, был Минтен-ата (у Ольденбурга — «Мин-тен-ата»). Образцы буддийского искусства, найденные там, по мнению Ольденбурга, были близки к находкам в Идикут-шари, Таллык-булаке, Сасык-булаке, некоторым древностям из Туюк-мазара и Хара-Хото. С. Ф. Ольденбург считал, что все это памятники старотибетского искусства или искусства, испытавшего непосредственное влияние старотибетского. То, что на многих памятниках часто встречались уйгурские надписи, как полагал Ольденбург, свиде-

тельствовало о том, что уйгурские мастера переняли тибетскую манеру письма, которая в известное время была популярна.

До Ольденбурга памятник Минтен-ата не упоминался в научной литературе. Между тем раскопки в этом районе могли дать интересные результаты.

В Субаши вели раскопки П. Пеллио и М. М. Березовский. Многое здесь напоминало Шикшин, но было грандиознее. В Субаши встречалось много надписей на кучарском языке.

В местности Сым-сым, в ущелье, Березовский насчитал 50 пещер, Ольденбург — 48. В долине встречались многочисленные остатки зданий, к сожалению сильно разрушенных, так что об их первоначальной форме судить было нельзя. Попадалось много черепков, в том числе один черепок с надписью брахми.

В Крише экспедиция нашла пещеры, большей частью обвалившиеся. В одной из наименее пострадавших пещер была обнаружена интересная фреска, изображавшая нападение отца зла, демона Мары на Будду.

В Кызыл-карга экспедиция насчитала более 50 пещер, по видимому, очень старинных. Предшествующие экспедиции отметили большое количество надписей на кучарском языке, но Ольденбург застал только отдельные знаки.

В Кызыле, описанном Грюнведем, экспедиция Ольденбурга нашла пещеры совершенно разоренными и в значительной мере лишенными фресок.

По возвращении из экспедиции С. Ф. Ольденбург сделал краткое сообщение о ней в Русском комитете. Он снова поставил вопрос о том, как приостановить грабительские раскопки, производящиеся отчасти по почину китайских властей, отчасти местными жителями, европейскими и японскими путешественниками. Единственным выходом, который предлагал Ольденбург, была покупка вещей на местах. Он поставил вопрос о снабжении соответствующими средствами для такого рода закупок Н. Н. Кроткова — консула в Урумчи и С. В. Сокова — консула в Кашгаре [36].

Все описанные выше мертвые города относятся к домонгольскому периоду. Наиболее поздний из них — Хара-Хото — был захвачен монголами в XIII в. Однако, говоря о древних городах Центральной Азии, интересно затронуть вопрос и о городах собственно монгольских, существовавших уже в самом начале монгольского завоевания и впоследствии ставших важными центрами Монгольской империи.

Большая часть древних монгольских городищ была обнаружена и раскопана на территории современной Тувы несколькими русскими экспедициями [15; 16].

Долгое время шел спор о месте расположения монгольской столицы Каракорум, упоминавшейся в «Юань-ши», в собрании летописей Рашид-ад-Дина, у Плано Карпини, Рубрука, Марко Поло. Месторасположение этого города определяли в пяти различных местах. Однако Абель-Ремюза, Бичурин и Клапрот по-

мещали его на Орхоне. То же говорилось и в китайских источниках [37, с. 265].

Экспедиция Н. М. Ядринцева в 1889 г. обследовала развалины большого древнего города на правом берегу Орхона, около монастыря Эрдени-цзу. Но Ядринцев ошибался, считая, что Каракорум находился не непосредственно за Эрдени-цзу, а у горы Эрени-Оло, возле Хара-Балгаса.

В. В. Радлов, основываясь на двух фрагментах древнемонгольской надписи с параллельным китайским текстом, найденных в Эрдени-цзу, отнес их ко времени Мунке-хана (1208—1259) и видел в них доказательство локализации Каракорума около монастыря Эрдени-цзу.

В 1912 г. В. Л. Котвич обнаружил в Эрдени-цзу еще три фрагмента той же надписи. Исследование Полем Пеллио текста монгольского времени, оказавшегося аналогичным упомянутым фрагментам, еще раз подтвердило, что развалины около Эрдени-цзу являются развалинами Каракорума [16, с. 130].

Археологические исследования 1948—1949 гг. окончательно решили вопрос о местонахождении Каракорума на правом берегу Орхона, в непосредственной близости к монастырю Эрдени-цзу.

Город оказался именно таким, как его описывал Рубрук — единственный из европейцев, побывавший в Каракоруме (Плано Карпини и Марко Поло знали о нем понаслышке). Совпадение результатов раскопок с описанием Рубрука в ряде случаев поразительно. Подтверждена характеристика отдельных районов города, вскрыты остатки дворца, местоположение и особенности которого в значительной мере соответствуют описанию. Рубрук сообщил о торговле хлебом, которая велась у восточных ворот города. При раскопках установлено, что именно с восточной стороны к городу примыкали большие, искусственно орошаемые пашни. Огромное количество металлических, глиняных, деревянных, костяных и стеклянных изделий и следы их производства согласуются с указанием Рубрука о ремесленных кварталах города. Сотни монет, найденных при раскопках, десятки надписей на сосудах, печати, фарфоровые и селадонные чаши — все это позволяет отнести основную толщу культурного слоя ко времени Чингизидов.

Многие считают, что Каракорум был основан в 1235 г. Однако Бичурин, а позднее Поль Пеллио, основываясь на не вызывающих сомнений источниках, считают датой основания города 1220 г. [15, с. 132].

Таким образом, мы видим, что в исследовании древних культур Центральной Азии русские ученые занимают выдающееся, если не ведущее место. Конечно, нельзя зачеркнуть достижения таких европейских и японских исследователей, как Стейн, Грюнведель, Ле Кок, Пеллио, Отани, Тачибана, но начало исследования интересующего нас района, безусловно, принадлежит русским ученым. Значительный объем археологических ра-

бот и бесспорно высокий научный способ ведения раскопок, наконец, результаты деятельности русских экспедиций в Центральной Азии говорят сами за себя.

¹ Ступа, дагоба, чортэнь, субурган — санскритское, южноиндийское, тибетское и монгольское обозначение одного и того же понятия: реликварий. Внутри субургана находятся различные предметы почитания (рукописи, статуи, погребения). То же слово обозначает не только монументальное сооружение (как в данном случае), но и небольшой реликварий, находящийся внутри храма.

² Мин(г)уй (тюрк.) — «тысяча домов», обычное обозначение большого поля развалин.

³ Чайтья (санскр.) — название формы религиозной буддийской архитектуры, близкое понятию «часовня».

Литература

1. Архив Географического общества, ф. 18, оп. I, № 52.
2. То же, ф. 46, оп. III, № 5.
3. То же, ф. 62, оп. I, № 10.
4. То же, ф. 75, оп. I, № 9.
5. Архив ЛО ИВ АН СССР, ф. 32, оп. II, № 9.
6. То же, ф. 32, оп. II, № 11.
7. То же, ф. 43, оп. I, № 2.
8. То же, ф. 43, оп. I, № 4.
9. То же, ф. 43, оп. II, № 100.
10. То же, ф. 59, оп. I, № 13.
11. То же, ф. 59, оп. I, № 21.
12. То же, ф. 59, оп. I, № 23.
13. То же, ф. 59, оп. I, № 27.
14. То же, ф. 59, оп. I, № 29.
15. Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.
16. Древнемонгольские города (*Киселев С. В. и др.*). М., 1965.
17. Дэвлет М. А. Д. А. Клеменц как археолог.— Советская археология. 1963, № 4.
18. История и культура Востока Азии.— Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972.
19. Ольденбург С. Ф. Василий Васильевич Радлов (некролог).— Известия Российской Академии наук. Пг., 1918.
20. Ольденбург С. Ф. Исследования памятников старинных культур Китайского Туркестана.— Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССIII. 1904, № 6, отд. 2.
21. Ольденбург С. Ф. Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского.— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 7. СПб., 1892.
22. Ольденбург С. Ф. Отрывки Кашгарских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. СПб., 1898.
23. Ольденбург С. Ф. Памяти Н. Ф. Петровского.— Записки Российского отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 20. СПб., 1910.
24. Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914.
25. Ольденбург С. Ф. Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 г. Иркутск, 1917.
26. Отчет начальника экспедиции 1893—1895 гг. В. И. Роборовского. СПб., 1900.
27. Левцов М. В. Путешествия по Восточному Туркестану, Кунь-луню, северной окраины Тибетского нагорья и Джунгарии. СПб., 1895.

28. *Петровский Н. Ф.* Буддийский памятник близ Кашгара.— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 7. СПб., 1892.
29. *Потанин Г. Н.* Тангуты-тибетские окраины Китая и Центральной Монголии. СПб., 1893.
30. *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888.
31. Протоколы заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1903, заседание IV, пункт 71.
32. То же, 1904, заседание II, пункты 33, 34.
33. То же, 1908, заседание IV, пункт 75.
34. То же, 1908, заседание VI, пункт 74.
35. То же, 1909, заседание II, пункт 28.
36. То же, 1910, заседание III, пункты 38, 50.
37. *Ядринцев Н. М.* Путешествие на верховья Орхона и к развалинам Каракорума. СПб., 1890.

Б. А. Вальская

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ СИНИЦЫН И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

Василий Михайлович Сеницын (1912—1977) — выдающийся географ, геолог и путешественник — внес большой вклад в изучение Центральной Азии. Он продолжил лучшие традиции Русского географического общества (РГО) по изучению этой обширной части Азии.

К изучению Центральной Азии Русское географическое общество приступило вскоре после своего основания. На первом этапе главное внимание было уделено сбору информации о ней с древнейших времен до середины XIX в. и составлению на основе этих материалов географических карт.

Эту важную задачу осуществил выдающийся географ и картограф Я. В. Ханьков, труды которого высоко ценил А. Гумбольдт. Когда в 1843 г. А. Гумбольдт готовил к печати «Центральную Азию» [27], он ознакомил с корректурой своего труда Я. В. Ханькова, куда русский ученый внес ряд поправок.

В 1850 г. по предложению геолога А. Д. Озерского и Я. В. Ханькова РГО приступило к переводу 11 томов сочинения К. Риттера «Землеведение Азии», с дополнениями и критическими замечаниями П. П. Семенова, Н. В. Ханькова и В. В. Григорьева. Это издание, заверщенное к 1895 г., значительно продвинуло вперед изучение Центральной Азии.

С конца 40-х годов XIX в. начались путешествия членов РГО в Центральную Азию. Особенно интенсивно экспедиционные исследования развивались с 70-х годов XIX в., когда к изучению этой части Азии приступил первый исследователь природы Центральной Азии Н. М. Пржевальский и его ученики и последователи В. М. Певцов, В. И. Роборовский, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. А. Обручев и др. [1].

Итоги изучения Центральной Азии Географическим обществом за сто лет были подведены В. А. Обручевым, который в 1947 г. писал: «Знакомство почти со всей географической и геологической литературой по Центральной Азии позволяет мне утверждать, что вклад русских ученых в изучение этой обширной области превышает вклад всех остальных исследователей в совокупности. И это вполне понятно. Для нас Центральная

В. М. Синицын

Азия — соседняя страна, знание которой не только интересно само по себе, но и необходимо в разных отношениях» [3, с. 108].

В этой статье В. А. Обручев остановился на характеристике вклада советских путешественников в исследование Центральной Азии. Он указал, что экспедиции нескольких ведомств «выполнили большие географические, геологические и поисковые работы в провинции Синьцзян от Монгольского Алтая на севере до Кунь-Луня [Куньлуня] и Каракорума на юге и меридиана Гучена [Гучэна] на востоке». Эти экспедиции, писал он далее, «собрали большой материал, в значительной части уже обработанный, но еще не опубликованный».

На основании знакомства с частью отчетов, — заявил он, — я могу сказать, что после издания этих наблюдений геология и география этой обширной западной части Центральной Азии будет нам известна лучше, чем геология и география ее восточной половины» [3, с. 107].

Возможно, что, говоря об экспедициях нескольких ведомств, В. А. Обручев имел в виду и те экспедиции, в которых принимал участие В. М. Синицын начиная еще с 1935 г. Сравнивая геологические исследования Центральной Азии российскими учеными до 1917 г. и советскими учеными, Обручев отметил, что хотя геологические экспедиции до революции «в ряде случаев» и «собирали образцы горных пород на своих маршрутах», но они «не могли выяснить ни условия их залегания, ни взаимоотношения, и собранные данные могли быть использованы только для самых общих соображений относительно распространения тех или других образований» [3, с. 107—108].

Касаясь научных задач, которые необходимо было разрешить в Центральной Азии, Обручев писал, что их «осталось очень много, Академия наук вообще, Географическое общество в частности должны продолжить изучение этой страны, не ослабляя его, еще много лет». Наиболее важным он считал исследование горных возвышенностей Большого Хингана, Иньшаня, Кентея (Хэнтэя), Хангая, Наньшаня, Алтынтага, Куньлуня, Монгольского Алтая, Восточного Тянь-Шаня и его «продолжения в виде цепей среди пустыни», а также изучения обширной впадины Гоби, древних платформ Ордоса и Таримского бассейна.

В. М. Сеницын был хорошо подготовлен для выполнения тех больших задач по изучению Центральной Азии, которые были поставлены в год столетнего юбилея Географического общества.

В. М. Сеницын родился 4 января 1912 г. в Петербурге (Ленинграде) в семье рабочего. В 1929 г. он окончил среднюю школу № 11 (б. Аннен-школе) и в том же году поступил на геологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета, а затем в связи с реорганизацией геологических факультетов был переведен в Ленинградский горный институт. Еще в школе он встретился с талантливым педагогом и ученым-географом, старейшим членом Географического общества А. В. Королевым, сумевшим пробудить у своего способного ученика любовь и интерес к географии и геологии, к путешествиям в страны Востока.

В 1934 г. мечта В. М. Сеницына осуществилась. После окончания института он получил назначение в экспедицию «Главникельолова», которая через год перенесла свои исследования в Синьцзян. В 1935 г., когда Сеницын работал в составе геологической экспедиции известного палеонтолога В. П. Нехорошева, на южном склоне Монгольского Алтая ему посчастливилось открыть металлогеническую область, на основе которой была выделена одна из крупнейших в мире бериллоносных провинций с рядом месторождений, для разработки которой было создано специальное акционерное общество «Совкитметалл». Открытие и разработку этих месторождений ученый считал важнейшим достижением всей своей жизни.

Не меньшим вкладом Сеницына в науку были и начатые им в это время геолого-географические исследования Западного Китая. Первые два года пребывания в Центральной Азии (с 1935 до 1937 г.) молодой путешественник посвятил изучению Монгольского Алтая и Джунгарии.

В конце 1937 г. В. М. Сеницын вернулся на родину и через год поступил в аспирантуру Ленинградского горного института. Во время пребывания в аспирантуре он занимался полевыми исследованиями на Гиссарском хребте и в Заилийском Алатау и по собранным материалам защитил диссертацию на ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. После защиты он вновь направился в Китай, на этот раз уже в качестве старшего геолога.

Во время двухлетнего пребывания в мало исследованных районах Центральной Азии (с 1941 по 1943 г.) успехи Сеницына в изучении Центральной Азии были особенно велики. Он занимался геологической разведкой и разработкой открытого им ранее месторождения в Монгольском Алтае, а также изучением Восточного и Южного Тянь-Шаня и Куньлуня.

В мае и сентябре 1941 г. В. М. Сеницын дважды пересек Джунгарию: от предгорьев Тянь-Шаня до Алтая по маршруту В. М. Певцова, а в обратном направлении по маршруту экспедиции Н. М. Пржевальского. В октябре 1941 г. Сеницын начал

изучение Восточного Тянь-Шаня, пересек его по 83 меридиану у оз. Эби-нур на Джунгарской равнине и прошел через перевал Муздаван. Поздней осенью 1941 г. и зимой 1942 г. он обследовал группу Кельпинских кряжей (Кельпингёльтаг) в Таримском массиве. В это же время он совершил четыре пересечения хребта Майдантаг в Восточном Тянь-Шане.

В начале 1942 г. путешественник осмотрел участок с нефтепроявлениями в районе Кашгара. В феврале и марте того же года Сеницын пересек пустыню Такла-Макан вдоль русла р. Хотан и достиг хребта Мазартаг, о существовании которого стало известно после путешествия Н. М. Пржевальского, который наблюдал его вблизи р. Хотан.

Через несколько десятилетий после Пржевальского в этот, как писал Сеницын, «пустынейший из пустынных уголков Азии» пытался проникнуть шведский путешественник Свен Гедин. Но эта попытка стоила гибели многим его спутникам. Сеницын первый дал геолого-географическое описание Мазартага и составил топографическую карту этого хребта, которая была использована для создания новейшей карты Центральной Азии.

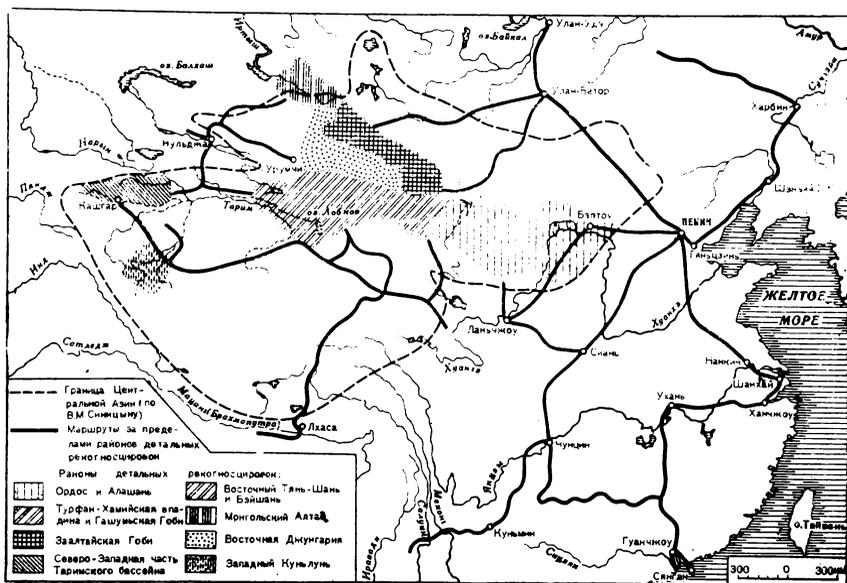
В апреле 1942 г. В. М. Сеницын занимался исследованием Артушских складок, расположенных к северу от Кашгара, а летом 1942 г. дважды пересек Куньлунь от Таримской впадины до равнин Тибета. Он детально исследовал этот хребет в бассейне р. Каракаш, в пределах которой ему удалось выявить новую перспективную оловоносную провинцию.

В это же время смелый путешественник начал кольцевой маршрут по высокогорным равнинам Северо-Западного Тибета. Неожиданная травма ноги заставила его прервать начатые исследования. Однако, несмотря на все трудности, ему удалось во время первого путешествия по Тибету сделать много важных открытий.

В ноябре 1942 г. В. М. Сеницын исследовал горы Уччат и восточный отрог Алайского хребта, а затем вновь вернулся к изучению Кельпинских кряжей в Таримском массиве. Весной 1943 г. Сеницын изучал Южный Тянь-Шань между городами Кашгар и Аксу.

Летом 1943 г. ученый выехал из Китая в Казахстан, где в течение года занимался поисками и разведкой полезных ископаемых вблизи Алма-Аты, а в октябре 1944 г. он был переведен в Геологический институт АН СССР. Здесь Сеницын сразу приступил к подготовке докторской диссертации на тему «О строении и развитии Китайской платформы» и принял активное участие в работе Монгольской комиссии АН СССР, которую с 1946 г. возглавил академик В. А. Обручев. От этого выдающегося ученого и путешественника, почетного члена Географического общества Сеницын принял эстафету дальнейшего исследования Центральной Азии.

1 января 1946 г. В. М. Сеницын представил В. А. Обручеву проект геологических исследований Восточного Тянь-Шаня с при-

Районы детальных рекогносцировок и важнейшие маршруты В. М. Сеницына в Центральной Азии и Китае

ложением карты. В ответном письме от марта 1946 г. Обручев писал: «В общем получается достаточно задач для целого лета, считая даже возможность полевой работы до конца октября, а в случае посещения Куруктага в расчете на снег, и дольше» [6, с. 240].

Готовясь к новым путешествиям, Сеницын подводил и первые итоги своих исследований в Центральной Азии, которые он печатал в виде отдельных статей в научных журналах. В первой из них — «О геологической границе куньлуньских и тянь-шанских структур в Памиро-Алайском сближении» [8] — ученый писал, что в Центральной Азии куньлуньский и тянь-шанский «мобильные пояса разделены Таримской платформой. Последняя в геологической истории Центральной Азии играла роль малоподвижного ядра, вокруг которого возникали глубокие геосинклинальные прогибы, развивались складчатости и поднимались высокие хребты» [8, с. 19]. В. М. Сеницын описал соотношения Тянь-Шаня и Куньлуна в Памиро-Алайском сближении и составил превосходные карты и схемы, без которых он не печатал своих отчетов.

В 1947 г. ученый опубликовал еще три статьи о своих путешествиях. В первой из них — «Мазартагская флексура в Таримском стабильном массиве» [9] — он дал геолого-географическую характеристику хребтов Мазартаг и Росстаг, расположенных на западе Таримской впадины, среди песков Такла-Макана.

В статье «К четвертичной истории Таримской впадины» Си-

ницын изложил историю развития поверхности этой впадины и «эволюцию существовавших в ней физико-географических условий» [10, с. 49].

Что касается третьей статьи, «Структурно-орографическая схема китайского Тянь-Шаня», то в ней Синицын отметил, что «китайский Тянь-Шань, в противоположность советскому, планомерным исследованиям еще не подвергался. Посещения его географическими и геологическими экспедициями носили эпизодический характер. Литература о нем крайне ограничена. Для китайского Тянь-Шаня до последнего времени не существовало даже надлежащей орографической схемы» [11, с. 55].

На основании собственных исследований ученый дал систематику горных сооружений китайского Тянь-Шаня «по генетическому признаку, который базируется на геологических данных», и показал связь китайского Тянь-Шаня с примыкающими к нему горными грядками Кельпинской и Куруктагской группы и с Мазартагом.

В 1947 г. В. М. Синицын опубликовал в «Большой Советской Энциклопедии» (1-е изд.) географический и геологический очерк Тянь-Шаня, им же написаны статьи о Центральной Азии для всех трех изданий БСЭ.

Большой интерес советских и китайских ученых вызвала статья В. М. Синицына «К истории Таримского стабильного массива», в которой изложена история геологического развития этого западного фрагмента Китайской платформы и показаны соотношения его с другими стабильными массивами Китая. Строение Таримской впадины, расположенной между грандиозными горными системами Куньлуня и Тянь-Шаня, и «роль ее в формировании структуры Центральной Азии до последних лет представляли загадку», — писал ученый [12, с. 27]. Эта статья сразу была переведена на китайский язык, как и многие другие его труды.

В апреле 1947 г. Синицын успешно защитил докторскую диссертацию, и вскоре Обручев привлек его к участию в составлении многотомного описания Центральной Азии, представляющего собой научные итоги экспедиции Обручева в Северный Китай и Центральную Азию.

В 1892—1894 гг. в Китае работала экспедиция Русского географического общества во главе с Г. Н. Потаниным. В этой экспедиции в качестве геолога участвовал В. А. Обручев, который провел обширные исследования по геологии и географии Китая и опубликовал их в двухтомном капитальном труде «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань» [4].

В 1947 г., когда В. А. Обручеву было уже 84 года, он опубликовал следующий том трудов этой экспедиции — «Восточная Монголия» [5]. Два последующих тома центральноазиатской экспедиции — «Ордос и Алашань» [13] и «Восточный Тянь-Шань и Бейшань» [14] — были написаны В. М. Синицыным.

Ко времени подготовки к печати этих томов относится об-

ширная переписка между Обручевым и Сеницыным. «Из более чем 40 писем, посланных В. А. Обручевым его непосредственному помощнику по обработке материалов экспедиции 1892—1894 гг. В. М. Сеницыну, — написано в т. 6 избранных трудов Обручева, — все содержат переписку о текущей работе Монгольской комиссии АН СССР, об издании работ В. А. Обручева и В. М. Сеницына и об организации полевых исследований последнего» [6, с. 325].

В предисловии к указанным монографиям В. А. Обручев писал, что они составлены доктором геолого-минералогических наук В. М. Сеницыным и являются продолжением задуманной им «сводки наших сведений по географии и геологии областей внутренней Азии», изученных Обручевым в течение 1892—1894 гг.

В предисловии Обручев также отметил, что за истекшие 50 лет со времени опубликования трудов центральноазиатской экспедиции «географическое и геологическое изучение посещенных им областей Внутренней Азии сделало большие успехи и новые сведения о них, которые я должен был изучить и использовать в своей сводке, очень увеличились, я вынужден был привлечь себе в помощники сотрудников, знакомых с этой страной. Какowymi являются В. М. Сеницын, лично изучающий Южный Тянь-Шань и соседние части Таримского бассейна и Куньлуня. Кроме текста он составил также карты и разрезы описываемых областей Ордоса и Алашаня» [13, с. 3].

Уже первая монография В. М. Сеницына (из 14, написанных им за всю его короткую жизнь) показала эрудицию автора, его глубокие знания и уважение к трудам своих предшественников, достижения которых он наглядно изложил. Монография начинается с обзора литературы по Ордосу и Алашаню на русском и иностранных языках, включающего источники с 1749 по 1949 г. «Ордос и Алашань, — писал Сеницын, — слабо населенные страны восточной половины Центральной Азии. Благодаря положению в стороне от больших торговых путей, по которым шли войска завоевателей, трудной доступности и отсутствию географической экзотики, привлекавшей путешественников, они долгое время оставались неизвестными европейской науке. Исследование Ордоса и Алашаня началось в самом конце XIX в., причем посещавшие их экспедиции не направлялись сюда для специального изучения, а лишь пересекали эти страны на пути в Тибет и Таримский бассейн» [13, с. 7—8].

В. М. Сеницын дал подробное описание истории исследования, орографии, рек и озер, климата и геологии Ордоса и Алашаня и составил интересные карты — обзорную карту описываемой территории, карту маршрутов путешественников, посетивших Ордос и Алашань, и геологическую карту этих областей — по материалам, опубликованным к 1948 г.

Во второй монографии В. М. Сеницын писал, что «Восточный Тянь-Шань, Бейшань и Куруктаг до последнего столетия яв-

лялись одними из самых труднодоступных областей Азии, значительно удаленными не только от европейских, но и от китайских культурных центров. Исследования их охватывают период не свыше 80 лет» [14, с. 7]. В первой части этой монографии дан обзор литературы с 1829 по 1949 г., далее идет очерк истории исследования, характеристика орографии, водных ресурсов и климата. Во второй части описывается геология Восточного Тянь-Шаня и Бэйшаня по маршрутам путешественников и опубликованы обобщающие очерки по стратиграфии, тектонике и изверженным породам.

Большой интерес представляют карты и схемы, приложенные к монографии: карта маршрутов путешественников, посетивших Бэйшань, Куруктаг и Восточный Тянь-Шань, структурно-орографическая схема Восточного Тянь-Шаня (Богдо-Ула, Чолтаг, Бэйшань, Куруктаг), геологическая схема Тянь-Шаня и Бэйшаня, составленные по материалам, опубликованным к 1949 г.

Институт геологических наук АН СССР представил в Географическое общество подробный отзыв о трудах и путешествиях В. М. Сеницына. В нем было написано, что материалы по геологии, географии и полезным ископаемым Центральной Азии ученый изложил в 12 производственных отчетах, восьми статьях и одной монографии, явившейся его докторской диссертацией, а также в объяснительных записках к Геологической карте Синьцзяна, к Тектонической карте Центральной Азии и Тектонической карте СССР (на зарубежные территории, попадающие в рамки карты) и в многочисленных докладных записках, представленных в научные учреждения.

Важнейшей заслугой Сеницына институт считал то, что он на основании личных исследований Таримского бассейна и Джунгарии, а также анализа материалов других исследователей Центральной Азии и Восточного Китая выдвинул и обосновал идею о Китайской платформе, имеющую большое значение не только для понимания региональных соотношений структурных и орографических элементов Центральной Азии, но и для тектонической теории.

Географическое общество СССР высоко оценило заслуги выдающегося ученого и путешественника. 27 июня 1951 г. Ученый совет Географического общества в соответствии с § 7 (пункты «а», «в» и «г») положения о медалях Географического общества наградила старшего научного сотрудника Института геологических наук АН СССР В. М. Сеницына золотой медалью имени Н. М. Пржевальского¹:

1) за исследование северного окаймления пустыни Такла-Макан (Кельпинские кряжи) и ее внутренней области, примыкающей к хребту Мазартаг. Эти исследования принесли много ценных географических и геологических открытий, так как был установлен неизвестный ранее орографический план группы Кельпинских кряжей и выяснена платформенная природа этой области, нанесен на карту и географически изучен хребет Ма-

зартаг, обнаружено в средней части пустыни Такла-Макан крупное озеро, высохшее к началу исторической эпохи, и выяснено строение Таримской впадины, центр которой оказался плоским, орографически невыраженным поднятием, а окраины, примыкающие к Тянь-Шаню и Куньлуню, — альпийскими депрессиями;

2) за исследование Южного Тянь-Шаня, который ранее был известен по единичным и беглым маршрутам П. Гребера, Свен Гедина и Г. Принца. В. М. Сеницын составил первую орографическую схему Южного Тянь-Шаня и геологическую карту этой горной области в миллионном масштабе;

3) за исследование Памиро-Алайского сближения систем Куньлуня и Тянь-Шаня в районе Кашгара, в результате которого было выяснено строение окраинных частей этих систем в месте их соприкосновения, а также определен их характер, местоположение и границы, являющиеся вместе с тем и границами орографическими;

4) за исследования южного хребта Куньлуня в бассейне р. Каракаш, в северной окраине Тибета, ценные как геологическими результатами (открытие оловянного месторождения), так и географическими наблюдениями, в частности выяснением характера оледенения высокогорных равнин Тибета и примыкающего к ним южного хребта Куньлуня.

Среди прочих работ Сеницына к награждению были представлены и его труды «Ордос и Алашань» [13] и «Восточный Тянь-Шань и Бейшань» [14].

В. М. Сеницын с честью продолжил славные традиции Русского географического общества по изучению Центральной Азии, ведущие свое начало от экспедиций Н. М. Пржевальского.

После получения высокой награды В. М. Сеницын вновь вернулся к изучению Центральной Азии. В 1951 г. он занимается исследованием Заалтайской Гоби, возглавляя Гобийский геологический отряд при Монгольской сельскохозяйственной комплексной экспедиции, задачей которого, как писал ученый, «являлись рекогносцировки в Заалтайской Гоби, еще не подвергавшейся геологическим исследованиям».

В. М. Сеницын обследовал три важнейшие части Заалтайской Гоби (расположенной на юго-западе Монгольской Народной Республики): восточное окончание Джунгарской впадины, южную гряду Алтая и Гобийские отроги Тянь-Шаня. «Заалтайская Гоби, — писал Сеницын, — являясь одной из внутренних областей Центральной Азии, отличается крайней пустынностью. В ней отряд встретился с огромными трудностями, связанными с маловодностью территории, отсутствием населения, ограниченной проходимость для автомашин и значительной удаленностью от бензозаправочных пунктов, а также с тяжелыми климатическими условиями (изнуряющая жара и сухость воздуха)» [17, с. 3].

За четыре месяца было пройдено 4200 км (в том числе 1780 км на верблюдах и пешком и 2420 км на автомашинах).

Геологическими маршрутами было исследовано 90 тыс. кв. км территории, составлена геологическая карта в миллионном масштабе. Результаты этой экспедиции Сеницын опубликовал в своей третьей монографии — «Заалтайская Гоби» [17], которая, как и предыдущие, начинается с обзора литературы и краткого очерка истории исследования территории. Далее следует физико-географический очерк, характеристика гидрографической сети, водных ресурсов и гидрологических условий Заалтайской Гоби. Во второй части монографии ученый дал описание маршрутов, характеристику Гобийского Тянь-Шаня, Восточной Джунгарии, Монгольского Алтая и его передовых кражей, а также поместил обобщающий геологический очерк и характеристику полезных ископаемых.

В 1952 г. В. М. Сеницын получил ответственное назначение. Он стал консультантом по геологическим вопросам акционерного общества «Совкитметалл». В августе того же года Сеницын провел наблюдения вдоль тракта Урумчи — Куча, а в октябре возглавил советско-китайский геологический рекогносцировочный отряд для исследования Турфан-Хамийской впадины (Турфанской и Хамийской впадин), расположенной между северной и южной ветвями Восточного Тянь-Шаня, и Гашунской Гоби — пустынной области, охватывающей восточные отроги Чолтага, Куруктага и Прилобнорского Тянь-Шаня.

Отчет об этом путешествии В. М. Сеницын изложил в своей четвертой монографии — «Турфан-Хамийская впадина и Гашунская Гоби» [22]. «До наших исследований, — писал он, — Гашунская Гоби и восточная часть Турфан-Хамийской впадины представляли в геологическом отношении „белое пятно“, поэтому основной целью исследований явилось выяснение общей картины геологического строения данной территории и сбор сведений о ее полезных ископаемых» [22, с. 3].

Осенью и в начале зимы 1952 г. В. М. Сеницын изучал Лобнорскую низменность [15], а 1952—1953 гг. исследовал северо-западную часть Таримского бассейна (или Северо-Западную Кашгарию). Путешественник посетил этот район в указанный период дважды «с целью консультации геологических работ акционерного общества „Совкитметалл“» [18, с. 15]. Результаты исследования он опубликовал в пятой монографии [18], в которой использовал и материалы, собранные во время путешествия 1941—1943 гг.

В. М. Сеницын писал, что Таримский бассейн с давних пор привлекал внимание ученых, которых он «манил поразительными ландшафтами, представляющими сочетание высочайших в мире хребтов с глубокими внутриконтинентальными впадинами и обширными пустынями. В XIX в. с Таримским бассейном стали связываться разнообразные проблемы естествознания, истории материальной культуры человечества и политики, что побуждало ведущие страны Европы снаряжать для его исследования многочисленные экспедиции и миссии» [18, с. 5].

После краткого, но очень интересного обзора геологических исследований северо-западной части Таримского бассейна В. М. Сеницын дал характеристику трех основных ландшафтных зон этого района: горной (Южный Тянь-Шань и Куньлуньский хребет Кингтау), предгорной (Артушские, Бошсогунские и Кельпинские гряды) и равнинной (Таримская впадина с песчаной пустыней Такла-Макан); в заключение он поместил обобщающий геологический очерк этой территории.

В августе 1953 г. Сеницын исследовал западную окраину Джунгарской равнины, орошаемую р. Манас, а в октябре—ноябре того же года он провел рекогносцировку Восточной Джунгарии и обследовал Восточный Тянь-Шань: прошел магистральным маршрутом вдоль Богдошаня, Баркультага и Карлыктага, от которого предпринял «шесть полных и частичных пересечений этих хребтов» [26, с. 10].

В 1954 г. В. М. Сеницын дважды пересек восточную окраину Джунгарской равнины между Алтаем и предгорьями Тянь-Шаня (в районе Гучэна), после чего завершил исследование Монгольского Алтая и Таримского массива.

Весной 1955 г. он вернулся на родину и выступил на заседании Отделения физической географии Географического общества СССР с докладом «Общий физико-географический обзор Ланьчжоу—Алма-Атинской железной дороги (в пределах КНР)», который в том же году был опубликован [16]. В этой статье ученый обратил внимание на важное экономическое значение для Китая этой железной дороги, которая должна была «приблизить к основным экономическим центрам Китая сырьевые ресурсы западных территорий, и прежде всего нефть, запасы которой в них весьма значительны» [16, с. 505].

Строительство железной дороги началось в 1953 г. и к 1955 г. было доведено до г. Увэй (пров. Ганьсу), расположенного в 250 км от Ланьчжоу. Общая длина дороги в пределах КНР должна была составить 2300 км. По личным исследованиям и литературным источникам Сеницын дал физико-географический обзор природных районов Китая, по которым должна была пройти железная дорога: западной окраины лёссовой области Китая, Ганьсуйского коридора, Бэйшаня, Турфан-Хамийской впадины, южной окраины Джунгарской равнины и Джунгарских ворот.

В заключение статьи Сеницын писал, что день, когда произойдет соединение железных дорог, строившихся от Ланьчжоу и Алма-Аты, «будет большим праздником народов Советского Союза и Китая, так как с завершением строительства международной железной дороги будет одержана еще одна важная победа на пути экономического прогресса обеих великих держав» [16, с. 515].

В 1955 г. В. М. Сеницын был назначен советником Академии наук КНР по геологии и географии. А в 1956 г. вместе с китайскими геологами он пересек Наньшань и исследовал региональ-

ную структуру этой горной страны. В это же время он занимался изучением Цайдама и Куньлуня со стороны Цайдама. Отчет о путешествии в Наньшань Сеницын опубликовал в шестой монографии — «Геологическое строение Наньшаня» [21], изданной на китайском языке совместно с китайскими геологами.

19 июня 1956 г. на 93-м году жизни скончался почетный президент Географического общества СССР академик В. А. Обручев. Вскоре после этого Сеницын вернулся на родину и 26 декабря 1956 г. выступил на общем собрании членов общества с докладом «Развитие идей академика В. А. Обручева в новейших исследованиях Центральной Азии» [19].

В. М. Сеницын писал, что В. А. Обручев был «одним из основоположников и инициаторов геологического изучения Центральной Азии, в которую он совершил несколько экспедиций, а в течение последних десятилетий вдохновлял и направлял работы, производившиеся советскими экспедициями в западных районах Центральной Азии. За долгие годы личных исследований Центральной Азии и руководства работами по сводкам материалов экспедиций в Центральную Азию, Владимир Афанасьевич поставил и намечил пути решения многих вопросов региональной геологии и географии этой части континента». Из всех вопросов, изучению которых содействовал Обручев, Сеницын в своем докладе остановился на двух «наиболее значительных, которым Обручев уделял особое внимание». Это проблема генезиса лёссов в Центральной Азии и новейшие движения земной коры [19, с. 521].

В 1957 г. В. М. Сеницын продолжил исследование Центральной Азии. Он занимался изучением Наньшаня и Цайдама, а в 1958 г. совершил второе путешествие в Тибет — до Лхасы и р. Брахмапутры по Цинхай-Тибетской дороге. «Посещенные области Тибета, — писал он, — представляли геологическую целину...» [26, с. 18]. Осенью 1958 г. отважный путешественник на пути из Цайдама пересек Алтынтаг и его предгорные ступени. В последние два года пребывания в Китае он руководил работами по составлению геологических карт Синьцзяна.

За заслуги по изучению геологии и географии Китая В. М. Сеницын был удостоен китайских государственных наград.

В 1959 г. В. М. Сеницын опубликовал седьмую монографию — «Центральная Азия» [20]. Это была первая сводка об этой части Азии после известного труда А. Гумбольдта «Центральная Азия» [27], опубликованного еще в 1843 г. Труд Сеницына, написанный на основе использования всех существовавших к тому времени источников и личных исследований, стал крупным событием в советской географической науке.

В первой части монографии В. М. Сеницын дал общую характеристику Центральной Азии (рельефа, геологического строения, гидрографической сети, климата, почв, растительности, животного мира, полезных ископаемых) и историю ее геологиче-

ского развития. Во второй части он описал природные области Центральной Азии: Восточный Тянь-Шань, Таримский массив, Гашунскую Гоби, Бэйшань, Ганьсуйский (Хэси) коридор, Алашань и Ордос, Джунгарию, Монгольский и Гобийский Алтай, озерные равнины Западной Монголии и южный склон Хангая, Восточную Гоби и Иньшань, Наньшань, Алтынтаг и Цайдам, Западный Куньлунь, Восточный Памир и северный склон Каракума Чантан (Джангтанг) и Восточный Куньлунь.

Книга сразу же была распродана, и автор приступил к подготовке второго издания, исправленного и дополненного. В аннотации на это издание В. М. Сеницын писал, что Центральная Азия «до сих пор остается одной из наименее изученных областей Евразийского материка. Литература по Центральной Азии сравнительно невелика и в основном представляет отчеты многочисленных экспедиций, дающих описание отдельных ее частей, освещающие различные частные вопросы». В новом издании он хотел отразить «материалы новейших исследований советских и китайских геологов и географов, произведенных на территории Центральной Азии и после 1959 г.» [29, л. 13]. Часть этих материалов сохранилась в личном фонде ученого.

Исследованию Центральной Азии В. М. Сеницын посвятил почти четверть века своей жизни. Такого длительного и систематического изучения этой части Азии не было осуществлено ни одним ученым. За 68 полевых месяцев Сеницын прошел свыше 45 тыс. км, описал около 500 тыс. кв. км территории. Н. М. Пржевальский провел в центральноазиатских экспедициях 9 лет 2 месяца и 27 дней. За это время он прошел 32 тыс. км.

Труды В. М. Сеницына по Центральной Азии, имеющие важное значение для изучения стран и народов Востока, были хорошо известны в Географическом обществе СССР, поэтому, когда в обществе в декабре 1955 г. по инициативе академика В. В. Струве и старейшего члена общества А. В. Королева создавалась Восточная комиссия, Сеницын сразу был избран членом бюро комиссии и исполнял эти обязанности до 1965 г. Включение в состав руководящего органа Восточной комиссии такого выдающегося ученого и путешественника, как В. М. Сеницын, а также его старшего брата, исследователя Средней Азии Н. М. Сеницына благоприятно сказалось на дальнейшей деятельности комиссии.

Для изучения стран Азии и Африки Восточная комиссия объединила географов, этнографов, историков, востоковедов и других специалистов, интересующихся Востоком. С 1959 г. Восточная комиссия начала публикацию материалов и исследований в сборниках «Страны и народы Востока» [2].

28 мая 1963 г. на заседании Восточной комиссии обсуждалась восьмая монография В. М. Сеницына — «Палеогеография Азии» [23]. В обсуждении приняли участие А. Д. Миклухо-Маклай, Г. Г. Мартинсон, В. В. Лавров, В. А. Ранов, З. К. Виноградова и А. В. Королев.

Во вступительном слове автор книги сказал, что «палеогеография — новая наука, находящаяся в стадии бурного развития». Она ставит своей задачей восстановление палеогеографических условий, т. е. выяснение размещения суши и моря, рельефа материков. Она намечает границы существовавших в древности биогеографических областей. «Реконструкция производится на базе геологических документов, из которых главными являются осадочные породы, ископаемые остатки организмов, растений и животных.

В части исходного материала, — сказал Сеницын, — палеогеография является наукой геологической, но она прибегает и к методам географии и ее теоретическим положениям». В настоящее время палеогеография — одна из наиболее актуальных дисциплин среди геолого-географических наук. «Изучая древние физико-географические условия», она помогает открывать полезные ископаемые: месторождения нефти, газа, солей марганца, благородных металлов и других полезных ископаемых.

«Мои интересы в области палеогеографии, — заявил далее Сеницын, — возникли давно. С 1935 г. вся моя деятельность проходила в Центральной Азии, в районах, где работали Пржевальский, Роборовский, Грумм-Гржимайло и другие великие исследователи-географы». В первые годы пребывания в Центральной Азии «зачастую приходилось составлять геологические карты на основе собственных глазомерных съемок. Мы, участники первых экспедиций в Центральную Азию, часто оказывались в местах, не посещавшихся до нас путешественниками, что, естественно, возбуждало наш интерес к географии».

Касаясь непосредственно истории создания своего труда В. М. Сеницын сказал: «Я давно уже задумал написать книгу по древней географии Азии. Мне хорошо известен Китай, большая часть Монголии, советская Средняя Азия и Казахстан. К 1959—1960 гг. накопился обширнейший и разнохарактерный материал» по геологии Азии. «Была произведена миллионная геологическая съемка, большие массивы» этого континента были «охвачены двухсоттысячной съемкой, значительные успехи были достигнуты в изучении Индии и стран Ближнего Востока. Применение метода фациального и химического анализа осадочного материала, унифицированные стратиграфические системы мезозоя, кайнозоя и палеозоя представляли богатейший материал для исследования». Все это Сеницын «решил свести воедино и перевести на язык географии».

Автор «Палеогеографии Азии» ясно представлял значение своего труда. Он сказал, что «такого обобщающего обзора по палеогеографии Азии до моей работы не существовало, если не считать отдельных глав в курсах исторической геологии (например, Страхова). Азия — самый крупный материк, наиболее разнородный по своей структуре, охватывающий все основные группы ландшафтов», да к тому же самый северный и самый древний. «Полученные реконструкции, безусловно, представляют ин-

терес и имеют общепланетарное значение» [29, л. 3]. Ученые отметили большое методологическое и методическое значение книги для геологии и географии и охарактеризовали ее как крупный вклад в советскую науку.

Такую же высокую оценку Восточная комиссия дала монографии В. М. Сеницына «Древние климаты Евразии» [24]. В кратком отзыве комиссии указывалось, что этот труд обогатил геолого-географические науки «комплексным исследованием по истории развития природы на основе идей Докучаева о зональности. Этот труд имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Своими путешествиями по труднодоступным и малоисследованным районам Центральной Азии, которые продолжались более 20 лет, а также изданием таких обобщающих, теоретических трудов, как „Центральная Азия“, „Палеогеография Азии“ и „Древние климаты Евразии“ В. М. Сеницын продолжает и развивает лучшие традиции Географического общества по изучению природы Азии и потому заслуживает присуждения премии имени выдающегося деятеля Географического общества В. А. Обручева» [29, л. 12].

В 1967 г. Академия наук СССР за первые две части монографии «Древние климаты Евразии» (1965—1966) присудила Василию Михайловичу Сеницыну премию имени В. А. Обручева.

В 1974 г. В. М. Сеницын опубликовал в сборнике Восточной комиссии «Страны и народы Востока», изданном на английском языке, свою статью «Геологический метод реконструкции климатов прошлого» [28]. На русском языке эта статья вышла в свет еще в 1969 г. [25]. В ней ученый писал, что «в прошлом существовала единая природная зональность, отраженная в основных ландшафтах и эволюционировавшая в связи с историческими изменениями климата» [25, с. 57]. В. М. Сеницын считал, что «наиболее полную картину древних климатов — их региональных и исторических закономерностей — в состоянии раскрыть лишь комплексный геологический метод, использующий данные палеотермии, основанной на физико-химических методах» [25, с. 63].

В это же время В. М. Сеницын написал по просьбе Восточной комиссии большую статью «Научные реконструкции в Центральной Азии», в которой изложил «суммарно по каждому региону» результаты своих исследований в Центральной Азии: Монгольском Алтае, Джунгарии, Восточном и Гобийском Тянь-Шане, Гашунской Гоби, Таримском массиве, Наньшане и Цайдаме, Куьнълуне и Тибете, а также сформулировал общие закономерности природы Центральной Азии, выявленные им в результате научных реконструкций, представляющие интерес для географов. К статье автор приложил впервые составленную им карту своих маршрутов по Центральной Азии [26].

В своем отзыве на рукопись этой статьи редактор сборника В. А. Ромодин писал: «В наши дни в не меньшей степени, чем

в былые времена, труд исследователей-путешественников служит важным источником географических и этнографических знаний, и старая профессия путешественника остается вечно юной».

Статья Синицына получила высокую оценку ученых, так как воссоздает историю несправедливо забытых исследований советских геологов в Центральной Азии в 1935—1960 гг. В какой-то мере В. М. Синицын продолжил дело Н. М. Пржевальского: ведь Синицын прошел от Кашгара до Баотоу, от Монголии до Лхасы. Однако о путешествиях Н. М. Пржевальского знает каждый школьник, а о путешествиях В. М. Синицына — лишь очень узкий круг специалистов. Между тем мы обязаны содействовать тому, чтобы все экспедиции, в которых участвовал Синицын, заняли бы достойное место в летописи исследований в странах Востока.

В. М. Синицын скончался 23 января 1977 г. в расцвете творческих сил, после тяжелой и продолжительной болезни. И это было большой потерей для Географического общества. Исключительная работоспособность и выносливость, целеустремленность и преданность науке дали возможность ученому не только совершить свои замечательные путешествия по Центральной Азии и своевременно опубликовать отчеты о них, но и создать капитальные труды по палеогеографии, палеоклиматологии, развитию сиала, которые, как пишет профессор В. Н. Огнев, «во многом являются основополагающими, им суждено сыграть немалую роль в дальнейшем развитии наук о Земле» [7, с. 10].

Полный список работ Василия Михайловича Синицына впервые опубликован в сборнике «Страны и народы Востока» (Вып. 22. М., 1980, с. 22—27).

¹ Золотая медаль имени Н. М. Пржевальского была учреждена Географическим обществом СССР в 1947 г. С 1891 по 1917 г. РГО присуждало премию им. Н. М. Пржевальского и серебряную медаль им. Н. М. Пржевальского (до 1930 г.). Первыми лауреатами премии им. Н. М. Пржевальского были Г. Е. Грумм-Гржимайло — за путешествие на Тянь-Шань, В. А. Обручев — за путешествие по Центральной Азии, М. М. Березовский — за естественноисторические исследования в Китае, В. Л. Комаров — за труды о результатах двухлетней экспедиции в Маньчжурии и Северной Корее, Н. А. Зарудный — за путешествия в Иран и др.

Серебряной медали имени Н. М. Пржевальского первыми были удостоены: К. И. Богданович, П. К. Козлов, В. И. Роборовский — за труды по изучению природы Центральной Азии. В 1908 г. эту медаль получил А. К. Мейстер за работы по изучению геологии Азии, а в 1925 г. — Н. И. Вавилов за путешествие в Афганистан.

Литература

1. *Вальская Б. А.* Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока. М., 1960.
2. *Вальская Б. А.* Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 10 лет (1955—1965). — Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1969.

3. *Обручев В. А.* Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии.— Труды второго Всесоюзного географического съезда. Т. 1. М., 1948.
4. *Обручев В. А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Дневники путешествия. СПб., 1900—1901.
5. *Обручев В. А.* Восточная Монголия. Географическое и геологическое описание. Ч. 1 и 2. М.—Л., 1947.
6. *Обручев В. А.* Избранные труды. Т. 6. М., 1964.
7. *Огнев В. Н.* Научная деятельность Василия Михайловича Синицына. Литология и палеогеография. Вып. 3. Л., 1981.
8. *Синицын В. М.* О геологической границе куньлуньских и Тяньшанских структур в Памиро-Алайском сближении.— Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. 1945, № 6.
9. *Синицын В. М.* Мазартагская флексура в Таримском стабильном массиве.— Доклады Академии наук СССР, новая серия. 1947, т. 58, № 3.
10. *Синицын В. М.* К четвертичной истории Таримской впадины.— Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. 1947, т. 22, вып. 3.
11. *Синицын В. М.* Структурно-орографическая схема китайского Тянь-Шаня.— Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. 1947, № 4.
12. *Синицын В. М.* К истории Таримского стабильного массива.— Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. 1948, № 1.
13. *Синицын В. М.* Ордос и Алашань. Географическое и геологическое описание. М., 1954.
14. *Синицын В. М.* Восточный Тянь-Шань и Бейшань. М., 1954.
15. *Синицын В. М.* Геологическая история Лобнорской низменности.— Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. 1954, № 6.
16. *Синицын В. М.* Общий физико-географический обзор Ланьчжоу-Алмаатинской дороги (в пределах КНР).— Известия Всесоюзного географического общества. 1955, т. 80, вып. 6.
17. *Синицын В. М.* Заалтайская Гоби. Геологические рекогносцировки летом 1951 г. М., 1956.
18. *Синицын В. М.* Северо-западная часть Таримского бассейна. М., 1957.
19. *Синицын В. М.* Развитие идей академика В. А. Обручева в новейших исследованиях Центральной Азии.— Известия Всесоюзного географического общества. 1958, т. 90, вып. 6.
20. *Синицын В. М.* Центральная Азия. М., 1959.
21. *Синицын В. М.* Геологическое строение Наньшаня (совместно с Ту Гуанчжи, Ли Пу, Чэн Тинсюанем и др.). Пекин, 1959 (на кит. яз.).
22. *Синицын В. М.* Турфан-Хамийская впадина и Гашуньская Гоби. Геологические рекогносцировки 1952 г. М., 1957.
23. *Синицын В. М.* Палеогеография Азии. М., 1962.
24. *Синицын В. М.* Древние климаты Евразии. Ч. 1. Палеоген и неоген. Л., 1965; Ч. 2. Мезозой. Л., 1966; Ч. 3. Вторая половина палеозоя (девон, карбон, пермь). Л., 1970.
25. *Синицын В. М.* Геологический метод реконструкции климатов прошлого.— Вестник Ленинградского университета, геология и география, 1969, № 6, вып. 1.
26. *Синицын В. М.* Научные рекогносцировки в Центральной Азии.— Страны и народы Востока. Вып. 22. М., 1980.
27. *Humboldt A.* Asie Centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparée. Vol. 1—3. P., 1843.
28. *Sinitzyn V. M.* The Geological Method of Reconstituting Ancient Climates.— The Countries and Peoples of the East. Selected Articles. М., 1974.
29. Архив Географического общества СССР, разряд 110, оп. 1, № 631.

Ю. Л. Кроль

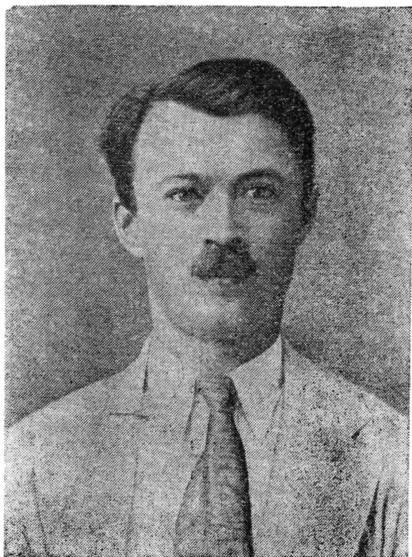
БОРИС ИВАНОВИЧ ПАНКРАТОВ
(зарисовка к портрету учителя)

Эта статья написана на основе доклада о жизни и научной деятельности Бориса Ивановича Панкратова (1892—1979), прочитанного 12 марта 1980 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР, которое было посвящено его памяти.

В тот день Борису Ивановичу исполнилось бы 88 лет. Впервые мы, его ученики и коллеги, собрались в день его рождения без него, чтобы с благодарностью вспомнить о нем, почтить его память. Для этого у нас были особые причины. Во-первых, Борис Иванович был нашей славой, он пользовался всемирным признанием и авторитетом среди китаистов, монголистов, тибетологов и маньчжуристов Европы и Азии, Америки и Австралии. Его юбилеи превращались в триумф нашей науки. Им восхищались выдающиеся востоковеды П. Пеллио и П. Демьевиль, Ф. Веллер и А. Мостарт, Д. Боддэ и О. Латтимор, Дамдинсурэн и многие другие. В свое время крупнейший китаевед нашей страны В. М. Алексеев писал о «комплексе его знаний, которому каждый из нас, имеющих ученые степени китаистов, может только позавидовать», а выдающийся исследователь древнего Востока В. В. Струве убежденно считал его академиком. Он любил сравнивать Бориса Ивановича с одним немецким ученым¹, который был избран в академики, хотя напечатал в своей жизни едва полсотни страниц, такую великую службу он сослужил науке.

Тут уместно сказать о второй причине. Борис Иванович с необыкновенной щедростью делился необозримым богатством своего знания, уча одних, консультируя других, подчас решая за них наиболее сложные задачи, связанные с их работой, и выступая незримым соавтором и редактором их статей и книг. В свое время на Ученом совете Института востоковедения АН СССР, который 26 ноября 1948 г. присудил Борису Ивановичу ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации, прямо говорилось, что большинство диссертаций, которые прошли в нашей среде по специальности дальневосточной литературы и истории, могли быть написаны только при деятельной помощи со стороны Бориса Ивановича.

И действительно, ему было свойственно редкое умение относиться к чужой работе как к своей. Уж на что превратилась у нас в формальность функция ответственного редактора, а Борис Иванович выполнял ее так, что она вновь обретала смысл. «Если на книге стоит ваше имя, — говорил он мне, — вы отвечаете в ней за все». И до бесконечности поправлял или даже переправлял чужие переводы, выверял факты, определял с трудом поддающиеся определению монгольские и маньчжурские ксилографы и рукописи. Когда ему в течение некоторого времени довелось редактировать тибетско-русско-английский словарь его покойного дру-

Б. И. Панкратов. Фотография конца 10-х — начала 20-х годов, из семейного архива (любезно предоставлена внуком И. Е. Панкратовым)

га Ю. Н. Рериха, и тут он бился над тем, чтобы уточнить значение каждого трудного термина, найти для него английский и русский эквиваленты. По его мнению, Рерих составлял этот словарь, «сидя в седле»; отсюда и необходимость в уточнениях. Когда же я указал Борису Ивановичу, что едва ли он обязан делать это, да еще мучиться в поисках точных русских эквивалентов, не довольствуясь описательным переводом, глаза учителя сверкнули: «Если вы редактор, то должны», — сказал он не терпящим возражения тоном. Так даже редакторская работа в его исполнении превращалась в соавторскую.

Борис Иванович знал то, чего не знал никто, и десятилетиями являлся высшим и безотказным экспертом по Дальнему Востоку для всех нуждавшихся в нем советских, а подчас и заезжих иностранных ученых. В особенно выгодном положении были живущие в одном городе с ним. Поэтому прав был ленинградский китаевед В. В. Петров, сказавший: «Когда Борис Иванович умер, у меня было ощущение, что позади рухнула стена». Такое ощущение было не у него одного: для многих из нас Борис Иванович был тем незаменимым человеком, на чей совет и помощь можно было рассчитывать в трудных случаях. Благодаря его щедрости в нашей памяти, в наших работах, где больше, где меньше, сохранились частицы его личности, его таланта, его знаний.

Эта щедрость сочеталась в его характере со странной любовью к публикации собственных работ, с полным отсутстви-

ем честолюбия в этом отношении. Во всяком случае, так было в послевоенные годы, когда я его знал, а до того печататься ему мешали не зависящие от него обстоятельства. Думается, этот старый ученый в каждой своей работе искал совершенства, но не находил, а потом терял к ней интерес и переходил к следующей. И потому предпочитал делиться знаниями в устной форме, мягко, но твердо отказываясь публиковать свои блестящие доклады, с которыми выступал, даже тогда, когда ему было уже далеко за восемьдесят.

Итак, излюбленной Борисом Ивановичем формой передачи научной информации было личное общение. Здесь со всей яркостью раскрывалась его незаурядная личность. Именно об этой личности мне и хочется рассказать, описать Бориса Ивановича таким, каким я узнавал его из года в год, сначала учась у него, затем навещая его — обычно раз в неделю — и ежедневно беседуя с ним по телефону. Речь здесь пойдет о том, что по большей части остается за рамками «официальной» биографии. Основным источником для меня является не архивное дело с его анкетой, автобиографией и другими документами, хотя заглядывал я и туда, а еще свежая память о живом человеке, о его речах и делах, о том, что я слышал о нем от его близких, да кое-какие личные заметки, сделанные с его слов.

Как известно, память — вещь небезотказная, и меня могут упрекнуть в том, что я смыкаюсь с рассказчиками «легенд о Панкратове», какие встречались в Институте востоковедения АН СССР с середины 30-х годов, когда Борис Иванович поступил туда на работу. Хочется заранее отвести этот упрек. Я пишу о том, что видел или слышал от него самого и от заслуживающих доверия лиц. Но если бы даже несовершенство моей или чужой памяти привело к тому, что в этот рассказ вкрались бы отдельные мелкие фактические погрешности, на это стоит пойти, чтобы написать сколько-нибудь верный портрет Бориса Ивановича. Ибо в данном случае главное состоит не в правде отдельного факта (как ни важна она сама по себе и как ни ценил ее Борис Иванович), а в правде целого.

Увы, сам учитель не облегчил работу своему биографу. Его дежурными фразами были: «Пока я жив, я хозяин своей биографии» и «Мемуаров (или архива) я оставлять не собираюсь». Мне рассказывали, что вместо ответа на чей-то вопрос, пишет ли Борис Иванович воспоминания, он с улыбкой снял с полки и положил перед собеседником хорошо переплетенную толстую тетрадь, на обложке которой была надпись «Мемуары Бориса Ивановича Панкратова», — подарок его друга поэта А. И. Гитовича. Собеседник раскрыл тетрадь и увидел перед собой чистые листы.

Начну свой рассказ о Борисе Ивановиче с начала.

Встретился я с ним, будучи студентом второго или третьего курса Восточного факультета Ленинградского университета, в 1950—1952 гг. Тогда это был стройный седой человек с лысиной

чуть не во весь череп. Над верхней губой он носил аккуратно подстриженные маленькие «чаплинские» усики. Его движения были легкими и отточенными. Он передвигался не спокойным шагом, а почти бегом; изящно раскланивался, изогнув левую руку калачиком, а правую отводя от груди вбок пластичным жестом, напоминавшим испанский поклон. Руки у него были небольшие, но сила в них была такая, что, говорят, когда он брал лошадь за уши, она присаживалась. Потом уже я узнал, что он одно время занимался джиу-джитсу, любил фехтование. Даже в больнице, незадолго до смерти, его рукопожатие сохраняло былую твердость.

В его внешности и поведении русские черты своеобразно сочетались с европейскими. И тип лица, и окающий волжский говор изобличали в нем костромского крестьянина; манеры же у него были очень светские, и в них проглядывало что-то иностранное. Мне рассказывали, что, когда вскоре по возвращении из Китая, в 30-х годах, он с веселой востоковедной компанией бродил по ночному Ленинграду, ему пришлось добывать спиртное в ресторане после закрытия: он постучал в дверь и, избравая иностранца, на ломаном языке попросил продать, «как это по-русски, немножко водка»; лицедейство помогло, и ему продали. На моей памяти, в 50-х годах он элегантно одевался, носил широкополую стетсоновскую шляпу. Но с возрастом русского в нем становилось все больше. В 70-е годы он стал сдавать, обликом все сильнее походя на деревенского деда.

Итак, Борис Иванович зашел в аудиторию (он должен был вести у нас китайский) и начал знакомиться с группой. И, естественно, спросил, что мы знаем о Китае. Мы весело ответили, что ничего. Он не поверил, задал несколько вопросов, а затем написал на доске по памяти начало китайского «Троесловия», предложил перевести и убедился, что мы ответили честно. «Так что же вы умеете?» — спросил он нас с комическим ужасом. «Пить умеем», — ответил старший из нас. «А что вы пьете?» — «Всё. И вино и водку». — «А в чем разница?» Оказалось, что мы не можем объяснить и этого. Борис Иванович дал нам необходимые объяснения, а потом рассказал о том, что китайцы наладили производство смирновской водки, которая внешне отличалась от отечественной только деталью надписи на бутылке: «Завод Петра Смирнова у Чугунного моста» (вместо «Чугунного» на китайской бутылке стояло «Чугунноного»). Мы остались сидеть с разинутыми ртами. Больше в аудиторию он к нам не пришел и, вероятно, правильно сделал.

Я начал регулярно заниматься с Борисом Ивановичем древнекитайским языком на первом курсе аспирантуры (1955 г.). Читали главу 129 «Записей историка» (II—I вв. до н. э.) — о купцах. Для первого занятия я бодро подготовил довольно длинный текст. Борис Иванович меня выслушал, сказал, что переведено в основном правильно, а затем стал спрашивать о том или другом иероглифе и закончил словами: «Вы лучше пе-

реведите меньше, всего лишь строчку, но так, чтобы каждый знак был вам понятен: лишних здесь нет». Так он на всю жизнь научил меня, как подходить к тексту.

Моя кандидатская диссертация о «Записях историка» была написана под руководством Бориса Ивановича. В дальнейшем — и до самого последнего времени — он был тем экспертом, к которому я обращался во всех трудных случаях за профессиональной консультацией по вопросам китайской филологии, истории и философии. Особенно поражал меня Борис Иванович этнографическим знанием реалий китайской жизни, потрясающей памятью на все, некогда виденное в Китае. Даже каждое растение, фигурирующее в древнем тексте, он помнил зрительно, умел назвать его по-русски и по-латыни, внося ясность там, где словари обычно только путали дело; про каждую ткань умел объяснить, как и из чего она сделана. Бывало, сидишь рядом с ним, потрясенный, и только спрашиваешь: «Откуда вы это знаете? Ведь нигде же об этом не прочесть!» А он довольно улыбается. Случалось, хоть и крайне редко, что мне удавалось потом набрести на более удачный перевод, чем у него; надо сказать, что с Борисом Ивановичем спорить было можно, он это любил и никогда не настаивал на своем варианте из ложного чувства престижности. Нередко говорил «дайте подумать», а потом следовал исчерпывающий ответ.

Поражало, когда мы работали с ним над древним языком, что тысячелетний текст жил для него совершенно особой жизнью, иной, чем для кабинетного человека. За текстом для него стояла конкретная реальность, какая доступна лишь тому, кто не понаслышке знает жизнь Дальнего Востока. Помню, как мы говорили с ним о знаменитом стихотворении Ли Бо:

Перед постелью — сиянье светлой луны;
Кажется — это иней, выпавший на землю.
Поднимаю голову и гляжу на светлую луну;
Опускаю голову и вспоминаю родину.

У меня и в мыслях не было, что Ли Бо не лежит, а сидит на своей постели, пока Борис Иванович не сказал мне об этом. Видимо, я был заморожен словом «постель».

Другой пример: в начале 50-х годов, когда Борис Иванович просматривал, редактировал и рецензировал подстрочные переводы китайских стихов для восточной редакции Гослитиздата, ему в руки попало танское стихотворение, переведенное, кажется, его другом Г. О. Монзеллером. Борис Иванович отчеркнул строчку, где говорилось, что армия стала лагерем в таком-то месте. Его спросили, почему. «Этого не может быть, — отвечал он. — Там обрыв». — «Откуда вы знаете?» — «А я там был».

И при таком точном образном видении, при том, что он написал о Ли Бо в предисловии к сборнику переводов из этого великого китайского поэта, выполненных А. И. Гитовичем, и хорошо написал, Бориса Ивановича очень трудно назвать люби-

телем поэзии. Сам он однажды сказал, что к поэзии и музыке относится «без умиления». Может, он и увлекался стихами когда-то в молодости; во всяком случае, иногда он цитировал какого-нибудь поэта того времени, например, Северянина. Помню, несколько раз Борис Иванович также вспоминал стихотворение, начинавшееся словами «В армяке, с открытым воротом», о седом старике дяде Власе, который был великим грешником, а потом раскаялся, и другое, об атамане Кудеяре. А для души не читал Борис Иванович ни стихов, ни другой беллетристики, предпочитая научную литературу, мемуары, научно-популярные работы. Еще развлекался детективами и любил перечитывать «Кима» Р. Киплинга. Тем не менее в классике начитан был необыкновенно и посмеивался над пробелами в образовании китаистов моего поколения. Иногда для удовольствия читал «что-нибудь божественное» (т. е. по буддизму), или медицинский древнекитайский трактат, или китайскую поваренную книгу, в которой гурман-чиновник, не ленившийся посылать своего повара в дома, где случалось ему вкусно поесть, собрал рецепты редких блюд. Видимо, к литературе Борис Иванович относился в первую очередь как к источнику сведений о жизни.

Что-то похожее было и в его отношении к изобразительному искусству. Он великолепно знал буддийскую иконографию, читал курс ее в Институте китайско-индийских исследований в Пекине (где работал с 1929 по 1935 г.). Ленинградским востоковедам памятно последнее публичное выступление Бориса Ивановича (1976 г.) в конференц-зале Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР с докладом «О книге Л. Н. Гумилева „Старобурятская живопись“ (буддийская иконография)»; тогда учитель не только дал блестящую критику ошибок, которыми изобилует эта книга, но также по-новому определил и описал ряд буддийских икон из собрания Института этнографии.

Составил Борис Иванович и собственную ценную коллекцию буддийских икон, ныне находящуюся в Эрмитаже. Но занимался он иконами не как искусствовед, а скорее как буддолог. Это отражает подбор икон его коллекции. По словам специалистов из Эрмитажа, Борис Иванович собрал около трехсот изображений божеств пантеона тантрического буддизма, среди которых лишь несколько высокохудожественных. Основная ценность собрания не в них, а в редкой полноте подбора икон ремесленной работы, предназначавшихся для широких масс, в том, что по этой коллекции можно судить и о культах второстепенных, малоизвестных божеств, и о распространении ламаизма в Тибете, и даже о разной технике исполнения икон.

Сходно отзываются искусствоведы и о собранных Борисом Ивановичем предметах китайского искусства — религиозных «новогодних картинах», ксилографах с изображениями народных божеств, народных картинах, политических плакатах, живописных свитках. Этот изобразительный материал, за редкими исключениями (скажем, картины кисти знаменитого Ци Байши),

ценен в первую очередь не с эстетической, а с познавательной, историко-культурной точки зрения, как источник для изучения народной жизни и религии².

Мне запомнилась, пожалуй, только одна эстетическая оценка, высказанная Борисом Ивановичем (кроме свойственной ему забавной манеры сравнивать иногда «для понятности» то, чего я не видел, с тем, чего наверняка не увижу, например: «Владивосток почти так же красив, как Гонконг»). Эта оценка чем-то очень на него похожа, возможно, тем, что построена на соотношении искусства с действительностью. Когда Ю. Н. Рерих привез в Ленинград собрание картин отца, то по условиям того времени (конец 50-х годов) востоковеды, чтобы сказать «это хорошо», говорили «это реализм». А Борис Иванович уже без всяких задних мыслей подтверждал, что Рерих пишет Тибет и Памир такими, каковы они на самом деле, и объяснял этим краски его картин.

Как бы ни относился Борис Иванович к художественной литературе и живописи, но с писателями и художниками ему было интересно, — видимо, привлекало их особое знание жизни, не свойственное ему, человеку трезвого ума и рационального познания. А он, в свою очередь, был интересен людям литературы и искусства. Среди ленинградских востоковедов широко известна его дружба с А. И. Гитовичем, его встречи с А. А. Ахматовой. Менее известны отношения, связывавшие его с Н. К. Рерихом.

Познакомились они в 1927—1928 гг. Николай Константинович Рерих прибыл в Пекин с границ Тибета, куда попал, проехав по Монголии через Ургу. Художник хотел въехать в Тибет как 25-й князь Шамбалы, о котором говорили, что он придет с севера, принесет спасение всему миру и станет царем света. Носил он по этому случаю парадное ламское одеяние. Караван его чуть ли не из 70 верблюдов был организован его сыном Юрием. Около полугода прожил Н. К. Рерих в Анакчука на границе, послав паспорт в Лхасу и ожидая, когда далай-лама разрешит ему въехать в Тибет, но тот так и не разрешил.

Встречались Борис Иванович и Рерихи еще несколько раз, в частности когда те приезжали пропагандировать «пакт Рериха» (этот пакт об охране памятников культуры признали только панчен-лама и Либерия). Борис Иванович говорил о Николае Константиновиче как об интересном собеседнике, много видевшем и знающем человеке, но со склонностью к мистике, когда речь заходила о буддизме. Не без юмора вспоминал он, как останавливался караван по пути в Тибет, когда у жены Рериха, еще более мистически настроенной, чем сам художник, появлялось желание вступить в общение с духами. Для нее ставили столик, а по окончании общения караван снова трогался в путь.

Об этом я знаю от Бориса Ивановича, а сам являюсь свидетелем его дружбы только с А. И. Гитовичем, который относил-

ся к Борису Ивановичу благоговейно, как к носителю высшей мудрости, звал его «богом», писал ему стихи.

Литературные связи Бориса Ивановича возникли на почве совместной переводческой работы, благодаря тому содружеству востоковедов с писателями, которое сложилось в Ленинграде в начале 50-х годов. За свою долгую жизнь Борис Иванович отдал переводам очень много сил. Цена в переводческом деле точность передачи информации, он никогда не был сторонником дословных «дубовых» переводов (за что мне от него не раз попадало), а любил смысловой, как он выражался, французский перевод. И тут следует сказать о его знании языков.

Учитель был полиглотом, знал свыше 20, а может, и около 30 языков. По подсчетам одного близкого человека, он знал 27 языков, из них девять активно. Насколько мне известно, он совершенно свободно говорил на четырех восточных языках — китайском, монгольском, тибетском и маньчжурском. Кроме того, изучал китайские и монгольские диалекты и знал соответствующие классические языки; пятым иностранным языком, которым он владел в совершенстве, был английский. Это, конечно, не значит, что он говорил только на этих языках. Помню, например, что он отрицал свое хорошее знание французского, так как говорил на нем с бельгийским акцентом.

Борису Ивановичу много приходилось заниматься устным переводом, в частности на дипломатической работе. Иногда это требовало такого напряжения, что запоминалось на всю жизнь. Учитель рассказывал, что, находясь на службе в советском посольстве в Пекине в 1924—1935 гг. в качестве ученого специалиста по китайскому, монгольскому, тибетскому и английскому языкам, ему пришлось как-то переводить во время встречи, в которой участвовали и китайцы, и тибетцы, для одних на китайский, для других — на тибетский, для третьих — на английский; это была настолько сложная и напряженная работа, что через какое-то время он начал обращаться к тибетцам по-китайски, а к китайцам по-английски.

Про китайский Борис Иванович говорил, что он занимался по-настоящему его пекинским диалектом. С удовольствием слушая свободно льющуюся литературную китайскую речь своего друга профессора В. С. Колоколова, он тем не менее сам интересовался языком улицы, собирал и записывал все, к нему относящееся: и поговорки (сехоуэй), и пословицы, и ругательства, и крики продавцов и погонщиков, и язык детей (сяохарюй) — считалки, скороговорки и т. п., и приметы, и загадки, и песни нищих. Так складывалась его коллекция пекинского фольклора.

Борис Иванович любил вспоминать, на каком великолепном языке говорили в Пекине до нашествия, как он выражался, этих варваров с юга в 30-х годах; тогда по языку можно было определить, из какого района города говорящий. Он знал даже такие тонкости пекинского диалекта, как специфические слова и обороты, употреблявшиеся в окитаившихся маньчжурских семь-

ях в Пекине. Из современных писателей Борис Иванович особенно ценил пекинский язык Лао Шэ. А сам настолько хорошо говорил на пекинском диалекте, что китайцы только через четверть часа телефонного разговора узнавали, что говорят с иностранцем.

Не хуже китайского Борис Иванович знал и монгольский — язык первой восточной страны, где он побывал и куда систематически ездил года с 1912-го. Восточный институт во Владивостоке, где тогда учился Борис Иванович, требовал от студентов, чтобы те хоть раз за курс съездили в изучаемую страну, и оплачивал эти командировки. В первый год обучения Борис Иванович получил от института на поездку 100 рублей, сговорился со своим другом-монголом и на повозке отправился к нему в Баргу.

Однако не только практическое знакомство Бориса Иванoviча с Востоком началось с Монголии, но и в дальнейшем на протяжении всех его странствий монголы оставались для него самым близким из восточных народов. В Монголии он изучал их язык (а также тибетский и маньчжурский), их быт и культуру, кочевал с ними, сроднился с ними, живя их жизнью. Относился к нему как к своему; один старик звал его сыном. Борис Иванович немногословно вспоминал о том, что монгольская жизнь была нехитрая: бабы при коровах, мужики при конях. Приходилось ставить и снимать юрту, ездить в табун ловить коней. Были в этой кочевой жизни и свои опасности: как-то раз Борис Иванович подвергся нападению, но отбилсЯ; другой раз переправлялся на коне через вздувшуюся от дождей реку, его понесло течением, насилу выбрался; тогда-то он и поседел еще совсем молодым. То угроза исходила от болезни, то от сорвавшегося с привязи по весне верблюда. Бывало, что опасность существовала лишь в воображении монгольских друзей Бориса Иванoviча: однажды ему помешали выкупаться в пруду, опасаясь, что его утащит нечистая сила.

В 1914 г. Борис Иванович проехал с экспедицией по выявлению чумных районов через всю Восточную Монголию. В следующем году он изучал в Барге тамошний диалект одного из самых малоизвестных монгольских языков — дагурского. На основании собранных материалов он доказал в своей дипломной работе «Исследование языка дагуров, живущих в Барге» принадлежность этого языка к монгольской, а не к маньчжурской группе, как думали раньше. Орочоном, живущим в Хулунбуире, была посвящена первая статья Бориса Иванoviча, вышедшая в свет во Владивостоке в сборнике «Vivat Academia» в бытность его еще студентом (1915 г.).

В 1916—1917 гг. Борис Иванович изучал дагурский и ороchonский языки в бассейне р. Нонь. В студенческие годы и позднее, перед революцией, он также жил в Монголии, в буддийском монастыре, будучи учеником ламы Джамцарана, которыйставлял его в буддизме. В 1921—1928 гг. он снова живет в бас-

сейне р. Нонь и гостит в Чахаре (верст 200—250 от Калгана) у своего друга, бывшего помощника калганского военного губернатора времен династии Цин по имени Хан Цзиньшоу, большого знатока монгольской жизни. Там он общается еще с двумя бывшими цзун-гуанями (главными управляющими), т. е. начальниками хошунов, по рангу равными князьям, которые хорошо знали эту жизнь, быт, язык.

В результате своих поездок Борис Иванович собрал большой материал по восточномонгольскому диалекту Чахар. В 30-е годы он взялся за подведение итогов изучения дагурского языка и написал исследование на основании собранных ранее материалов.

Когда в 1935 г. монголист с такой подготовкой приехал в Ленинград и поступил в Институт востоковедения, неудивительно, что ему досталась одна из важнейших ролей в составлении и редактировании текста большого «Монголо-русского словаря ИВ АН СССР», ибо, по словам В. М. Алексеева, он обладал «ресурсами, каких его товарищи по составлению могли и не иметь».

Глубокое знание китайского и монгольского языков, их истории, их диалектов, истории и культуры их носителей позволило Борису Ивановичу взяться за выполнение особо сложных работ по переводу и интерпретации памятников, возникших на стыке этих языков, — «Секретной истории монголов» («Юань чао би ши») и китайско-монгольских словарей и документов XIV—XVII вв. Первый том его «Секретной истории монголов» вышел при жизни Бориса Ивановича (1962 г.). Хочется надеяться, что будет издан и выполненный им перевод этого памятника.

На примере обеих этих работ можно указать на особую черту научного дарования Бориса Ивановича: это вкус к комплексным исследованиям. Уж если он брался за старый монгольский текст, то непременно записанный средствами китайской иероглифики, прочтение которого требовало знания того, как произносились монгольские слова и китайские иероглифы, их транскрибирующие, многие сотни лет тому назад. Благодаря вкусу к таким исследованиям и своим возможностям полиглота Борис Иванович смог выступить блестящим комментатором «Сборника летописей» Рашид ад-Дина (1952 г.), где требовалось восстановление монгольских, тюркских, китайских и иных имен и названий.

Эта особенность дарования сочеталась с другой: у Бориса Ивановича как ученого был ярко выраженный интерес к дешифровке трудных или вовсе загадочных текстов. Он занимался китайскими надписями на гадательных костях эпохи Инь и на бронзовых сосудах эпохи Чжоу, тангутской, киданьской и чжурчжэньской письменностью; можно сказать, пробовал себя во всем, что требовало широких комплексных познаний, высокой способности комбинировать различные сведения, доступные лишь ему. Учитель любил решать такие текстовые загадки.

Говоря о языках, которые знал Борис Иванович, нельзя обойти и его родной язык — русский. Я бы сказал, что у Бориса Ивановича счастливо соединялись редкое богатство лексики, достойное народного писателя, с глубокими лингвистическими познаниями о родном языке, подкрепленными его дарованием полиглота. Тут, несомненно, сыграло роль то, что человек он был народный, из крестьянской семьи, сам себя сделавший, благодаря таланту и трудолюбию поднявшийся до высот рафинированной европейской культуры. Семья была религиозная, мать возила сына по всем богомолям Средней России. Во время этих поездок и в своей родной Костроме Борис Иванович узнал тот язык и ту жизнь, которые нам уже недоступны — они ушли в прошлое. Герои анекдотов, которые иногда вспоминал Борис Иванович, — это слепцы и нищенки страннической России, старики-купцы и молодые их жены, персонажи мира волжских городов, описанного В. А. Гиляровским. Да и среди товарищей Бориса Ивановича по владивостокскому Восточному институту были такие, что поставили себе задачу — жениться на богатой купчихе. И все богатство языка этого мира, и все реалии его жизни откладывались в памяти любопытного будущего востоковеда.

В глубокой старости, когда ему стало трудно много читать из-за ухудшающегося зрения, он стал развлекаться новой игрой по телефону, которую сам выдумал, вспоминая занятные русские слова и предлагая мне определить их значение и указать этимологию. Так, он спрашивал меня: «Что такое шабашка?» Этимологию я еще мог указать — от древнееврейского «шабат» — «суббота», но дальше пасовал. Оказывается, «шабашкой» (помимо свободного времени) называлось полено, в которое плотник, окончив недельную работу (пошабашив), загонял топор, чтобы унести на плече домой и отдать на дрова хозяйке, у которой стояла плотничья артель. Почему муж называется «благоверный», а жена «благоверная»? Потому что так именовались в церкви царь и царица, а отсюда — иронически — так стали называть вообще мужа и жену. Или почему в Средней Азии пельмени называются манты? — От названия китайских пампушек, приготовленных на пару, — маньтоу. Или — любимый вопрос — что значит «мы с братаном по елани сундалой хлыняли»? Сейчас редко какой сибиряк знает, что это значит «мы с двоюродным братом ехали по равнине трусцой на одной лошади».

Иногда во время этой игры Борис Иванович давал собственные этимологии, да у меня не хватало ума записывать.

Присущая Борису Ивановичу способность остро осознавать образное представление, связанное со словом, его этимологию могла бы, по всей вероятности, показаться идеальной А. А. Потемне. Вспоминается такой эпизод. Я советовался с учителем, как перевести китайское сочетание «те ци» («железный сосуд для варки соли»), и спросил, нельзя ли употребить слово «чан».

«Только не „чан“», — ответил Борис Иванович, скривив губы. «Почему, собственно?» — «Да ведь „чан“ — это „дщан“, как же можно назвать этим словом железный предмет?»

Борис Иванович поражал не только профессиональными познаниями, но и тем, что, казалось, он знал все и очень многое умел. Еще в Костроме параллельно с учебой в реальном училище он окончил техническую школу, где получил подготовку химика. В дальнейшем он обогатил эти знания, дополнил их профессиональным знанием фотографии, восточной бумаги, переплетного дела; поэтому он и сумел создать в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР знаменитую на весь Советский Союз лабораторию реставрации и консервации восточных рукописей, приобрести для нее оборудование, подобрать и воспитать кадры, завести традиции работы, которые поддерживаются до сих пор. Руки имел золотые, был высококвалифицированным токарем.

Знал он медицину — в фельдшерских пределах, понимал и в восточной медицине. Когда-то он лечил настоятеля какого-то монастыря в Китае по-европейски, а тот в благодарность объяснял Борису Ивановичу свою науку. Помню, когда я в первый раз пришел домой к учителю (это было в середине 50-х годов), он отложил какую-то книгу и сказал мне: «Знаете, что это такое? Это самый старый медицинский трактат в Китае. Только что кончил его читать. Теперь, пожалуй, пора класть на бумагу». Боюсь, что из этого намерения ничего не вышло. Но толковый медицинский совет Борис Иванович вполне мог дать, и некоторые знакомые охотно пользовались этими советами, в особенности А. А. Быков, известный арабист и нумизмат из Эрмитажа, который «лечился» у Бориса Ивановича «по телефону». Но он, как говорится, уважал Бориса Ивановича не только за это: получал у него высококвалифицированные консультации по нумизматике, в которой Борис Иванович отлично разбирался, как, впрочем, и во всей материальной культуре Востока.

Знал, любил и собирал Борис Иванович книгу — и восточную, и европейскую. В его великолепном знании китайской книги я имел возможность убедиться в особенности, когда работал в группе, составлявшей каталог фонда китайских ксилографов ЛО ИВ АН СССР (примерно в 1962—1966 гг.). Если мы ни по каким справочникам не могли определить ту или иную книгу, я отправлялся с нею к Борису Ивановичу; и не было случая, чтобы он не сказал, что это такое и «с чем его едят». Только раз, помню, он дал неполное определение: ксилограф оказался руководством по какой-то редкой китайской игре, а по какой — не знал даже Борис Иванович.

Он собрал, наверное, одну из лучших востоковедных частных библиотек страны, охватившую богатый диапазон его интересов; она содержала ценнейшую подборку синологической, тибетологической, маньчжуроведческой, монголистической, индологической литературы, книги по лингвистике (в частности, по

алтайскому языкознанию), по буддологии, по истории религии, включала редкие издания и ксилографы и даже рукописи на языках Дальнего Востока. Помню, Борис Иванович говорил, что его «библиотека маньчжуриста» объемлет треть всех изданных на маньчжурском языке ксилографов. История собирания этой библиотеки, вероятно, целая эпопея, которая никогда не будет написана. Если в Китае в бытность там Бориса Ивановича выходила малым тиражом стоящая книга, то часто хотя бы один экземпляр оказывался у него. Такой книгой было отдельное издание иллюстраций к дворцовому экземпляру романа «Цветок сливы в золотом кувшине». Когда один из китайских военачальников (вероятно, Фэн Юйсян в 1924 г.) захватил Пекин и изгнал бывшего императора Пу И из дворца, к нему явилась депутация генералов и попросила посмотреть императорское издание романа на один день. Тому пришлось согласиться. За этот день было организовано отдельное издание эротических иллюстраций к книге, которая попала в руки генералам; всего было отпечатано 100 экземпляров. Один из них достал Борис Иванович; теперь этот экземпляр хранится в ЛО ИВ АН СССР.

Еще при жизни, в середине 70-х годов, Борис Иванович продал часть своей коллекции в Синологическую библиотеку ИНИОН (Москва); в настоящее время там сосредоточены почти все книги по Китаю и все по Маньчжурии из собрания Бориса Ивановича. Остальные приобрел Институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР (Улан-Удэ); это соответствует воле Бориса Ивановича, желавшего, чтобы в этот институт, где работают его ученицы, пошли нужные им для работы книги по тибетологии, индологии и буддологии из его собрания.

Борис Иванович был страстным коллекционером, и собирал он не только книги да образцы тибетского, китайского и маньчжурского изобразительного искусства и каллиграфии, о чем отчасти уже говорилось. После его смерти Эрмитаж приобрел также коллекцию небольших старинных бронзовых печаток, две официальные печати XIV и XVIII вв., две верительные посольские грамоты 1747 г., старую гирию времен династии Мин (XIV—XVII вв.) или даже Юань (XIII—XIV вв.) и четыре бумажные ассигнации из Харахото (XIII и XIV вв.). Все это либо редкие, либо уникальные вещи. Помню, была у него еще одна диковинка — придворный костюм китайского чиновника, сшитый на него лично бывшим придворным портным в Пекине. Как-то Борис Иванович по просьбе домашних нарядился в этот костюм — в памяти у меня остались черная ткань, расшитая золотом, шапочка с красными шариками. Не знаю, какова судьба этого костюма.

Как и многие коллекционеры, Борис Иванович психологически не мог расстаться с тем, что он собрал. Испытывая материальную нужду в середине 60-х годов, он гнал от себя мысль о продаже своих библиотечных богатств, говорил, что прода-

вать книги — последнее дело. Только когда его зрение ухудшилось и окрепло сознание, что ряд книг ему уже никогда не понадобится, он восьмидесятилетним стариком решился расстаться с частью библиотеки.

Рассказывать о Борисе Ивановиче можно до бесконечности; не стоит и пытаться втиснуть все воспоминания о нем в одну статью. В заключение я хочу напомнить о некоторых человеческих качествах моего учителя, который для меня, как и для многих, является образцом джентльмена, «благородного мужа» — цзюнь-цзы. Это был настоящий русский интеллигент. Духовная элита в России веками формировалась таким образом, что в нее вливались, обогащая ее, талантливые люди из народа, Ломоносовы. Так пришел в русскую интеллигенцию и Борис Иванович Панкратов. Те черты, которые воспринимаются как классические для русского интеллигента, были и его чертами. Это открытость ко всему чужому, непредвзятость ума, желание и умение понять, неустанное стремление к познанию нового — будь то духовный или материальный мир Востока или новые методы в науке. Человек он был по-народному цельный, всегда оставался самим собой, но, думаю, с англичанином он был англичанин, с китаец — китаец, с монголом — монгол. Немногослышный и не склонный к душевным излияниям, он располагал к откровенности, выслушивал человека с сочувственным пониманием и старался помочь ему, если мог. Полное отсутствие карьеризма и честолюбия, скромность до самозабвения сочетались в нем со знанием себе цены. Он готов был служить другим, если чувствовал, что нужен им, тут он готов был отдавать свои знания без конца. Но если он чувствовал, что не нужен, он уходил. Думаю, что ему введома была радость бескорыстной щедрости, свойственная богато одаренным натурам. И он не был обижен людьми: до самого последнего времени они все шли к нему, новые и новые люди, за знаниями, руководством и мудростью, давая и ему твердое сознание осмысленности жизни. Последняя работа, которой он руководил, была закончена меньше чем за год до его смерти, а консультации его продолжались до последних месяцев жизни.

Мне довелось в полной мере на собственном опыте убедиться в духовной щедрости Бориса Ивановича. Его отношение ко мне описывают два слова. Первое из них — *учитель*. Я часто так называл его, обращаясь к нему, а он как-то подарил мне книгу на память «от сянь-шэна» (учителя по-китайски). Напомню, что ученики академика Н. И. Конрада называли его тем же словом, произнося его на японский манер — «сэнсэй». У этого слова более емкое значение, чем у слова «преподаватель», в нем есть оттенок, раскрывающийся в сочетании «учитель жизни». Второе слово, описывающее отношение Бориса Ивановича ко мне, — *друг*. Борис Иванович был надежным и верным другом тем людям, которые были ему близки. Мне приходилось видеть его в тяжелые периоды жизни, когда на нем лежало неподъем-

ное бремя ухода за безнадежно больным родным человеком. Он нес это бремя без единой жалобы, мужественно принимая удары судьбы. Чего-чего, а мужества у него хватало на десятерых.

Наука была его способом существования. Он шел в ней своим, трудным и бескомпромиссным путем, путем поиска истины, не замутненным никакими привходящими соображениями. Тут он был беспощаден к себе и строг к другим, презирая халтуру и недобросовестность, призывая «поганой метлой» гнать носителей этих качеств. Он создал для своих учеников и коллег образец высокой принципиальности, который, надеюсь, никогда не потускнеет.

Была в нем еще одна черта — глубокий и действенный патриотизм. Вся его жизнь была служением своей стране, которую он по-настоящему любил, что не мешало трезвости его оценок. Квасным патриотом он никогда не был. Помню, он рассказывал мне, как его чуть не побили ура-патриоты в начале первой мировой войны, когда он скептически отозвался о способности империи ее вести. Но он желал своей стране процветания и славы и работал для этого с бесстрашием и самопожертвованием.

Когда человеку столько лет, сколько было ему, он не может не задумываться о смерти. Отношение к смерти у Бориса Ивановича было в чем-то народное, крестьянское. Когда в 60-х годах ему было непосильно тяжело и казалось, что организм может не выдержать, он однажды сказал мне: «Надобно распорядиться». И распорядился, дав мне ряд поручений на случай, если с ним что-нибудь произойдет. Я принял их, но посоветовал ему гнать от себя такие настроения. В ответ он сказал: «Юра, я готов. Но я бы еще пожил». Умирать, считал он, надо дома. Ему это не было дано. Когда он последний раз заболел, он очень скоро почувствовал, что из больницы ему не выйти. И назвал мне книги, которые он обещал библиотеке ЛО ИВ АН СССР, объяснил, где стоят. «На всякий случай», — как он выразился. Потом он пытался обеспечить дальнейшую научную работу своих последних учеников — значит, знал, к чему идет. Когда я видел его последний раз вечером 27 августа 1979 г., я уже с трудом понимал его речь. Он произнес длинную фразу, где несколько раз упоминалось слово «сметь» (смерть). Я не понял этой фразы. И тогда он отчетливо сказал: «Ничего особенного. Ничего особенного — это я говорю о смете». Это были его последние сказанные мне слова, которые я запомнил. Через 30 часов он умер.

Я знал этого замечательного человека 28 лет его очень длинной и очень богатой жизни. О том, что было до того, мне известны лишь внешние, анкетные данные, да рассказы его и других, иногда самые невероятные. Вдруг в своих мемуарах индийский дипломат Кришна Менон вспомнит о встрече с Борисом Ивановичем Панкратовым в буддийском монастыре, где тот пел монгольские песни. Или английский буддолог У. Кларк сообщает, что сотрудник Института китайско-индийских исследова-

ний Панкратов указал на важность какого-то тибетского ксилографа XVIII в. для исследования пантеона буддийских божеств. Или выяснится, что Борис Иванович учил монгольскому языку видного немецкого тюрколога А. фон Габэн. Или в разговоре всплывет, что он был членом английского клуба, жила в миссионерском доме в Шанхае, или — единственный из европейцев — состоял в каком-то тайном даосском обществе, или «пил водку» на свадьбе у последнего китайского императора Пу И.

Я хочу сказать, что это был человек-легенда, жизни которого по-настоящему мы не знаем и не узнаем. Потому нам так ценны и интересны свидетельства очевидцев этой прошлой жизни Бориса Ивановича. Одному из них, выдающемуся американскому китаисту и монголисту Оуэну Латтимору, мне и хочется предоставить слово, заканчивая эту статью. Вот что писал мне старый друг Бориса Ивановича профессор О. Латтимор 8 января 1980 г.:

«Впервые я познакомился с Борисом Ивановичем в Пекине в начале 30-х годов. В то время он был уже ученым с очень солидными познаниями, тогда как я — всего лишь начинающим монголистом. Так я сразу узнал одну из выдающихся черт его характера — доброту к начинающим и к людям, знавшим гораздо меньше его. Он всегда считал, что знания высокого специалиста не должны быть монополией немногих привилегированных лиц, а что их следует распространять как можно шире. Я вскоре узнал также, как сильно им восхищались и как сильно ему доверяли монголы Внутренней Монголии. 30-е годы были ужасным временем для этих монголов, когда китайские военачальники сгоняли их с их земли, чтобы поселить китайских колонистов, а японские военные авантюристы рыскали вокруг в поисках добычи. Некоторые монгольские князья и высокопоставленные ламы предавали свой народ, оберегая собственные интересы, но незначительное их число отважно защищало монгольские интересы, и кое-кто из более молодых людей начал смотреть на Монгольскую Народную Республику как на единственную надежду для монгольской свободы. Самые разные монголы приходили, чтобы спросить Бориса Ивановича о том, что происходит в мире, и он всегда был абсолютно честен в своих ответах; честен, а также смел, потому что были люди, готовые пустить слух, что он „против китайцев“ или „против японцев“. Но Борис Иванович был человек, для которого жить значило быть честным и бесстрашным.

В те годы он рассказал мне кое-что о своей юности и о том, что ему довелось испытать смолodu. Я повидал его снова в Ленинграде в 1936 г., после его возвращения в Советский Союз, и он с энтузиазмом говорил мне, как он счастлив, что он на родине, и какое большое удовольствие он получает от своей работы. Мы просидели за беседой далеко за полночь.

Последний раз я видел Бориса Ивановича во время

XXV Международного конгресса востоковедов в Москве в 1960 г. Опять мы засиделись до глубокой ночи, рассказывая истории и вспоминая былые дни, обсуждая будущую работу и планы исследования и подогревая беседу обильными порциями его любимого армянского коньяка. Это воспоминание, которое останется у меня навсегда, — о его научной любознательности (помню, как он рассказал мне, что использовал время выздоровления, чтобы добавить корейский к списку известных ему языков); о непредвзятости ума, щедрости духа; откровенности и честности; скромности в сочетании с бесстрашием. Я горжусь тем, что когда я говорю монгольскому другу: „Да, я знал Панкратова“, между нами тотчас же возникает связь».

Науку делают личности. Их знания, их идеи составляют ее богатство, а сами они, являя образцы поведения, оказывают профессиональное и нравственное влияние на окружающих. Мне кажется, что память о таких людях ценна сама по себе и принадлежит истории науки. Принадлежит ей и память об одном из самых ярких востоковедов нашего времени — Борисе Ивановиче Панкратове.

¹ Возможно, это был египтолог Ф. Рюккерт.

² Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Ж. Л. Рудову (Пчелину) и Г. А. Леонова за сведения о коллекциях Б. И. Панкратова, приобретенных Эрмитажем.

ОПИСАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ НА ЗАПАДЕ.

ГЕРАТ

Перевод с китайского Б. И. Панкратова

В архиве Б. И. Панкратова (ф. 145 Архива востоковедов ЛО ИВ АН СССР; до сих пор находится в процессе обработки) сохранилось сочинение Чэнь Чэна (ум. в 1457 г.) и Ли Сяня (1376—1445) «Си юй фань го чжи» («Описание иностранных государств на Западе») в русском переводе.

Чэнь Чэн был доверенным чиновником при минском императоре Чэн-цзуне, известном больше под названием годов своего правления Юн-лэ (1403—1424), и принял видное участие в качестве посла при установлении контактов с иностранными государствами. 12 октября 1413 г. ему было поручено вместе с евнухом Ли Да и чиновником Ли Сянем эскортировать по дороге домой послов из Герата, Самарканда, Шираза, Андекана (Андижана), Андхоя, Турфана, Караходжо, Лукчака и Кашгара, которые ранее прибыли в Нанкин с дарами — конями, львами и леопардами. Чэнь Чэн с товарищами отправились в путь 3 февраля 1414 г. через Сучжоу (Западный Китай), тоже везя с собой дары — одноцветный и узорчатый шелк, газ и другие ткани, и 27 октября 1414 г. достигли Герата. Посольство Чэнь Чэна посетило 17 «государств» — Герат, Самарканд, Андхой, Бадахшан, Термет (Термез), Шахрухию, Ташкент, Бухару, Сайрам, Кеш, Янгикенд, Бишбалык, Караходжо, Лукчак, Турфан, Яньцзэ и Хами. Оно вернулось в Китай 30 ноября 1415 г., после чего Чэнь Чэн и Ли Сянь представили свои путевые записи «Си юй син чэн цзи» в одном свитке (цзюань) и отчет о виденных ими местах, содержащий сведения о топографии, местных продуктах и обычаях, тоже в одном свитке. Этот отчет под названием «Си юй фань го чжи» расценивается учеными как важнейший китайский источник по положению в Центральной Азии в ранний период династии Мин. Отчет Чэнь Чэна и Ли Сяня был использован при составлении официальных «правдивых записей» (ши лу) минского периода, минских императорских географических сочинений «Хуань юй тун чжи» и «Да Мин и тун чжи», а также раздела об иностранных государствах истории династии Мин — «Мин ши». Некоторыми из упомянутых трудов широко пользовался Э. Бретшнейдер (см. [3, с. 137—294]).

Долгое время оба сочинения считались утерянными. Но в

1934 г. их рукописные экземпляры времен Мин были приобретены у частного коллекционера в Тяньцзине Национальной пекинской библиотекой, которая опубликовала их в 1937 г. фото-литографическим способом в библиотеке-серии редких книг «Шань бэнь цун шу», вып. 1 (см. [4, с. 144—145]). Видимо, во время своего второго длительного пребывания в Китае (1942—1948) Б. И. Панкратов приобрел экземпляр тетради (бэнь) из серии «Шань бэнь цун шу», где опубликованы оба сочинения. В 60—70-х годах он говорил В. А. Ромодину и Ю. Л. Кролю, что отчет Чэнь Чэна и Ли Сяня о виденных ими странах Центральной Азии является чрезвычайно интересным документом, которого не знают европейские ученые, что он сделал перевод половины этого сочинения и хотел бы перевести его полный текст для издания в серии «Страны и народы Востока» Восточной комиссии Географического общества СССР. Тогда же он показывал Ю. Л. Кролю машинопись своего перевода на 15—16 страницах. В Архиве востоковедов сохранились 13 страниц машинописи перевода раздела о Герате из «Си юй фань го чжи» и тетрадь с текстом обоих сочинений, отпечатанная в серии «Шань бэнь цун шу». 13-я страница обрывается на половине фразы; конец машинописи (с середины § 38) пока не найден. Сотрудник Архива востоковедов К. В. Дубков, занимавшийся разбором фонда 145, обнаружил папку с полным (за вычетом нескольких строк) черновым переводом сочинения «Си юй фань го чжи», выполненным Б. И. Панкратовым, с черновыми вариантами перевода и материалами к нему. Раздел перевода, посвященный описанию Герата, в значительной части перебелен; с него-то и была сделана машинописная копия. На первой странице перебеленной части рукописи есть указание для машинистки, датированное 2 марта 1953 г. Следовательно, черновой перевод был выполнен до этой даты, а машинопись, вероятно, следует датировать мартом 1953 г.

Оригинальный текст «Си юй фань го чжи» занимает один свиток, насчитывающий 20 листов китайского текста. Он содержит описание 17 «государств» Центральной и Средней Азии: Герата, Самарканда, Андхоя, Балха, Термеза, Шахрухии, Сайрама, Кеша, Янгибалыка, Турфана, Яра (Кургана), Яньцзэ, Хочжоу, Лукчака, Хами, Ташкента, Бухары (названия даны по переводу Б. И. Панкратова).

Ниже публикуется перевод первого и самого большого описания, посвященного Герату, соответствующий 11 листам китайского текста. Перевод Б. И. Панкратова подготовил к печати, снабдил предисловием и примечаниями Ю. Л. Кроль, который консультировался по вопросам отождествления китайских транскрипций у В. А. Ромодина.

Описание иностранных государств на Западе

Авторы: Чэнь Чэн, помощник начальника отделения Департамента личного состава Гражданских чинов империи Министерства чинов

Ли Сянь, помощник директора Конского Управления в Цинхэ¹

Герат

1. Ха-ле (он же Хэ-лу) находится от Самарканда на юго-запад. От заставы Цзяюйгуань, [находящейся] в Сучжоуском военном округе Шэньсийского генерал-губернаторства, отстоит на 12 700 ли. Расположен на равнине. Равнина пространством в 100 ли с лишком. На ней есть река, текущая на запад, а кругом большие горы. Город [находится] у подножия северо-восточных гор. [Стены] в окружности 10 с лишком ли. Государь живет в северо-восточном углу города, [где] из кирпича сложено здание с плоской крышей², похожее на высокую «тай»³, [выстроенное] без балок и черепицы. Внутри — сводчатое пустое помещение [размером в] несколько десятков «цзянь»⁴. Стены и окна разукрашены золотистыми и зелеными изразцами⁵. Створки дверей [покрыты] резными узорами и инкрустированы костью и рогом. Полы устланы коврами.

Около здания же поставлен расшитый цветными узорами шатер, служащий местом отдохновения [государя]. В шатре стоит золотой диван, на котором разостланы в несколько слоев подстилки и подушки⁶. [Там] нет стульев и табуретов⁷, а садятся на землю⁸, поджавши под себя ноги.

2. Государь носит платье с узкими рукавами и халат, который надевается через голову. [Он] носит шапочку «чжао-ла»⁹ и обертывает голову белой тканью. Волосы бреет. Цвет платья [он] предпочитает белый, так же как и [его] подданные¹⁰.

Подданные величают его «Со-лу-тань»¹¹. А «Со-лу-тань» — это почтительное наименование, все равно как по-китайски «цзюнь-чжу»¹². Жены государя величают его «а-ха». Его сыновей величают «ми-р-цза», и это все равно как по-китайски «шэ-жэнь»¹³.

Высшие и низшие называют друг друга прямо по имени, даже называя государя и то [поступают] так же.

[В этой стране] нет¹⁴ [отдельных] правительственных учреждений и канцелярий¹⁵, также нет и системы чиновничества, а лица, ведающие делами [правления], именуются «чинами дивана», и все дела, как малые, так и большие, обсуждаются и решаются [этими] «чинами дивана».

3. Когда [жители этой страны] встречаются друг с другом, [то] совсем не соблюдают [особых] вежливых церемоний, а только склоняются немного и произносят: «Са-ли-ма-ли»¹⁶. Если же долго не виделись, или при первом знакомстве, или же в торже-

ственных случаях, тогда, сгибая одну ногу, совершают три коленапоклонения.

При встрече со старшим подходят [к нему], берут друг друга за руки, и только. Просто знакомые лишь берут друг друга за руки или же обнимаются, чтобы проявить отменную вежливость. Как мужчины, так и женщины все так [поступают].

Если обращаются к человеку с приветом, то говорят: «Салам»¹⁷. Во время сборищ князь и сановники, старшие и младшие, мужчины и женщины, старые и молодые — все садятся, располагаясь в круг.

4. При еде [здесь] нет ложек¹⁸ и палочек. Мясо и рис берут руками и едят. Что же касается до супов, то их большей частью едят, черпая маленькими деревянными черпачками¹⁹.

Очень любят сладкое, кислое, масляное и жирное. Даже в рис и то примешивают жир.

Посуду в большинстве употребляют глиняную²⁰ и мало пользуются лаковой²¹. Только сосуды для вина²² да чарки делают из золота и серебра.

[У них] нет столов и табуретов, а едят и пьют, сидя на земле²³. Если устраивают пир, то ставят низенькие столики. Подают все блюда и супы одновременно. Как только кончат еду, тотчас же расходятся.

5. Дома сложены из кирпича. У знатных людей жилища такие же, как и у государя. Более того, чтобы выставить напоказ богатство, все стены [жилищ] завешаны шелками и шальями. Простой же народ, кто живет в глинобитных домах с плоскими крышами, а кто делает себе войлочные шатры. Здесь нет домов с черепичной кровлей, потому что дождей мало и обвала [дома] не может произойти.

6. К домам, расположенным по двум [противоположным] сторонам базаров и улиц, прикрепляют навесы или же выкладывают своды из кирпича, [оставляя], однако, [в них] там и здесь окна, чтобы пропускать свет. [Так как здесь] не боятся ни солнца, ни дождя, то [эти окна] не закрываются.

Когда пересыхает и подымается пыль, то [рынки] поливают водой.

Все торговые лавки распределены по рядам. Так, например, торговцы оружием, конской сбруей, платьем — все имеют свои особые ряды и не могут перемешиваться.

[На базарах] мало видно ссор и споров.

Если [говорить о] торговцах лошадьми, верблюдами и рогатым скотом, то и они также собираются по отдельности.

7. Жители города мало готовят пищу дома, [а] покупают кушанья в лавках. Поэтому лавки на рынках не закрываются ночью, и всю ночь напролет [там] горят огни²⁴.

8. В торговле имеет обращение серебряная монета. Большая — весом в 1 цянь и 6 фэнь — называется «дэн-гэ», следующая за ней — весом в 8 фэнь — называется «ди-на», а за этой — весом в 4 фэнь — называется «цзя-ци-мэй»²⁵. Эти три сорта

монеты жители изготавливают сами. По изготовлении уплачивают налог в казну государя, [где на монету] накладывают штамп, отмечающий, [что она] имеет свободное хождение в торговле. [Монета], не имеющая штампа, не принимается.

Меньше «цзя-ци-мэй» изготавливают только медную монету, называемую «пу-ли»²⁶. Шесть или девять «пу-ли» составляют один «цзя-ци-мэй».

[Такие] деньги ходят только в этой земле [и] не имеют повсеместного обращения.

[Здесь] не применяют мер сыпучих тел, а [для всех надобностей] пользуются только весами. Устройство весов [следующее]: на двух концах [коромысла] укрепляют тарелки, [коромысло] посередине уравнивают [и] для измерения [веса] на одну тарелку кладут разного размера железные гири, являющиеся единицами веса. Даже хлебное зерно и то отвешивают на тарелках. Стандарт их единиц веса в разных местах различный и нет единого узаконенного.

Пошлина взимается в размере 20%. При торговых сделках покупатель платит пошлину. Государственные расходы полностью зависят от этих денег.

9. В казенной переписке не употребляют официальных печатей. Как государь, так и его сановники [в тех случаях, когда] требуется отдать распоряжение подчиненным²⁷, просто берут небольшой кусок бумаги, на нем без околичностей пишут суть дела, ставят личную печать, и тогда [распоряжение] готово для отправки. Способ изготовления личной печати [следующий]: из монетного серебра делают перстень, а на нем гравировать имя владельца, и ничего другого. [Здесь] нет людей, занимающихся подделкой казенных печатей.

10. В [этом] государстве не применяют уголовных законов. Население²⁸ редко возбуждает судебные тяжбы. Если [кто] совершит убийство, то и тогда лишь налагают денежный штраф в определенной сумме. Кроме выкупа за жизнь, за все остальные, легкие преступления налагается лишь небольшой штраф, и все.

11. Запрет на вино очень строгий. Виновного наказывают ремной плетью. Поэтому [здесь] не делают рисового вина. [Однако] перебраживают виноград, [и] есть люди, покупающие [это вино] контрабандой.

Люди благочестивые в большинстве не пьют вина, ибо они утром и вечером молятся и потому боятся осквернить [святость молитвы].

Согласно существующим в этом государстве правилам, если есть чужеземец, пожелавший стать мусульманином, то, как говорят, ему дают 10 000 монет, да еще дарят платье и верховую лошадь.

12. При заключении браков много женятся на сестрах, вступая [таким образом] в брачное родство с одной семьей. Даже братья и сестры одного рода и те могут вступать в брак между

собой. А что касается женитьбы младшего брата на жене старшего или женитьбы старшего брата на жене младшего, то это также обычное явление.

В [этом] государстве мужчины бреют волосы и белой тканью обертывают головы. Женщины закрывают [лицо] белой тканью, оставляя немного не прикрытыми глаза. Во время траура же заменяют ее (т. е. белую ткань) темно-синей, [и] завесы все употребляются темно-синие.

В трауре ходят только 100 дней, а затем траур снимается.

13. При погребении не употребляют гробов, а имеется только ткань, в которую труп завертывают и кладут в могилу. Знатные семьи в большинстве случаев на могилах возводят высокие глинобитные здания, давая волю расточительной роскоши. Простой бедный народ ставит могилы возле [своих] жилищ, [и относительно этого у них] не существует никакого запрета.

14. [Здесь] не приносят жертв духам и не ставят [для них] храмов. Не чтут предков и не строят залов для поклонения им, а только ограничиваются принесением жертв на могилах. Несколько раз в день [они] молятся, взирая на запад, [и эта молитва] называется «на-ма-сы». В густо населенных пунктах [города выбирают] место [и] строят большое глинобитное здание, которое называется «мо-си-р»²⁹. Когда [полагается] совершать молитву, собираются в [это] глинобитное здание [и] располагаются рядами. Из среды молящихся один человек громко возглашает несколько слов, [и тогда] все собравшиеся ряд за рядом становятся на колени и поклоняются.

Когда находятся в пути, то совершают молитву там, где застанет [положенное для молитвы время].

15. Каждый год 10-й месяц и весенний 2-й месяц являются [для них] месяцами поста. [Тогда они] днем не пьют и не едят и принимают пищу, только когда зайдет солнце. По прошествии полного месяца [начинают] пить и есть, как обычно. Во время разговения развлекаются «стрельбой в тыкву-горлянку».

16. Правила стрельбы в тыкву-горлянку [следующие]: водружают длинный шест высотой в несколько чжан³⁰. На верхушке шеста подвешивают тыкву-горлянку, внутри [которой] помещают белого голубя. Искусные в конной стрельбе из лука на скаку стреляют в нее. Расколовший тыкву и выпустивший голубя получает награду.

17. Человек, проникший в смысл св[ященного] писания мусульманской религии, почитается всеми [и его] называют «мань-ла». Ему всегда уступают почетное место. Даже государь и тот почитает таких людей.

Когда требуется совершить обряд по умершим, то «мань-ла» читает молитвы, и этим ограничиваются³¹.

18. Есть здесь люди, ведущие бездомный образ жизни. С всклокоченными волосами, босоногие, одетые в лохмотья, накинув на плечи овчину, с посохом в руках и обвешанные кругом костями, [они] имеют весьма странный вид.

Не обращая внимания на холод и жару, они ходят и просят милостыню. Встретив человека на дороге, они [что-то] бормочут и имеют очень несчастный вид людей, которым тяжело живется. Одни из них ютятся группами на кладбищах, другие живут в горных пещерах, именуя это аскетизмом. [Эти люди] называются «де-ле-ми-ши»³².

19. Есть [здесь люди], занимающиеся врачеванием. [Они] собирают желающих получить лекарства на рыночной площади и сажают [их], располагая в кружок. [Сам лекарь становится] посредине и начинает рассказывать собравшимся о разнообразных проявлениях болезней. Потом эти люди дают лекарю деньги, а он каждому отсыпает некоторое количество лекарства и уходит. [Есть ли] польза [от этих снадобий] — очень трудно сказать.

20. Есть [здесь некие] добродетельные люди³³, которые в оживленных местах города среди толп народу, потрясая большими секирами, сильно жестикулируя и подпрыгивая, громко выкликают поучения и [таким своим поведением] приводят в трепет всех окружающих. Не совсем понятно, что побуждает их к таким действиям. Вероятно, желание предостеречь людей и направить их на путь добра.

21. Есть [здесь люди], искусные в ходьбе, которые в один день могут пройти 200—300 ли, шагая легко и свободно с быстротою бегущей лошади. Но [они] искусны в ходьбе не от рождения, а приобретают эту способность, приучаясь с малолетства.

Когда власти имеют спешное дело, то отправляют с донесением такого человека, вручив ему стрелу как знак чрезвычайной срочности. На поясе у него привешаны маленькие колокольчики, а в руках держит булаву. Он идет, как будто летит.

22. И мужчины, и женщины [здесь] мало способны переносить на себе тяжести. Для передвижения людей и грузов пользуются исключительно лошадьми, мулами, осликами и верблюдами.

Сравнительно легкие вещи переносят на голове. Идут быстро и, даже пошатнувшись, не допустят, чтобы вещи упали.

23. Женщины, отправляясь [куда-либо] из дома, всегда едут на лошадях или мулах. Со встречными на пути [они] болтают, смеются, шутят, острят без всякого смущения. Более того, без малейшей сдержанности [они] произносят непристойные выражения так, чтобы дошло до слуха мужчин. [Это] очень противно.

24. В [этой] стране пристрастны к роскоши. Одежду любят свежую, чистую. Даже седла и уздечки лошадей и мулов, на которых они ездят, убирают золотом, серебром и разноцветными украшениями, а тело животного кругом покрывают коврами, увешанными звонкими колокольчиками.

Молодые люди знатных домов ходят в расшитых халатах, с поясами, украшенными драгоценными камнями, а ножны сабель [у них] выложены золотом и яшмой. Некоторые из щегольства

на своих головных уборах прикрепляют жемчуг и драгоценные камни.

25. [Здесь] в городах и селениях народ живет в полном мире и спокойствии. По горам и равнинам путники³⁴ идут в одиночку [без всякого страха]. Там днем нет ни тигров, ни волков, а ночью нет злых духов.

26. Климат [в этой стране] теплый³⁵. В зимние месяцы — как весной. Молодая травка появляется одновременно со съедобной зеленью и пшеницей. В конце 12-го месяца вся земля уже зеленым-зелена, и принимаются за полевые работы. [Здесь] редко увидишь людей, [греющихся] вокруг очага.

Хотя на дальних горах и лежит снег, но на равнинах его почти не бывает.

Говорят, что весенние дожди обильны, однако они не идут по целым дням.

На поля, сады, улицы, переулки и дворы жилых домов везде проведена проточная вода, чтобы не было пыли. Даже после дождя луж бывает мало, но проточная вода течет непрерывно круглый год.

27. В пустынных местах³⁶ построено много водохранилищ, где собирается вода для питья путникам³⁷. Устройство их [следующее]: возводят высокое глинобитное здание, [а в нем] большой водоем, выложенный кирпичом, похожий на погреб для льда. [Их строят] в местах, где недостаток проточной воды.

28. В городах и больших селениях повсюду есть бани, для мужчин и для женщин отдельно. [Они] устройством не отличаются от китайских. В бане имеется сводчатое пустое помещение размером более чем в 10 «цзянь», чтобы вместить туда большое количество моющихся.

Сначала, когда раздеваются, каждому [посетителю] дают одно полотенце для прикрытия. Потом, войдя в банное помещение, не пользуются ни тазами, ни лоханями, а каждый моющийся держит чашку, [которой] черпает по мере надобности чистую теплую и прохладную воду из горячего и холодного бассейнов и таким образом вымывается начисто. Оставшаяся же [после мытья] вода вытекает, [и потому] грязь [в бане] совсем не скапливается.

[При банях] есть также люди, массирующие кожу и суставы и этим доставляющие моющимся приятное ощущение.

[Когда] по окончании мытья выходят из банного помещения, каждому дают по два полотенца — одно, чтобы прикрыть голову, а другое, чтобы закрыть тело. Уходят только после того, как совершенно обсохнут.

Посетители уплачивают за баню несколько³⁸ медных монет.

29. Водяные мельницы такие же, как в Китае. Кое-где встречаются [и] ветряные мельницы. Их устройство [следующее]: возводят стены и строят здание на высоком месте. С четырех сторон делают дверные отверстия. Снаружи, около дверных отверстий, ставят щиты для встречи ветра.

В здании ставят стоймя деревянный столб, а на столбе кругом укрепляют доски для приема ветра. Внизу столба устанавливают жернова. Ветер дует, крутит столб и вращает [жернова].

А [этот столб] может крутиться независимо от того, дует ли ветер с востока, запада, юга или севера, потому что там ветры сильные и их бывает много.

30. По сторонам дорог построено много глинобитных зданий, называемых «лан-эр-гэ»³⁹, для отдохновения путешественников. Останавливаются [здесь, чтобы] укрыться от стужи, жары и дождя.

20 ли составляют один перегон. На каждом перегоне поставлено глинобитное здание, также называемое «ла-ба-р»⁴⁰. В нем заготовлены пища и питье для утоления голода и жажды путешественников.

31. Во многих селениях устроены торговые площади, являющиеся местами купли-продажи, называемые «ба-ца-р»⁴¹. В семь дней один раз бывает торг, который заканчивается с закатом солнца.

В исчислении времени [они] не пользуются циклами и не признают выбора счастливых дней. [Но у них] есть свой, самостоятельный установившийся семидневный цикл. Первый из семи дней называется «а-ти-на», второй — «шань-бо», третий — «и-шань-бо», четвертый — «ду-шань-ду», пятый — «це-шань-бо» и шестой — «шань-бо», седьмой называют «фань-шань-бо»⁴². Главным днем молитвенных собраний является «а-ти-на», остальные же дни — каждый имеет свое назначение в совершении дел.

32. В столице имеется большое глинобитное здание, называемое «мо-дэ-р-сэ»⁴³. С четырех сторон [его] — широкие, просторные галереи. Посередине двора стоит медный сосуд, вроде большого котла, в окружности несколько «чжан». На нем вырезана надпись. [Сосуд] формой похож на «дин»⁴⁴. Вокруг расположены прекрасные помещения, в которых проживает множество странствующих студентов и людей, проникших в смысл св[ященного] писания. Это учреждение подобно [китайскому] «Да-сюэ»⁴⁵.

33. Вещи, изготовленные из местного железа и меди, прочные и острые. Выделываемая [здесь] фарфоровая посуда весьма изящна. [Они] разрисовывают ее цветами и травами и украшают разноцветными узорами. Выделка очень красива, но не достигает легкости, прозрачности, чистоты и блеска китайского [фарфора]. Если ударить по нему, то он не звенит. Это потому, что такова природа местной глины.

34. Жители здесь мало применяют местную глазурованную посуду, а пользуются глазурью только как украшением. Часто украшают окна тонкими пластинками разноцветной глазури, которая отраженным блеском слепит глаза.

35. В местности Кеш добывают белую соль, крепкую и прозрачную, как горный хрусталь. Если [кусочек такой соли] отшли-

фовать и сделать [из него] блюдо, то, увлажнив его, можно есть с мясом.

36. [Здесь] есть много золота, серебра, драгоценностей, кораллов, янтаря, горного хрусталя, алмазов, самородной киновари, лалов, жемчуга и изумрудов. [Но] говорят, что это не местного происхождения, а все привезено из каких-то других краев.

37. [Здесь] много разводят шелковичного червя и тутовых деревьев. [Жители] искусны в изготовлении шелковых тканей, легкостью и плотностью превосходящих китайские, но по крепости не достигающих китайских. Притом же [они] не умеют ткать креп. Их тканье из золотых нитей можно пропускать через огонь. Среди тканей есть [одна], называемая «со-фу»⁴⁶, хотя и похожая на шелковую, но на самом деле изготавливаемая из овечьей шерсти.

[Они] искусны в тканье ворсистых узорчатых ковров, раскраска [которых] со временем не выцветает. Их делают очень большими. Есть также весьма тонкие.

38. [Здесь] растут тутовые деревья, ильмы, ивы, «хуай-тань», сосны, можжевельник, белый тополь. Много посажено фруктовых деревьев. Знатные дома, начиная с самого государя, в широких размерах строят фруктовые сады. Очень много растет персиков, абрикосов, груш, слив, яблок, винограда, грецкого ореха, гранат.

Есть виноград, прозрачный, как хрусталь, без косточек и очень сладкий. Среди абрикосов есть [один сорт], называемый «ба-дань»⁴⁷, [у него] едят зерно, заключающееся в косточке. Аромат прекрасный, стоит попробовать. Есть [фрукт], подобный большому жужубу и сладкий, называется «ху-лу-ма»⁴⁸. [Мы] не выдали дерева, на котором он растет.

Есть плод, похожий на «инь-син»⁴⁹, но меньших размеров, называется «би-сы-тань»⁵⁰, вкусом чрезвычайно сладкий. Яблоки очень большие и рассыпчатые. Их можно долго хранить. От времени они не изменяют цвета⁵¹.

39. Сорта хлебных злаков [здесь] такие же, как и в Китае. Есть конопля, бобы, пшеница, просо и рис. Но [здесь] растет [еще] мелкий боб, круглый, как зернышки четок.

Есть хлопок бледно-красного цвета, [и] ткани из него похожи на сделанные из верблюжьей шерсти.

Дыни растут большие и чрезвычайно сладкие. Лук бывает в кулак величиною. «Цай-гэнь»⁵² растет красный и большой, весом в 10 с лишком «цзинь»⁵³, похожий формой на редьку.

40. Земледелие ведется здесь очень небрежно. Засевают большие пространства, но мало заботятся о прополке⁵⁴ хлебов. А причиной того, что [все же] собирают достаточно хороший⁵⁵ урожай, является прекрасное качество и обширность их полей⁵⁶, а также то, что ежегодно дают отдыхать полям посменно [и таким образом] получают полностью от плодородия почвы⁵⁷.

Сезонных дождей бывает мало, [и потому] даже суходольный рис, хлопчатник и пшеница орошаются водой [искусствен-

ным путем]. В тех местах, куда не доходит вода [арыков], трудно заниматься земледелием.

41. [Здесь] разводят много отличных лошадей. [Хозяева] очень тщательно заботятся о них, держат [их] в глинобитных помещениях, куда не попадают ни ветер, ни солнце и где зимой тепло, а летом прохладно.

42. Жители держат кур, собак, гусей, уток, но не держат свиней и не едят свинины, [ибо] они брезгуют ею.

Когда колют скот, то, если животное заколото не мусульманином, не едят [этого мяса].

43. Свечи здесь отливают из говяжьего и бараньего сала.

Еще [они] берут сало, смешивают [его] с хлопком, делают катышки, помещают [их] в железную корзинку, прикрепленную к железной палке, которую на ходу держат в руках, а останавливаясь втыкают в землю. [Такие факелы] не боятся ни ветра, ни дождя.

[Здесь] не знакомы с употреблением веера в жаркое время года. Некоторые в шатрах высоко подвешивают матерчатый пол, а по нижнему краю полога прикрепляют густую бахрому. С двух сторон [полога] прикрепляют веревки, которые тянут к себе, приводят в движение [полог и этим] производят ветер.

[Такие приспособления] называются «фэн-шань»⁵⁸.

44. Все подарки и подношения преподносят, считая по девяткам от каждого вида, все равно, будь это ткани, драгоценные камни или животные. От одного девятка до девяти девятков, все это будет согласно этикету.

45. На пирах, когда высокое лицо⁵⁹ пьет вино, то все низшие делают коленопреклонение⁶⁰.

Когда пьют и пир уже в разгаре⁶¹, тогда [приносят и] раскладывают шелковые ткани [для подарков], затем драгоценности, золото и серебро⁶².

46. Львы водятся в камышевых зарослях на берегах [реки] Аму. Говорят, что [у львят] при рождении глаза закрыты и открываются только через 7 дней. Тот, кто хочет поймать и воспитать [льва], ожидает, когда [львенок] только что родится, еще не открыл глаза, и ловит его. [Тогда] легко приручить. Когда [лев] подрастет, [то] нрав его делается свирепым, и держать его в повиновении⁶³ становится трудно. А так как он еще обладает огромной силой и очень острыми когтями и зубами, то, когда рассердится, с ним не справятся один-два человека.

[Лев] очень искусен ловить крупных животных. За один раз он может съесть больше 10 «цзинь» мяса.

Желающие добыть львиный хвост берут лук и стрелы и составляют сети, чтобы [поймать и] убить льва⁶⁴. Если же хотят доставить живьем, то это очень трудно.

47. Есть [здесь какое-то] пегое животное. Головой и ушами похоже на осла, лошадиные копыта, хвост мула. Все тело в полосах, черные и белые перемежаются, как будто вытканы. Они распределены четко и не отличаются [по ширине] ни на йоту⁶⁵.

¹ У Б. И. Панкратова всюду дана иероглифика, опущенная здесь по издательским соображениям и по мере надобности замененная русской транскрипцией. Здесь и далее китайские географические названия даны в соответствии с нынешними правилами их транскрибирования. Имена и должности авторов добавлены из чернового варианта перевода.

² «Пин фан ши. Может быть, это ошибочно вместо пин фан („здание с плоской крышей“.— Ю. К.), а возможно, что он (точнее, они, т. е. авторы.— Ю. К.) хотел сказать „в виде куба“» (примеч. Б. И. Панкратова). В черновом варианте переведено: «имеет квадратный вид».

³ В черновом варианте слова «гао тай» переведены: «[китайскую] высокую башню (террасу)».

⁴ «М[ожет] б[ыть], сплошь пустое помещение в несколько десятков „цзяней“» (примеч. Б. И. Панкратова). В черновом варианте переведено: «сплошное пустое помещение». «Цзянь» — отсек (часть) помещения стандартного размера.

⁵ «Глазурью?» (примеч. Б. И. Панкратова).

⁶ «М[ожет] б[ыть], просто подстилки, тюфяки» (примеч. Б. И. Панкратова). В черновом варианте: «золотой (покрытый позолотой?) диван (ложе), на котором посланы подстилки».

⁷ «Бу шэ, т. е. не расставлено» (примеч. Б. И. Панкратова). В черновом варианте: «не поставлено».

⁸ «Си ди — „сделать землю своей циновкой“, си ди эр цзо — „сидеть на земле“» (примеч. Б. И. Панкратова). В черновом варианте: «а только пол устлан циновками, и сидят [на них], скрестивши ноги под себя».

⁹ В черновике даны варианты перевода слова «халат»: «рубашка» и «кафтан». К словам «шапочку „чжао-ла“» Б. И. Панкратов дает примечание: «М[ожет] б[ыть], „носит маленькую чалму“?».

¹⁰ «Го жэнь», дословно: «люди [его] государства».

¹¹ В черновом варианте: «султаном».

¹² «Цзюнь-чжу» — государь, монарх.

¹³ «А-ха» — ага (господин). В черновом варианте вместо транскрипции «ми-р-ца» стоит слово «мирза» (царевич), а рядом со словом «шэ-жэнь» — его перевод: «молодой барин, барич».

¹⁴ Бу шэ — в черновом варианте переведено дословно: «не учреждают (не имеют)».

¹⁵ В черновом варианте: «ни больших, ни малых [особых] казенных учреждений».

¹⁶ Салам алейкум (мир вам).

¹⁷ В черновом варианте: «Если передают через другого свои пожелания (благопожелания), то говорят: „Са-лам“ (Салам.— Ю. К.)».

¹⁸ В черновом варианте: «не припасают (кладут) ложек (китайских, би)».

¹⁹ В черновом варианте: «ковшичками (т. е. ложками) черпают и едят (дословно: пьют)».

²⁰ В черновом варианте в скобках поясняется: «т. е. фарфор и фаянс (и глину)».

²¹ «Досл[овно]: красного лака» (примеч. из чернового варианта).

²² В черновом варианте: «такие предметы, как сосуды для вина (винные сосуды, графины?, чайники для вина)».

²³ В черновике вместо «нет» — слова «не ставят», ср. примеч. 7, 14; возле слова «земле» дан вариант перевода — «полу».

²⁴ В черновом варианте в скобках поясняется: «дословно: жгут лампы (светильники), зажигают свечи».

²⁵ Цянь равнялся приблизительно 3,73 г, фэнь — 0,37 г. «Дэн-гэ» — таньга, «ди-на» — динар. По поводу слова «цзя-цзи-мэй» Б. И. Панкратов замечает под строкой в чистой рукописи: «М[ожет] б[ыть], лан? диргеи?».

²⁶ «Пу-ли» — пух.

²⁷ В черновом варианте более дословный перевод: «Начиная с государя и ниже вместе со всеми ведающими делами (занимающимися делами [правления]), [когда] имеется что-то необходимое привести в исполнение (м[ожет] б[ыть], когда необходимо что-то сообщить или распорядиться, дать распоря-

жение (исполнить, привести в действие?), просто берут маленький квадрат бумаги (небольшой квадратный кусок бумаги)».

²⁸ «Цзюнь минь», дословно: «военные и народ».

²⁹ Вместо «на-ма-сы» в рукописи первоначально стояло «намаз», но слово это было зачеркнуто. «Мо-си-р» — маасир (место, где находится памятник, священное место).

³⁰ Чжан равнялся 3,11 м.

³¹ «Мань-ла» — мулла. В черновом варианте зачеркнуто более дословный перевод: «[Если] есть жертвы, то только мулла читает св[ященное] писание, и все [т. е. если нужно совершить] моление (религиозный обряд), то только мулла молится, и этим кончается]». Б. И. Панкратов предлагает сравнить это со сказанным в § 14.

³² «Де-ли-ми-ши» — дервиш.

³³ «Хао ши чжи жэнь». Переводя это словосочетание «добродетельные люди», Б. И. Панкратов, судя по черновику, исходил из значения полисемантического выражения «хао ши» — «заслуживающий награды поступок». Но, поскольку в тексте сказано, что «хао ши чжи жэнь» своими речами [в черновом зачеркнутом варианте перевода первоначально стояло «хвастливые (выспранные) речи] стремятся потрасти, привести в трепет слушателей, быть может, следует предпочесть другое значение «хао ши» — «любить необычное», «любить [рассказы о странных] событиях» (ср. [2, с. 78]); возможно, «хао ши чжи жэнь» значит здесь «люди, любящие необычное, [рассказы о странных] происшеств-виях»).

³⁴ «Жэнь ма», дословно: «люди и кони». В черновом варианте Б. И. Панкратов сначала перевел «пешие и конные», но зачеркнул этот перевод, заменив его на «путники и дав примечание «караван?».

³⁵ В черновом варианте дословно: «круглый год (четыре времени года) много тепла и мало холода».

³⁶ В черновом варианте: «в селениях и захолустьях».

³⁷ «Жэнь ма». В черновом варианте переведено: «людям и скоту». В чистой рукописи дано примечание: «караван?» Ср. примеч. 34.

³⁸ В черновом варианте: «одну-две».

³⁹ В чистовике сверху написано «лянгар» (т. е. пристанище, место для стоянки, привала) и зачеркнуто.

⁴⁰ «Ла-ба-р» — араб. «рабат» (постоялый двор, караван-сарай); отождествление В. А. Лифшица.

⁴¹ Базар.

⁴² «А-ти-на» — «адина» (пятница), «шань-бо» (суббота), «и-шань-бо» — «як-шанбэ» (воскресенье), «ду-шань-ду» — «душанбэ» (понедельник), «це-шань-бо» — «сешанбэ» (вторник), «шань-бо» — «чоршанбэ» (среда), «фань-шань-бо» — «пянджшанбэ» (четверг).

⁴³ Медресе.

⁴⁴ Китайский сосуд-треножник с двумя ушками, употреблявшийся для варки пиши и в ритуальных целях.

⁴⁵ «Великое училище» — императорский «университет», или «академия».

⁴⁶ «Со-фу» — может быть, «суфа»?

⁴⁷ Перс. «бадан» (миндаль).

⁴⁸ В рукописи далее зачеркнуто слово «хурма».

⁴⁹ Гинкго.

⁵⁰ Перс. «писта», араб. «фиста» (фисташка).

⁵¹ После слова «би-сы-тань» в этом параграфе следует текст, лишь частично переведенный Б. И. Панкратовым. Вот полный перевод: «Листва деревьев, на которых они [растут], похожа на [листву] дикого чая (камелии). Из слив есть маленькие, как плоды вишни, и желтого цвета (алыча.— Ю. К.), а есть и лилового цвета, их вкус чрезвычайно сладок; яблоки очень большие и рассыпчатые, их можно собирать и хранить, за целый год их цвет не меняется; [местные жители] утверждают, что прекрасно [есть] фрукты круглый год, принимаясь за] новый [урожай] сразу после старого».

⁵² Видимо, к словам «мелкий боб» относится название *Phaseolus mungo* (однолетнее растение фасоль маи), написанное Б. И. Панкратовым под черновым вариантом перевода § 39. «Цай-гэнь» — в прямом значении «корень, овощи», в переносном — «простая (грубая) пища».

⁵³ «Цзинь» был равен неполным 597 г.

⁵⁴ В черновом варианте — более дословный перевод: «мало работают боной и мотыгой (?но не выпальвают?)».

⁵⁵ Дословно: «не скудно» (из черногого варианта).

⁵⁶ В черновом зачеркнутом варианте: «их поля (почвы на полях?) пре-красны и их (земли) много».

⁵⁷ Эти слова — скрытая цитата из Су Ши (1036—1101), который в своем сочинении «Цзя шо» («Нечто о посевах») говорит о богатых: «И раз у них прекрасные поля и много их (ср. примеч. 56.— Ю. К.), то можно их чередовать, давая отдых тем, другим, и можно полностью добыть всю силу из земли» (цит. по [I, с. 311]).

⁵⁸ Опахало.

⁵⁹ Вариант перевода: «высший».

⁶⁰ Вариант перевода: «встают (или становятся) на колени».

⁶¹ Вариант перевода: «пир в разгаре».

⁶² В черновике Б. И. Панкратова помета: «не переведен конец!» Вот перевод недостающего отрывка: «Медные деньги смешивают в одну [кучу] и раздают их [множеству гостей, расположившихся на] местах для сидения по четырем сторонам, остаток как попало разбрасывают между местами для сидения, а также спереди и сзади, слева и справа и наблюдают за людьми, занимающимися прислуживанием, побуждая их наперегонки подбирать [деньги], шумят, кричат и смеются, чтобы показать свою чрезвычайную расточительность. [Такие деньги] называются „си-цань“ („радостные (или счастливые) медные деньги“).

⁶³ В черновом варианте: «приручить».

⁶⁴ На этом перебеженный перевод параграфа кончается. В черновике переведено более точно: «Есть много желающих получить его хвост. [Такие люди] берут лук и стрелы и расставляют сети, чтобы [поймать и] убить его. Если же хотя живого, то очень трудно поймать». Последняя фраза сначала была переведена точнее (перевод зачеркнут): «Если же желают поймать живого, то это очень трудно». В тексте дословно сказано: «доставить живьем», и мы позволили себе это мелкое уточнение.

⁶⁵ Наверху листа черновика — зачеркнутое слово «зебра?».

Литература

1. Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева. М., 1958.
2. Кроль Ю. Л. О любви Сыма Цяня к необычному.— XXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1982, с. 74—84.
3. Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 2. L., 1888.
4. Goodrich L. C. (ed.). Dictionary of Ming Biography 1368—1644. Vol. 1. N. Y.—L., 1976.

Приложение

В архиве Б. И. Панкратова сохранился также карандашный набросок (видимо, его устного выступления), в котором дана оценка сочинений «Си юй син чэн цзи» и «Си юй фань го чжи» в контексте истории сношений Китая и государств Средней Азии в начале династии Мин. Публикуем его с незначительными изменениями в транскрипции отдельных восточных имен.

Казалось бы, где и искать сведения, относящиеся к этим посольствам, как не в китайских документах, относящихся к Юаньской династии. Действительно, отдельные мелкие упоминания встречаются в «Юань ши», но ничего связного там нет. Не

подлежит сомнению, что детальные описания существовали; но, видимо, они утеряны. 99,9% за то, что эти сведения находились в «Юань и тун чжи». Но она, к сожалению, не сохранилась, утеряна. Несомненно, это было в «Цзин ши да дянь», но и это громадное сочинение тоже утеряно.

Поэтому более или менее толковые сведения (средневековые) дошли до нас от более позднего времени — от Минской династии. Минская чисто национальная китайская династия пришла к власти, изгнав из страны иноземное владычество монголов, которые правили всем Китаем целых 100 лет.

Что же получается? В Китае национальная династия, сменившая монголов, Монгольскую империю. На Западе государство хулагидов рассыпалось. Чжучинские владения и Чагатайские уже тоже распались. Минская династия выгнала монголов, но она считала себя полноправной наследницей всего, что осталось от монголов, не только на территории Китая (это естественно), но и во всех вассальных владениях, которые находились в зависимости от Китая или были ему подчинены за время Юаньской династии. На этом основании первый император Минов — Хун-у, укрепившись на троне, стал требовать от всех вассалов, подчиненных монголам, ту же дань, которую получали монголы. Важна была не сама вещественная дань, а изъявление покорности Китаю.

И вот на этом основании Минов стали посылать посольства к бывшим монгольским вассалам.

Китайская история сохранила сведения о многих посольствах Тимура к минскому двору и минского двора к Тимуру. Но китайская история излагает это в несколько неточном виде. Официальная история сообщает, что Тимур был очень почтителен к китайскому императору, но фактически дело, конечно, обстояло иначе. И Клавио в своих записках говорит совершенно другое; а именно, он говорит о том, как было принято китайское посольство у Тимура, когда сам Клавио был там же в качестве пекинского посла, [он] рассказывает, как Тимур при китайских послах обзывал китайского императора разбойником, негодяем и собачьим сыном.

В китайских документах минского времени перечисляются владения, которые Минов считали своими вассалами, и среди них упоминаются Герат, Самарканд и другие среднеазиатские области.

Посольство китайцев было направлено к Шахруху в Герат после смерти Тимура, в 1412 г. (?). В состав посольства, по всей вероятности, вошли и Шахруховские послы, возвращавшиеся из Китая.

Записки об этом посольстве оставил Чэнь Чэн — крупный чиновник из министерства церемоний, по всей видимости, глава этого посольства. К сожалению, нам неизвестны отчеты этого посольства о том, как их встречали, как принимали, какие переговоры велись, хотя надо полагать, что такие официальные

отчеты существовали (не только в устной, но и в письменной форме).

Записки же Чэнь Чэна интересны как дорожник, в котором день за днем записан весь путь в Герат (только в ту сторону). В этих записках очень скупо и протокольно фиксируются самые необходимые сведения о пройденном за день расстоянии, где были стоянки, через какие реки переправлялись, кого и что видели на пути.

Подробнее описаны 17 владений (округов — вариант в тексте Б. И. Панкратова. — Ю. К.), через которые проезжало посольство: Хами (Камул), Лукчак, Хараходзё, Турфан, Бешбалык, Сайрам, Янгикент, Ташкент, Шахрухия, Самарканд, Кеш, Бухара, Герат, Андкуй, Термет [Термез], Бадахшан и Яньцзэ (Лобнор). Описание этих местностей легло в основу географического описания западных стран в минской истории. В этом ценность этих записок.

Чем еще эти записки важны для нас? Этим дорожником, в котором показан проторенный средневековый путь в самое сердце Средней Азии, путь, по которому в те времена ходили караваны.

Записки Чэнь Чэна состоят из двух частей: 1) дорожник, описывающий путь следования посольства, и 2) описание западных государств, через которые проезжало посольство и куда оно прибывало.

Вторая часть мало дает для нас нового, разве что добавляет отдельные штрихи, дополнительно показывающие знания китайцев о Западе.

По содержанию эти записки можно отнести к средневековой географической литературе с некоторым включением этнографических данных.

Политическая роль этого посольства в записках Чэнь Чэна совершенно не отражена.

Это посольство в дипломатических отношениях Китая с Средней Азией не было ни чрезвычайным, ни первым, ни последним, это было рядовое посольство, и значение его заключается именно в записях, оставленных Чэнь Чэном. И для наших историко-географических сведений о том, как именно лежал путь [из Китая в Среднюю Азию], эти записки важны. У Абд-Ур-Разака есть сведения об этом пути, но они гораздо менее точны и подробны.

Чэнь Чэн приводит данные о ценности монеты, ходившей в Герате, в пересчете на серебро (по весу). Этой весовой стоимости монетного серебра [больше] нигде нет.

Интересно и то, что о каждой местности, где он побывал, Чэнь Чэн указывает, что там производится, что выращивают, и другие экономические сведения. Особо он упоминает о поразившем китайцев цветном хлопке, который разводили в Средней Азии.

А. Г. Сазыкин

**ОПИСАНИЕ ТИБЕТА, СОСТАВЛЕННОЕ В XVIII в.
БУРЯТСКИМ ПАЛОМНИКОМ ДАМБА-ДОРЖИ ЗАЯЕВЫМ**

«Географические описания редко встречаются в монгольской литературе и совершенно чужды старым памятникам» — таково традиционное мнение, высказанное в разное время в той или иной форме рядом исследователей дореволюционной письменной литературы монгольских народов [2, с. 51; 4, с. VII; 3, с. 89]. Мы можем лишь присоединиться к подобной точке зрения наших предшественников на указанный жанр письменной словесности монголов.

Действительно, число географических сочинений (а это в основном описания монастырей и святынь на горе У-тай-шань) и записей, оставленных паломниками к святым местам Тибета, очень невелико*. Датировать начало распространения сочинений географического характера на монгольском языке следует, вероятнее всего, не ранее как второй половиной XVII в. Записи же путешественников стали появляться и того позже — только со второй половины XVIII в.

Причем из XVIII в. до нас дошло только одно описание Тибета, составленное бурятским паломником, тогда как все остальные известные нам записи бурятских и калмыцких ходоков к святыням Центральной Азии приходятся уже на вторую половину XIX — начало XX в. Самому раннему описанию путешествия в Тибет, оставленному бурятским хамбо-ламой Дамба-доржи Заяевым и посвящена наша статья.

Путешествие Заяева состоялось в 1734—1741 гг. Целью путешествия было не только посещение тибетских монастырей и поклонение святыням, как это мы видим у остальных паломников, но и обучение буддийским наукам в тамошних монастырских школах. Об этом можно судить, например, по краткой заметке, помещенной в летописи Ш. Хобитиева: «Тот Заяев, отправившись в страну Далай-ламы, проучился там семь лет и вернулся [на родину]» [9, F-77, л. 14а]. Сам Заяев уточняет в

* Обзор письменных источников, касающихся жанра монгольской географической литературы, подготовлен нами к печати для сборника «Страны и народы Востока».

своих воспоминаниях, что науки он постигал в дацане Даши-Гоман при монастыре Балдан-Брайбун [4, с. 29—30].

Из записей Заяева узнаем также, что отец его переселился к бурятам из Монголии в 1694 г. и что Доржи был старшим из трех его сыновей [9, D-215, л. 1а].

В заглавиях некоторых рукописей, содержащих описание интересующего нас путешествия, говорится о путешествии в Тибет хамбо-ламы, пандиты Заяева [4, с. 29; 9, G-34, G-172]. Однако в Тибет Заяев отправился еще простым ламой, и только там он «от драгоценного Панчен-богдо принял обет гэцула, а от Далай-ламы — обет гэлуну» [4, с. 29]. Звания же пандиты и хамбо-ламы были присвоены Заяеву уже по возвращении из Тибета, в 1764 г., когда он был назначен главой всего бурятского духовенства Забайкалья.

В 1767 г. Заяев был избран депутатом по религиозным делам для поездки в Москву и Петербург [6, с. 111]. Осенью того же года он отправился в путь и достиг цели уже в начале 1768 г. Заяев оставил нам краткое описание своего путешествия в Петербург [9, G-172, л. 7а—9б]. Правда, записи эти трудно даже назвать описанием, поскольку содержат они лишь названия городов и сел на пути следования, время выхода из одного пункта и прибытия в другой да расстояния между ними. Впрочем, характер записей весьма точно отражен в предисловии к ним, где сказано, что это «сказание, описывающее количество верст и суток на пути к столице» [9, G-172, л. 7а]. Из этого же предисловия узнаем, что год рождения Заяева приходится на «год железа-зайца», т. е. на 1711 г. по европейскому летосчислению. Следовательно, в Тибет он ходил еще совсем молодым человеком, едва достигнув 23 лет. А в Петербург Заяев отправился уже в почтенном, 57-летнем возрасте.

Нам неизвестно, удалось ли Заяеву уладить «религиозные дела», ради которых его посылали в Петербург, однако несомненно одно, что именно благодаря этому путешествию появились письменные воспоминания этого бурятского ламы о посещении Тибета. Дело в том, что заметки о путешествии в Тибет были составлены Заяевым «по требованию Императрицы Екатерины II» [5, с. 111].

Более точная дата записи воспоминаний Заяева указана в самом тексте. Так, говоря о подчинении Тибета власти китайского императора, автор пишет, что со времени тех событий «в этом, 1768 г. исполнилось не более 55 лет». И здесь нельзя не согласиться с Ц. А. Дугар-Нимаевым, полагающим, что именно этот год можно «принять за дату написания данного сочинения» [1, с. 151]. Заметим только, что принять эту дату следует не «условно», как пишет Ц. А. Дугар-Нимаев, а безусловно.

Тексту описания, представленного Заяевым Екатерине II, соответствует, вероятнее всего, вариант, изданный А. М. Позднсевым в «Монгольской хрестоматии» [4, с. 34—37]. Рукопись, которой пользовался Позднеев при подготовке своего издания, до

нас не дошла. Однако в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР имеются два списка, содержащие аналогичный вариант описания путешествия Заяева [9, G-34, D-215].

Существует и другой вариант записей Заяева о Тибете. Составлен он в форме докладной записки на имя генерал-прокурора Сената. Соответственно этому и описание составлено в более сжатой, деловой форме, хотя практически содержит те же сведения, что и первый вариант. Две рукописи второго варианта хранятся в фондах ЛО ИВ АН СССР [9, G-72, G-172] и одна рукопись — в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [7, с. 93, № 10].

В описании монгольской коллекции ГПБ в отношении интересующей нас рукописи сказано, что это «черновик автографа» [7, с. 93]. Действительно, исполнена рукопись весьма небрежно и на «чистовик» никак не похожа. Однако написана эта рукопись могла быть не ранее начала XIX столетия, так как на бумаге ее отчетливо просматривается филигрань «1803». И хотя второй вариант был составлен уже после первого, дарственно-го, варианта, но все же не так поздно.

Можно предположить, что докладная записка появилась в 1775 г., ибо в конце рукописи G-72 записано: «21-го числа первого зимнего месяца 1775 года старший лама-пандита [к сему] руку приложил (т. е. подписал. — А. С.) Писец Самдан Шибухаев». Следовательно, рукопись, хранящаяся в ГПБ, является не черновиком, а копией и отнюдь не автографа, поскольку, как мы видим, Заяев не сам составлял на бумаге означенный документ, а продиктовал текст писцу.

Все виденные нами в рукописях описания Тибета, составленные Заяевым, — лишь часть его записок, наиболее полным вариантом которых располагал А. М. Позднеев при подготовке издания своей «Монгольской хрестоматии». Опубликованная им версия включает три раздела:

1) краткое изложение результатов путешествия Заяева в Тибет и сведения к истории распространения буддизма в Бурятии в середине XVIII в.;

2) описание Тибета, совпадающее с текстом описания известных нам рукописей;

3) описание земель и святынь Индии, Непала, Тибета и Монголии, порой весьма фантастическое и скорее всего компилятивное.

На первый взгляд кажется несколько странным и нелогичным включение в записки, целиком почти посвященные описанию дальних тибетских и прочих земель, сведений о событиях из жизни бурятских буддистов в середине XVIII в. Однако соседство в первой части записок таких двух моментов, как изложение основных результатов путешествия Заяева в Тибет и перечисление перемен, происшедших в Бурятии начиная с 1741 г., т. е. со времени возвращения его из путешествия, оказывается вовсе не случайным.

Так, если судить по сообщению Заяева, важнейшим событием в Бурятии того времени было установление с 1741 г. обязательного девятидневного молебствия лам при встрече праздника «Цаган сар» (т. е. Нового года по лунному календарю). Введено это правило, как отмечает Заяев, было по примеру лам тибетских монастырей. Первоначально для этого строили войлочные храмы, но вскоре, в 1745 г., был построен и первый в Бурятии деревянный храм — Цонгольский дацан, настоятелем которого являлся не кто иной, как сам Заяев. К этому же времени (1741 г.) относится и издание указа об освобождении ламства от податей и всякого рода повинностей. Тогда же впервые был назначен и главный лама всего буддийского духовенства Забайкалья.

Мы не беремся судить, действительно ли все названные выше проламские нововведения в Бурятии были прямым и непосредственным следствием знакомства Заяева с положением и деятельностью буддийской церкви в Тибете, но желание самого автора представить связь событий того времени именно в таком свете несомненно. Надо думать, что сведения о быте тибетского ламства и роли буддийской церкви в жизни Тибета прежде доходили до пределов Бурятии. Ведь не следует забывать, что в конце XVII — начале XVIII в. в Забайкалье пришло значительное число монгольских (возможно, и тибетских) лам, скорее всего также знакомых с тибетской жизнью.

И тем не менее путешествие Заяева сыграло несомненную роль в описанных событиях, поскольку именно знакомство с состоянием тибетской буддийской церкви скорее всего побудило его активно включиться в весьма нелегкую и хлопотную деятельность по законодательному оформлению прав и преимуществ бурятского духовенства, организации четкой иерархической структуры буддийской церкви в Забайкалье, много способствовавших в конечном итоге укреплению положения и усилению влияния ламства среди бурят.

Интересно отметить, что в описании Тибета, представленном Екатерине II, уже в гораздо более позднее время, когда желаемые преобразования были осуществлены на практике, Заяев все же еще раз на примерах, взятых из жизни Тибета, подтверждает, что именно таковы должны быть условия и характер деятельности ламаистского духовенства вне зависимости от области распространения учения Будды.

В целом же описание, оставленное Заяевым, представляет несомненный интерес, так как содержит хотя и краткие, но весьма точные сведения о самых различных сторонах жизни Тибета первой половины XVIII в. Изложены воспоминания вполне последовательно, ясным и удобопонятным языком и могут служить образцом одного из наиболее удачных сочинений такого рода, когда либо зафиксированных на монгольском письме.

Ниже помещен перевод первого варианта описания путешествия Заяева в Тибет. Вариант этот выбран нами для перевода

по трем причинам: во-первых, это старейший, исходный вариант; во-вторых, он наиболее подробен и в какой-то мере литературно обработан автором; в-третьих, монгольский текст его воспроизведен в «Монгольской хрестоматии» А. М. Позднеева, и потому мы избавлены от необходимости издавать текст данного варианта.

Перевод снабжен примечаниями, разъясняющими некоторые встречающиеся в описании термины. Даны здесь также самые необходимые и краткие сведения о местах и монастырях, упоминаемых Заяевым. Подробный рассказ о местоположении, истории и устройстве тибетских монастырей и святынь, а также о быте тибетского духовенства помещен в прекрасной работе Г. Ц. Цыбикова «Буддист паломник у святынь Тибета» [8]. Более обширные сведения о Тибете, отражающие современное состояние знаний об этой области Центральной Азии, читатель сможет найти в книге Е. И. Кычанова и Л. С. Савицкого «Люди и боги страны снегов» (М., 1975).

Рассказ о том, как лама Цонгольского рода пандита-хамбо Заяев ходил в Тибет

Так как попросили представить описание нравов и обычаев народов ближних и дальних земель, [виденных] во время следования в Тибет, то [все это] и записал депутат Цонгольского рода Селенгинского ведомства, лама всех бурят — пандита-хамбо.

Выйдя из пограничной Кяхты, через месяц прибыл в Пекин — город китайского императора. Следуя из Пекина по Центральному Китаю в западном направлении, через три месяца достиг местности Амдо¹.

Амдосцы хотя и не платят податей китайскому императору, но находятся в его подчинении. Народ сей, имея мало скота, усерден в хлебопашестве. Состоит он из многих родов. Многие люди этих родов почитают Будду. Каждый нойон их управляет людьми своего рода. У этого народа много лам и буддийских монастырей. В больших монастырях находится по 1, 2 и 3 тысячи лам. В малых монастырях — по 300, 400, 500 и 600 лам. В самых маленьких монастырях обычно живут по 150, 100 или 50 лам. Храмы построены из кирпича. Жилье дома — земляные.

Следуя в течение трех месяцев по безлюдной местности на запад от Амдо, достиг границ Тибета. Идя от границ [в глубь страны], за десять суток добрался до области Дзу² — местопребывания далай-ламы.

Эта область называется Дзу потому, что теперь здесь находится статуя преподавшего учение и распространившего веру Будды по имени Дзу-Шакьямуни. Фигура его [сделана] из красной меди и сверху позолочена. Сидящее изображение его величиной в рост высокого человека. Кроме этой [статуи] есть много и других изображений будд, величиной с человека и более.

Эта Дзу находится в трехэтажном храме. Крыша его, с четырьмя башнями по краям, [сделана] из позолоченной красной меди³. Всего же там, говорят, имеется свыше трехсот больших и малых храмов Будды.

В полуверсте [к западу] от храма Дзу на небольшой горе находится большое цельное здание — резиденция далай-ламы. Рассказывают, что в нем 999 комнат. Говорят, что [это] здание построено из камня горы Будалан [тиб. Потала]. Вообще [здесь] нет зданий из кирпича. И храмы Будды, и жилые дома строят обычно из скальных пород. Тут вовсе нет зданий, построенных из дерева, кирпича или земли.

Всего в [Центральном] Тибете есть две области, называемые Уй-па [тиб. Уй-ба] и Дзан-па [тиб. Цзан-ба]. Говорят, что Уй-па — это [область] дзуского далай-ламы, а Дзан-па — дзуского ламы святого панчена.

Старейшим и крупнейшим из всех тибетских монастырей является монастырь под названием Балдан-Брайбун⁴. Говорят, что в нем семь дацанов⁵ и 7 тысяч лам. Обычно, помолившись сообща в главном храме, молятся затем в малых, так называемых отдельных храмах.

Следующий за ним [по величине] буддийский монастырь называется Сэра⁶. В нем, как рассказывают, 5 тысяч лам и четыре дацана.

Затем следует монастырь Галдан⁷, в котором, говорят, три дацана и 3500 лам. Обычно каждый день ламы этих трех монастырей собираются в храмах Будды и молятся.

Но раньше этих трех монастырей, сказывают, был построен буддийский монастырь Санпу⁸, где имеется десять дацанов и 2500 лам.

В области Уй-па эти четыре монастыря являются крупнейшими. Во время [праздника] Цаган сар ламы этих четырех монастырей вместе с ламами других малых монастырей молятся в течение 21 дня в храме Дзу-Шакьямуни. В остальное же время [они] каждый день собираются в своих отдельных буддийских храмах и совершают молебны.

Рассказывают, что в один из годов [на праздник Цаган сар] собралось до 18 тысяч лам. В другие годы, как говорят, собирается по 14, 15 и 16 тысяч лам.

Во время [их] ежегодного совместного моления из казны далай-ламы им обычно раздают еду и питье. Обычно до 20 дня [праздника] им каждый день раздают серебро. В середине же 21-го дня каждому вручают по 100 серебряных монет. В остальные дни дают по 50, 40, 30, 20, 15, 10, 5 и 2 с половиной серебряной монеты. Меньше 2 с половиной монет, как правило, не дарят. Раздают обычно и по одному пуду муки⁹.

В больших буддийских монастырях имеются дацаны. Дацаны включают в себя камцаны¹⁰ и мицаны¹¹. В распоряжение каждой из этих четырех [общин] из [числа] подданных тибетского царя выделяются землепашцы. Ламам и ученикам [мона-

стырских] училищ монастырями, дацанами, камцанами и мицанами ежемесячно выдается провиант. [Сами же] ламы и ученики постоянно заняты изучением святого писания.

Говорят, что в прежние времена далай-лама был правителем Тибета. Теперь, сказывают, став ламой, он является перевоплощением бодхисаттвы. А поскольку он был бодхисаттвой, то и перерождается [теперь] постоянно.

Язык населения Уй-па и Дзан-па имеет мало различий. В основном [он] одинаков.

К западу от Дзу [расположена] область Дзан-па. В 10 сутках [пути от Лхасы] находится монастырь Даши-лхун-бо¹², [местопребывание] святого панчена. Говорят, что [в нем] 3 тысячи лам и три дацана.

Во всем Тибете главнейшим ламой является святой панчен-лама. Считается, что он главнее далай-ламы¹³.

Тибетский царь подвластен китайскому императору и возводится [им] на престол. [С того времени], как он подпал под власть китайского императора, в этом, 1768 г. прошло не более 55 лет¹⁴. Причина того, что [он] оказался под властью китайского императора, такова. Джунгарский олетский Цэрин-Дондуб, придя со своим войском в Тибет, убил тибетского царя и сам стал правителем той страны. [Но], узнав, что китайский император послал [против него] армию, Цэрин-Дондуб, сказывают, бежал [из Тибета] и возвратился [на родину].

После этого китайские войска, придя [в Тибет], заявили народу, оставшемуся без правителя: «Ваши враги бежали от нас. [Поэтому] вы должны присоединиться к нам, стать нашим народом». Одного из тех [тибетских] нойонов возвели на престол, велел: «Ты, став главой [государства], управляй. Мы известим [об этом] императора»¹⁵. [И затем] они возвратились обратно.

Между тем тому нойону от китайского императора доставили указ и печать, утверждавшие его на престоле. По рассказам, с того времени [тибетцы] и подпали под власть китайского императора.

[Но] они только подчиняются китайскому императору, подаей же не платят. До настоящего времени тибетский народ, следуя своим обычаям, распространяет святое учение. Продолжается набор [в монастыри] лам и учеников.

Говорят, что святой панчен и далай-лама хотя и не видят [всего] воочию, но обо всем знают. Обычно каждый человек докладывает [им] письменно о своих делах. И в ответных посланиях [те] пишут, например, что такие-то дела вызваны такими-то обстоятельствами, [поэтому] нужно читать эти священные книги и поклоняться этому святому или же читать те священные книги и поклоняться тому святому.

Кроме святого панчена и далай-ламы есть [там] и другие, менее значительные, [но] сведущие ламы. Говорят, что каждый из них покровительствует своему монастырю. [В каждом мона-

стыре] имеется по одному ламе, который общается с Буддой. В случае необходимости у них [тоже] письменно просят [совета] и те письменно же отвечают.

Вообще же, в Тибете и поныне духовенство постоянно и усердно совершенствуется в изучении святого писания. Собираясь ежедневно по утрам и в полдень в своих буддийских храмах, они обычно молятся и читают священные книги.

¹ Амдо — северо-восточный район Тибета.

² Область Дзу (тиб. Чжу) — так монголы именовали весь Центральный Тибет.

³ Подробное описание самой статуи и храма, в котором она помещалась, см. [8, с. 102—118].

⁴ Монастырь Балдан-Брайбун расположен в семи километрах западнее Лхасы. Основан Даши-балданом, учеником и последователем Цзонхавы, в 1414 г. [5, с. 224] или 1416 г. [8, с. 322].

⁵ Дацаны — своего рода факультеты, размещавшиеся в пределах буддийских монастырей, где изучались те или иные разделы богословских наук, а также медицина.

⁶ Монастырь Сэра расположен в 4 км севернее Лхасы. Основан одним из учеников Цзонхавы, Шақчжа-еше, в 1417 г. [5, с. 226] или 1419 г. [8, с. 345].

⁷ Монастырь Галдан расположен в 30 км к востоку от Лхасы. Основан в 1409 г. Цзонхавой.

⁸ Монастырь Санпу. До появления Цзонхавы в окрестностях Лхасы было три крупных монастыря — Санпу, Чжормолун и Гадан. Но, когда Цзонхава и его последователи основали уже упомянутые Брайбун, Сэра и Галдан, те затмили своих предшественников и наиболее всего стали известны монгольским паломникам в Тибет.

⁹ В «Монгольской хрестоматии» А. М. Позднеева [4, с. 36] ошибочно представлено «öggüdeg cü ügei». Во всех остальных известных нам рукописях описания путешествия Заяева это «ügei» отсутствует.

¹⁰ Камцаны — земляческие общины в составе дацанов.

¹¹ Мицаны — более мелкие подразделения камцанов.

¹² Монастырь Даши-лхун-бо расположен в окрестностях города Шиганце (пров. Цзан). Основан первым далай-ламой Гэдун-дубом в 1445 г. [5, с. 236] или 1447 г. [8, с. 364].

¹³ Здесь автор приводит точку зрения буддийской догматики, согласно которой далай-ламы почитались перевоплощениями бодхисаттвы Авалокитешвары, тогда как панчен-ламы являлись якобы воплощениями будды Амитабы, занимавшего в системе буддийского пантеона положение более высокое, нежели бодхисаттвы.

¹⁴ Это сообщение Заяева неточно. Войска цинского императора вошли в Лхасу в 1720 г., а всем Тибетом овладели в 1721 г.

¹⁵ Первоначально управление Тибетом было поручено совету из четырех светских лиц (трое для управления областью Уй и один — областью Цзан). Однако в результате раздоров, возникших меж ними, вся полнота власти в Центральном Тибете оказалась в 1728 г. в руках одного из них — Полоня, по имени Соднам-доб-чжа. Титул князя Полоняю был дарован лишь в 1730 г.

Литература

1. *Дугар-Нимаев Ц. А.* О жанре хождений в бурятской литературе XIX века. — Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. (Серия литературы, фольклора и истории.) Элиста, 1974.
2. *Лауфер Б. Очерк монгольской литературы.* Л., 1927.
3. *Михайлов Г. И.* Литературное наследство монголов. М., 1969.
4. *Позднеев А. [М.]* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.

5. Позднеев А. [М.]. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодөрбөтского Бāза-бакши. СПб., 1897.
6. Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1. История, право. М.—Л., 1957.
7. Санкритьяна Е. Н. Краткий систематический каталог монгольских рукописей и ксилографов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972.
8. Цыбиков Г. Ц. Буддист паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.
9. Монгольский фонд Рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР.

Е. С. Борочина

**МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ
И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ИНДИИ В ТУРКЕСТАН
в 1907 г.**

С именем Михаила Степановича Андреева (1873—1948) связаны славные страницы истории русского и советского востоковедения. Выдающийся этнограф и лингвист, свободно владевший многими восточными языками и диалектами, М. С. Андреев интенсивно вел полевые этнографические исследования, был участником и руководителем ряда экспедиций в Средней Азии и неутомимым путешественником, побывавшим в Индии, Афганистане, Восточном Туркестане. Он по праву считается одним из самых выдающихся советских востоковедов-этнографов¹.

М. С. Андреев получил систематическое образование лишь в объеме учительской семинарии. Его интерес к этнографии народов Востока сформировался очень рано. С детства (М. С. Андреев родился и вырос в Ташкенте) он мог наблюдать быт и обычаи узбеков, таджиков, казахов, других народов, слышать их живую речь. С гимназических лет он стремился к изучению восточных языков, в шестнадцатилетнем возрасте М. С. Андреев поступил в Туркестанскую учительскую семинарию — единственное в Ташкенте русское учебное заведение, где преподавались персидский, узбекский и арабский языки. Его преподавателем в семинарии был известный востоковед В. П. Наливкин. Вероятно, именно под его влиянием у молодого М. А. Андреева сформировалось представление о том, что занятия этнографией требуют безукоризненного знания языков, так же как для глубокого познания языка необходимо изучение быта, обычаев, фольклора. Этому принципу Михаил Степанович следовал в своей научной деятельности всю жизнь. В годы учения в семинарии М. С. Андреев брал частные уроки у мударриса ташкентского медресе, с которым читал персидскую литературу, арабские и турецкие тексты. О своих занятиях в медресе он писал: «Учение в медресе было очень интересно. Оно давало мне возможность ознакомиться не только с языками (в бухарско-ташкентском произношении моих учителей), но открывало мне реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи, а в области языка дало мне возможность быстро и свободно говорить и приучило меня к хорошему ташкентскому произношению. В общем, это как-то хорошо открыло мое сердце, приучило ува-

жать и хорошо относиться к людям, видеть в них доброе и хорошее и там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении которых я вырос в детстве» (цит. по [14, с. 4]). По окончании ташкентской учительской семинарии М. С. Андреев в течение нескольких лет преподавал в этой же семинарии и в ташкентском реальном училище. Уже в юные годы он совершил свои первые поездки по Средней Азии, которые чрезвычайно обогатили его знание языков, быта и фольклора местного населения.

С 1896 г. М. С. Андреев начал работать в качестве личного секретаря А. А. Половцова, чиновника по особым поручениям министерства внутренних дел. Эта работа предоставила Михаилу Степановичу возможность совершить поездки по Средней Азии, на Кавказ, в Петербург, в Индию, во Францию. В Петербурге он имел возможность углубить свои теоретические познания в занятиях с С. Ф. Ольденбургом, В. В. Радловым, К. Г. Залеманом. Многочисленные путешествия и общение с выдающимися петербургскими востоковедами способствовали приобретению М. С. Андреевым энциклопедических знаний в области востоковедения, явились его университетами.

В многочисленных экспедициях по Средней Азии, Памиру, Восточному Туркестану М. С. Андреев проявил себя непревзойденным собирателем материалов. Его этнографические и лингвистические записи отличает исключительная точность.

В 1926 г. Михаил Степанович работал в качестве старшего переводчика при особой советской миссии в Афганистане, где ему удалось собрать сведения по языку и быту населенной таджиками долины Панджшир, на основании которых им была написана книга «По этнологии Афганистана. Долина Панджшир» [4].

На протяжении нескольких десятилетий, с 1901 по 1943 г., М. С. Андреев последовательно изучал имеющие ряд архаических особенностей язык и быт таджиков труднодоступной долины Хуф в Рушане. К сожалению, автору не удалось полностью подготовить к печати собранные им обширные и чрезвычайно интересные материалы, касающиеся поистине всех сторон жизни таджиков долины Хуф. «Таджики долины Хуф» [6; 7] — этот фундаментальный труд ученого в области изучения этнографии таджикского народа был издан уже после смерти Михаила Степановича.

М. С. Андреев активно занимался музейной работой, участвовал в постоянном пополнении фондов музеев нашей страны, в расширении краеведческих музеев Средней Азии.

Как особую заслугу ученого необходимо упомянуть его многолетнюю педагогическую деятельность. М. С. Андреев воспитал не одно поколение советских исследователей Востока. Его учениками были Е. М. Пещерева, А. К. Писарчик, О. Д. Чехович, О. А. Сухарева, П. П. Иванов, А. М. Беленицкий, О. Л. Орестов, А. Л. Троицкая, Н. Н. Ершов. Михаил Степано-

вич был талантливым педагогом. Занятия с ним навсегда остались в памяти его учеников. Рассказы его о нравах и обычаях народов Востока, как вспоминает его ученица и сотрудница во многих экспедициях, известный этнограф Е. М. Пещерева, были настолько красочны и интересны, что слушатели живо представляли себе все, о чем он говорил. Его языковые занятия, для которых в то время имелись лишь самые примитивные пособия, также были чрезвычайно интересны и полезны благодаря его прекрасному знанию языков, живости и эрудиции. Щедро и бескорыстно отдавал он ученикам все свои знания. Михаил Степанович уделял большое внимание экспедиционным поездкам студентов по Средней Азии, сам их организовывал и всегда интересовался их результатами. В общении с людьми он был безукоризненно вежлив.

Научные заслуги М. С. Андреева, его многолетняя работа в Узбекском и Таджикском филиалах АН СССР, руководство многими экспедициями и активное участие в них, длительная педагогическая деятельность были высоко оценены. В 1929 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1942 г.— действительным членом АН Узбекской ССР. Ему было присвоено звание профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР и Таджикской ССР. В 1929 г. в своем отзыве о М. С. Андрееве представившие его к избранию в члены-корреспонденты АН СССР академики С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Ф. И. Щербатской и И. Ю. Крачковский писали: «М. С. Андреев родился на Востоке, всю жизнь прожил на Востоке... и справедливо считается одним из тончайших, глубоких знатоков быта и вообще жизни нового Востока в Средней Азии и Индии. Если к этому прибавить его превосходное знание целого ряда языков и многочисленных наречий, главным образом иранского корня, то ясно, что в лице М. С. Андреева мы обладаем востоковедом, какие встречаются не часто... Та точность, которую Андреев, как хороший лингвист, проявляет во всех своих работах по языку, соблюдается им во всех этнографических работах, из которых большинство образцовые» [15, с. 1—3].

За многие годы интенсивной работы М. С. Андреев собрал обширнейший материал по этнографии, лингвистике, фольклору, представленный в дневниковых полевых записях, черновых заметках. Из накопленного материала была издана лишь сравнительно незначительная часть. Это объясняется несколькими причинами, о которых сам М. С. Андреев говорил следующее: «Мне все казалось, что мной собрано еще недостаточно, что материал все еще не освещает удовлетворительно ту область, по которой он собирался, что нужно еще разрешить те или иные вопросы и тогда будет яснее. Мешал также и соблазн собирать интересный, бесследно исчезающий материал по другим темам, за что я брался вместо того, чтобы подготовить к печати написанное ранее» (цит. по [14, с. 19]).

М. С. Андреев несравненно больше придавал научного значе-

ния точному и детальному фиксированию крайне мало изученных и уходящих в прошлое обычаев, быта, фольклора народов Средней Азии, чем обработке уже собранных сведений. Бескорыстие истинного ученого звучит в его словах: «Я пришел к заключению, что важнее всего было изготовление „кирпичей“, как я мысленно называл различные отрывки с записанными фактическими сведениями, и считал что „здания“ из таких кирпичей с большим успехом могли бы строиться потом другими работниками» (цит. по [14, с. 19]).

М. С. Андреев в своем научном наследии, в частности в архивных материалах, оставил настоящую сокровищницу ценнейших сведений по этнографии народов Средней Азии, Афганистана, Индии, Восточного Туркестана. Все эти материалы, несомненно, заслуживают изучения и опубликования. Задача публикации этих фондов не раз была отмечена в научной печати. Благодаря кропотливому труду Антонины Константиновны Писарчик, жены и друга М. С. Андреева, уже после его смерти появились доработанные и дополненные ею «Ягнобские тексты» [5], два тома «Таджики долины Хуф» [6, 7], «Материалы по этнографии Ягноба» [8]. В 1972 г. вышла книга «Арк Бухары», подготовленная к печати О. Д. Чехович и А. К. Писарчик по рукописи М. С. Андреева, включающая материалы по бухарскому арку, дворцовому быту, некоторые исторические сведения и пр. [9]. Т. Г. Абаевой и А. Л. Грюнбергом были изданы ценные языковые и этнографические материалы по восточным кати (одной из четырех групп населения мало изученной области современного Афганистана — Нуристана, бывшего Кафиристана), собранные М. С. Андреевым в 1902 г. [1, с. 130; 12, с. 23]. Основная же часть материалов осталась в научном архиве М. С. Андреева в виде работ, только частично подготовленных к изданию, а в значительной части в виде необработанных полевых записей. Краткое описание научного архива М. С. Андреева было сделано А. К. Писарчик [14, с. 23—29]. Научный архив М. С. Андреева хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Многие его рукописи, главным образом ранних работ, находятся в Архиве востоковедов ЛО АН СССР. Они поступили туда в составе архива академика К. Г. Залемана, которому Михаил Степанович передал в свое время все свои записи, позже были выделены в отдельный фонд (ф. 3).

В числе документов, хранящихся в Архиве востоковедов ЛО АН СССР, имеется дневник М. С. Андреева «Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г.» [3]. Подлинник дневника сохранился полностью до нашего времени. Первая тетрадь дневника с записями от начала мая 1907 г. (Бомбей) до 30 июля/14 августа 1907 г. (сел. Лянгар-Буйра) хранится в личном архиве М. С. Андреева в Душанбе в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Оригинал второй тетради дневника с записями от 1/14 августа 1907 г. (сел. Пос-

кем) до 2/15 сентября 1907 г. (сел. Намамгут) находится в Архиве востоковедов ЛО АН СССР [3]. Однако фонд М. С. Андреева в Архиве востоковедов содержит полный текст всего дневника, который составляет 114 страниц. Текст частично переписан рукой М. С. Андреева (с. 1—62), частично дан в машинописи (с. 63—114). Оригинал второй части дневника представляет собой небольшую тетрадь (16,5×20,5 см), переплет темно-фиолетовый, текст имеет 39 страниц, чернила черные, почерк достаточно разборчивый, тетрадь, видимо, была подмочена.

Путешествие, описание которого содержится в дневнике, М. С. Андреев совершил с мая по сентябрь 1907 г., возвращаясь в Россию из Индии, где он находился с 1905 г. в качестве личного секретаря генерального консула в Бомбее А. А. Половцова. В Индии помимо прочих служебных обязанностей М. С. Андреев по поручению Российской Академии наук занимался сбором этнографического материала, рукописей, коллекций, приобретая ценные экспонаты порою за свой счет. В 1913 г. М. С. Андреев прислал в Азиатский музей Академии наук (ныне Институт востоковедения АН СССР) из Пондишери коллекцию тамильских рукописей на пальмовых листьях. Она состояла из 17 единиц. Определенный интерес в ней представляют медицинские трактаты [11, с. 132]. По окончании службы в Индии, в 1914 г. М. С. Андреев передал в Музей антропологии и этнографии коллекцию, насчитывающую более тысячи различных, нередко уникальных предметов [14, с. 8]. Одним из наиболее ценных экспонатов является фрагмент портика дворца из г. Насик (пров. Бомбей) — памятник деревянной монументальной архитектуры, представляющий собой большую редкость, так как подобных памятников в Индии сохранилось мало. В настоящее время этот великолепный деревянный резной портик украшает экспозицию индийского зала Музея антропологии и этнографии.

Получив в 1907 г. отпуск, М. С. Андреев решил проехать в Среднюю Азию сухим путем — из Кашмира через Гималаи по перевалу Каракорум в Западный Тибет, оттуда в Восточный Туркестан (Яркент), а затем через Таш-Курган, оз. Зоркуль, Вахан, Шугнан и Восточный Памир в Ферганскую долину. О причинах выбора такого маршрута М. С. Андреев писал в своем дневнике: «...на Памире я надеялся пополнить филологические записи по наречиям горных племен верховьев Панджа. Правда, маршрут через Восточный Туркестан являлся несоразмерно длинным, но для меня он был единственно возможным, так как англо-индийское правительство очень ревностно относится ко всяким попыткам неанглийских путешественников переехать индийскую сухопутную границу, и для меня, русского, выхлопотать разрешение на проезд в другом, кратчайшем направлении представлялось более чем затруднительным» [3, л. 3].

Во время всего путешествия М. С. Андреев вел дневник, де-

лая довольно подробные записи, как правило, ежедневно. Он редко говорил о трудностях пути, но по имеющимся в дневнике скудным замечаниям можно понять, что путешествие было необычайно трудным и даже опасным.

Дневниковые записи, как и все записи М. С. Андреева, отличается прекрасный литературный язык, точность в описании деталей, передаче и транскрибировании топонимов, острота наблюдений. В дневнике М. С. Андреев приводит много географических, этнографических сведений, рассказывает легенды, связанные с местами, по которым он проходил, описывает населенные пункты и архитектурные памятники, встреченные им по пути. Так, о происхождении названия р. Пандж в дневнике есть запись следующего предания: «По объяснению ваханцев, р. Пандж получила свое название от того, что раньше этой реки не было и Али приложил свою руку („пятерню“) несколько выше Базаи-Гумбеца (верстах в шести выше Базаи-Гумбеца к перевалу Вахджир). От отпечатков пяти пальцев Али забили пять ключей, которые и составляют начало р. Аму, под названием Аб-и-Вахджир, по имени перевала. Другой вариант происхождения названия реки мне довелось слышать следующий: река называется так по имени пяти речек, образующих ее начало:

- 1) Оби-Буругиль,
- 2) Аб-и-Иршод,
- 3) Аб-и-Вахджир,
- 4) Аб-и-Куль-и-Андеман,
- 5) Аб-и-Лянгар (т. е. р. Памир).

Хребет Гиндукуш известен среди таджиков под названием Ку-и-Дароз (Длинные горы). Река Пандж известна у бадахшанцев под названием Дарья-и-Хому (т. е. Аму). Крепости на Афганском берегу Кала-и-Панджа и Кала-и-Бар-Панджа тоже получили свои названия от имеющих при них следов пяти пальцев Али; это места богомоля горцев» [3, л. 114].

Научный интерес представляют этнографические заметки, сделанные М. С. Андреевым в дневнике. Так, он записывал суеверия местного населения, которые являются интересным этнографическим материалом: «Между местными киргизами существует также верование в „яда-таш“, как и среди многих среднеазиатских народов. По их мнению, манипуляции с камнем „яда“ производятся следующим образом: берут и режут черного барана, собирают в сосуд его кровь, опускают туда на три или семь дней камень. За это время кровь высыхает, а самый камень берут и читают над ним соответствующую молитву (первую суру Корана навыворот, с конца, за что „ядачи“ — заклинатель и считается хуже семи неверных). После чтения молитвы собираются на небе тучи и падает дождь. Если вымыть камень и положить в чистом виде на воздух — устанавливается ясная погода. Если привесить камень на нитку и начать раскачивать — поднимается ветер. Очень большие ядачи (та-

ковой, например, имеется в Кос-Арде), подержав камень в крови черного барана, сосуд с кровью закапывают в землю, а сами убивают желтую собаку и лизут ее кровь» [3, л. 95].

В дневнике имеются интересные записи о социальных и товарно-денежных отношениях населения районов, пройденных М. С. Андреевым, живые сцены общения с местным населением, описание природных условий. Немногие путешественники проходили этим путем и довольно скудна литература о нем². Готовя к печати свой дневник, М. С. Андреев писал: «Ведя настоящие записи во время моей поездки из Индии в Россию в 1907 году, я вовсе не имел в виду их появления со временем в печати, а записывал без определенной цели лично для себя лишь то, что казалось мне или более интересным, или что могло послужить в будущем для какой-нибудь справки по посещенным мною местам. Так как литература, касающаяся пройденного мною пути, сравнительно невелика, то, по совету некоторых лиц, видевших мои дорожные записи, позволю себе их печатать в том виде, как они были ведены, несмотря на всю их отрывочность и несовершенство» [3, л. 1].

Дневник так и не был опубликован. Ниже приводим извлечение из дневника М. С. Андреева — описание его перехода через перевал Каракорум, самый высокий перевал, через который путешественнику пришлось проезжать. Мало кому из русских путешественников довелось проходить через этот перевал, уже поэтому заметки М. С. Андреева заслуживают внимания. В передаче топонимов мы следуем транскрипции, принятой в современных востоковедных изданиях.

л. 15

// 30 июня/14 июля. Лех

Живу в Лехе в ожидании возвращения с охоты П. А. и майора Ф. Шесть переходов от Мульбека до Леха, тянущиеся по сравнительно населенной местности, очень подробно описаны в путеводителях, почему я не буду о них распространяться. По этой же причине я коснулся только местами пути от Сринагара до Леха.

Столица Ладака немного разочаровала меня своими размерами. Я ожидал встретить по крайней мере то, что, по нашим понятиям, представляло бы хотя небольшой город, но на самом деле Лех является скорее деревней. Два длинных ряда лавок с несколькими закоулками составляют базар. Тут же неподалеку в разных местах среди домов местных обывателей расположены караван-сарай, где останавливаются приезжие купцы. На скалистом отроге, у подножия которого расположен базар, возвышается большое здание тибетской архитектуры, видимое издали — дворец прежних королей Ладака. // Последний из них жив еще до сих пор и проживает в деревне по ту сторону р. Инд. Власти он теперь никакой не имеет, но пользуется большим уважением среди своих бывших подданных. Раз в год он приезжает в свой дворец и с неделю живет в нем. Деревня, где

л. 16

постоянно проживает бывший король, отведена ему кашмирским правительством, и доходы с нее собираются кашмирцами, как с прочих селений Ладака, а идут в пользу бывшего короля. Сын его учится вместе с мальчишками Леха в общей школе, и вообще король и его семья живут сравнительно очень бедно.

Лех и в настоящее время является административным центром Ладака и его главным населенным пунктом. Так как страна управляется кашмирцами под контролем англичан, то здесь живут оба представителя власти. От имени кашмирского правительства Ладаком управляет губернатор-индус, более известный под именем «вазира». В Лехе же живет единственный в стране англичанин — British Joint Commissioner, наблюдающий за действиями вазира. // Мне доводилось слышать, что во владениях туземных правителей Индии, для того чтобы предупредить злоупотребления всякого рода, очень распространенные в туземной администрации, практикуется иногда система назначения на одну какую-нибудь административную должность одновременно двух лиц: индуса и мусульманина. Делается это с тем расчетом, что в силу религиозной розни оба будут ревниво следить и не давать один другому наживаться за счет казны и народа. Я слышал, что на практике религиозные интересы отлично поддаются материальному искушению и пары часто действуют очень согласно в целях обоюдной выгоды. В настоящее время вазирь в Ладаке совмещает обе эти должности. л. 17

Кроме английского правительственного агента в Лехе живут еще несколько европейцев — миссионеры моравской церкви (двое мужчин и несколько женщин). Они издают маленькую газету — единственную в мире, выходящую на тибетском языке³.

Большинство жителей Леха — аргуны. // Так здесь называют смешанный тип, происшедший от браков приезжих яркендских, баджаурских и всяких других купцов на тибетках. Аргуны [аргуны] более красивы, сильны и энергичны, чем чистокровные тибетцы, хотя эти качества колеблются от количества примеси в крови. Они почти все мусульмане. л. 18

Лех оживает в летние месяцы, когда с наплывом караванов заключаются всякие торговые сделки, подряжаются возчики, хлопчут по снаряжению караванов и т. д. Летом же наезжают туристы, хотя и в очень небольшом количестве из-за упомянутого мною выше ограничения, вызванного желанием сохранить запасы зерна для купеческих караванов. Несмотря, однако, на все чрезвычайные усилия, которые делает англо-индийское правительство для поддержания торговли с Восточным Туркестаном, ясно бросается в глаза вся ненормальность подобного торгового сообщения и вряд ли можно надеяться на дальнейшее развитие торговли из-за крайне тяжелых условий движения по этому пути.

Купцы из Восточного Туркестана, с которыми мне приходилось встречаться в Сринагаре, // жаловались мне, что вследствие трудности пути через Гималаи большая часть купцов с про- л. 19

ведением железной дороги до Андижана предпочитает теперь более спокойную дорогу на Ош риску и дороговизне пути до Леха. Стоимость провоза между Лехом и Яркендом действительно очень высока. В то время как провезти лошадиный вьюк в шесть пудов от Сринагара до Леха (17 переходов — 242½ мили) обходится обыкновенно около 9½ рупии, стоимость провоза того же вьюка от Леха до Яркенда (32 перехода — 482 мили) колеблется от 60 до 70 рупий.

- л. 20 Вследствие полного отсутствия корма и жителей на просторанстве десяти переходов от Панамика [тиб., букв. «Око небесного процветания»⁴], последней деревни в Ладаке, до Сугета, первой киргизской стоянки на китайской территории, приходится брать с собою не только запасы хлеба для людей, но и в достаточном количестве зерна для животных. К тяжелым условиям нужно прибавить то, что почти все время приходится идти на большой высоте, отчего // многие лошади заболевают горной болезнью и громадный процент их погибает, выбившись из сил от бескормицы и горной болезни. Некоторые же перевалы — Кардонг [тиб. «Белый проход»], Сассыр, Санджу [тиб. «Чистый (или святой) проход»] — обыкновенно настолько труднопроходимы, что для избежания потерь лошадьми их хозяева сплошь да рядом предпочитают нанимать у местных жителей на вьюки яков и переводить лошадей порожняком, что представляет новый накладной расход. По установленной правительством таксе, наем яков через перевал Кардонг стоит 2 рупии, через перевал Сассыр — 4 рупии. Ко всему вышесказанному надо прибавить, что путь этот открыт не круглый год, и караваны успевают обыкновенно сходить только раз в один конец и вернуться обратно.

5/19 июля. «Каменная хижина»
перед перевалом Кардонг

Вчера мы выехали из Леха часа в три пополудни. Последние дни в Лехе у нас в Dak-Bungalow был целый базар. Покупали лошадей, вьючные седла, попоны и пр. и пр.

- л. 21 Так как // нам предстояло перевалить через перевал Кардонг, то, чтобы сохранить силы лошадей, вьюки с места были отправлены на яках, которые, хоть и выступили одновременно с нами, выехавшими на лошадях, но, конечно, очень быстро отстали. Дорога из Леха идет на север вверх по долине, по которой протекает речка, орошающая Лех. Ночевали под самым перевалом у каменной хижины. Барометр майора Ф. показывает 14 800 ф. [4514 м]. Ночью, очевидно благодаря непривычной еще высоте, спали довольно плохо.

Я забыл прибавить, что наконец в Лехе я получил желанный пропуск и теперь путь для меня открыт.

Сегодня перевалили через перевал Кардонг (17 500 ф. [5328 м]). На вершине сделал наблюдения с барометром и кипятильником. Ехали на яках — один, на котором я сидел, на спуске чуть было не убил меня, бросившись стремглав вниз, когда я только что вскочил на него, и, дав на карьере большого козла, перебрал меня через голову на камни.

Перевал со стороны Леха довольно труден и утомителен. Подъем на перевале, несмотря на то что лошади шли без вьюков, некоторые из них сильно страдали от горной болезни. // Лошадь майора Ф. на вершине перевала совсем стала л. 22
помирать, но выручил наш старый яркендец Фазиль-Бай, проколов ей ноздри и какую-то вену в языке. Эта операция произвела самое магическое действие — лошадь сразу вскочила.

Не могу не упомянуть, что когда на самой вершине перевала я производил наблюдения и снимал фотографии, то заметил среди камней маленького крысенка, правда, какой-то, как нам показалось, особой породы. И это на высоте 17 500 ф. среди камней и снега!

Спуск с перевала идет целиком по снегу приблизительно на полверсты или версту. Параллельно нашему спуску видны ступени, вырубленные в обледенелом снегу проходившим раньше караваном. На склоне же со стороны Леха снег лежал пятнами. Кардонг — небольшое, давшее перевалу название селение. В нем есть сарай для проезжающих, где мы и остановились на ночь.

7/21 июля. Селение Трит на берегу р. Шайок
[тиб. «Движущаяся поверхность»]

Наш ночлег сегодня в селении Трит очень хорош. Много зелени, деревья и травы. Из Кардонга дорога шла все время вниз. Выйдя верст 6—7 на р. Шайок, мы продолжаем спускаться ее левым берегом и версты 3—4 выше переходим через мост на правый. Мост такой же, как, кажется, и все мосты, устроенные английскими инженерами в этих местах. // Подвешен на проволочных канатах и шатается вовсю при переходе через него. Само собой, пропускается одновременно только по одной лошади. л. 23
Английская 4-мильная карта, лучшая из имеющихся, которой мы и пользуемся, сильно устарела с своими сведениями. Она очень хорошо издана, но, к сожалению, составлена по старым съемкам и показывает такие дороги, по которым уже давно перестали ходить, так как проведены с тех пор новые, которые на этой карте не обозначены. От Кардонга, например, теперешняя дорога все время следует по течению речки, впадающей в р. Шайок. Выйдя в долину Шайока, дорога по левому берегу этой речки, а потом по мосту переходит на правый берег и подходит к селению Трит. На карте же она забирается на горы (нам, действительно, показывали старую, брошенную теперь дорогу, уходящую влево, взбираясь на скалы) и проходит по дру-

гому берегу мимо Трита, переходя потом речку Шайок вброд у впадения в последнюю р. Нубры⁵.

л. 24 На сегодняшнем привале к большой радости П. А. и майора Ф. // оказалось много куропаток и зайцев, что явилось очень подходящим подспорьем к нашему столу.

По р. Шайок попадаетея среди зарослей кустарника также и гребенщик — старый знакомый по Туркестану.

11/24 июля. Панамик

9/22 июля ночевали в селении, которое наши яркендцы называли Тагар. Дело в том, что здесь для многих мест существуют два названия — местное тибетское и яркендское, даваемое проезжими яркендцами, что, понятно, порождает путаницу.

Сегодня вторую ночь проводим в селении Панамик, так как, приехав вчера, получили уведомление от местной администрации, что все путешественники — купцы и саибы, безразлично, должны останавливаться на один день в этом селении и что яки, которые нам нужны для предстоящего перехода через перевал Сассыр, будут собраны через день. Пришлось подчиниться. //

12/25 июля

Сегодня выступили часов в 8 утра из Панамика и часа через три подошли к перевалу из долины Нубры в долину речки Тулюмбути. Эта речка впадает в р. Нубру, но при выходе ее в долину последней берега ее так отвесны и течение ниспадает так быстро, что сообщение вдоль по берегу в этом месте невозможно. Старая дорога (которая только и показана на карте) шла далеко в обход, и перевал, говорят, был очень труден. Теперешний перевал, дорога на который начинает подниматься от впадения речки Тулюмбути в долину Нубры, в общем довольно отвесен и поднимается высоко, но так как дорога идет вверх хорошо разработанными зигзагами, то подъем совершенно возможен для навьюченных лошадей.

л. 26 Остановились на ночлег, спустившись с перевала на берегу упомянутой речки Тулюмбути. Наши ладакцы называют это место Умлюнг (Умлунг), // но, кажется, что это значит чуть ли не то же, что киргизское слово «джилга» [букв. «ложбина ручья», «долина» (см. [16])].

Место нашей остановки сдавлено очень тесно сходящимися горными цепями по обоим берегам речки. Травы тут почти никакой, и бедные лошади обречены довольствоваться скромной дачей захваченного с собой ячменя. Последний выдается в наибольших дозах не только для того, чтобы сэкономить захваченные запасы, но также и с целью предохранения лошадей [от] болезни, которой более подвержены сытно и плотно наевшиеся люди и лошади. Все горные жители Средней Азии уверяют, что люди особенно расположены к заболеванию горной болезнью после того, как поедят мяса. Очень рекомендуется кислое молоко (простокваша) и вообще легкая, невозбуждающая пища.

Перевал, который мы перевалили сегодня, открыт и сделан доступным несколько лет тому назад. Он называется тем же именем, что и старый, который он заменил, лежащий теперь в стороне. Путь на него шел далеко в обход // теперешнего направления. Яркендцы и тот и другой перевал называют Куруль-Даван, ладакцы — Ляскя [тиб. «Горный проход», «Переход через перевал»]. Завтра будем проходить мимо последнего населенного Джингмоче [тиб. «Большое вспаханное поле» или «Обладающий большим полем для вспашки»], на карте Zingmoschu, где имеются последние посеы и даже, говорят, кто-то живет.

13/26 июля. Перед перевалом Сассыр

Выступили с ночлега в 6 ч. 45 м. утра и попали как раз под дождь — мелкий, холодный, с ветром. Селения Джингмоче так и не видели. Очевидно, маленький посев и какая-нибудь хижина. Дорога шла все время долиной речки Тулюмбути вверх по ее течению. Верстах в 12 от оставленной нами стоянки открывается вид на обширный ледник, покрытый моренами. С правой стороны ледника в него впадает другой, белоснежный, красиво свешивающийся над первым. Из ближнего ледника вытекает Тулюмбути, принимающая тут же слева другой ручей, вверх по которому и продолжался наш путь.

Местность, где берет свое начало // речка Тулюмбути, называется яркендцами Тути-Яйлак, т. е. летние пастбища поний (тути — горная лошадка из Ладака). Здесь есть подножный корм, и обыкновенно тут же останавливаются на ночлег проходящие караваны. Мы, однако, предпочли подняться выше, чтобы сократить завтрашний переход, и остановились перед подъемом, который предшествует перевалу Сассыр. Яркендцы называют это место «ангарчанын тууби» («конец ледника») по имени ледника, или, вернее, двух, которые выходят в эту небольшую котловину. Немного выше Тути-Яйлака мы приостановились на завтрак вскоре после выпавшего снега, которым все было покрыто кругом. Сухость воздуха в этих местах благодаря высоте такова, что, пока мы пили чай, т. е. в продолжение минут сорока, все уже исчезло, и мы продолжали путь частью по камням, а частью по мураве.

//14/27 июля. Сассыр-Брангса л. 29

Сегодня перевалили через Сассыр. Выступили около 4 часов утра, чтобы пройти через перевал по подмерзшему снегу раньше, чем его прогреет солнце и он станет рыхлым. Выступив, мы сразу стали подниматься к леднику, спускавшемуся против нашего лагеря. Дорога была утомительна. Можно было удивляться нашим лошадям, не оставшимся без ног после прыжков между камнями моренных образований.

Взобравшись на первый хребтик, дорога несколько времени идет параллельно обрыву ледника, а потом взбирается на лед-

ник и идет на протяжении 3—4 верст по толщам белого снега. Вершина перевала приходит на высокое место ледника. Лошади довольно часто проваливались сквозь верхнюю кору, но в общем, принимая во внимание условия перехода через большой ледник, дорога была довольно удовлетворительна. Очень помогло наше раннее выступление, так как верхняя, замерзшая за ночь кора не успела еще растаять. Лишь // к концу пути, когда солнце уже пригрело, идти стало труднее и лошади начали уже больше проваливаться, но, к счастью, оставалось пройти только небольшое пространство до конца ледника.

л. 30

Иногда, говорят, движение через перевал бывает крайне затруднительным. Верить этому очень легко при виде кладбища лошадиных остовов, рассеянных на всем протяжении подъема к перевалу Сассыр до нашего сегодняшнего ночлега включительно.

Спуск с перевала удобен и много легче подъема. В том месте, где пролегает путь, спускающийся к теперешнему нашему ночлегу, ледник постепенно переходит на нет без отвесного обрыва, как на первом конце перевала. От конца ледника до места нашего сегодняшнего ночлега на берегу р. Шайок версты три по хорошему пологому спуску. На месте нашей остановки водятся волки. Молодой яркендец, из встреченного нами здесь каравана, рассказывал мне, смеясь, что они поймали вчера волчонка // и посадили на веревку, но ночью он перегрыз ее и убежал.

л. 31

На окрестных дорогах наши люди видели пасшиеся стада горных козлов (ибел).

15/28 июля. «Булак», показанный на карте под названием «Murgo»

Выступив утром из Сассыр-Брангса, мы тотчас же (минут через десять) подошли к броду через р. Шайок. На лето в Сассыр-Брангса постоянно посылаются от правительства двое ладакцев, чтобы показывать брод проходящим караванам. Из наших лошадей первыми стали переправляться лошади майора Ф., подошедшие раньше к реке. Течение было довольно быстрое, но вода не доходила лошадям выше брюха. Тем не менее одна из лошадей майора упала в воду, кажется отклонившись немного от брода, и вьюки поплыли по воде. К счастью, бросившимся ладакцам удалось их вытащить. Мы с нашими вьюками переправились благополучно.

л. 32 В прежние годы путь от Сассыр-Брангса на Каракорумский перевал // шел вверх по течению р. Шайок. Яркендцы, ходившие тем путем, говорили, что он был короче и удобнее существующего и имел к тому же сравнительно больше травы. К сожалению, эта дорога закрыта в настоящее время спустившимся ледником и движение по ней невозможно.

Переправившись через Шайок, мы поехали вверх по течению небольшой речки, впадающей в Шайок против Сассыр-Брангса.

Дорога шла, переходя все время с одного ее берега на другой, среди довольно тесно сходящихся скал, сжимающих речное ложе. Пройдя версты три вверх по речке, тропинка (теперь разработанной дорожки после Сассыр-Брангса уже больше нет) поворачивает вправо и через очень тесный и неудобный проход среди скал вверх по руслу ручья выходит на довольно широкую, длинную равнину, окаймленную горами, где дорога хороша. Вскоре проходим мимо небольшого озера, лежащего между двух поперечных водораздельных возвышенностей в этой долине и затем, начав спускаться по очень легкому уклону, // л. 33
пройдя вскоре мимо Чонг-Таш — «Большого камня», подошли к сегодняшнему ночлегу. Дорогой опять поразило нас громадное количество лошадиных трупов и костяков. Прямо сплошное кладбище. На одном нашем привале их штук 10—20.

*Урочище Кизил-Унгур [тюрк. «Красная гора»]:
16/29 июля*

Сегодня сделали, кажется, около 18 миль, причем перевалили два небольших перевала, поднимаясь оба раза речкой, вверх по течению которой мы шли в тех случаях, где дорога по берегу становилась невозможной. Места были дики и живописны. Дорога немного утомительна в первой своей половине спусками и подъемами, но потом идет (мимо // Бурса к Кизил-Унгуру) по широкому ложу речки и незаметно поднимается вверх. Травы на нашей остановке нет никакой, и лошади обречены на полное голодание. // л. 34

При сравнении названий мест, которыми мы проходили, по английской 4-мильной карте с туземными названиями видно, что последним очень не повезло в английской транскрипции.

Чуджаш-Джилга. 17/30 июля

По словам наших яркендцев, разные урочища, через которые нам придется проходить, идут после Каракорумского перевала в следующем порядке:

- 1) Барангсы,
- 2) Баксун-Булак,
- 3) Вахаб-Джилга (место бывших ладакских аванпостов),
- 4) Чадыр-Таш,
- 5) Найза-Таш,
- 6) Чонг Дарваз Сегут,
- 7) Кирик,
- 8) Мелик-Ша,
- 9) Чибра,
- 10) перевалив Сугет Даван в Хотаз-Джилга,
- 11) Сугет Джангал.

Я думаю, что это слово (Балангсы, Брангса [тиб., букв. «место, где проходят, чтобы следовать дальше», т. е. просто «перевал»]), наверное, просто обозначает «по ту сторону», «подножие пере-

вала» или что-нибудь в этом роде, так как применяется ко многим перевалам.

- л. 35 // Яркендцы рассказали мне сейчас, что мы попали довольно удачно, так как в этом году половодье в местных речках очень позднее. Дней через двадцать, по их словам, наступит время самой большой воды и дорога в тех местах, где приходится переходить через речки, во многих случаях станет непроходимой от 10 часов утра до полуночи или даже до утренней зари. Это продолжается дней 15—25, а затем многие бушевавшие речки пересыхают, и путникам приходится доставать воду иногда с большим трудом, растапливая снег и лед.

Хотя на английской 4-мильной карте и следует около названия Каракорумского перевала отметка «open always» (открыт постоянно), по словам всех яркендцев, с которыми мне пришлось разговаривать, зимою этот перевал совершенно непроходим и завален снегом.

- По плато Дипсанг путь хотя и труден, но возможен. Относительно же перевала положительно уверяют, что он закрывается. Как пример, характеризующий последнее обстоятельство, наш старик Фазиль-Бай рассказал мне следующее. Около 33 лет тому назад в Лех приехал один бухарский царевич, и, хотя ему выдавалось от правительства полное довольствие натурой и, кроме того, ежедневно по 10 рупий, он все же пожелал проехать к себе на родину // и выбрал путь через Каракорумский перевал и Восточный Туркестан. В Лехе он нанял возчиков с 25 лошадьми и тронулся в путь. Они доехали с большими лишениями до места, где стоят три глинобитных конусообразных хижины («гумбез»), дальше двигаться было невозможно, так как половина лошадей пала, а путь был прегражден снегом. Часть возчиков тоже погибла; оставшиеся же бросили сына бухарского эмира с его двумя людьми в трех хижинах. Ящики с его серебром были оставлены на пригорке напротив, сами же возчики вернулись в Лех. Лехское начальство послало пять должностных лиц с 50 ладакцами на помощь. Наш Фазиль-Бай, проживавший тогда в Лехе, тоже был послан, как единоведец и почти сородич. Они застали всех трех уже трупами, страшно истощенными от голода, и похоронили сзади трех хижин, завернув в войлок. Их могилы заметны и сейчас.
- л. 36

- Мы остановились на ночлег верстах в двух выше трех хижин, пройдя мимо них. // Наш ночлег (по правде сказать, никаких отличительных признаков от другого места на некотором протяжении этой долины не имеющий) называется Чуйджуш-Джилга — «Урочище чайника». (Или, правильнее, «ложбина, небольшая долина (джилга) чайника».) Слово «чайджуш», обозначающее в Средней Азии чугунный кувшинообразный чайник, яркендцы произносят «чуйджаш».
- л. 37

Фазиль-Бай рассказал о следующей причине происхождения названия этого урочища.

Один богатый купец, ехавший этим путем вместе со своими

товарами из Индии, попал на место нашего ночлега и оказался совершенно без топлива (если последнее не захвачено с собою, то здесь достать нельзя — нет ни травинки). Мучимый желанием согреться, напившись чаю, он сжег сандаловые гребни, которые были в его товаре из Индии, стараясь согреть себя и вскипятить чайник. Последнее ему не удалось, хотя гребней он сжег на 13 ямб. Отсюда происхождение названия урочища. // Говорят, что купец потом велел поставить доску с надписью (теперь не сохранилась), заключающую какие-то неслестные выражения по поводу удобств остановки в этом месте. л. 38

Выступили мы сегодня часов с семи. Было очень холодно, и вода была покрыта тонким льдом. Дорога идет вверх по реке, затем через подъем по небольшому ущелью поднимается к перевалу, или, вернее, выходит на плато Дипсанг. Высота чувствуется очень заметно и сказывается в ускоренном дыхании людей при небольшом усилии, отражается и на тяжело дышащих лошадях, чаще останавливающихся для передышки при подъеме.

Плато Дипсанг, на которое мы поднялись, очень разнится по характеру от того, что приходилось видеть, проезжая раньше, до этого места. Это холмистая равнина, местами покрытая мелкой галькой. Нам часто попадались тибетские антилопы, которых здесь очень много. // л. 39

Все время, как я уже упоминал раньше, по всей дороге от Леха поражает количество павших и валяющихся на пути лошадей. Я думаю, что, не преувеличивая, можно сказать, что от Сассыра до Каракорума, проезжая каждый раз мимо павшей лошади, почти всегда можно увидеть другую, доехав до которой, а часто и раньше, увидите следующую и т. д. Это тем более поразительно и показывает на громадный процент потерь в животных по этому пути, если принять во внимание, что общее количество лошадей, проходящих ежегодно, не превышает, как мне говорили, 2—3 тысяч в каждую сторону.

Название Каракорумского перевала, как я и думал, образуется от «кара» — черный и «карам» — так называют яркендцы гряду камней или каменную осыпь. Это же слово встречается у таджиков верховьев Амударьи, которые его произносят «курмб».

// 19 июля/1 августа, 6 часов утра. л. 40
Урочище Баксун-Булак

Приехали сюда вчера около 5 часов вечера, сделал переход около 40 верст: верст 9 от Чуджаш-Джилга до вершины Каракорумского перевала и верст 30 от вершины перевала до теперешней остановки. Подъем на Каракорумский перевал со стороны Леха и спуск одинаково пологи и удобны. Чувствуется только сильно высота при движении лошадей, очень скоро запылавшихся.

По сторонам перевала на горах есть снег, но и то в неболь-

шом количестве. При спуске с перевала вправо от дороги тянутся снеговые пятна версты на три, а затем остаются только на вершинах гор. Дорога идет по широкой долине, покрытой мелким щебнем без больших камней. Кругом горы желтого цвета, унылого вида, без всякой растительности. Первое место остановки, где есть трава, это Балти-Брангса. Долина, суживающаяся перед этим местом, выходит в // довольно широкую песчаную равнину, переехав которую и вступив в другую долину, мы расположились на ночлег в ее начале. Это урочище называется Баксун-Булак. На соседних холмах на правом берегу речки есть редкая трава, которой и могут питаться до некоторой степени лошади. Наши яркендцы говорят, что трава здесь немного лучше, чем в Балти-Брангса, где она очень плачевна. Всю дорогу нам очень часто попадались тибетские антилопы. На этом перевале П. А. удалось убить хорошего самца.

19 июля/1 августа. Малик Ша

Из Баксун-Булака дорога сейчас же поднимается на пригорок, покинув ложе речки, но вскоре снова спускается в широкую равнину, окруженную горами, вроде той, которую мы перешли раньше, перед Баксун-Булаком. Яркендцы называют их «майданами». Верстах в восьми от Баксун-Булака находится на этой равнине одинокий большой камень, называемый Чадыр-Таш (Палатка-Камень), а верстах в семи далее встречается другой, // остроконечнее, который называется Найза-Таш (Пика-Камень).

Невольно вспоминаются Памиры (Амчур) с такими же рядом стоящими названиями местностей. В урочище Вахаб-Джилга, находящемся между Чадыр-Ташем и Найза-Ташем, видны развалины каменной хижины. Дорога идет по широкому ложу, где струится небольшая речка, суживающемся у Вахаб-Джилга и расширяющемся далее. К сожалению, самая речка скоро пересыхает (по крайней мере она была пересохшей, когда проезжали мы), и остаток дороги проходит вниз по ее ложу. Не доезжая версты две до того места, где дорога раздваивается и где мы остановились сейчас на ночлег, в левой стороне речного ложа выбивает из земли сильный ключ, который течет вниз. На его берегу мы и остановились у разделения дорог. Местность эта называется Малик-Ша. Как раз у нашей стоянки идущая вниз дорога ведет к Кугияру. Жаль, что у нас мало ячменя, так как по этой дороге // до первого населенного пункта Кугияра дней восемь пути, но дорога, говорят, без перевалов и изобилует травой и топливом. Говорят, что теперь она труднопроходима из-за большой воды, так как, идя все время по долине речки, часто приходится переходить с одного ее берега на другой. Яркендцы рассказывали, что по этому пути попадаетея очень много антилоп.

Между прочим, об охоте здесь вообще. П. А. и майор Ф., стреляя здесь, [промахивались] то и дело. Пули все при этом

пролетали выше цели. Возникло предположение (догадался П. А.), что это результат разряженного воздуха, когда пуля, встречая меньше сопротивления, летит быстрее и проходит выше. Самое хорошее место по этой причине для охоты на антилоп — это Баксун-Булак, где есть самцы. Раньше до этого места нам все попадались самки. Сейчас вернулся майор Ф., ходивший верст за 5—6 по Кугиярской дороге. Он говорит, что видел большое стадо около сотни голов, но все были самки. В настоящее время года самцы живут отдельно. На сегодняшнем // ночлеге для лошадей опять нет травы, постанут бедные л. 44 животные.

20 июля/2 августа. Сугет Джангал

Выступили мы сегодня из Малик-Ша очень рано — в 4¹/₂ часа утра и на перевале Сугет мы были в 10 часов. Если вычсть полчаса на остановку по дороге, то выходит, что мы ехали до перевала 5 часов, т. е. расстояние от Малик-Ша до вершины перевала равняется приблизительно верстам 20. На перевале провели 1¹/₂ часа, поджидая отставшие вьюки и производя метеорологические наблюдения.

Самый перевал очень легок. Подъем со стороны Малик-Ша удивительно полог и малозаметен. Версты за 2—3 до вершины начинают попадаться полосы снега, увеличиваясь по мере приближения к вершине перевала. Спуск к Сугет-Джангалю, исключая первые несколько шагов, совершенно бесснежен и, идя пологими зигзагами по мелкому щебню, смешанному с глиной, очень удобен и сравнительно недалек от дна долины, вниз по которой идет наша дорога далее. Прибыли мы на сегодняшний ночлег около 5 часов вечера, т. е., вычтя остановки, шли часов десять, что дает для расстояния от Малик-Ша до Сугета приблизительно 45 верст. // В общем перевал очень легок по своей л. 45 высоте. Дорога от перевала идет все время по долине, спускаясь по течению речки. Эта долина до поворота направо (до этого общее направление ее было с перевала на север) носит название Хутас-Джилга (Долина яков). После поворота долины вправо она называется Сугет-Баши, а при новом повороте вправо, при слиянии с другой речкой, впадающей с левой стороны, эта местность называется Сугет-Джангал.

Трава начинает появляться кое-где (довольно редко) несколькими небольшими прогалинами вскоре после спуска с перевала. Лучшее же место с травой, встреченное нами до сих пор, это наш сегодняшний ночлег в Сугете. Несмотря на то что при полном имени этого места прибавляется слово «джангал» («кустарник»), никакого джангала до сих пор мы еще не встретили. Говорят, что есть маленькие поросли ниже по течению речки. //

л. 46

Сейчас я разговаривал с Рамазаном, проводником майора Ф., про движение по этой дороге. Он уверял меня, что будто бы ежегодно проходит в каждую сторону 2—5 тысяч лоша-

дей. Последняя цифра, я думаю, преувеличена, так как в Лехе мне говорили, что ежегодная норма — это 1800—2000 лошадей в каждую сторону. Несмотря на то что теперь самое удобное время для движения, и раньше обыкновенно проходили в это время караваны, нам теперь их встретилось очень мало. Еще в Сринагаре мне жаловались яркендские и хотанские купцы на уменьшающееся торговое движение по этому пути, так как торговые караваны стали предпочитать более удобный и менее рискованный путь через Кашгар на Ош. Рамазан говорил, что возчиков напугал также недавний случай с запоздавшим караваном одного купца-индуса, когда из 170 лошадей уцелело 70, а остальные погибли. И Рамазан и другие уверяют, что Каракорумский перевал начиная с декабря// бывает закрыт для движения приблизительно на три месяца.

Трупы павших животных теперь начинают попадаться значительно реже. Наш старик Фазиль-Бай говорил мне, что между Сассыром и Баксун-Булаком он насчитал 1800 остовов павших лошадей.

* * *

В записи от 21 июля/3 августа 1907 г. М. С. Андреев сообщает о выходе в долину р. Каракашдарья [тюрк. «Чернобровая»]. Начиная с Сугет-Кургана путешественникам время от времени попадались киргизские посеы ячменя. М. С. Андреев отмечает в своем дневнике малочисленность местного киргизского населения, насчитывающего всего около 60—64 кибиток. Эти киргизы являлись представителями четырех родов: теит, кесек, найман, кипчак [3, л. 46] ⁶. Далее по пути М. С. Андрееву приходилось проходить через небольшие киргизские поселения — Аул Кичик-Яйлак, насчитывающий 15 кибиток, летовку Чучу-Яйлак, находящуюся в районе Ташкурмана ⁷.

В записи от 22 июля/4 августа М. С. Андреев указывает следующий маршрут от Шахидуллы до Ташкурмана через Раскам:

- «1) Халь Тушкун или Шахидулла,
- 2) Киргиз-Джангал,
- 3) Кулан-Улды,
- 4) Чираг-Салды,
- 5) Чинушты,
- 6) Бурилюк,
- 7) Кур-Таш,
- 8) Чонг-Джангал,
- 9) Или-Су,
- 10) Даван-Тубя или Гуджек,
- 11) Кара-Таш,
- 12) Дебуар,
- 13) Ак-Таш,
- 14) Таш-Курган» [3, л. 50].

В последующих записях рассказывается о дальнейшем движении путешественников через селения Лянгар, Санджу, Лянгар-Буйра, Лянгар Сулуг-Аз, Куш-Таг, Каргалик, Се-Шанбе, Поскем, Шанбе, Яркенд, Яка-Арык, Ялгуз-Туграк, Арпалык, перевал Кизил-Даван, перевал Кара-Даван, р. Чарлунг, перевал Текесакрык, р. Каиз-су, сел. Тегерменлык, Кара-Джар, Чиль-Гумбез, Тойлы-Булун, Кизих-Рабат, Аждарнын-Кули, р. Пандж, перевал Буругиль. Последняя запись дневника сделана 2/15 сентября 1907 г. в сел. Намамгут в Вахане.

¹ О жизни и деятельности М. С. Андреева см. [10; 14].

² Шесть лет спустя, в 1913—1914 гг., по маршруту Кашмир-Балистан-Ладак — плато Дипсанг-Каракорум — Восточный Туркестан прошла итальянская экспедиция Филиппо де Филиппи с целью изучения этнической принадлежности местного населения, а также изучения геологии этого района и классификации горных хребтов (подробнее см. [17]).

³ Филиппо де Филиппи [17, с. 170—171] отмечает существование моравской миссии в Лехе, членам итальянской экспедиции приходилось общаться с миссионерами, от которых они получили некоторые сведения о языке, диалектах, истории, археологии Ладака. При миссии имелись школа и больница.

⁴ Здесь и далее топонимы, относящиеся к тибетскому языку, разъяснены М. И. Воробьевой-Десятовской, которой автор статьи выражает глубокую благодарность за ценные консультации.

⁵ В книге Филиппо де Филиппи [17, с. 276] указывается, что наиболее часто используемой в 1913—1914 гг. была дорога, которая пересекала Ладак через перевал Кардонг, поднималась по долине р. Нубры, отходила от нее к р. Шайок, пересекала горный хребет через перевал Сассыр. Кроме этой дороги имелось еще две: первая шла через перевал Чанг, поднималась к р. Шайок, затем вела к перевалу Каракорум; вторая — пересекала перевал Чанг, затем шла к востоку от р. Шайок к перевалу Марсимик, перевалу Чанг Лунг, спускалась к долине р. Кара-Каш, вела к Восточному Туркестану.

⁶ М. И. Лавров указывает пять родов, представителей которых он встретил среди киргизского населения в районе Раскама; теит, кесек, кипчак, бостан, найман [13, с. 376].

⁷ Любопытно сопоставить сведения, приведенные в статье С. М. Абрамзон [2, с. 71]. Согласно наблюдениям его информатора, относящимся к 1937—1938 гг., в Восточном Туркестане к югу от Ташкуртана жили киргизы, относящие себя к племени катаган — около 2 тыс. семей.

Литература

1. *Абаева Т. Г.* Неизвестные материалы по народным верованиям Пригиндукушья. — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина. Научные труды. Вып. 404. Таш., 1971.
2. *Абрамзон С. М.* Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов центрального Тянь-Шаня. — Этническая история народов Азии. М., 1972.
3. *Андреев М. С.* Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г. Дневник. — Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 3, оп. 1, док. 20.
4. *Андреев М. С.* По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Таш., 1927.
5. *Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. М.—Л., 1975.
6. *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). Вып. 1. Сталинабад, 1953.
7. *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). Вып. 2. Сталинабад, 1958.
8. *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970.

9. *Андреев М. С., Чехович О. Д.* Арк Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1972.
10. *Акрамова Ф., Акрамов Н.* Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе, 1973.
11. *Воробьев-Десятовский В. С.* Собрание индийских рукописей.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 9. М.—Л., 1954.
12. *Грюнберг А. Л.* Языки Восточного Гиндукуша. Язык кати. Тексты, грамматический очерк. М., 1980.
13. *Лавров М. И.* Отчет по объезду округа консульства в Кашгаре, совершенного секретарем консульства Михаилом Ивановичем Лавровым (1902—1906). Дело [из россыпи] № 86.— Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР.
14. *Писарчик А. К.* Михаил Степанович Андреев.— Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад, 1960, с. 3—29.
15. Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г. Л., 1930.
16. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
17. *Filippo de Filippi.* The Italian Expedition to the Himalaya, Karakoram and Eastern Turkestan (1913—1914). L., 1932.

А. Л. Грюнберг

В АФГАНСКОМ БАДАХШАНЕ
(страницы из дневника)

...Внизу не увидишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Владимир Высоцкий

1 августа 1967 г. Мы стоим лагерем недалеко от большого селения Бахарак. Мы — это золотопоисковая партия министерства горных дел и промышленности королевства Афганистан. Нас, советских, в ее составе всего четверо — технорук партии, два техника-геолога и я — переводчик. Весь прочий персонал партии, в том числе и ее начальник, — афганцы.

Это мой пятый полевой сезон в Афганистане и третий — в афганском Бадахшане. Два первых сезона (1963—1964 гг.) я провел в Нуристане, к югу от Гиндукуша.

Мы ищем золото. Оно есть здесь, в Бадахшане, повсюду. Если взять немного песка в прибрежной отмели и промыть его в лотке — круглом бадахшанском или прямоугольном сибирском — по всем правилам, сначала отмучив глину на небыстром течении, а потом долго качая и встряхивая лоток в тихой заводи так, чтобы вода унесла из него все легкое, то в тяжелом черном остатке — шлихе почти всегда блеснут одна-две искорки.

Но нам нужно, чтобы золота было много, — мы ищем место-рождение. И вот мы ездим и ходим по Бадахшану, моем шлихи, расспрашиваем местных старателей, пытаюсь найти россыпь — такое место, где скопилось золото из разрушавшихся десятками тысяч лет кварцевых жил. Такое золото в жилах (его называют коренным) тоже есть в Бадахшане, увы, тоже немного.

Кажется, на след россыпи нам удалось напасть весной в небольшом ущелье Нураба, в Каттагане, в нескольких километрах от афгано-советской границы.

Сначала и там нам не везло: мелкие крупички золота в шлихах, отобранных из почти сухого русла, как и всюду в Бадахшане, не вселяли в нас особых надежд. Все было так же, как в других местах, удивляло только необычно большое число старателей в окрестных селениях да сохранившееся в архиве министерства в Кабуле упоминание о поисках золота, которые ве-

лись здесь в начале тридцатых годов и дали обнадеживающие результаты.

День шел за днем, а золота в пробах не становилось больше. И тогда мы решили привлечь на помощь геологии этнографию. Мы договорились с начальником нашей партии о том, что он пригласит в нашу партию местных старателей, заплатит им двойную плату за те дни, что они будут у нас работать, и оставит у них все золото, которое они за это время намоют. Единственное, что от них требовалось, так это то, чтобы они разрешили нам ходить за ними следом.

Через день утром, выйдя из палаток, мы увидели, как к нашему лагерю направляются сверху по долине двое стариков, гоня перед собой навьюченного ослика. Это и были заказанные нами старатели. С интересом смотрели мы на то, как они сгружают с ослика свои приспособления — небольшие волосяные коврики, выдолбленные тыквы-горлянки, срезанные наполовину и насаженные на палки, заостренные тростниковые палочки и короткие тростниковые трубочки, срезанные так, что с одного торца они открыты, а другой торец совпадает с утолщением на стебле, образуя дно миниатюрного стаканчика.

Назначение всех этих вещей нам было пока неясно. Наше любопытство и азарт были так велики, что мы попросили одного из наших новых знакомых, крепкого старика с седой бородой и лукавыми, живыми глазами, непрерывно сыпавшего веселыми прибаутками, немедленно пойти мыть золото. Все афганцы уважительно называли его «бобо» — дедушка, и мои товарищи-геологи сразу окрестили его Бобошей. Настоящего его имени мы так и не узнали.

Бобоша приказал нам взять с собой ведро и лопату, и мы отправились, но совсем не туда, где мы обычно брали пробы в основной долине, а в один из маленьких боковых каньончиков, пропиленных дождевой водой в рыхлых конгломератах. Сейчас там было почти совсем сухо, только по дну струился узкий ручеек.

По одному ему известным приметам Бобо нашел подходящее место. Мы остановились и стали наблюдать. С крестьянской неторопливостью, продолжая веселить публику незатейливыми шутками, Бобо начал приготовления к священнодействию.

Сначала он выкопал неглубокую ямку рядом с ручейком и отвел туда воду, так что образовалась лужа. Потом над этой лужей на склоне выравнивал наклонную площадку и положил на нее волосяной коврик. У верхнего края наклонной площадки расчистил горизонтальную площадку пошире. Потом наполнил ведро землей, выкопанной возле ручейка, высыпал ее на горизонтальную площадку. Взял палку с выдолбленной тыквой — черпак, уселся рядом с ковриком. Начал зачерпывать воду в луже и осторожно лить ее сверху на кучу земли, сваленной на площадке, так, чтобы вода вместе с землей стекала по коврику. Время от времени он внимательно вглядывался в коврик.

Мы сгрудились возле Бобо и тоже впились глазами в коврик. Через некоторое время на коврике блеснула золотинка. Бобо вынул из кармана своей ветхой жилетки заостренную палочку, подцепил ею золотинку и отправил ее в стаканчик.

Продолжая промывать землю, Бобо время от времени повторял это действие. Прошло полчаса, и он предложил нам полюбоваться на добычу. Вытряхнул золото на ладонь из стаканчика — и мы пришли в восторг.

Нет, золота там было совсем немного — едва ли грамм, но ведь три грамма на тонну — это уже промышленное содержание, а в ведре было от силы десять килограммов земли.

Бобо промыл еще одну порцию земли — золота оказалось меньше. Тогда он взял свой круглый лоток, положил в него коврик, наполнил лоток водой, тщательно прополоскал в ней коврик, а затем стал промывать оставшуюся в лотке глину, как промывают шлих. И опять в шлихе блеснуло несколько золотинок.

...Когда мы вернулись домой, был уже вечер. Допоздна в палатках не смолкали разговоры — геологи ломали себе голову над тем, почему золота мало в главной долине, а много в боковых притоках. Я же засыпал в этот вечер с сознанием удовлетворения от того, что вот и гуманитарные науки могут принести ощутимую практическую пользу.

Впрочем, через несколько дней в этом пришлось снова убедиться, когда я, увидев на карте название Заргаран, предложил сходить туда — ведь такое название (букв. «золотых дел мастера») не могло быть случайным — там когда-то либо добывали, либо обрабатывали золото.

В шлихах сразу пошло светлое золото и кроваво-красная киноварь. Скоро, правда, мы убедились, что для геологов здесь ничего интересного нет, но археологи пришли бы в восторг. Нам рассказали, как здесь находили старинные монеты с изображением человека в шляпе с широкими полями (вероятно, то были греко-бактрийские монеты), показали гладко обтесанный квадратный камень, найденный после очередного селя, — теперь он служил опорой для центрального столба в сельской мечети. И мы видели своими глазами землю, густо нашпигованную костями животных. Было ли это место жертвоприношений или место трапезы, не знаю. Ясно только, что когда-то здесь находились мастерские, в которых обрабатывали золото, — об этом свидетельствовала найденная нами в шлихах киноварь.

...Возле Бахарака сливаются три реки — Зардев, Вардудж и Кокча. Каждая из них бывает то прозрачной и чистой, когда вверху, в горах, солнце, то мутной, когда в высокогорье проходят дожди. Но Зардев запомнился мне пенным и синим, Вардудж — бурым, а Кокча — непостоянной и капризной.

Мы сейчас стоим на берегу Кокчи, возле самого селения. Кокча берет свое начало далеко на юге, там, где сливаются воды Мунджана и Анджумана, текущие из-под ледников Главно-

го хребта. А впадает она много ниже слияния с Зардевом и Вардуджем в Пяндж, совсем рядом с городищем Ай-Ханум. Теперь это хорошо известное место — французские археологи раскопали здесь древний греческий город.

Если подняться на высокий холм на берегу Вардуджа, рядом с Бахараком, то прямо в земле можно увидеть следы старых стен. Это тоже древнее городище. После сильных дождей жители Бахарака собирают здесь древние монеты и украшения из сердолика и халцедона. Говорят, что иногда попадаются и золотые вещи. Такое золото называется «тилои пухта» (букв. «готовое золото»), в отличие от «тилои хом» — природного, необработанного. Мест, где можно найти «тилои пухта», в Бадахшане много, но археологи здесь еще не были.

Бахарак — место хорошо мне знакомое. В прошлом году геологическая партия, в которой я работал, долго стояла в устье Зардева, в тенистом саду, принадлежащем бадахшанскому губернатору. А до этого мы жили в Файзабаде — столице Бадахшана, в гостинице на высокой скале, мысом вдающейся в русло Кокчи. Когда после дождей Кокча сильно вздувалась, наша скала превращалась в остров. Оттуда мы ходили и в ближний маршрут по окрестным горам, и в дальний многодневный маршрут на р. Шива, туда, где она причудливо извивается (меандрирует, как сказали бы геологи) среди ярко-зеленых высокогорных пастбищ, а на ее берегах группами по пять-шесть стоят летом черные шатры пуштунов-кочевников, похожие сверху на гигантских распластанных птиц.

За годы, что я провел в этой стране — солнечной и пестрой, суровой и разнообразной, я привык к ней так, что чувствую себя здесь почти как дома. Наверно, еще потому, что с кем бы ты здесь ни встречался, тебе всегда улыбаются с доброжелательством, чаще всего искренним...

Нам сообщили по радию, что через пару дней в лагерь из Кабула приедет наш главный инженер в сопровождении врача. Они оба направляются на месторождение лазурита Сари-Санг, расположенное в верховьях Кокчи. Главный инженер — чтобы ознакомиться с ходом работ на месторождении, врач — чтобы осмотреть рабочих. Я хочу попроситься поехать вместе с ними. Близится праздник — День независимости, все геологи приедут с поля в Кабул, но мне в Кабуле делать нечего — у меня там никого нет. А празднества я уже не раз видел. Может быть, мне удастся остаться на это время в Сари-Санге. А может быть, доведется исполнить и свою затаенную мечту — попасть в долину р. Мунджан. По моим сведениям, кроме Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича, прошедших через Мунджан в Нуристан в 1924 г., европейцев там никогда не было.

В прошлом году начальник партии по моей просьбе взял в Талукане рабочим одного мунджанца по имени Хоки. Его сделали помощником повара. Утром, после того как геологи расходились на маршруты, а обед было еще рано готовить, он при-

ходил ко мне в палатку и я учился у него мунджанскому языку. Удалось записать у него много интересных рассказов о Мунджане. Конечно, они будут ценнее, если мне удастся посмотреть Мунджан собственными глазами. Может быть, удастся сделать еще записи. Пока это, впрочем, только надежды, посмотрим, что из этого получится.

3 августа. Как ни странно, начальство довольно легко согласилось с моим проектом. Начальник и врач пробудут в Сари-Санге два-три дня, а я на все праздники останусь на месторождении. К концу августа за мной пришлют в Файзабад машину из нашей партии, и я через Кешм, Талукан, Ходжагар и Чайаб поеду в долину речушки Нураба. Там мы будем работать всю осень.

Отъезд из Бахарака намечаем на 6 августа.

6 августа. Утром выезжаем на «советском джипе» (так здесь называют ГАЗ-69) вверх по долине Кокчи. Первое большое селение на нашем пути — Джурм. Узкая извилистая главная улица, по которой наша машина протискивается с трудом. Вся улица — ряд лавок. На ночь и днем, если хозяина нет, лавки закрываются деревянными ставнями. В лавках нехитрый товар: дешевые пакистанские сигареты в ярких обертках, горох, мыло. И, как нам говорят наши афганские спутники, опиум, но это уже не в лавках, а в чайных. Они именуются здесь «самоварчи», так же как называются их хозяева.

...От Джурма дорога идет дальше вверх по долине Кокчи. Река течет здесь в глубоком каньоне с отвесными стенами, а дорога проходит выше, по склону долины, сначала по левому, а потом по правому, через мост. Мост как мост — таких в Афганистане сотни. По ним ездят и легкие джипы и тяжелые «интернейшенэлы». И все-таки каждый раз выезжать на него страшновато: уж очень непохож он на наши железобетонные или стальные сооружения. Весь из дерева, пустоты засыпаны крупным щебнем. Как он выдерживает груженую автомашину, непонятно.

Справа шумит в каньоне мутная Кокча. Дорога петляет, подъемы, спуски, повороты такие крутые, что кажется, будто мы подъезжаем к тупику... То и дело шофер включает демупльтипликатор, и двигатель начинает надсадно гудеть.

...Каньон остается позади. Мы едем по довольно широкой долине, справа и слева — горы, не особенно высокие, серые и черные. А в боковых долинках все чаще видны обкатанные белоснежные валуны — белый мрамор. Далеко-далеко впереди — зубчатая стена гор с белыми прожилками снега. Это, вероятно, Главный хребет.

К вечеру приезжаем в Хазрати-Саид. Здесь кончается автомобильная дорога, и дальше нам придется либо ехать верхом, либо идти пешком. От Хазрати-Саида день пути до Сари-Санга.

7 августа. Утро в Хазрати-Саиде посвящено осмотру святилища — гробницы Насири Хосрова. Белые строения, почти не-

приметные за густой листвой, стоят на высоком берегу Кокчи, выше кишлака. Строения огорожены глинобитным забором.

Входим в «главное здание». Небольшое помещение, разделенное на две неравные части деревянной невысокой (до пояса) перегородкой. За перегородкой, в большей части помещения, две могилы, нечто вроде саркофагов. Все деревянные части помещения покрыты грубоватым цветным орнаментом. Одна из могил, по преданию, и есть могила Насири Хосрова. Нам показывают Коран, якобы принадлежавший ему.

Выходим из святилища на дворик. Под навесом стоит огромный котел. Нам объясняют, что в дни, когда у могилы особенно много паломников, они готовят себе в нем пищу.

Часов около одиннадцати отправляемся в путь. Нам дают лошадей, с нами вместе в Сари-Санг идут их хозяева.

Переходим через устье бокового притока Кокчи, что-то вроде болотца. Дальше тропа идет над правым берегом, вокруг холмы со сглаженными очертаниями, горы поодаль. Я несколько разочарован, мне хочется скал и ущелий.

Тропа вместе с рекой поворачивает налево, мы поднимаемся наверх на холм, и тут внезапно все резко меняется. Перед нами грандиозный вид. Узкая теснина Юмгана, склоны, погруженные в осыпи из белого мрамора и черных сланцев, внизу — Кокча, здесь она уже уже синяя и белая от пены, а на горизонте под ярким солнцем на фоне синего неба сияют три гигантских снежных пика. Наши спутники говорят нам, что там и есть Сари-Санг.

Мы спускаемся к берегу реки, останавливаемся на отдых. Угощаем наших спутников, они угощают нас. Запиваем лепешки ледяной водой из ревущей рядом Кокчи.

Потом снова садимся верхом. Начинается главная часть пути. Нам предстоит пройти через шесть перевалов по правому берегу реки — прямо по долине сквозного пути нет. Каждый из перевалов не так уж и высок, шестьсот-семьсот метров по превышению, но ведь их шесть!

Начинаем штурмовать первый. Сначала едем верхом, но, когда тропа становится круче, а больших камней на дороге больше, владельцы лошадей просят нас спешиться — жалко лошадей. Не дают они нам сесть обратно и на спуске — лошадям трудно идти вниз. Таким образом, большую часть пути мы идем пешком.

Через два-три часа останавливаемся на отдых на полянке возле реки, рядом с зарослями ивняка.

И снова на очередной штурм. Усталости все прибавляется, но с каждого из перевалов открываются все новые виды, и душу не покидает ликующая радость и ощущение полноты жизни. И все время манят нас к себе три сияющих гиганта вдали, которые, кажется, так и не становятся ближе.

...Спускаемся с последнего перевала, дальше идет относительно ровная тропа. Маленький кишлачок — всего несколько

домов. Это Рабат. Здесь живут еще таджики. Я думаю: что заставило этих людей поселиться и жить здесь, так далеко от всех, где за любой мелочью надо ходить через перевалы? Думаю этим соображением со спутниками, они высказывают предположение, что здесь, наверное, не обходится без подпольной торговли лазуритом. Может быть, это и так — кишлак не производит жалкого впечатления, скудная местная природа, пожалуй, так прокормить не может.

Слева — большое боковое ущелье Дарайи-Зу. В скале над устьем расположено черное отверстие — устье штольни. Это древняя выработка, как мне объясняет геолог-афганец, сейчас здесь добыча лазурита не ведется.

Следующее ущелье — это Сари-Санг. Ущелье завалено глыбами белого мрамора, вдаль — снежный гигант, один из тех, что большую часть пути мы видели впереди. Вероятно, это именно тот, чья высота — 6843 метра, как видно из карты. Собственно, настоящих карт этого района еще не существует, и картой мы называем эскиз, сделанный американцами по аэрофотоснимкам, который нам выдали в министерстве. Две другие вершины — тоже шеститысячники. Путь к их подножию идет через Дарайи-Сахи — ущелье, параллельное долине Кокчи в этом месте. Сейчас все эти три вершины находятся слева от нас. А вокруг — десятки пятидесятичников, и многие из них выше Эльбруса.

Вот мы и на месторождении. Несколько домиков на конусе выноса в устье Сари-Санга — это контора и жилье для административного персонала. Поодаль, в зарослях ивняка, — лацуги для рабочих. Сами штольни — высоко над поселком, туда ведет тропа, вверх метров четырехста. Снизу видны черные точки — устья штолен.

На месторождении нас встречает все начальство. Начальника партии нет, он в Кабуле, его замещает мой старый знакомый, чиновник министерства горных дел Карим Мисак. У нас уже давно с ним товарищеские отношения, я понял, что он придерживается левых взглядов. Он познакомил меня с начальником библиотеки министерства Исмаилом Данешем, молодым инженером, получившим образование в США. Карим представил мне его как человека весьма прогрессивных взглядов.

Нам представляют также начальника охраны месторождения и кладовщика (это тоже важная персона) — приземистого, толстого, как все тавильдары (кладовщик, материально ответственное лицо, при поступлении на работу вносил большой денежный залог).

Мы очень устали и после ужина сразу ложимся спать.

8 августа. Мы поднимаемся на штольни. Туда ведет трудная тропа, местами приходится ползти над обрывом по оврингам. В штольнях — тьма, только постепенно глаза привыкают, и мы при свете гейсов — керосинокалильных фонарей видим черные от многовековой копоти стены.

В старину, чтобы добыть лазурит, под скалой разводили костры, а потом на нагретую скалу лили холодную воду. Куски скалы трескались, отваливались, и из них выбирали лазурит.

Теперь в штольнях стоят деревянные подмости, на них стоят рабочие и по двое долбят длинными железными ломом отверстия — шпур в скале. За день двое рабочих успевают выдолбить один шпур. Потом в шпур закладывают взрывчатку — аммонал, все уходит, ворота штольни запирают и подрывают заряды снаружи взрывной машинкой. Лазурит выбирают на следующий день утром. Но прежде, чем пустить в штольню рабочих, внимательно осматривают землю — не осталось ли на пыли, которая ест, после взрыва, чьих-нибудь следов. Если следы есть, то начинается расследование. За кражу лазурита ждет суровая кара: тюрьма, может быть на годы.

Лазурит встречается гнездами в зонах доломитизированного мрамора. Гнезда эти по-персидски называются «гул» («цветок»). Товарный лазурит делится на пять сортов в зависимости от наличия примесей — пирита и вмещающей породы. Высший сорт должен быть густого, интенсивно-синего цвета, без всяких примесей. Несортная порода с включениями лазурита называется «санги сохтмони» («строительный камень»). Вывозить его при отсутствии дороги невыгодно, и он большими кучами рыхлых обломков накапливается на месторождении — в свалах около штолен.

На одной из штолен я, к своему удивлению, вижу компрессор. Кажется непостижимым, как удалось затащить его на месторождение, через перевалы и по трудным тропам. Спрашиваю об этом нашего специалиста, он говорит, что тачили его долго и в разобранном виде, но так или иначе одна рама — она не разбирается и весит несколько сот килограммов — доставила массу хлопот. Сейчас компрессор неисправен.

На этой же штольне встречаю среди рабочих своего старого друга, помощника и учителя мунджанского языка — Хоки. Обоюдная радость, теплые приветствия.

9 августа. Доктор по согласованию с начальством устраивает медосмотр рабочих. Перед нами проходит вереница истощенных, больных людей.

Особенно мне запомнился один из них. Бледный, худой, с воспаленными глазами. Зрачки расширены и постоянно дрожат. Это нистагм, как мне объясняет доктор. Голос тонкий, тихий, покорный, на лице выражение безучастия. На вид подросток, на самом деле ему 20 лет. Особенно страшно смотреть на него, когда он снимает лохмотья. Тонкие, высохшие руки, узкая, впалая грудная клетка. Уже три года, как он курит опиум.

А вот и просто больной. Тоже, конечно, наркоман, но не такой заядлый. На левом бедре огромный след какой-то язвы. Левая нога плохо слушается, непрерывно дрожит крупной дрожью. Доктор говорит, что нужна операция. Кто и где может сделать операцию калеке, едва зарабатывающему на

жизнь? Ведь операция стоит не меньше двух тысяч афгани, да и ехать надо в Кабул. А денег еле-еле хватает на то, чтобы не умереть с голоду. Два раза в день лепешки, которые рабочие пекут сами после утомительной работы. Это все. Живут рабочие в сложенных из камня лачугах, в которых даже нельзя выпрямиться, без окон, с дверью-лазом, в который можно пройти только сильно согнувшись.

Опиум — страшное бедствие и бич Мунджана, как и соседних высокогорных областей — Вахан, Ишкашим, Зебак, Шугнан. Один туль (мелкая мера веса, несколько граммов) зелья стоит 80 афгани, а его привычному курильщику хватает на два дня. Завятые курильщики курят два раза — утром и вечером.

В самом Мунджане туль опиума, как говорят, стоит 120 афгани. За день труда в темной штольне рабочий получает 20 афгани.

Чтобы купить опиум, курильщики продают все: скот, дом, землю. У некоторых из них совершенно ничего нет, но и те гроши, которые они получают за каторжно тяжелый труд в штольне, уйдут на опиум. Я вспоминаю одного из курильщиков, которого мы взяли на работу в Бахараке, ваханца по имени Ширинхан. Тщедушный, хромой человек неопределенного возраста, в лохмотьях, с заметным зобом (эта болезнь — второй бич здешнего высокогорья). На лице постоянно жалкая улыбка, вид приниженный и забитый. Глаза добрые, голубые, но затянuty мутной пеленой. Только прием дозы опиума заставляет его на время ожить — все остальное время он либо спит, либо находится в состоянии прострации.

Из-за опиума он бросил жену и двоих сыновей и без копейки отправился из Вахана в Бахарак, чтобы достать зелья. Заплатить шоферу за дорогу было нечем, и он отдал в залог свое тазкире — удостоверение личности. Он готов работать за нищенскую плату — 15 афгани в день, — лишь бы купить себе опиум. Но кому нужен такой работник — хромой, полуживой человек?

Он рассказывает о своей жизни. Курит опиум он уже 30 лет, давно продал все, что у него было. Несколько раз хотел повеситься, но и на это воли не хватает. Так и живет, голодая и скитаясь в поисках случайной работы. Очень его жаль, но ума не приложу, чем ему можно помочь. На все уговоры бросить опиум он отвечает: «Я не могу, если бы я мог, я бы бросил».

Откуда же опиум? Ведь в Афганистане он официально запрещен. Более того, Афганистан получает от ООН значительные суммы на борьбу с наркотиками.

...Но каждую весну вокруг Джурма и Файзабада, в Зардеве в боковых ущельях расцветают поля, упрятанные от нескромных взоров, зловещего бело-фиолетового цветка. Запрет запретом, но если дать властям хорошую взятку, то и запрещенное становится дозволенным. Зато королевские власти бдительно следят за тем, чтобы сами мунджанцы не засеяли у себя в до-

лине ни клочка земли опиным маком, угрожая за это всевозможными карами. Нищим и оборванным мунджанцам откупиться нечем.

Мне пришлось много читать о лицемерии ханжей и о безжалостности святош, но только здесь эти абстрактные пороки я увидел материализованными. Сколько в Бадахшане упитанных, лоснящихся «уважаемых людей», самодовольно повествующих вам о том, как они совершили хаджж! Ныне это не дешевое дело — в Мекку летят на самолете, да и на дорогу расходов много. А ведь деньги на хаджж нередко собраны от продажи опиума. Сами эти люди, конечно, опиум не курят. Ни одному из них не придет в голову отдать хотя бы небольшую часть своих денег, чтобы спасти десятки, а то и сотни людей, несмотря на то что ислам счел бы это богоугодным делом, а они клянутся исламом на каждом шагу.

10 августа. Сегодня в 6 часов утра ушли вниз начальник и доктор. Вскоре после их ухода Карим обращается ко мне с просьбой помочь ему в изучении русского языка. Он, правда, и так неплохо говорит по-русски, но хочет еще усовершенствоваться. Разумеется, я соглашаюсь. Но у меня нет никаких пособий: ни книг, ни газет. Я говорю об этом Кариму, а он отвечает мне, что у него книга есть. И приносит «Очерки политэкономии капитализма». Я говорю ему, что это не лучшее пособие для изучения русского языка, не все будет ему понятно, но он настаивает на своем, и я уступаю.

Мы начинаем заниматься, и очень скоро я понимаю, что предмет наших занятий не столько русский язык, сколько политэкономия. Я говорю об этом Кариму, а он со мной соглашается. Он рассказывает мне о Народно-демократической партии Афганистана, о ее учредительном съезде, о расколе на «Хальк» и «Парчам».

Я не скрываю своего удивления — мне кажется, что заниматься революционной подпольной деятельностью в Афганистане не только опасно, но и очень сложно — народ не подготовлен к восприятию новых идей и находится в плену традиционных представлений о добре и зле. Рабочих очень мало, а крестьяне едва ли понимают такую пропаганду правильно. Карим не спорит со мной, я чувствую, что эти мысли и ему приходили в голову.

Я спрашиваю его, как он относится к моей идее сходить на праздничные дни в Мунджан. Он говорит, что охотно пойдет со мной вместе, в частности чтобы провести разъяснительную работу с населением Мунджана — это его партийное поручение. Я еще раз говорю ему о том, как надо быть осторожным в разговорах с крестьянами, тем более с крестьянами-исмаилитами столь отдаленной горной области. Во всяком случае, их психологию надо все время иметь в виду и не забегать вперед, соблюдая достаточную осмотрительность. Кое в чем мне удается его убедить.

11—15 августа. Мы продолжаем ежедневно заниматься с Каримом русским языком и вообще проводим много времени за разговорами. Кажется, это не очень нравится полицейскому — начальнику охраны. Несколько раз он приходит к нам, когда мы читаем книгу, и пытается вызвать нас на откровенные беседы, но Карим отвечает односложно и сухо. Посидев некоторое время в комнате, начальник уходит.

16 августа. Проездом к нам пожаловал волостной начальник из Курана. Он был в Файзабаде и теперь отправляется обратно в Сэквоу. Мы с Каримом говорим ему о нашем намерении посетить Мунджан, он как будто не против, но говорит, что должен нам дать солдат для охраны. Мы обещаем зайти к нему по дороге.

17 августа. Месторождение довольно сильно охраняется. Начальнику охраны подчинено два десятка солдат, которые, как я понимаю, несут вахту днем и ночью. Возле некоторых штолен есть посты-секреты. Все, кто выходит с месторождения, подлежат обыску. И тем не менее лазурит с месторождения утекает.

Вот и сегодня, открывая утром штольню, обнаружили чьи-то следы на слое пыли, осевшей после взрыва. Поэтому и рабочие и солдаты под подозрением. Солдат всех выстроили и заставили снять сапоги, чтобы проверить, не прячут ли они там лазурит. То же самое собираются сделать и с рабочими.

Надо думать, что простая кража из штольни пары маленьких кусочков — это не главный источник потерь лазурита. Утекает он, наверное, и со склада. Так или иначе, разговоров о контрабанде лазурита на юг — через Анджуман и Панджшир и на север — через Джурм и Файзабад приходилось слышать в Кабуле немало.

18 августа. Запас сигарет, принесенный снизу, кончается, и полдня я сижу без курева. Но вот нам сообщают, что сверху к месторождению движутся двое людей и лошадь. Карим идет вниз, к мосту, чтобы узнать, кто это такие. Выясняется, что это японцы — альпинисты из Хиросимы. Мы приглашаем их выпить чаю и поесть вместе с нами. Они соглашаются. Беседа не клеится — они плохо знают английский язык, а персидского не знают вовсе. Вскоре японцы прощаются и уходят, оставив нам в благодарность за гостеприимство блок дешевых пакистанских сигарет «О'кей».

19 августа. Приходит большая группа итальянских альпинистов — все черные, бородатые, в красных свитерах. В Дарайи-Сахи они совершали восхождение на шеститысячник, теперь возвращаются обратно. Из разговора с ними я понимаю, что это дилетанты, разношерстная публика, различных профессий и из разных городов. Большинство, проведя на месторождении час-другой, уходят вниз, а трое остаются. Заметив, что я пользуюсь особым доверием на руднике, они просят замолвить перед Каримом словечко, чтобы он разрешил им сходить в

в штольни. Я говорю об этом Кариму, сначала он не соглашается, но потом все же удается его уломать. Мы идем вверх, и по дороге они дают нам какие-то красные полупрозрачные пилюли. Они объясняют, что это не то стимуляторы, не то сосудорасширяющие средства, которые помогают при сильной нагрузке, в частности когда идешь в гору.

Возвращаемся, пьем чай. Разговариваем на забавном франко-итальянском жаргоне (один из них умеет говорить по-французски). Наиболее активен старший из троих, банковский служащий из Рима. Разговор заходит о вере в бога. Жестикულიруя по-итальянски, он рассказывает, что ему часто приходится работать в больницах — это его христианский долг, и он убежден, что верующие выздоравливают быстрее, чем неверующие. Я говорю ему, что я не верю ни во что сверхъестественное, но согласен, что человеку нужна вера, например вера в добро и необходимость соблюдения нравственных правил. «Так чем же вы тогда отличаетесь от меня?» — спрашивает он. Я молчу, мне не хочется увязать в споре.

Мы фотографируемся на память, итальянцы прощаются и уходят, банковский служащий кричит мне на прощание: «До встречи на мессе в ближайшее воскресенье!»

После шумного визита снова становится тихо, и мы идем заниматься русским языком.

20—21 августа. Все эти дни Карим время от времени присылает ко мне кого-нибудь из мунджанцев. Я записываю рассказы об их жизни, сказки, все, что они сами хотят мне рассказать. Сегодня приходил Хоки и рассказал такую историю.

«Дело было в Имам-Саибе. Четыре вора забрались ночью к одному человеку в дом и украли у него деньги — 70 тысяч. Когда они уже уходили, хозяин проснулся и бросился за ними. Началась драка, он ранил одного из воров, они ударили его топором и убили. Наутро жена убитого известила власти, прибыли хаким и полицейский, осмотрели место убийства и направились по следам крови на траве. Следы привели их в соседнее селение, там они разыскали раненного вора и вывели, сколько у него было сообщников. Тот сказал, что их было пятеро, и назвал имена.

Их привели в полицейское управление, полицейский начальник начал их бить палками. Двое признались, а трое не признавались. Полицейский так бил их, что они чуть богу душу не отдали. И все-таки ни в чем не сознались. Тогда полицейский говорит: „Сознавайтесь, если не сознаетесь, я вас палками забью до смерти“. А воры говорят: „Хоть бы нас и на виселицу вздернули, мы все равно никого не убивали“. Тогда полицейский решил их пытать кипящим маслом. Связали им ступни и стали сверху лить кипящее масло, ступни у них начали гореть. Полицейский говорит: „Сознавайтесь, а то сожгу“. А они не сознаются. Тогда полицейский стал грозить, что обмажет им голову тестом и будет лить сверху масло. А они говорят: „Уми-

рать — только один раз, другого не будет“. И тогда полицейский велел одного из них большим гвоздем прибить за ухо к дереву. Так он простоял там целый день, а потом полицейский велел отвести его в тюрьму. Но тот человек не дал солдатам вынуть гвоздь, а сам дернул ухом, разорвал себе ухо и сам пошел в тюрьму.

А потом тех, кто признался, приговорили к пожизненному заключению, а тем, кто не признался, дали по десять лет тюрьмы».

Эта пытка называется «тильдог» (тиль — масло; дог — кипящий).

Я записываю рассказ и вспоминаю, как совсем недавно в Бахараке наказывали нашего повара: связали ему ноги, положили так, чтобы ноги были задраны кверху, и били прутьями по пяткам.

Я спрашиваю у Карима, чем кончилась история с кражей лазурита. Он говорит, что ему удалось узнать, кто был в штольне — один из самых несчастных рабочих, но ходу он этому делу не дает, благо сейчас нет штатного начальника лазуритовой партии. Полицейский — начальник охраны был этим решением Карима недоволен, но как-то удалось уладить дело и с ним.

На 22 августа мы начинаем выход в Мунджан.

22 августа. В семь часов двадцать минут мы выступаем из Сари-Санга в Мунджан. Нас пятеро: Худойназар — крестьянин из Газа, земляк Хоки, Гулом-Маммад — крестьянин из Миенди, Хоки, Карим и я. С нами идут белая кляча и беременная ослица, на которую навьючены наши вещи. Эта ослица принадлежит одному из рабочих-мунджанцев с Сари-Санга.

Мы переходим мост, ведущий на левый берег, и направляемся вверх. Долина не узкая, местами совсем широкая, поросла кустарником.

В одиннадцать часов приходим в Парвара. Маленький кишлак — пять-шесть домиков. Можно предположить, что это один из центров контрабандной торговли лазуритом. Встречают нас несколько молодых парней и старик. Один из парней в нейлоновой куртке с молнией. Приветствует нас по-английски: «Хэлло!» Я отвечаю ему по-персидски. Нас угощают яичницей, как всегда поджаренной на огромном количестве масла, потом дают чай. Завязывается разговор. Мой проводник спрашивает об известном в этих местах ростовщике и богатее Гариб-Ахмаде из Анджумана. В ответ старик пускается в философские рассуждения о том, что в мире все так уж изначально устроено, что господь создал хищных птиц и их добычу, крупную рыбу и мелкую. Так уж от века заведено, и изменить тут ничего нельзя. А Гариб-Ахмад, по его мнению, хороший человек. Что один притесняет другого, то это вещь обычная, и спорить тут не о чем. Карим осторожно спрашивает об их отношении к забастовке учащихся в Файзабаде. Молодой красивый парнишка (он учится в Файзабаде) отвечает уклончиво, стараясь вся-

чески проявить свои верноподданнические чувства. Впрочем, говорит он, сейчас у нас демократия, и всякий волен делать все, что ему угодно, даже поехать в Россию и стать кафиром. Вероятно, это в мой адрес, но я, естественно, молчу.

Следуем дальше. Завожу с Хоки разговор о «мелкой и крупной рыбке». Хоки уходит от разговора, чувствуется, что говорить со мной искренне ему не хочется. Я думаю о том, как мы все-таки далеки друг от друга, хотя и провели столько времени вместе в самых трудных условиях. Мы — люди разных культур и даже разных эпох, и преодолеть этот барьер между нами не так-то просто.

Все идем пешком. Карим едет на белой кляче, которая плетется в хвосте. Наши вещи на ослице.

Вдоль правого берега — напротив, в черно-серых скалах выделяется белая полоса мрамора. Я думаю: может быть, и этот мрамор так же нашпигован лазуритом, как и тот, что на месторождении? Впрочем, это маловероятно, ибо местное население давно бы уже знало об этом.

Тропа идет вверх на небольшой перевальчик. С подъема видна огромная заводь и что-то вроде каменного завала. Вдали, впереди на склоне, расположен кишлак Разэр, где мы собираемся ночевать у слияния Анджумана и Мунджана. Отсюда кажется, что он совсем близко, но это обманчивое впечатление — идти до него еще долго.

На перевальчике встречаемся с неким панджширцем. Личность довольно темная: то ли контрабандист, то ли торговец опиумом. Рассказывает, как к ним приезжал кто-то из Паштунистана, долго говорил о свободе, о братстве, о том, что все, кто живет в Афганистане, — афганцы, независимо от того, на каком языке они говорят — таджикском, узбекском и т. д. Чувствуется, что рассказчик вовсе не сочувствует этим идеям.

Спускаемся с перевала и, хотя Разэр перед нами, даже немного налево, идем направо, к мосту; мост в районе Исказыра, в устьевой части Анджумана. Домов вообще не видно, только пятна зелени на каменной осыпи в устье ущелья. Переходим мост, широкий, но зыбкий, и идем налево по пойменному лугу. Уже начинает темнеть, когда приходим в Разэр. Здесь нас встречает бывший кладовщик лазуритовой партии и его отец-мулла. Дом у кладовщика не совсем достроен, но уже сейчас это роскошные хоромы. На окнах резные деревянные решетки, в доме, конечно, транзистор «Филиппс». У самого — противная, отвешшая морда типичного жулика и торгаша. Папа-мулла — благообразный и разговорчивый, очень гордится своим сыном. Рассказывает нам, как его всюду уважают. Между тем мне-то совершенно ясно, что сын его — жулик и казнокрад. При зарплате 700 афгани в месяц (так говорит Карим) построить такой дворец невозможно.

Положение гостя обязывает, и мы безукоризненно вежливы; нас встречают очень хорошо. Угощение обильное: плов, курица,

мед, маст. Поев с аппетитом, заваливаемся спать. Нам с Каримом, перед которым вообще здесь очень заискивают, отводят отдельную комнату и выдают «Филиппс».

23 августа. Утром, попив чаю с медом, отправляемся в путь. Кладовщик из Разэра дал нам свою кобылу, упитанную и резвую, на нее садится Карим, он любит ездить на лошади. К нам присоединяется еще один рабочий. Он вез соль вверх, но по соглашению с кладовщиком соль остается в Разэре, а лошадь дается нам под груз.

Выезжаем на равнину. Слева — Дарайи-Сахи, видны снежные гиганты — шеститысячники.

Хоки отстает. Он заболел, чувствует себя очень плохо. У ручейка останавливаемся, я даю ему таблетку левомецетина, то, что у меня есть. Но у него что-то с печенью. Глаза желтые, рвет. Сажаем его на лошадь и двигаемся дальше.

Слева, на другом берегу реки, три группы домов в зелени. Одна из них Сэквоу — волостное управление. Тут есть брод, и я предлагаю Кариму перейти на другой берег, чтобы сообщить алакадару (волостному начальнику) о нашем походе, но Карим говорит, что это совсем необязательно, что это нас только задержит, дескать, мы ведь уже говорили с ним об этом, когда он приезжал в Сари-Санг.

Тропа идет вверх и постепенно становится едва заметной. Проходим по осыпи, уклон градусов сорок пять, если не больше. Местами прижимаемся к скалам, лошадь с грузом едва протискивается. Потом спуск к мосту. Отдыхаем у мостика. Хоки по-прежнему плохо, он все время ложится, подогнув ноги к животу. Временами его рвет желчью.

Мост — ветхое и шаткое сооружение, повисшее над белой от пены тесниной. Осторожно проводят по мосту лошадей. Потом иду я. В руке у меня палка. На середине моста, в самом шатком месте, палка застревает между досками моста. Длится это мгновение, но неприятно. Выдергиваю палку и пробегаю оставшуюся часть моста. Вид у меня, по-видимому, не особенно геройский, потому что мунджанцы улыбаются.

За мостом начинается подъем. Это, собственно, и есть перевал в Мунджан — по теснине пройти нельзя.

Хоки и Карим едут верхом, я плетусь сзади с палкой. Подъем крутой, и наша ослица совсем выбивается из сил.

Поднявшись на равнину-террасу, снимаем с ослицы груз и выючим на лошадь. Опять трогаемся в путь. Тут уже дорога хорошая, широкая, но все вверх и вверх. Река в глубоком каньоне остается справа. Хаотическое нагромождение черных камней, раскаленных полуденным солнцем. Во рту пересохло, горький вкус. Ноги болят и отказываются идти. Я отстаю. Карим уступает мне лошадь, и некоторое время я еду верхом. Ноги отдыхают, но хочется пить, а воды нет. Через полчаса я опять уступаю лошадь Кариму. У него вид совершенно измученный, он даже не может говорить.

Вдали видны грандиозные снежные вершины — Главный хребет Гиндукуша. Все вверх и вверх, и наконец, добираемся до перевальной точки. И тут-то перед нами открывается потрясающий вид, вознаграждающий с лихвой за все трудности подъема, — устье долины Мунджана. Ровная широкая долина, пятнышки зелени и точки деревьев. А вокруг — снежные гиганты. Горы, горы... Внизу под нами поперечная долина с голубой ниткой воды. Это долина Тагау, через нее идет тропа на перевал в Санглад — предмет моей мечты: там и только там в трех небольших деревнях сохранился санглический язык.

Мунджан сверху так неописуемо прекрасен, что никак не верится, что эти нищие и больные люди, которых мы видели на руднике и которые нас сопровождают, живут здесь. Кажется, и жизнь здесь должна быть фантастически прекрасной.

Начинается спуск. Ноги болят, во рту сухо, горько и кисло от съеденных итальянских таблеток.

Спуск длинный и мучительный. Проходим по сухой равнине с остатками полей и руинами. Наши спутники говорят, что раньше здесь были селения, а теперь все заброшено. Сель, что ли, прошел.

Переходим мостик и спускаемся к воде Тагау. Отдых. Едим раздавленную картошку и куски засохшей лепешки. Пьем хрустальную ледяную воду.

Снимаю ботинки и опускаю ноги в воду. В обычных условиях не вытерпеть бы и минуты, но сейчас распухшие ноги со вздувшимися венами терпят долго. Становится легче.

Снова двигаемся в путь. Хоки немного лучше, он идет впереди. Я взгромождаюсь на лошадь, навьюченную спальными мешками, ноги болтаются у шеи. Лицо горит, губы потрескались.

Небольшой подъем, потом опять спуск, и перед нами Шорон — первое селение Мунджана и самое большое. Домов опять не видно: они спрятались за деревьями. Въезжаем, среди деревьев, прямо по улице, течет прозрачная вода — ручеек. И только сейчас, вблизи, среди нагромождения камней и заборов, сложенных из глыб, различаю маленькие белые неправильной формы лачуги. Слепые, без окон.

Останавливаемся под деревьями, на площади (если так можно назвать небольшую лужайку) рядом с мечетью. В открытые ворота видны расписные деревянные колонны. Мунджанцы утверждают, что их количество самопроизвольно меняется — их бывает то тридцать девять, то сорок. Вообще же мечеть в исмаилитском Мунджане явление, по-видимому, новое.

Хоки валится на землю и лежит, не поднимая головы.

Население не в восторге от нашего визита. Постепенно, однако, люди собираются, один из них — что-то вроде местного бая. Приносят палас, и Карим начинает свои обращенные к крестьянам пропагандистские речи. Но делает он это неумело, и мужички слушают его вяло. Аудитория явно не подготовлена

к восприятию столь крамольных речей, хотя мне и удалось убедить Карима обходиться без крайностей — не посягать хотя бы на ислам и на царственную особу.

Хоки, который за это время пришел в себя, напоминает нам, что пора двигаться дальше, ведь неизвестно, где мы будем ночевать.

Едем по равнине, вдоль берега Мунджана. Слева, вдалеке, у подножия гор, раскинулось селение Дашкь, мы проезжаем мимо.

Вскоре приезжаем в селение Лэвоонт. Каменные хижины лепятся на скалах. Нам отводят место в хижине для приезжих — местном «отеле». Мунджанцы рассказывают нам о своей долине, переговариваясь между собой на своем певучем, звучном языке.

24 августа. Утром уходим в Газ. По дороге нам приходится вброд на лошадях переходить Мунджан. Место здесь, по-видимому, не вполне безопасное для перехода, течение быстрое, брод. Хоки обстоятельно инструктирует меня, как себя вести в случае, если лошадь откажется повиноваться.

Приходим в Газ, в дом Хоки. Я внимательно расспрашиваю, как называются различные части дома — нары, очаг, столбы и т. п. Это — типичное жилище памирского типа, со световым отверстием в крыше. Пытаюсь проникнуть в кладовку, но мне под разными предлогами не дают это сделать — посторонних туда не допускают. Спрашиваю Хоки, где вещи, которые я ему подарил в прошлом году. Он говорит, что все забрал исмаилитский халифа (староста, низший ранг в исмаилитской иерархии). «А зачем же ты ему их отдал?» — наивно спрашиваю я. Естественно, что четкого ответа на свой вопрос я не получаю.

25 августа. Утро начинается с того, что Хоки объявляет что ему надо уйти снова вниз, в левобережное селение Гумонд, там у него неотложные дела. Я пытаюсь его уговорить остаться с нами, но мне это не удается.

Он уходит, а мунджанцы, наши новые знакомые, устраивают сеанс курения опиума и приглашают нас на нем присутствовать. Любопытство не позволяет нам отказаться. Курильщики — всего человек шесть — ложатся в круг так, что каждый кладет голову на бедро соседу. Приносят таганчик с коптилкой и трубку для курения. Наш новый знакомый — рослый крестьянин средних лет с сизым носом — выполняет обязанности «распорядителя». Он держит конец трубки над таганчиком, комочек опиума, которым закупорена дырочка в бочкообразной коробочке на конце трубки, начинает плавиться и дымиться. Помещение наполняется характерным и, надо сказать, довольно приятным запахом. Сделав две глубокие затяжки, он передает трубку первому из лежащих, тот затягивается и отдает следующему по кругу. Время от времени «распорядитель» снова разогревает трубку...

Сеанс отнял немного времени — едва ли больше двадцати минут. Все выходят на улицу. Я замечаю, что нос нашего «рас-

порядителя» стал еще более сизым, а прочие выглядят гораздо более оживленными, чем перед сеансом. Все расходится по своим делам.

Сказывается накопившаяся усталость, и меня начинает клонить в сон. Я укладываюсь на суфе и мгновенно засыпаю сладким сном без сновидений, так сладко спят только в детстве.

Просыпаюсь через час-полтора хорошо отдохнувшим. Вытаскиваю магнитофон, который производит большое впечатление на всех присутствующих. Записываю несколько рассказов.

Родственник Хоки, Джангуль, предлагает нам перейти в его дом. Насколько я понимаю, неприлично находиться в доме в отсутствие хозяина, тем более что других мужчин в этом доме нет.

Располагаемся в доме Джангуля. Положив вещи, мы с Каримом выходим на улицу и садимся у стены дома, обращенной к югу, греемся на солнце. Рядом со мной магнитофон. И тут мы видим, что сверху, с юга, к нам направляется какой-то всадник, который оказался полицейским. Он подъезжает к нам и начинает разговор с Каримом, считая, что я по-персидски не понимаю. Он приехал по поручению алакадара, который прислал выяснить, на каком основании мы без его разрешения прибыли в Мунджан и чем мы здесь занимаемся.

Карим сразу выходит из себя. Он достает маленькую книжечку (это «Конституция») и раздраженно объясняет полицейскому, что он по закону имеет право свободного передвижения по стране и никому не обязан давать по этому поводу отчет. Полицейский напуган: он понимает, что Карим — чиновник из Кабула и с ним лучше не связываться, но все-таки спрашивает: «А у этого иностранца разрешение есть?» Я молчу, а Карим говорит ему, что это наш советский гость, ученый, который знакомится с нашей страной, и что алакадар был обо всем заранее предупрежден.

Это действительно так, и меня тоже удивляет поведение алакадара. Возможно, впрочем, что он обиделся на нас за то, что мы не заехали в волостную управу по пути сюда. Я говорю об этом Кариму, а он машет рукой, дескать, не его ума это дело.

Полицейский удаляется.

26 августа. Ночь мы провели в доме Джангуля. Утром пошли с Каримом осмотреть селение, зашли в Иноуга, так называется одна из частей кишлака. Всюду одно и то же — груды камней, каменные заборы, сложенные из глыб без раствора, маленькие дома, обмазанные снаружи смесью глины с навозом и соломой.

Потом двигаемся дальше вверх. В следующем селении, Сарджангаль, останавливаемся на некоторое время, я достаю магнитофон. Собираются женщины. Они не испытывают никакого страха перед посторонними мужчинами, с удовольствием слушают записи песен, однако сами записаться отказываются.

В Сарджангале нам дают еще одну лошадь, и мы следуем дальше — в Миёнди. Тропа идет по берегу Мунджана, и я люблюсь тем, как в прозрачной воде ходит пятнистая форель. Странно, что мунджанцы (всегда голодные) так мало едят рыбы. Мне кажется, ее столько, что она могла бы прокормить всю долину.

Миёнди сильно отличается от всех деревень, которые мы видели раньше в Мунджане. Во-первых, рядом с деревней простирается огромное по здешним масштабам поле пшеницы. Мы привыкли видеть маленькие клочки, а здесь оно заняло чуть ли не весь берег от реки до подножия гор. Во-вторых, дома немного другие, у многих домов есть болохана — второй этаж. Нас ведут в один из таких домов, мы усаживаемся в болохана и слушаем рассказы мунджанцев о своей жизни. Один из стариков повествует о том, как он три месяца провел в тюрьме по обвинению в краже лазурита. Другой говорит, что волостной начальник распустил слух о том, что мы прибыли для того, чтобы сбывать похищенный на месторождении лазурит. Оказывается, полицейский опрашивает местное население о нас, выискивая что-нибудь, что бы нас могло скомпрометировать. Я-то думаю, что все это — следствие пропагандистской деятельности Карима: слухи здесь разносятся мгновенно, и то, что он говорил крестьянам в Шороне, стало алакадару очень скоро известно, возможно в тот же день.

Нас приглашают перейти в другой дом. Мы опять поднимаемся в болохану, и первое, что мне бросается в глаза, это то, что стены комнаты оклеены «Неделей» и «Комсомольской правдой».

Здесь, в сердце Гиндукуша, отгороженном многими перевалами от внешнего мира, где никто не умеет ни читать, ни писать не только по-русски, но и на своем родном языке, это кажется невероятным. И только потом я соображаю, что газеты ведут свое происхождение от советских специалистов, работавших на месторождении лазурита.

Вечером хозяева устраивают для нас небольшой концерт, играют на дамбуре и поют по-персидски: мунджанских песен не существует. Однако и то и другое они делают неумело, чувствуется, что устоявшейся музыкально-фольклорной традиции здесь нет.

27 августа. Утром, оставив все свои вещи в Миёнди, отправляемся вверх, в Югдаг и Паном, эти селения совсем рядом, на разных берегах реки. Забираемся на холм в долине, отсюда прекрасно видны оба селения, а внизу кладбище. Времени уже остается мало, Карим торопится на месторождение, и к обеду мы возвращаемся в Миёнди.

Остаток дня проводим в том же доме, где ночевали. В шутовском разговоре Карим говорит мне, что местные женщины очень пугливые. словно для того, чтобы опровергнуть его слова, через некоторое время появляется хозяйка и начинает при-

служивать нам за столом. Вещь необычная и совершенно невозможная у пуштунов к югу от Гиндукуша.

Вечером, когда мы уже легли спать, приходит хозяин дома—деревенский староста и уводит с собой куда-то Карима. Я остаюсь в темноте. Через некоторое время Карим приходит обратно и говорит, что ему пытались продать семилетнюю девочку. Я спрашиваю о подробностях.

Он рассказывает мне: «Человека, у которого я был, зовут Бой-Маммад. Когда я спросил его, почему он так делает, он сказал: „Одна из моих дочерей отдана в залог парунцам. Кроме того, парунцы забрали весь скот в нашей деревне, и теперь от меня зависит, вернут они его или нет“.

„Почему?“ — спросил я.

Бой-Маммад ответил: „У меня была другая дочь, ее звали Бибимо. Жили мы в крайней нужде, и поэтому, когда несколько лет назад парунцы пришли к нам, я обещал ее им продать. Взамен они дали мне сразу же несколько коров и овец, а дочь пока осталась со мной. Скот я израсходовал на свои нужды, а через некоторое время появился какой-то пуштун с двумя сыновьями. Он сказал, что где-то в этих краях занимает пост мудира (начальника, чиновника среднего ранга). Увидел он мою дочь и говорит: „Отдай, мол, ее мне, я ее воспитаю, отдам в школу, а потом возьму ее в жены для своего сына. А я дам тебе десять тысяч рупий, ты отдай их тем парунцам, так ты с ними рассчитаешься“. Я согласился, взял у него деньги. А у нас нечего было есть, не было ни муки, ни зерна — одни долги. И мне пришлось купить на эти деньги зерна, а часть денег ушла на отдачу долгов.

Мудир увез мою дочь, а через некоторое время до меня дошел слух, что он продал ее другому афганцу, а тот еще кому-то и сейчас она в Кундузе. Я отправился разыскивать ее в Кундуз. Через несколько дней нашел ее в одном доме и увез. Когда приехал в Джурм, мудир узнал об этом, пошел к нашему пир-у (исмаилитскому наставнику) (он живет в Джурме) и сказал: „Я не отдам ему дочь, пока он не вернет мне мои десять тысяч“. Девушка осталась в доме у пира, а меня послали за деньгами, дескать, пока не принесешь, дочь тебе не отдадим.

Когда я вернулся к себе в деревню, то узнал, что парунцы угнали у пастуха Ильяса все деревенское стадо, сказав при этом: „Он обещал нам свою дочь. Пока он нам ее не приведет, мы скот не отдадим“.

Я снова отправился в Джурм, стал валяться в ногах у этого мудира. Пир за меня поручился, я дал расписку мудире, взял дочь и привел ее домой. Отвез парунцам и говорю им: „Вот, возьмите девушку, а скот верните“. А те отвечают: „Пока ты не привезешь нам ее свидетельство о разводе, мы тебе не отдадим ни ее, ни скот“. Сколько я их ни умолял, они не соглашались, и я вернулся ни с чем. А в Джурме мне не дадут этого свидетельства, пока я не принесу десять тысяч. А у меня нет ни

денег, ни пищи, ни одежды, мы голодаем. Вот почему я хочу продать другую свою дочь. Если я эту дочь не продам и не получу обратно у парунцев скот, то мне от односельчан жизни не будет“».

«Я, — продолжает Карим, — сказал ему, что не затем мы сюда пришли, чтобы покупать девочек, но помочь тебе я согласен: поеду вместе с тобой к пиру — может быть, он согласится заплатить твой долг, а тебе даст отсрочку. Деньги ты ему при первой возможности отдашь. „Пир на это не согласится“, — ответил Бой-Маммад.

Я уже собрался уходить, но тут мать привела девочку, надев ей платок на голову, начала плакать и умолять меня, чтобы я ее купил. Я стал ее утешать, говоря, что обязательно помогу им, пусть девочка поедет со мной в Джурм».

Эту историю, говорит Карим, я хочу записать в форме рассказа и опубликовать.

28 августа. Рано утром Хоки и Джангуль ушли в Газ. Они будут ждать нас там. Мы с Каримом встали, поели хостиков (нечто вроде коржиков), попили чаю с молоком и отправились в путь, взяв еще одну лошадь в Миёнди.

По дороге груз несколько раз разваливался, в Сарджангале хозяин одной из лошадей сбросил весь груз на землю и отправился восвояси в Миёнди, но так или иначе через некоторое время мы были в Шои Пари. Здесь мы сделали остановку, нас напоили чаем и я имел честь познакомиться с сыном «маленького шо» (то же, что и пир — исмаилитский наставник). Молодой парень, он живет здесь на полном содержании деревни и, как мне сказали, находится в обучении исмаилитским премудростям у одного из местных грамотеев. Было неприятно смотреть, как старики ему целуют руку.

Мунджанские исмаилиты — мюриды двух шо, одного из них обычно называют «маленький шо», другого — «большой шо». Сами мунджанцы о своих шо рассказывают следующее: «Раньше они жили в Читрале, находившемся в то время под властью англичан. Во время мятежа Бачаи Сакао они переселились сюда. Говорят, что по происхождению они кунарские сеиды». «Большого шо» зовут Сеид Джаллод Хусейн, он сын Сеида Ахмад-шаха, внук Сеида Ходжи Бадала; «маленького шо» зовут Сеид Хорезм-шах (?), он сын Сеида Дари-шаха, внук Сеида Махмуд-шаха, правнук Сеида Ходжи Бадала. Раньше резиденцией шо было маленькое селение Калаи Шо, между Миёнди и Тли (туда мы не дошли). Но нынешнее правительство переселило их за пределы долины, в Куран, где «маленький шо» и живет поныне в кишлаке Рабат, по словам мунджанцев; «большой шо» живет в Джурме, это тот самый пир, о котором рассказывали Кариму.

Часам к четырем приходим в Вилу. Здесь, к нашему удивлению, встречать нас выходит много народу. Они уговаривают нас остаться на ночь у них в селении. Мы соглашаемся.

И вот мы сидим в болохане, совсем непохожей на ту, что была в Миёнди. Неправильной формы, с двумя квадратными отверстиями — окнами в стенах, с прямоугольным проемом вместо двери. Собралось много народу, чуть ли не все старики селения. После приветствий, адресованных в основном Кариму, начинается разговор о лекарствах. У всех что-нибудь да болит, и все верят в то, что у нас есть лекарства от всех болезней. Все действительно больны, но самый тяжелый больной — пятилетний ребенок, до невозможности худой, с утолщениями суставов на тонких руках и ногах. На руке огромная язва. Не понимаю, что с ним... Маленький старичок, с печальным и серьезным выражением лица, на котором за все время не появилось даже подобия улыбки.

Я изо всех сил в самых энергичных выражениях пропагандирую употребление шиповника и черной смородины, благо их сколько угодно. Но конечно, не только в них дело...

Потом разговор опять заходит о местных кровопийцах — Гариб-Ахмаде и Таджмаммаде из Анджумана, кладовщике лазуритовой партии, у которого мы были в гостях в Разэрэ, и других. Насколько я понимаю, ситуация в Анджумане резко отличается от мунджанской. Тамошние таджики не употребляют опиума, и люди живут немного получше, некоторые за счет эксплуатации мунджанцев. Жители Анджумана — не исмаилиты. Им уже поэтому легче. А мунджанцы — под тройным гнетом: правительства, собственных шо, ростовщиков из Анджумана.

Один из стариков просит нас устроить вечером для публики развлечение. Оно должно состоять в том, что я буду заводить магнитофонные записи песен и рассказов, которые я сделал в Мунджане.

Вечером «тамаша» состоялась. Все с удовольствием слушали мои магнитофонные записи. Потом рассказали мне три рассказа. Один старик рассказал, как добывали лазурит в старое время, другой, как служил в армии. И еще один рассказ — об охоте. В это время Карим расспрашивает присутствующего здесь дервиша о подробностях родословной шахов Мунджана.

29 августа. Просим у дервиша лошадь, но тот требует слишком высокую цену. Я иду пешком.

Между Дашком и Шороном нас все-таки настигает некий человек с лошадью из Вилу. Недалеко от Шорона я сажусь на лошадь. В Шороне короткая остановка — пробуем найти седло, но безуспешно. Зато исчезает Хоки с моей сумкой и курткой. У моста через Вильф останавливаемся, ждем Хоки. Подходит Хоки, и все уезжают вперед, а мы с Джангулем помаленьку движемся сзади.

Обратный путь через перевал проходим (или это только кажется?) гораздо быстрее. И усталости той нет, и времени затрачиваем меньше, и пить не так хочется.

Часам к трем подъезжаем к Сэквоу — волостному управлению. Алакадар там. Пьем чай, Карим рассказывает начальнику

о появлении полицейского, шедшего по нашим следам. Алакадар и ухом не ведет.

Переправляемся вброд через Мунджан. Брод очень длинный. На ночь опять останавливаемся у кладовщика Каюма, который вечером устраивает для нас обильное угощение. После Мунджана дворец кладовщика кажется особенно роскошным.

30 августа. Поев меду и попив чаю, выезжаем. Вскоре мы в Парваре. Парваринцы ведут с нами льстивые разговоры, хотя понравиться Кариму: от него действительно многое зависит на руднике.

В четыре часа тридцать минут мы переезжаем по мостику на рудник. Путешествие в Мунджан окончено. На руднике много нового. Прибыл из Кабула начальник лазуритовой партии со свитой — человек пять-шесть. Все они расположились в той комнате, где мы были раньше вдвоем с Каримом.

Вечером, засыпая, слышу разговор обо мне. Начальника партии очень интересует, что я за человек и зачем ходил в Мунджан, он спрашивает об этом Карима. Карим говорит все, как есть, но, кажется, начальник не вполне удовлетворен.

31 августа. Раннее утро. Комната на месторождении, все уже ушли на работу. Глинобитные небеленые стены. Пол застлан грубыми паласами. Посредине — кошма. По стенам пять раскладушек. Направо от двери в стене ниша, там лежат всякие мелочи. На противоположной стене два небольших окна, слева большое окно. Во всех окнах вместо стекол пластик—полиэтилен. В углу стол, на столе телефон. Только не такой, к какому мы привыкли. Здесь маленькая телефонная станция. Когда звонят снизу, из Хазрат-Саида, например, наверх в Сэквоу, то сначала звонок раздаётся у нас, а мы уже соединяем линию с Сэквоу.

Выхожу на улицу. Вокруг горы, скалы, дикие, неприступные. На юг долина покрыта кустами ивы и ольхи, на север теснина. Если смотреть вдоль ущелья Сари-Санг, то видны снежные пики. Где-то там берет начало р. Сари-Санг.

Синеватые (от примеси лазурита) свалы и черные точки на скале. Это устья штолен № 2 и 4. Немного выше по течению, ближе к зарослям ивы и ольхи, — каменные лачуги рабочих. Вот сейчас все они собрались перед нашим домиком. Домик — буквой «П», напротив нашей комнаты — другая, там сейчас им выдают жалованье.

Солнце только появляется из-за гор, запирающих сверху ущелье Сари-Санг. Лучи его уже видны, и верх скал на противоположном берегу светится розовым светом.

Я сижу в маленьком садике возле дома. Журчит вода в ручейке, прохладно.

Мне грустно: ведь завтра я уйду отсюда навсегда.

Е. И. Кычанов

ТАНГУТСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ХАРА-ХОТО

Город Черной реки — Чернореченск из глубин Центральной Азии, — китайское наименование Хэйшуй, тангутское — Эдзина, ставший позднее просто Хара-Хото (Черным городом), вошел в историю востоковедения как одно из тех чудесных мест, где волею случая время сохранило для нас целую коллекцию рукописей и старопечатных книг (ксилографов) на мертвом языке Си Ся (тангутском). П. К. Козлов, экспедиция которого в мае—июне 1909 г. обнаружила эти книги, прославился данной находкой не меньше, чем всеми остальными своими путешествиями.

Оазис р. Эдзин-Гол — китайское наименование Хэйшуй (Черная река), тангутское — Эдзина (также Черная река), современное монгольское название — это сохранившееся тангутское с добавлением монгольского слова «гол» (река). Случайное совпадение слов — тангутского «эдзина» и монгольского «эдзэн» («эджэн»), что значит «господин», «владыка», — позволяет монголам осмысливать это название на свой лад как «Госпожа река». Этот район был населен с глубокой древности. Район Хара-Хото пришел в запустение в конце XIV в., после китайско-монгольских войн, связанных со свержением в 1369 г. правившей в Китае монгольской династии Юань и воцарением на китайском престоле национальной династии Мин. Истории Хара-Хото и оазиса Эдзин-Гол посвящена специальная работа Е. И. Лубо-Лесниченко и Т. К. Шафрановской [6]. В данной же статье мы хотели бы привести те немногие сведения об Эдзина — Хара-Хото, которые встретились нам в оригинальных тангутских источниках, и указать на подлинное место этого города в тангутском государстве Си Ся (982—1227).

Тангуты заполучили район Хара-Хото и сам город от уйгуров, относившихся к так называемой группе эдзингольских, или после разгрома тангутскими войсками Ганьчжоуского уйгурского княжества в 1023 г., или в крайнем случае после 1036 г., когда тангуты овладели контролируемыми уйгурами городами Сучжоу, Шачжоу и Гуачжоу [4, с. 50]. Как мы увидим далее, в тангутском государстве район Эдзина административно-хозяйственно тяготел к Сучжоу, возможно, так было и при уйгурах.

Богатство и разнообразие находок П. К. Козлова в Хара-Хото, особенно памятников буддийского искусства и книг, рукописных и печатных, породило убеждение (и не только у самого П. К. Козлова), что он открыл затерянную в песках столицу исчезнувшего тангутского государства; к сожалению, это заблуждение живо и до наших дней и встречается у весьма высокочтимых авторов.

«Мы рассмотрели, — писали С. И. Руденко и Л. Н. Гумилев в 1966 г., — ноинулинские находки только в одном аспекте и далеко не исчерпали предмета, но теперь следует перейти к еще более блестящему открытию Козлова — мертвому городу Хара-Хото, *бывшей столице* (курсив наш. — Е. К.) тангутского царства» [1, с. 243]. Между тем достаточно было прочитать историю государства тангутов, изложенную в труде о Иакинфа (Н. Я. Бичурина) «История Тибета и Хухунора» (СПб., 1833), чтобы стало ясно, что это ошибка, но, повторяем, ошибка, оказавшаяся весьма живучей.

По принятому в Си Ся разделению территории государства на внутренние и внешние области г. Эдзина относился к внешним пограничным районам Си Ся. Управление им по существовавшей в Си Ся классификации на шесть разрядов управлений — пять штатных: высшего (первого), следующего (второго), среднего (третьего), низшего (четвертого) и последнего (пятого) — и управлений, не вошедших в число пяти первых разрядов, — относилось к управлениям низшего (четвертого) разряда — управлению уездными городами, почтовыми станциями и рынками [2, гл. X, с. 26⁶—28⁶].

Однако в связи с пограничным положением города его статус практически был выше обычного уездного. Управлял городом цыши (префект), должность которого соответствовала правителю округа (чжоу). Эдзина (Хара-Хото) был центром военно-полицейского управления, самой высшей административной единицы Си Ся, хотя следует иметь в виду, что статус города и статус военно-полицейского управления, размещавшегося в нем, могли не совпадать. Функции военно-полицейского управления были достаточно широки: оно ведало государственными складами на вверенной ему территории, контролировало деятельность нижестоящей администрации, выступало как судебная инстанция, принимало доносы о таких преступлениях, как мятеж и другие антигосударственные деяния, проверяло состояние оборонительных сооружений в городах и крепостях, ведало учетом, раздачей и обменом казенных боевых коней, доспехов и оружия, обеспечивало порядок внутри подведомственного района. Военно-полицейское управление достаточно полно контролировало жизнь вверенного ему региона в сфере дел гражданских, военных и суда. Нерасчлененность гражданской, военной и судебной власти как раз была характерна для военно-административной системы управления, принятой в Си Ся на местах и традиционно широко распространенной у всех народов Центральной Азии.

Штат военно-полицейского управления Эдзина (Хара-Хото) включал его начальника, заместителя (помощника), двух старших караульных начальников, ответственных прежде всего за пограничную службу, и трех старших чиновников, именованных «выносящий решения» [2, гл. X, с. 31^a—32^a]. В управлении городом помимо префекта (цыши) участвовали еще два старших чиновника в звании «начальник» и два в звании «передающий приказ». В военно-полицейском управлении Эдзина (Хара-Хото), кроме того, было четыре чиновника среднего звена — два столоначальника и два делопроизводителя — и сорок чиновников низшего звена — клерков [2, гл. X, с. 31^a—32^a]. В Эдзина были казенные вино-водочные склады, в задачу которых помимо продажи спиртного входил и надзор за соблюдением государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков [2, гл. XVII, с. 18^б].

По удаленности от центра, от столицы Си Ся г. Чжунсин (совр. Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район КНР), Эдзина (Хара-Хото) относился ко второй группе наиболее удаленных городов. Самым отдаленным считался современный район Дуньхуана, Шачжоу и Гуанчжоу (западная окраина современной провинции Ганьсу), а затем шел район Сучжоу и Эдзина (Хара-Хото) [2, гл. XVII, с. 14^a]. Это хорошо видно из сроков, установленных законом на замену должностных лиц складов и ревизию их деятельности. Для чиновников из Шачжоу и Гуачжоу отводилось 40 дней для прибытия на место службы или переезда на другое место службы и 60 дней для проведения ревизии их деятельности. Для чиновников из Сучжоу и Эдзина (Хара-Хото) — 30 дней на смену места службы и 60 дней для ревизии их прошлой деятельности центральными или местными управлениями. Ревизия была связана с выявлением отсутствия хищений или халатного обращения с материальными ценностями [2, гл. XVII, с. 32^б—33^a]. Для служащих ряда складов «в двух [районах] одинаково отводится 30 дней военно-полицейским управлениям для освобождения [чиновников] от должности: 15 дней с момента освобождения от должности на прибытие в управление военного комиссариата (цзинлюе), 20 дней на проведение ревизии военным комиссариатом, на дорогу всем освобожденным от должностей 15 дней, для проведения ревизии в управлениях по принадлежности 40 дней, местному управлению ревизии и контроля 30 дней. [Эти области] Сучжоу и Эдзина» [2, гл. XVII, с. 34^б—35^a]. Мы находим в Кодексе и следующую статью, упоминаящую район Эдзина (Хара-Хото): «Что касается стад скота, пасущихся в районе Эдзина, то, учитывая отдаленность района, туда в качестве учетчика скота в установленный законом срок должен быть выслан один человек из числа армейских командиров или [чиновников в должности] „выносящий решения“, который и обязан проверить [стада скота]». «Когда среди скота, находящегося в вышеупомянутом [районе] Эдзина, окажутся больные животные, то об этом должно быть

доложено в военно-полицейское управление» [2, гл. XIX, с. 35^a—35^b].

Итак, из тангутских официальных текстов мы четко видим, что район Сучжоу — Эдзина (Хара-Хото) считался вторым по удаленности от столицы после Шачжоу и Гуачжоу на крайнем западе страны. Поэтому не случайно эта область на границе с монгольской степью служила местом, куда отправляли для отбытия наказания особо опасных преступников, осужденных на каторжные работы. «В том случае, когда любой человек за то, что он посягнет на княжеское достоинство, нарушит правила добродетельного поведения и почитания родителей или, будучи арестован за другие особо тяжкие преступления и измену, будет подвергнут за это допросу и [по приговору суда] ему будет сохранена жизнь, а сам он отправлен в Эдзина или любое иное место рыть колодцы и на другие тяжелые работы отбывать каторгу сроком на 13 лет с последующим вечным поселением по месту отбывания каторги, а сыновья преступника, его родственники, братья будут привлечены к ответственности, высланы и отданы в работу поименно в качестве пастухов и земледельцев или солдатами в гарнизоны пограничных городов или городов внутренних, то должно быть указано, кто составлял документы следствия по делу и в каком архиве они хранятся» [2, гл. XX, с. 14^a—15^b].

Перед нами встает облик окраинного города Си Ся, важного административного центра данной местности, города-крепости с гарнизоном и места дислокации одной из 17 армий Си Ся, города чиновников и армейских служащих, района, в котором помимо местных пастухов и землепашцев на государство трудятся каторжане, осужденные за особо тяжкие преступления и сосланные на каторгу в этот отдаленный район. Они роют колодцы (район граничил с пустыней Гоби), очевидно, вообще следят за ирригацией, выполняют иные тяжелые работы, в том числе по ремонту стен города и иных его оборонительных сооружений, исполняют службу солдат пограничного гарнизона.

Военачальники таких укрепленных пограничных городов, как Эдзина, должны постоянно находиться на предписанном им императором или высшим командованием месте. «Если же [таковые] изменят место пребывания, то зачинщик, который заявил: „Переместимся“, а также пограничный эмиссар и начальник укрепленного поселения, полные командиры и их заместители, одинаково лишаются должности, должны быть отстранены от службы в армии и наказаны 12 годами каторжных работ» [2, гл. IV, с. ? (текст испорчен)]. «Когда те, кто служат в больших городах, сдадут все города, город за городом, то градоначальники, городские инспекторы, тунпани (вице-префекты) и зачинщики сдачи, как имеющие чиновничий ранг или не имеющие ранга, а также не имеющие ранга полные командиры строя и их помощники, находившиеся в городе, подлежат смертной казни путем обезглавливания... Находившимся в их подчинении

солдатам регулярной армии — по 13 палок. Служащие вспомогательных войск (часть которых была из каторжан. — *Е. К.*) и проживавшие в крепости женщины наказанию не подлежат» [2, гл. IV, с. ?]. «Те, кто несут службу в большом городе, солдаты регулярной армии, служащие вспомогательных войск, проживающие в крепостях женщины, в установленном числе должны быть налицо и находиться там, где им положено. Городская управа сама должна периодически производить проверки и, когда окажется, что кого-то нет, должна понуждать их [вернуться] и в зависимости от их социального положения наказывать виновных и принуждать их служить в городе» [2, гл. IV, с. ?]. «В пограничных районах семьи [местных жителей] и скотоводы-кочевники должны селиться, обрабатывать землю и пасти скот в пределах той территории, которая указана каждому из них. Переходить границу или удаляться от нее запрещается» [2, гл. IV, с. 26^б]. «Семьям [землепашцев] и скотоводам-кочевникам запрещается переходить границу, селиться, пахать землю и пасти скот за ее пределами... Воинские начальники, пограничные эмиссары и начальники пограничных караулов обязаны возвращать [нарушителей], передавать их начальникам кочевий или эмиссарам по их принадлежности с тем, чтобы размещать их в пределах отведенной им территории» [2, гл. IV, с. 27^а].

В любом случае, если подданные Си Ся и их имущество и скот по их ли личной вине или по недосмотру пограничных чиновников попадали в руки грабителей или отрядов, перешедших границу с целью грабежа с соседней территории, местные военные и гражданские чиновники несли ответственность в зависимости от величины причиненного ущерба. В пустынных и труднодоступных районах, в том числе и районе Эдзина, на границе с татарами, как сказано в Кодексе, где «строгого разграничения не имелось», пограничные тангутские посты не должны были позволять кочевникам с территории соседей или охотникам переходить границу и углубляться на территорию Си Ся [2, гл. IV, с. 28^а—29^а]. Градоначальники крепостей, в том числе таких, как Эдзина (Хара-Хото), каждую зиму должны были докладывать в местное военно-полицейское управление о состоянии всей системы оборонительных сооружений города-крепости: его стен, рвов, ворот, щитов для защиты от камней, метаемых из камнеметов, и т. п. [2, гл. IV, с. 40^б—42^а]. «Если городской инспектор, вице-префект... [лакуна] оборонительные сооружения на стенах вверенного им города, пришедшие в негодность: проволочные заграждения, ворота [для прохода] войск, противометательные заслоны для защиты от камней... [лакуна] не отремонтировали, засыпавшиеся рвы не открыли, то следует высчитать сумму необходимых для проведения ремонта затрат». В зависимости от стоимости ремонта виновные могли получить от шести месяцев до трех лет каторжных работ [2, гл. IV, с. 42^б]. «Если во вверенном градоначальнику, городскому инспектору и вице-префекту городе должны быть оштукатуре-

ны стены, а они надлежащим образом не оштукатурены, то учитывается, сколько строителей могли бы сделать эту работу за один рабочий день. [Если для ремонта требуется] от одного до тридцати человек, то с имеющего ранг штраф — одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок. Если требуется свыше тридцати до семидесяти человек — три месяца каторжных работ, свыше семидесяти — до ста человек — пять месяцев, и свыше ста человек — одинаково один год каторжных работ» [2, гл. IV, с. 42^б—43^а].

Вдоль границы, в глубь от нее, была сооружена система сигнальных вышек, с которых подавались сигналы огнем о нападении противника. «Если на границе ответственные за подачу сигналов огнем со сторожевых вышек обнаружат внезапное появление вражеских войск, то в том случае, когда они обнаружат нерадивость в подаче огнем сигналов оповещения находящимся поблизости скотоводам, кочующим в [данном районе] со своими семьями, соседним сигнальным вышкам и военачальникам, в порядке установленной очередности, то [виновным] выносится тот же приговор, что и караульным дальних и ближних караулов за недосмотр врага в зависимости от того, сколько вражеских войск и на какую глубину вторглось на [нашу] территорию» [2, гл. IV, с. 45^б—46^а]. «В том случае, когда войска подняты в поход, а из солдат кто-то не пошел, а кто-то почему-то отлучился, то и тем, кто отлучился, и тем, кто задержался, одинаково — служащим регулярной армии два года, служащим вспомогательных войск один год каторжных работ» [2, гл. VI, с. 3^а].

Забывшим дома казенного боевого коня или доспехи полагалось от шести месяцев до двух лет каторги [2, гл. VI, с. 3^а—3^б]. «Если государев конь состарился, болен и у него недостает сил, чтобы ездить на нем верхом и надевать на него доспехи, а армия выступает в поход и нет времени, чтобы произвести замену, то если кто-то взамен непригодного коня, которого следовало привести, приведет своего, здорового и сильного, то командиры должны произвести проверку и если все действительно окажется так, то такие действия не должны считаться неприводом [государева коня] и его подменой» [2, гл. VI, с. 10^а—10^б]. Казенные боевые кони были закреплены за местными военачальниками — «командирами марша», «командирами строя», старшими и младшими «направляющими». Их нельзя было забивать на мясо, приносить в жертву, использовать для верховой езды в личных целях и для поездки на охоту. При любом незаконном пользовании казенным боевым конем один день его использования оценивался по закону в 70 монет (стоимость рабочего дня взрослого мужчины) и в зависимости от общей суммы виновные наказывались как за получение взятки [2, гл. VI, с. 10^б—11^б].

И наконец, приведем еще одну статью из Кодекса, которая в известной мере определяла жизнь и быт военнослужащих и

чиновников такого пограничного города, каким являлся Эдзина (Хара-Хото). «Старшим и младшим чиновникам, армейским направляющим запрещается назначать на работы, заставлять прислуживать себе лично, участвовать в облавных охотах и стрелять диких зверей тех из солдат, которые не являются служащими вспомогательных войск. Когда закон будет нарушен, то стоимость добытых на охоте зверей должна быть сосчитана в денежном выражении и если она составит менее десяти связок монет, то виновный наказанию не подлежит». Если стоимость добытых на охоте зверей была выше десяти связок монет, то в зависимости от нее виновный в принуждении солдат регулярной армии охотиться для него получал от 13 палок до года каторжных работ. «Когда кто-то из таковых заставит [солдат регулярной армии] ставить сети и ловить рыбу, то, если ее стоимость составит начиная от двадцати связок монет и менее, не считаясь с суммой, [виновному] шесть месяцев, а если выше двадцати связок монет, то одинаково один год каторжных работ» [2, гл. VI, с. 16^a—16^b].

Можно с уверенностью сказать, что на высшем и среднем социальном уровне в тангутское время Эдзина (Хара-Хото) был городом чиновников, гражданских и военных. Это хорошо прослеживается и при анализе заказчиков на переписку и изготовление книг буддийского канона. Отсутствие в колофонах книг упоминаний столицы и других крупных административных центров тангутского государства, за исключением Ганьчжоу, города, не столь удаленного от Эдзина, позволяет сделать вывод, что тангутская рукописная книга коллекции ЛО ИВАН «провинциальная» и в значительной своей части происходит из Эдзина (Хара-Хото), а также близких к нему районов. Среди заказчиков переписки книг прямо упоминаются жители Эдзина (Хара-Хото). Это хозяин (глава семьи и земледельческого или скотоводческого хозяйства) из Эдзина Ехуа Н...ю [7, танг. 61, 74] (в колофоне к рукописи под шифром «танг. 61» он упомянут также и как владелец книги), хозяин из Эдзина, чиновник, служащий внешних дворцовых покоев государя Вэйрви Ланьква [7, танг. 74] и/или его родственник, возможно брат, или однофамилец, чиновник, ответственный за транспортные перевозки в Эдзина, Вэйрви Юква.

Из заказчиков из близких к Эдзина районов упомянем монаха Нюйнюй Цзун Мина, названного как «ганчжоуский монах» [7, танг. 76, танг. 357]. Положению Эдзина как пограничного города вполне отвечают должности пограничных эмиссаров, чиновников, ведавших пограничной стражей и наведением порядка в пограничной зоне. Упоминаются «заказчик текста, пограничный эмиссар Вэйи» [7, танг. 376] и, возможно, он же, но уже с указанием имени и более полного звания, «генеральный заказчик, пограничный эмиссар, командир марша Вэйи Шанька» [7, танг. 357]. Чиновниками местного регионального уровня являются и другие заказчики: «заказчик, „принимающий прика-

зы «Ехуа» [7, танг. 376], «чистой истины заказчик, служащий дворцовых покоев, монах Лян Рцэнго Шань Чжун» и «служащий внешних дворцовых покоев Кэн Санка» [7, танг. 334]. Они принадлежали к дворцовому ведомству, многочисленному штату чиновников, разбросанных по всей стране и обеспечивавших разнообразные нужды двора и летние временные резиденции императора. «Заказчик двух глав (цзюаней), приближающийся к добродетели, „направляющий“ Рамбу Кхавачэн» занимал самую низкую в администрации Си Ся должность «направляющего». Можно быть вполне уверенным, что все это были чиновники местной администрации Эдзина — Хара-Хото.

Судя по материалам тангутских рукописей, большой вклад в книжное дело района Хара-Хото внесла семья Лян, представители древнего тангутского рода, упоминающегося еще до появления тангутского государства Си Ся в китайских сведениях о дансянах-тангутах. Из семьи Лян упоминаются семь заказчиков переписки книг, шесть переписчиков, один сверщик текстов, один редактор и один владелец книги. Особенно отличились братья Лян Хаваюй, Лян Хавачэн, Лян Хавачун, упоминающиеся неоднократно в колофонах как жертвователи средств на переписку сутр и переписчики, в том числе части таких объемных сутр, как «Маха ратнакута сутра».

Проживавшая в Эдзина семья Вэйрви упоминается в рукописях 12 раз. Из этой семьи мы встречаем восемь заказчиков, двух лиц, «разрешивших переписку книг», т. е. цензоров, двух переписчиков и одного владельца книги. Мы уже упоминали выше, что семья Вэйрви была семьей чиновников и военных.

Другая семья из Эдзина — Ехуа (Ахуа) — встречается в колофонах рукописных книг 10 раз, из этой семьи были семь заказчиков рукописных книг и три переписчика. Семья Ехуа упоминается и в документе о продаже земли в районе Эдзина, датированного 1170 г. [5, с. 188—203].

Можно назвать еще три семьи, очевидно достаточно состоятельные и влиятельные в Эдзина. Это семья Минбу, из которой упомянуты четыре заказчика и один переписчик книг, семья Гунди — один заказчик и четыре переписчика, семья Ехэ — два заказчика и один заказчик и владелец книги одновременно. Три заказчика и один переписчик были из семьи Ши, судя по фамилии, очевидно, китайской.

Все эти семьи делали большие по объему заказы и явно были из числа состоятельных семей Эдзина. Переписка буддийских текстов почиталась благим делом. Бумага, тушь, кисти, работа переписчиков, переплеты — все это стоило больших денег и было не под силу людям несостоятельным или просто бедным, которые делали заказы на переписку сутр только в складчину, иногда, как это видно по одному из колофонов, до 70 человек заказывали сообща переписку всего одной главы сутры.

Эдзина (Хара-Хото), как и население всего тангутского государства, был городом многонациональным. Там жили тангуты,

уйгуры, которым до тангутов принадлежал город, там могли быть и монголы — Эдзина граничил с татаро-монгольской степью, и жертвы междоусобной борьбы татаро-монгольских племен, в частности керейты, не раз находили в нем прибежище. Там могли быть и тибетцы, в особенности буддийские монахи. Из одного из документов из Эдзина мы видим, что командующий обороной Эдзина Мбэнин Ндживува в седьмом месяце 1224 г. просил императора о переводе его на службу в другое место и о замене его уйгуром по имени Шион (Железо). В последние годы существования Си Ся Эдзина административно входил в округ Сучжоу. Мбэнин Ндживува на 1224 г. уже девять лет (с 1216 г.) был командующим войсками в Эдзина с серебряной пайцзой. Он докладывал императору, что стены города в порядке, оружия в нем достаточно, в том числе имеются 56 больших и малых камнеметов (блуд), а на всех четырех стенах для подачи сигнала тревоги ночью установлены большие барабаны.

Однако чиновники получали неполное жалованье, и вообще жизнь в Эдзина стала трудной, монголы уже не раз проникали в глубинные районы Си Ся и готовились к новому походу, ибо Чингис поклялся уничтожить государство тангутов. Стремление Мбэнин Ндживува покинуть Эдзина, на который должен был обрушиться и впоследствии обрушился первый удар, было вполне понятным [8, с. 189—201]. Самое интересное, что, судя по другому документу, датируемому мартом—апрелем 1225 г., можно думать, что Мбэнин Ндживува удалось получить разрешение покинуть службу в Эдзина. Его сменил Сужияй Мбэношион, последняя часть имени которого, вполне вероятно, указывает, что он и тот Шион, которого прочил на свое место Мбэнин Ндживува, — одно и то же лицо. Из этого документа мы узнаем, что правитель Сучжоуского округа, держатель золотой пайцзы, имя которого не указано, так как составитель документа именует его почетным титулом «Повелитель», ехал через Эдзина в качестве посла для переговоров с северными соседями тангутов. Кто были эти соседи: Чингисхан или представители оппозиции, сложившейся в Монголии, пока он завоевывал Мавераннахр, мы не знаем. Можно только добавить, что должность городского инспектора в Эдзина весной 1225 г. занимал Нгвежияй Нджэушань, а «ведающим делами» чиновников был Хуа Кивешань. Перечень задач, решаемых чиновниками Эдзина, готовыми встретить высокого начальника, не сообщает ничего принципиально нового: это были люди, ведавшие обороной города, скотоводством, земледелием, ирригацией и работами местного населения по трудовой повинности, число рабочих дней которых зависело от величины участка земли, которым владел обязанный государству трудовой повинностью человек [3, с. 139—145].

Весной 1226 г. Эдзина пал под ударами армий Чингисхана. Из того немногого, что мы знаем о Хара-Хото из тангутских источников, этот город предстает перед нами как важная по-

границная крепость на северо-западных, считая от центра страны, границах государства Си Ся, город окраинный, центр дислокации армии (одной из 17), центр одного из военно-полицейских управлений, город военных и чиновников, солдат, земледельцев, скотоводов и каторжан. Безусловно, это был значительный для своего региона центр буддийской культуры, в монастырях которого переписывали книги буддийского канона, нередко, как мы видели, иждивением местных чиновников. Мы пока не знаем Эдзина как город ремесленников и торговцев. Мы не знаем, каков был точно облик города при Си Ся. Может быть, город мало изменился за полтора века монгольского господства, а может быть, он был сильно перестроен, и только «знаменитый субурган», прославивший великого русского географа и путешественника П. К. Козлова и возродивший к жизни тангутскую культуру, оставался постройкой, сохранившейся от XII или XIII в. — со времен Си Ся. Мертвые города нередко обретают вторую, иллюзорную жизнь благодаря тому, что уцелело в их развалинах и перешло на страницы десятков научных статей и книг. Таков и Эдзина (Хара-Хото), и в этом смысле у него есть еще свое будущее.

Литература

1. Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1966, т. 98, № 3.
2. Измененный и заново учрежденный кодекс девиза царствования «Небесное процветание» (1149—1169 гг.).—Тангутский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, танг. 55.
3. Кычанов Е. И. Докладная записка помощника командующего Хара-Хото.—Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1972. М., 1977.
4. Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
5. Кычанов Е. И. Тангутский документ о продаже земли. Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1971, М., 1974.
6. Лубо-Лесниченко Е. И., Шафрановская Т. К. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.
7. Тангутский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.
8. Кусанов Е. I. A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto Acta Orientalia Hungarica. Budapest, 1971, т. 24, вып. 2.

Б. И. Панкратов

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ТИТУЛА «ЧИНГИС»¹

Илья Павлович Петрушевский в своем предисловии к «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина говорит: «Труд Рашид ад-Дина не разрешает сложных, доныне не решенных исследователями вопросов о происхождении имени монголов и о том, в каком отношении находились друг к другу татары и монголы, а также о том, какие из племен, кочевавших в Монголии в начале XIII в., были монголоязычными и какие тюркоязычными» [9, т. 1, кн. 1, с. 28—29]. К этим словам Ильи Павловича можно еще добавить, что Рашид ад-Дин не дает также и удовлетворительного, приемлемого для нас толкования титула «Чингис». Этимология его продолжает оставаться загадочной до сего времени.

Я предложу вашему вниманию свои соображения относительно этимологии титула «Чингис», принятого Тэмуджином в 1203 или в 1206 г. Это именно титул, а не новое имя. Такой же титул, как «Идук-кут»², буквально «Священное счастье» (в орхонских надписях титул басмыльского владельца; тот же титул в форме «Идикут» носил уйгурский хан той же местности в XIII в.); [как] «Илек» — титул караханидских ханов; [как] «Иль-хан» — титул монгольских императоров в Персии; [как] «Гур-хан» — титул кара-киданьских ханов.

Однако если все перечисленные мною титулы были понятны людям, когда были живы носители этих титулов, если этимология этих титулов ясна и для нас в настоящее время, то значение слова «чингис» очень смутно понималось современниками, а этимология его была для них и совсем непонятна.

Почему?

Да потому, что «чингис» — слово, чуждое в монгольском языке, не имеющее в нем родственных корней.

Чтобы было понятнее, я приведу пример из русской истории. Был в Киеве русский князь Владимир Всеволодович (1053—1126) с титулом «Мономах». В его время титул этот был непонятен для 99,9% подданных князя Владимира.

Ну, а как теперь? Понятен ли титул «Мономах» современному русскому человеку? (Я не говорю об историках древней Руси.) «Мономах» — «Единоборец» — титул Константина IX Мономаха, деда Владимира.

А с титулом «Чингис» дело обстояло во много раз хуже. Происхождение его было непонятно современникам с самого начала. С того самого времени, когда Тэмуджин был назван Чингисханом. Об этом событии, о возведении Тэмуджина на ханский престол, сообщают нам китайские, персидские и монгольские источники. Это: 1. Сокровенное сказание (1240?); 2. Старинное китайское сказание о Чингисхане (начало XIV в.); 3. Юань-ши (конец XIV в.); 4. Мэн-да бэй-лу (Записки о монголо-татарах, автор Чжао Хун) [1221]; 5. «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (1311); 6. *Sanan Secen. Qad-un ündüsün-ü erdeni-yin tobci* [XVII в.].

Эти источники можно разделить на две группы: I) не дающая никакого объяснения [значения титула «Чингис»] и II) объясняющая этимологию слова «чингис». К первой группе относятся: 1) Сокровенное сказание; 2) Старинное китайское сказание о Чингисхане; 3) Юань-ши. Ко второй же [группе]: 1) Мэн-да бэй-лу; 2) «Сборник летописей» Рашид ад-Дина; 3) *Erdeni-yin tobci*.

Следует отметить, что каждое из этих трех [первых] сочинений в той части, которая относится к начальному периоду истории монголов и жизни Чингисхана, восходит к единому источнику.

Что же говорят о восшествии Чингиса на ханский престол источники первой группы?

Сокровенное сказание, 1203 г.

Тэмуджина же нарекли Чингис-хаганом и поставили ханом над собою [12, § 123, с. 163—164; ср. 6, с. 109].

Сокровенное сказание, 1206 г.

Чингисхану там дали титул хана [12, § 202, с. 389; ср. 6, с. 203].

Старинное китайское сказание о Чингисхане, 1206 г.

Все, совокупно, поднесли ему титул Императора Чингиса [10, с. 180].

Юань-ши, 1206 г.

Князья и чины поднесли ему название Чингисхана [5, с. 35].

Теперь обратимся ко второй группе источников.

Первым из них будут «Записки о монголо-татарах», составленные Чжао Хуном, послом Сунского двора к монголам в Пекин в 1221 г. Вот объяснение, которое Чжао Хун получил во время своего пребывания в Пекине: «Говорят, что [титул] „Чингис“ в переводе на китайский значит Тянь-цы, т. е. „Получивший пожалование от Неба“» (Мэн-да бэй-лу, л. 2в₂ [ср. 8, с. 50, 118—119 (примеч. 76), 247—248]).

Посмотрим теперь, что сообщает «Сборник летописей», при составлении которого Рашид ад-Дин пользовался советами и указаниями Пулад чин-сана, знатока монгольской старины и преданий. Кроме того, много нужных сведений Рашид ад-Дин записал со слов самого Газан-хана, тоже считавшегося выдающимся знатоком монгольской старины.

Титул «Чингис»

«Он (Мунлик-эчигэ. — Б. П.) имел сына по имени Кокэчу, которого монголы называли Тэб-Тэнгри. Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: „Бог со мною беседует, и я посещаю небо!“ Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: „Бог повелел, чтобы ты был государем мира!“ И чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: „Повелением бога имя твое таково должно быть!“

По-монгольски же „чин“ — значит „крепкий“³ [мустахам], а Чингиз — множественное число⁴ от него. Причина была та, что в то время у великих государей кара-хитаев титулом был „гур-хан“, а значение [слова] „гур“ — также „крепкий“, и до тех пор, пока государь не бывал предельно велик, его не называли гур-ханом. На монгольском языке прозвание Чингиз имеет тот же смысл, но с более преувеличенным значением, так как оно есть множественное число, и обобщить (соотнести? — Ю. К.) это слово можно, например, с персидским „шаханшах“ [царь царей].

У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в [самое] сердце зимы, в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных [местностей] тех областей, садиться голым на лед. От тепла его [тела] замерзшая вода растаивала, и от воды поднимался пар» [9, т. 1, кн. 1, с. 167].

Летопись, 1203 г.

«В ту зиму [Чингиз-хан] зазимовал в местности, называемой Тэмээн-кэхэрэ, прибывши к себе домой. Так как еще до этой победы (над Он-ханом. — Б. П.) он уже подчинил себе племя тайджиут и другие монгольские племена и, покорив родственников ему монгольских эмиров и других, объединившихся с Он-ханом, стал их государем, то в тот год, когда он убил Он-хана (1203 г. — Б. П.), который был уважаемым государем древнего рода, и престол, государство, скот и войско последнего стали его собственностью, — ему присвоили имя Чингиз. Значение [слова] Чингиз такое же, как слова гур-хан, то есть сильный и великий государь. В том владении существовал обычай называть великих государей гур-ханами вплоть до последнего времени, когда однажды монгольские племена из нирунов и некоторые из дарлекинов собрались [вместе] и поименовали Джамукэ-сэчэна гур-ханом. Вследствие того что это название закрепилось за другими лицами и им [монголам] не сулило счастья, то они присвоили Чингиз-хану [прозвание] с тем же значением, [но] на монгольском языке. До этого же времени имя его было Тэмуджин, которым его назвал отец. Астрологи и некоторые историки, исходя из этого, положили считать начало [его] царствования с этого года. Благодаря этому утверждению случилось следующее совпадение: отец его скончался в год свиньи, и он

стал государем в году свиньи и скончался в год свиньи. В монгольских же летописях как начало его царствования приводят тот год, в который по убиении им Таян-хана, государя найманов, ему присвоили Чингизхановское прозвание [лақаб]» [9, т. 1, кн. 2, с. 252].

[Летопись,] 1206 [г.]

«Когда благополучно и счастливо наступил год барс, являющийся годом барса, начинающийся с раджаба 602 г. х. [февраль—март 1206 г.], в начале весенней поры Чингиз-хан приказал водрузить белый девятиножный бунчук и устроил с [присутствием] собрания [полного] величия великий курилтай. На этом курилтае за ним утвердили великое звание „Чингиз-хан“, и он счастливо воссел на престол. Утвердившим это звание был Кокэчу, сын Мунлик-беки эчигэ из племени конкотан, его звали Тэб-тэнгри. Значение чин — сильный и крепкий, а чингиз — множественное от него число, [по смыслу] одинаковое с [наименованием] гур-хан, которое было прозванием великих государей Кара-Хитая, иначе говоря — государь сильный и великий. Когда это собрание и курилтай кончились, они выступили в поход против Буюрук-хана» [9, т. 1, кн. 2, с. 150].

Летопись, 1206 г.

Г о д Б а р с

год барса, приходящийся началом на [месяц] раджаб 602 г. х. [22 февраля — 23 марта 1206 г.]

Чингиз-хану в этом году исполнилось 52 года. Когда около этого времени он окончательно разбил и убил государя найманов Таян-хана и нескольких других государей, которые были вместе с ним, он вернулся в район Онона, который был его коренным юртом, превратившись в чрезвычайно уважаемого и сильного государя. Он повелел водрузить белый девятиножный бунчук [түк] и устроил великое собрание. Кокэчу Тэб-Тэнгри, сын Мунлик-эчигэ, был провидцем, претендовавшим на совершение чудес. Он неоднократно перед этим говаривал [Чингиз-хану]: „Всевышний господь дарует тебе царствование над поверхностью земли!“ В этот день он выступил и, выразив притязание на обнаружение [у себя сейчас] знаков того чудесного предвидения, сказал: „Ныне, когда государи этого земного пояса, которых всех называли гур-хан, покорены твоею рукою и владения их достались тебе, и у тебя по их примеру будет титул такого же значения — чингизовский, и ты, Чингиз, станешь царь-царей. Всевышний господь повелел, чтобы прозвание твое было Чингиз-хан, ибо чингиз есть множественное число от [слова] чинг, а следовательно, Чингиз имеет усиленное значение [слова] чинг. Посему слово Чингиз-хан будет [иметь] целью [прозвание] — шаханшах — государь государей“. Эмиры это [предложение] одобрили и утвердили за ним данное прозвание. [К этому времени] у него уже явились наиполнейшие сила и мощь

и он стал причисленным к царствованию над миром. Затем в этом же году он выступил на войну с Буюрук-ханом. Он его внезапно окружил во [время] охоты на птиц, убил, а владения его захватил. И все!“» [9, т. 1, кн. 2, с. 253]⁵.

Третьим по порядку источником в нашем списке стоит летопись, составленная в XVII в. на монгольском языке и носящая название «Qad-un ündüsün-ü erdeni-yin tobci»⁶. Автор ее Санан Сэчэн.

Санан Сэчэн

«...на четырехугольный камень перед юртой села пятицветная птица, похожая на жаворонка, и прочирикала „чингис“ „чингис“».

ger-ün emün-e nigen dörbeljin cilarunu deger-e tabun önggütü boljimur metü shibarun saruju cinggis kemen dongrudursan» (ср. [14, с. 70—71])⁷.

Объяснение, которое дает Чжао Хун, т. е. [что] слово «чингис» значит «Тянь-цы»⁸ («Получивший пожалование от Неба»), с некоторой натяжкой можно сблизить с [объяснением этого слова как означающего] «царь царей» (шаханшах) [у] Рашид ад-Дина.

Что же касается Санан Сэчэна, то его толкование относится к области народной этимологии; [это] толкование, которое нельзя принимать всерьез.

Мусульманские историки, [такие], как Мирхонд (см. [19, с. 65]), Хондемир (см. [4, с. 18]) и другие, следуя за Рашид ад-Дином, говорят, что «чингис» происходит от «чин» — «сильный» и «гиз» — множественное число, а значит [это] «царь царей»⁹. Хаммер-Пургшталь (1840 г.) пишет, что «Чингис» значит «Грознейший» (см. [15, с. 41, 65])¹⁰, Эрдман (1844 г.) понимает этот титул как «великий», «непобедимый» (см. [11, с. 5, 10—15, примеч. 2]). Пети де ля Круа (1710 г.) утверждает, что это значит «Хан сын хана» (см. [17, с. 111])¹¹. Особую позицию в данном вопросе занимает Ланглэ (1799 г.), который думает, что «Чингис» происходит от персидского «джэнг-энгиз» — «войнолюбивый» (см. [16, с. 192—229])¹². Дорджи [Доржи] Банзаров в своей статье «О происхождении слова „Чингис“» (1849 г.) говорит: «Я думаю, что Тэмуджин восстановил древний титул великих ханов народа хиун-ну, владевшего всею Монголиєю с 214 г. до Р. Х. по 93 г. по Р. Х. титул tchen-yu, чен-ю, а по северному китайскому или новейшему произношению шань-юй. Китайцы... толкуют, что это слово значит то же, что хан. Они же говорят, что хиун-ну называли своих ханов также тэнгри-кубу, т. е. „сын неба“¹³... Следовательно, хиун-ну растолковали китайцам значение tchen-yu (чингис) другими монгольскими словами, тэнгри-кубун, и потому можно, не входя в этимологию слова „чингис“, принять, что оно равносильно титулу „сын неба“ или „император“» [1, с. 176—177].

{Наконец, В. В. Бартольд в] статье «Чингиз-хан» из «Энциклопедии ислама» [высказывает предположение]: «Так как Темучин, как сообщают, получил свое царское имя от шамана, то слово „Чингиз“, вероятно, заимствовано из области (еще недостаточно изученной) религиозных представлений монголов» [2, т. 5, с. 619]¹⁴.

Большинство попыток дать объяснение остающемуся до сих пор загадочным титулу «Чингис» основаны на сближении слова «чингис» со словом «sing», действительно существующим в монгольском языке со значением «очень», «действительно», «истинный», «настоящий» («sing ᠶᠡᠨᠡᠮ» — «истинная правда»; «sing jorig» — «твердое, непоколебимое намерение»). Слово это является очень давним заимствованием из китайского языка¹⁵. Но если первый слог слова «чингис» в монгольском языке находится легко, то второй слог — «гис» — ни в качестве суффикса множественного числа, ни в качестве показателя превосходной степени не обнаружен ни в памятниках письменности, ни в живых диалектах монгольского языка (ср. [1, с. 310—311])¹⁶.

Когда слову «sing» придают значение «крепкий», «сильный», «твердый», то это происходит оттого, что его сближают со словом «сапга» («singa»), действительно значащим «сильный», «крепкий», «тугой».

{Отсюда объяснения, приведенные у Рашид ад-Дина]:

1. «По-монгольски „чин“ — значит «крепкий», а Чингиз — множественное число от него... обобщить (соотнести? — Ю. К.) это слово можно, например, с персидским „шаханшах“ [царь царей]» [9, т. 1, кн. 1, с. 167].

2. «Значение [слова] Чингиз такое же, как слова гур-хан, то есть сильный и великий государь» [9, т. 1, кн. 2, с. 252].

3. «Значение чин — сильный и крепкий, а чингиз — множественное от него число, [по смыслу] одинаковое с [наименованием] гур-хан... иначе говоря — государь сильный и великий» [9, т. 1, кн. 2, с. 150].

Титул «Гур-хан» принадлежит киданьским государям династии Западной Ляо (Си-ляо). Кроме них этот титул носил еще Джамуха, получивший его при избрании на ханский престол в 1201 г., явно в подражание киданям. Слово «гур» монголами XIV в. понималось как «всеобщий», «всемирный», «всеобъемлющий»¹⁷.

{В. В. Бартольд указывает:}

«Кара-китайские императоры, жившие около Баласагуна, назывались одинаково у мусульман и у монголов гурханами; этот титул не встречается, по-видимому, ни прежде, ни после, и происхождение его остается загадочным; мусульманские авторы придают ему значение „хан ханов“» [2, т. 5, с. 105].

Итак, согласно Рашид ад-Дину, слово «Чингис-хан» имеет смысл «шаханшах» — «царь царей», такое же, как «гур-хан», т. е. сильный и великий государь. Очевидно, Рашид ад-Дин или,

вернее, его информаторы хотя и не понимали этимологии слова «чингис», но внутренний смысл его растолковать могли.

Откуда у монголов могло появиться слово «чингис» со значением «царь царей», «всемирный государь».

Для разъяснения этого, мне кажется, следует обратиться к анализу тех форм написания слова «чингис», которые дошли до нашего времени.

Обычно в монгольских источниках это слово пишется «cing-gis». В языке же квадратной письменности оно писалось и проносилось «jinggis». В тибетских исторических сочинениях этот титул сохранился в форме «Джинг-гир»¹⁸. Вот эта-то форма и позволяет мне предложить новое объяснение этимологии слова «чингис».

В поисках этимологии слова «jingig» нам следует обратиться на Запад, так как на Востоке, т. е. у китайцев, корейцев, маньчуров, монголов объяснения ему мы не находим. Надо найти слово, которое значило бы «великий государь», «царь царей», «всемирный владыка» = «гур-хан» и звучало бы близко к «jingig». В персидском языке существует титул «Джехан-гир» — «Завоеватель мира».

Джехан-гир вполне законно может в устной передаче непосредственного народа перейти в форму «Джан-гир»¹⁹, а отсюда «Джангр»²⁰ у калмыков, где произошла полная редукция гласного последнего слога, подобно тому как калмыцкий «mänggrsn»²¹ образовался из «manggir/sun». Слово «Джан-гир», в свою очередь, в процессе устной передачи превратилось в «Джингир», подобно тому как «јауагап» — перешло в «jiya» — «судьба»; «jörigüü» — в «jürgüü» [— «кривой», «упорный»], «jabqagaqi» — в «jibqagaqa» — «исчезать», «становиться невидимым»²² и т. д. «Jingig» превратилось в «jingis», так как в монгольском языке *p* и *c* чередуются; одновременно существуют формы «бэлтэр» и «бэлтэс» — «волчонок»²³, «хабирга» и «хабис» — «ребро» и т. д.

Форма же «jingis» имеется в квадратной письменности, т. е. в диалекте, на котором говорили если не все, то какая-то часть придворных Хубилай-хана. А от «Джингис» до «Чингис» расстояние небольшое. Таким образом, Чингис значит «Джехан-гир» — вполне достойный титул для завоевателя половины мира того времени.

¹ Доклад «Об этимологии титула „Чингис“» был сделан Б. И. Панкратовым в ЛО ИЭ АН СССР в первой половине 70-х годов. Текст публикуется по рукописи доклада (без названия), хранящейся в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР (ф. 145 Б. И. Панкратова, находится в процессе обработки) вместе с отдельными листками, на которых написаны варианты тех или иных отрывков доклада или заметки, представляющие собой подготовительные материалы к докладу. Текст подготовил к печати, снабдил примечаниями и точными ссылками (преимущественно по сокращенным, имеющимся в тексте автора) Ю. Л. Кроль, который консультировался по нескольким вопросам по монголистике у И. В. Кулганек. Транскрипция монгольских слов у Б. И. Панкратова основана на русском алфавите с добавлением нескольких специальных

значков. По техническим соображениям слова, содержащие такие значки, переведены Н. С. Яхонтовой в традиционную латинскую транскрипцию без использования диакритики и с заменой буквы «гамма» русским «г».

² «Кут» в тюркских языках употреблялось, когда говорили о государе, и значило [это] тогда «Величество» (примеч. авт.).

³ В рукописи карандашом сверху написан вариант перевода — «сильный».

⁴ В рукописи после прилагательного «множественное» Б. И. Панкратовым добавлено существительное «число», в печатном издании «Сборника летописей» отсутствующее.

⁵ В печатном издании «Сборника летописей» в первом случае стоит «чин», а не «чинг»; в рукописи доклада описки — ссылка на кн. 1 (а не 2) тома 1 «Сборника летописей».

⁶ «Эрдэни-йин тобчи» [значит] «драгоценная история» [или] «драгоценное повествование», [а] не «пуговица!» (примеч. авт.). Здесь Б. И. Панкратов возражает против распространенного перевода этого названия как «драгоценная пуговица».

⁷ Как указывает Г. Н. Румянцев, эта же легенда повторяется и в тибетских сочинениях. К ней близка легенда, объясняющая титул «Чингис» как звукоподражание шуму крыльев птицы, усевшейся на шатер Чингис-хана (см. [1, с. 311—312, примеч. 297]; ср. [11, с. 11, примеч. 2]).

⁸ Здесь и ниже слова и выражения, записанные в рукописи доклада китайскими иероглифами, по техническим причинам передаются русской транскрипцией.

⁹ Ссылка на Мирхонда дана по Г. Н. Румянцеву (см. [1, с. 310, примеч. 2]). Д. Банзаров и Г. Н. Румянцев отмечают также мнение Абул-гази, что «Чингисхан» значит «наивеличайший» (см. [1, с. 175, 309, примеч. 294]).

¹⁰ Перевод немецкого слова «der Gewaltigste» русским «наигрознейший» принадлежит Эрдману (см. [11, с. 11]).

¹¹ Петя де ла Круа со ссылкой на Хондемира говорит об «имени Чингисхан, т. е. Хан Ханов» (= «царь царей» в переводе В. Григорьева [см. 4, с. 18]; ср. [4, с. 137—138, примеч. 40]), а в примечании указывает, что на татарском языке «Чингисхан» означает «хан сын хана».

¹² Ссылка дана по Г. Н. Румянцеву (см. [1, с. 311, примеч. 1]), который подверг критике мнение Лангль как несостоятельное. В. Григорьев указывает только стр. 198 труда Лангль (см. [4, с. 138, примеч. 40]).

¹³ К докладу Б. И. Панкратова подколоты два листка с китайским текстом из «Истории Хань» Бань Гу (32—92), на котором основано утверждение Д. Банзарова (см. [13, гл. 94А, с. 5310]), и переводом этого текста на русский язык. Перевод Б. И. Панкратова гласит: «...фамильное имя Шань-юй'я — Люань-ди, его подданные величают его „Чэн-ли гу-ту шань-юй“».

Сюн-ну „небо“ называют „чэн-ли“, „сына“ называют „гу-ту“. Шань-юй же означает „беспредельность“, т. е. символизирует обширность, беспредельность неба.

Вся фраза означает: „Сын неба — Шань-юй“» (ср. [7, с. 128, примеч. 83]).

¹⁴ В сводных обзорах этимологий титула «Чингис», данных В. Григорьевым в 1834 г. (см. 4, с. 137—138, примеч. 40)), Эрдманом в 1844 г. (см. [11, с. 10—15, примеч. 2]), Д. Банзаровым в 1849 г. и Г. Н. Румянцевым в 1955 г. (см. [1, с. 175—177, 309—310, примеч. 294]), приведено несколько мнений европейских ученых, не упомянутых Б. И. Панкратовым. В их числе можно назвать: 1) этимологию И. Л. Мосгейма: «Чингис-хан» = «Величайший хан»; 2) две этимологии, приведенные Виделу: китайская — Чим-киз-Хан = «Тиенсе» [т. е. «Тянь-цы»] = «Данный небом» и монгольская — Чим-кис-Хан = «Хан шума павлиньих крыльев» (отсюда Виделу делает вывод о заимствовании этого титула монголами из неизвестного им иностранного языка, где он имел смысл, который ему приписывали китайцы); 3) (неверную) этимологию д'Оссона «Хан могущественный». Н. Ц. Мункуев (уже после того, как Б. И. Панкратов сделал публикуемый доклад) подробно остановился на точке зрения В. П. Васильева, ранее критиковавшейся П. Пеллю, считавшего титул «Чингис» искажением китайского выражения «Тянь-цы» = «Дарованный небом». Он, как кажется, убедительно доказывает, что Тянь-цы «не является ни девизом правления, ни переводом или транскрипцией слова „чингис“, а есть точный

перевод монгольского эпитета *ṅgri-yin ḡggügsen* — „данный небом“, употребившегося перед титулом хана» (см. [8, с. 118—119 (примеч. 76), с. 182—183 (примеч. 385)]).

Ранее Б. И. Панкратов (в материалах к своему докладу об этимологии этнонима «монгол», прочитанному еще до публикуемого) писал: «Слова „тянь цы“, которые Чжао Хун предполагает эквивалентными „Чингис“, на самом деле есть формула *Möngke ṅgri kücün-dür*, см.: Мэн да бэй лу, л. 262—3; л. 1066—7».

¹⁵ На отдельном листке, приложенном к докладу, Б. И. Панкратов сопоставляет с «монгольским *ṅg*» «китайское *чэн* — настоящий, искренний, верный, честный, достоверный, надежный; *чэн* синь — искренне, с открытым сердцем, чистосердечно; *чэн* чжи — твердое намерение; *чэн* и — искренне, непритворно».

¹⁶ Ранее Г. Н. Румянцев высказывал такую же точку зрения, но давал несколько иное значение для слова «*ṅg*» — «совершенно, совсем; выражение звука, стука от упавшей вещи», указывая, что слово употребляется и как усиленная частица (см. [1, с. 310, примеч. 294]).

¹⁷ Интерпретация титула «Гур-хан», принадлежащая Б. И. Панкратову, включена Г. Н. Румянцевым в свой комментарий на статью Д. Банзарова «О происхождении слова „Чингис“» (см. [1, с. 313—314, примеч. 300]).

¹⁸ Поскольку особое значение для гипотезы Б. И. Панкратова имеет наличие формы «Джинг-гир» в тибетских исторических сочинениях, позволив себе высказать следующее соображение. В докладе, в цитате из Рашид ад-Дина, есть строки, на первый взгляд вызывающие недоумение. Повторим их: «У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в [самое] сердце знымы в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных [местностей] тех областей, садиться голым на лед. От тепла его [тела] замерзшая вода растаивала, и от воды поднимался пар» (см. выше). Почему Б. И. Панкратов привел эти предложения, не имеющие, казалось бы, отношения к теме доклада, а не оборвал цитату после рассуждения Рашид ад-Дина о значении титула «Чингис»? Перед нами, фигурально говоря, «ружье», которое «стреляет». Но так ли это? Под загадочными строками рукой Б. И. Панкратова написано по-тибетски и в русской транскрипции слово «тум-мо». Это слово означает «мистическое тепло»: «в более развитом мистицизме — особое внутреннее тепло, которое возникает после длительной медитации, когда подобная медитация сопровождалась своеобразной технической внутренней абсорбцией дыхания. Миларэпа говорит о „благословенном тепле тум-мо“» [18, с. 524]. Видимо, Б. И. Панкратов полагал, что Тэб-Тэнгри владел техникой, ведшей к образованию «мистического тепла» (почему под ним и таял лед, как тает снег под тибетским тантриком-сидхом, сидящим на нем в состоянии медитации), и считал это значимым в контексте своего доклада. Не потому ли, что это могло указывать на тибетские контакты шамана Тэб-Тэнгри, у кого-то перенявшего тибетскую мистическую практику? Если такие тибетские контакты в самом деле имели место, это повышает вероятность того, что Тэб-Тэнгри мог слышать от тибетцев слово «Джинг-гир», а ведь, согласно Рашид ад-Дину, именно Тэб-Тэнгри дал Тэмуджину титул «Чингис».

¹⁹ На отдельном листке, приложенном к докладу, Б. И. Панкратов говорит о том, что «Джангир» «вполне законно может быть стяжением слова „Джехангир“ — „Завоеватель мира“».

²⁰ В этой связи Б. И. Панкратов на отдельном листке, приложенном к докладу, цитирует Б. Я. Владимирцова: «Самое имя Джангар есть заимствованное персидское Джехан-гир (завоеватель мира)» [3, с. 26]. Он добавляет к этому цитату из В. В. Бартольда: «...есть предположение, что в Персии получил начало популярный теперь среди монголов и калмыков эпический цикл, связанный с именем богатыря Джангара (может быть, персидское *джехангир* «завоеватель мира»)» [2, т. 6, с. 193].

²¹ На отдельном листке, приложенном к докладу, Б. И. Панкратов указывает значение этого слова — «*wilde Zwiebel, Knoblauch*» («дикий лук, чеснок»).

²² На отдельном листке, приложенном к докладу, Б. И. Панкратов приводит еще несколько примеров подобного перехода.

²³ На отдельном листке, приложенном к докладу, это слово имеет помету «Баит.», т. е. слово баитского говора.

Литература

1. *Банзаров Доржи*. Собрание сочинений. М., 1955.
2. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968; Т. 6. М., 1966.
3. *Владимирицов Б. Я.* Ойратско-калмыцкий героический эпос (О Джангре). Элиста, 1967.
4. *История монголов*. От древнейших времен до Тамерлана. Пер. с перс. [Василия Григорьева]. СПб., 1834.
5. *История первых четырех ханов из дома Чингисова*. Пер. с Китайского Монахом Иакинфом. СПб., 1829.
6. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niġuġa tobġiуan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.—Л., 1941.
7. *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. [Вып. 1]. М., 1968.
8. *Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. П. Мункуева. М., 1975.
9. *Рашид ад Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова; Т. 1. Кн. 2. Пер. с перс. О. И. Смирновой. Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. А. А. Семенова. М.—Л., 1952.
10. Старинное китайское сказание о Чингисхане. Пер. с кит. архимандрита Палладия.— Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877.
11. *Эрдман*. К истории Чингис-хана.— Отд. отд. из «Журнала Министерства Народного Просвещения». 1844, № 11.
12. Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Т. 1. Текст. Изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. М., 1962.
13. Хань шу бу чжу («История Хань» с дополнительными комментариями). Ван Сянь-цянъ (сост. доп. ком.). Пекин, 1959 (на кит. яз.).
14. *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses*, verfasst von Ssanang Sselzen Chungtaidschi der Ordus; übersetzt von I. J. Schmidt. St. Petersburg, 1829.
15. *Hammer-Purgstall*. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.
16. *Langlès*. Notices de l'Histoire de Djenguyz-khan.— Notices et Extraits des Manuscripts de la Bibliothèque Nationale, V. P., An. VII (1799).
17. *Pe'tis de la Croix*. Histoire du grand Genghizcan premier empereur des anciens Mogols et Tartares. P., 1710.
18. *A Tibetan-English Dictionary* by Sarat Chandra Das. Calcutta, 1902.
19. *Vie de Djenghiz-Khan*, par Mirkhond (text persan). P., 1841.

Т. И. Султанов

**ИЗВЕСТИЯ «ШЕЙБАНИ-НАМЕ»
МУХАММАДА САЛИХА О МОГОЛАХ
(XVI в.)**

История моголов¹, игравших заметную роль в процессе исторического развития народов Центральной и Средней Азии XIV—XVII вв., остается до настоящего времени гораздо менее изученной, чем это возможно по количеству и качеству доступных ориенталистам источников [2]. Главный источник для XIV—XVI вв. — «Тарих-и Рашиди», сочинение восточнотуркестанского историка Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата, написанное в 40-х годах XVI в. Немало существенных дополнений и поправок к известиям Мирзы Хайдара Дуглата дают тимуридские источники, в особенности «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» Му'ин ад-Дина Натанзи, «Зафар-наме» Йезди, «Матла ас-садайн» Абд ар-Раззака Самарканди и «Записки» Бабура [8, с. 79]. Значительный по объему материал о моголах содержится в так называемых сочинениях шейбанидского круга, т. е. в различных по форме и языку исторических произведениях, написанных в начале XVI в. по поручению, одобрению или при прямом участии основателя государства Шибанидов в Средней Азии Мухаммада Шейбани-хана (ум. в 1510 г.): «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» анонимного автора, «Фатх-наме» Шади, «Шейбани-наме» и «Футухат-и хани» Бинаи, «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха и др. И наконец, история Моголистана и Восточного Туркестана XVI—XVII вв. наиболее полно и последовательно отражена в «Хафт иклим» Амина б. Ахмада Рази, «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали, «Хронике» Чураса, «Тарих-и Кашгар» анонимного автора XVIII в. [23, с. 112—138].

В настоящей статье мы рассмотрим сведения «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха, характеризующие взаимоотношения моголов с узбеками Средней Азии в начале XVI в. Сочинение Мухаммада Салиха не привлекалось еще для изучения истории моголов, хотя оно является ценным источником, сохранившим важные сведения, которые отсутствуют у других авторов, как, например, сообщения о границах владений могольских ханов, о составе могольского и узбекского войск, об условиях освобождения плененных могольских ханов и т. д. Сообщения Мухам-

мада Салиха о моголах дополнены нами рассказами Мирзы Хайдара Дуглата, повествующих о тех же сюжетах, но с иных позиций, политических и династийных.

Мухаммад Салих достаточно известная личность. Его имя упоминается в трудах ряда мусульманских авторов, писавших в XV—XVI вв. и позже, — Абд ар-Раззака Самарканди, Алишера Навои, Бинаи, Бабура, Хондемира, Васифи, Хаджжи Лутфа Али-бека и др. Ему посвящена специальная работа на узбекском языке советского тюрколога А. М. Акрамова [3].

Мухаммад Салих происходил из служилой аристократии. Его предок Шах Малик был эмиром при Тимур-Гургане. Отец его, Нур Саид-бек, по происхождению хорезмиец, долгое время управлял областью от Чарджуя до Адака, «являлся полновластным и вполне самостоятельным владельцем при дворах обладателя счастливой судьбы Абу Саид-мирзы, Улугбека и Джуки-мирзы» [4, с. 174]. Он был также поэтом и писал стихи на фарси [4, с. 77]. В самом «Шейбани-наме» и в сочинении Хаджжи Лутфа Али-бека Мухаммад Салих назван просто «чагатайцем» [18, с. 211; 25, с. 21]. По словам Бинаи, хорошо знавшего нашего автора, Мухаммад Салих происходил из племени билкут [17, с. 128]. По предположению Г. Вамбери, он родился в период между 1451—1455 гг. Эта дата принята некоторыми современными исследователями [13, с. 290], хотя А. Н. Самойлович еще в 1908 г. высказал сомнение относительно ее верности [18, с. XIV]. Согласно сведениям Абд ар-Раззака Самарканди, в 872 г. х. (1467/68 г.) семью Мухаммада Салиха постигло несчастье, и его отец вынужден был покинуть Хорезм [18, с. X—XIII]. Об этом эпизоде сам Мухаммад Салих сообщает лишь несколько фраз [18, с. 18]. Вскоре отец его умер «от притеснения» тимуридских владельцев [18, с. 211], и он «вырос в великом унижении, перенес много обид и огорчений» [18, с. 18]. В 901 г. х. (1495/96 г.), когда Бабур в первый и последний раз видел Мухаммада Салиха, тот состоял на службе у Ходжи Яхьи [7, с. 51], младшего сына небезызвестного Ходжи Ахрара. С приходом Шейбани-хана в Мавераннахр Мухаммад Салих перешел к нему на службу.

Мухаммад Салих был не только свидетелем, но и активным участником тех бурных политических событий начала XVI в. в истории Средней Азии, которые привели к крушению империи Тимуридов и установлению в Мавераннахре власти Шибанидов. Поддерживая Шейбани-хана, основателя новой династии, мечом и пером, Мухаммад Салих быстро выслужился перед ним: некоторое время он управлял Бухарой, позже, в 910 г. х. (1504/05 г.), Чарджуем [18, с. 197, 207—211], а в 1507 г. мы видим его в качестве верховного уполномоченного Шейбани-хана по культурным делам в завоеванном кочевыми узбеками Герате [11, с. 66—67, 69—70].

Мухаммад Салих оставался верным слугой Шибанидов до своей смерти. Согласно сведениям Хаджжи Лутфа Али-бека, ав-

тора XVIII в., он умер в 941 г. х. (1534/35 г.) [25, с. 21]. Эта же дата приводится и у Ризы Кулихана в его «Маджма' ал-фу-саха» [28, с. 56]. По «Музакир-и ахбаб» [27, с. 313], у него был сын по имени Мирза Улугбек; он писал стихи на фарси и тюрки; за какие-то заслуги Шейбани-хан отдал ему в удел крепость Неса, но тот вскоре умер.

По словам Бабура, династийного и политического противника Шейбани-хана — покровителя Мухаммада Салиха, последний был человеком «по натуре своей злым, жестоким и безжалостным» [7, с. 210]. Навои, напротив, характеризует Мухаммада Салиха как «деликатного молодого человека» склонности и действия которого не соответствуют склонностям его отца, человека «крайне порочного по поступкам и характеру» [4, с. 174]. «В его натуре много тонкости и вкуса, — говорится далее в „Маджалис ан-нафаис“, — и в каллиграфии он хорош».

По призванию Мухаммад Салих был поэтом, еще в молодые годы в соответствии со своим именем избравшим тахаллус (поэтический псевдоним) «Салих» (букв. «праведный, честный, добрый»). Он принадлежал к тем тюркским по происхождению писателям, которые по своему воспитанию, окружавшей их культурной среде, по своей общественной и литературной деятельности были двуязычными. Навои и Хаджи Лутф Али-бек приводят образцы его персидских стихов и не упоминают его тюркские стихи [4, с. 175; 25; с. 22]. У Бабура цитируются и персидские, и тюркские стихи Мухаммада Салиха [26, л. 76а, 181а, 252а]; причем отмечается, что «у него есть [персидские] газели со вкусом, но изящества [букв. «гладкости»] в них меньше, чем вкуса. Есть у него и тюркские стихи; они написаны недурно» [6, с. 277]. По мнению проф. М. Ф. Кёпрюлю, тюркские стихи Мухаммада Салиха были написаны, по всей вероятности, в период его службы у Шейбани-шаха в качестве придворного поэта [27, с. 312], т. е. после 905 г. х. (1499/500 г.). К этому же периоду относится и создание «Шейбани-наме» — самого крупного сочинения Мухаммада Салиха на тюрки.

Впервые «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха был введен в научный обиход венгерским ориенталистом Г. Вамбери, осуществившим в 1885 г. полное издание единственно известного тогда списка этого памятника с переводом на немецкий язык, примечаниями и введением [29]. В востоковедной науке давно считается установленным, что издание или перевод текста, сохраненного одним списком и исключающего, таким образом, критичность издания и перевода, сопряжено с рядом специфических трудностей текстологического порядка и известным риском дать повод специалистам к многочисленным поправкам печатного текста и перевода. Так случилось и здесь. Последующее сличение текста издания с текстом рукописи показало, что в издании Г. Вамбери действительно содержатся ошибки. Поскольку их оказалось весьма много, было решено переиздать сочинение Мухаммада Салиха. Новое, исправленное издание

«Шейбани-наме», начатое П. М. Мелиоранским и завершенное А. Н. Самойловичем, вышло в свет в 1908 г. [18]. Оно содержит 225 страниц текста, две страницы предисловия, краткие сведения о «Шейбани-наме» и его авторе, а также указатели. Несмотря на то что в основу переиздания положена та же единственная венская рукопись, оно отличается многими достоинствами. Издатели проделали большую и сложную текстологическую работу по восстановлению правильного чтения неясных мест текста и достигли в том крупных результатов. В новом издании число непонятных слов и не совсем ясных стихов сведено до минимума; все такие случаи отмечены издателями в подстрочных примечаниях. Таким образом, благодаря кропотливому труду двух крупнейших русских тюркологов мы имеем ныне вполне надежный печатный текст одного из важнейших памятников тюркской литературы XVI в.

По жанру «Шейбани-наме» — историческая поэма. Она состоит из 76 глав, далеко не равнозначных как по значимости сообщаемых сведений, так и по размерам каждой главы. Самая маленькая глава заключает в себе лишь три стиха [18, гл. 13, с. 17], а самая большая — 414 стихов [18, гл. 47, с. 96—116]. В печатном тексте поэмы всего 4435 стихов. Судя по тому, что в венском списке, легшем в основу двух изданий, имеются лакуны, о чем будет сказано ниже, авторский текст поэмы содержал не менее 4500 стихов или даже больше.

О мотивах, побудивших взяться за такой большой труд, сам автор сообщает в гл. 15, которая носит название «Причина сочинения книги» [18, с. 18—21]. Он пишет, что, когда волею всевышнего на его семью обрушилось несчастье и из рук его отца «ушла страна Хорезм — Хиван (Хива) и крепость Кят», он, Мухаммад Салих, долгое время скитался по Хорасану, пережил много злоключений пока, наконец, не попал к Шейбани-хану, который его обласкал и принял к себе на службу. По словам нашего автора, Шейбани-хан и впоследствии проявлял благосклонность к нему. В благодарность Мухаммад Салих решил сочинить месневи о ратных подвигах своего благодетеля и покровителя. С этой мыслью он обратился к хану, Мухаммад Шейбани «одобрил его просьбу».

В венском списке «Шейбани-наме», переписанном «рукой раба божьего грешного Касима в последний день джумади алаввал девятьсот шестнадцатого года» [18, с. 225], т. е. 4 сентября 1510 г., дата написания сочинения не указана. Однако, привлекая данные самой поэмы, мы можем установить время ее составления достаточно точно. Так, в последней главе говорится о том, что раньше Шейбани-хану покорились Бухара, Самарканд, Ташкент, Хисар, Кундуз, Яссы, Сауран, а «теперь всевышний передал ему и Хорезм». Сделай так, пишет далее автор, обращаясь к всевышнему, чтобы Кермине и Хорасан, Йезд, Багдад и Исфахан, Египет и Сирия тоже покорились ему [18, с. 224]. Известно, что Хорезм был завоеван в конце лета

1505 г., а в пределы Хорасана Шейбани-хан со своими силами вступил в мае 1507 г. Следовательно, время окончания поэмы можно датировать между второй половиной 911 и 912 гг. х., т. е. второй половиной 1505 и 1506 гг.

Без выяснения источника исторических сведений, как свидетельствует неоднократный исследовательский опыт, невозможно правильная их интерпретация [9, с. 279]. Вместе с тем нельзя верно оценить достоверность источника без учета, в частности, целей и задач, которые были поставлены при создании произведения, без выяснения классовый и политической тенденции автора. В этой связи уместно отметить, что выявление источников «Шейбани-наме» не составляет особого труда. В поэме последовательно описываются военные походы Шейбани-хана и его сподвижников с 1500 по 1505 г. Из содержания поэмы со всей очевидностью вытекает, что ее автор не пользовался какими-либо письменными источниками, а описал события со слов непосредственных участников походов — шибанидских султанов и на основе личных наблюдений. По словам поэта, главным его информатором был сам Шейбани-хан [18, с. 145]. Естественно, что социальный состав информаторов и общественное положение Мухаммада Салиха, как придворного поэта, во многом обусловили характер сочинения: поэма отличается откровенной династийной и политической тенденциозностью. Это обстоятельство следует строго учитывать при использовании «Шейбани-наме» как исторического источника.

Турецкий ученый М. Ф. Кёпрюлю характеризует поэму Мухаммада Салиха как «сухую и пристрастную историческую хронику» и заявляет, что в литературном отношении она не обладает какими-либо достоинствами [27, с. 313]. Это мнение, несомненно, основано на высказывании Бабура. «Позже, — отмечает он в своих „Записках“ о Мухаммаде Салихе, — он отправился к Шейбани-хану. Одним словом, тот оказал ему покровительство, а Мухаммад Салих написал в честь Шейбани-хана месневи на тюрки в размере рамаль шестистопный усеченный, т. е. в размере [поэмы Джами] „Четки“. Это очень слабое и несовершенное произведение. Человек, который его прочтет, теряет веру в поэзию Мухаммада Салиха» [26, л. 181а]².

Поэма, действительно, не богата замыслом, в ней нет художественного открытия. Более того, в изданном тексте по меньшей мере в двух местах отмечается нарушение размера стиха [18, с. 147, стк. 17, с. 197 стк. 68]. Встречаются и мелкие неточности. Так, в месневи говорится о том, что поход шибанидских султанов на Ура-Тепе состоялся «летом» [18, с. 88]; в действительности это событие произошло весной, да и в самой поэме после этого сообщения описывается весенняя картина. Анализ текста с полной очевидностью показывает, что отмечаемые в поэме мелкие неточности являются результатом поэтической вольности автора и что они были вызваны необходимостью соблюдать стихотворный размер сочинения. В этой связи небезын-

тересно отметить также употребление Мухаммадом Салихом старого топонима «Согд»³ там, где по контексту должно быть многословное «Мавераннахр» [18, с. 122 стк. 10, 11]. Есть в поэме и не совсем ясные стихи. Очевидно, месневи имеет и другие недостатки.

Тем не менее оценку Бабура, данную сочинению Мухаммада Салиха, нельзя признать соответствующей действительности. Бабур был, конечно, большим знатоком поэтики и крупным поэтом, но здесь он явно не объективен. Резкость выпадов автора «Записок» (см. выше его характеристику самому Мухаммаду Салиху) вызвана, по всей вероятности, принадлежностью Салиха к враждебному Тимуридам политическому лагерю и тем обстоятельством, что в месневи о действиях Бабура в Самарканде в 1500/01 г. говорится в осуждающем тоне [18, с. 47—64].

Научная оценка достоинств и недостатков «Шейбани-наме» как поэтического произведения нуждается в специальном исследовании, и такого рода работу мы вправе ожидать от тюркологов-литературоведов. Для нашей задачи достаточно отметить, что месневи Мухаммада Салиха написан на хорошем чагатайском языке с незначительным количеством арабизмов и фарсизмов. Повествование на всем протяжении поэмы живое, выразительное и отличается простотой стиля. Ясность стиля во многих местах сочетается с очевидным даже неспециалисту эстетическим изяществом и красотой стихов. Главное достоинство месневи состоит, на наш взгляд, в том, что там языком поэзии изображена действительная жизнь той эпохи в истории Средней Азии, которую Мирза Хайдар Дуглат называет в своем «Тарих-и Рашиди» «тревожным временем», стихами описано обыденное, все то, что окружало главного героя поэмы Шейбани-хана в реальности.

Источниковедческое значение сочинения Мухаммада Салиха неоднократно отмечалось в трудах отечественных и зарубежных ориенталистов. Так, В. Г. Розен, определив «Шейбани-наме» как «первостепенный источник для описываемой им эпохи», писал еще в 1886 г.: «Мы поэтому усердно рекомендуем нашим знатокам и ревнителям джагатайского языка и среднеазиатской истории новый памятник» [19, с. 52]. О высокой оценке специалистами-тюркологами поэмы Салиха красноречиво свидетельствует ее переиздание в 1908 г., о котором говорилось выше. Как исторический источник «Шейбани-наме» продолжает привлекаться и теперь. Однако исследования, специально посвященного «Шейбани-наме», нет⁴. Между тем сочинение Мухаммада Салиха интересно во многих отношениях [17, с. 129—130; 5, с. 20—21], и изучение его вполне отвечает одной из задач востоковедной науки — сделать доступным для широкого круга главные литературные памятники и исторические источники на языке народов Востока.

В «Шейбани-наме» систематизация материала проведена по тем же принципам, что и в подавляющем большинстве сочине-

ний мусульманских авторов, а именно: материал сгруппирован по событиям, а описание событий расположено в хронологическом порядке. Мухаммад Салих нигде не приводит конкретной даты. Время того или иного события обычно обозначается в поэме выражениями «с наступлением лета», «весной», «зимой того года, когда», «спустя столько-то месяцев после такого-то события» и т. п. Стоит также отметить, что в месневи Мухаммад Шейбани-хан чаще именуется титулом «Имам аз-заман халифе-и ар-рахман». Верховный правитель моголов тех лет Махмуд-хан и его младший брат Ахмад-хан почти всегда именуются в поэме своими прозвищами, соответственно «Ханике-хан» и «Алача-хан».

Связное изложение событий, где фигурируют собственно моголы — подданные Махмуд-хана, начинается в «Шейбани-наме» с гл. XLII, которая называется «Поход на моголов и ограбление Шахрухие, вилайета Ханике-хана, имевшие место зимой того года, когда Имам аз-заман халифе-и ар-рахман овладел Самаркандом» [18, с. 85—88] ⁵.

В середине зимы [т. е. зимой 907 г. х. (1501/02 г.)], пишет Мухаммад Салих, Шейбани-хан отдал приказ по улусам, чтобы султаны и бии собрались в Самарканде. Когда все военачальники прибыли на назначенное место сбора со своими отрядами, хан уведомил их, что намерен идти походом на моголов. Многочисленное войско в сопровождении большого обоза со свитой и приближенными хана двинулось в сторону крепости Дизак. Миновав крепость, устроили привал. Оттуда шеститысячный отряд во главе с младшим братом хана Махмуд-султаном отправился вперед на Шахрухие. Перед отрядом была поставлена цель переправиться через Сырдарью, атаковать моголов и блокировать Шашскую и Сайрамскую дороги до прибытия основных сил во главе с Шейбани-ханом. Вместе с Махмуд-султаном отправились Тимур-султан, Хаджжи-Гази, Джан Вефа-бий, Канбар-бий, Шейх-Марид.

Та зима, говорится далее в месневи, выдалась очень холодной ⁶, так что султаны и «карачины» были одеты кто в куньи шубы, а кто в шубы из меха красных лисиц. Поскольку Сырдарья замерзла, «словно камень», отряд Махмуд-султана легко переправился на другой берег реки и подступил к крепости. Могольские военачальники не решились «выйти из кургана» и дать бой. Воины султана рассыпались по окрестностям и в течение двух дней занимались грабежом и разбоем. Тем временем Ханике-хану доложили, что с той стороны прибыли войска неприятеля. Ханике держал совет со своими беками. Совет военачальников счел целесообразным не выступать против Шибанидов. Скоро прибыл сам Шейбани-хан и расположился на берегу Сырдарьи, решив, что произойдет большое сражение. Поскольку моголы не выступили, последовал приказ, чтобы Махмуд-султан присоединился к хану. Воины султана прибыли, отягощенные награбленным. Еще один день провели в ожида-

нии неприятеля, затем двинулись на Молкент, оттуда на Самарканд. Там войны разошлись по «своим местам».

С наступлением лета⁷, пишет Мухаммад Салих в следующей главе [18, с. 88—92], хан вновь отдал приказ собрать войска. Местом сбора был назначен Дешт-и Сабат. Когда войска собрались, хан и султаны провели несколько «заседаний», где было решено идти на Ура-Тепе. Хакимом Ура-Тепе, говорится в месневи, был в то время Мухаммад Хусейн. Он приходился зятем Ханике-хану и «процветал в его меджлисе». В среде моголов его род называли «оглат» (так! что соответствует у узбеков племени «конграт»). Он располагал почти двумя тысячами нукеров. Крепость была хорошо укреплена и обнесена снаружи двумя рядами рвов, заполненных водой. Шейбани-хан не стал осаждать Ура-Тепе, а решил взять ее измором. Его войска блокировали выходы и подступы к крепости и в течение пяти дней грабили окрестные села. Положение осажденных стало ухудшаться с каждым днем, и через несколько дней Мухаммад Хусейн запросил мира. Хан принял предложение; был составлен «Сулх-наме». В это время прибыл некто и доложил, что Хусрав-шах — единомышленник Ханике-хана — находится в Хузаре. Шейбани-хан отбыл в Хузаре. Мухаммад Хусейн подался к Ханике-хану, доложил ему о случившемся и стал уговаривать идти на Танбала. Танбал — один из нукеров ваших, говорил он, нынче является самостоятельным правителем Андижанской области. Он почитает нас слабыми и постоянно грабит наши эли. Если вы согласуете ваши действия с Шейбани-ханом, то мы быстро покончим с ним. Эта мысль показалась всем разумной, и она была принята к действию. Ханике-хан написал письмо Шейбани-хану.

Содержание письма, которое приводится в следующей главе поэмы [18, с. 92—93], очевидно, сильно переработано Мухаммадом Салихом. Во всяком случае, по стилю письмо мало напоминает послание суверенного государя. Махмуд-хан называет себя здесь «старинным слугой» Шейбани-хана. «С тех пор как вы овладели Туркестаном, — говорится в письме, — я не щадил себя ради вас: когда брали крепости, я был вашим другом-товарищем; был подмогой-помощью в дни битв и сражений»⁸. Теперь, писал хан моголов, Самарканд стал вашим и вы перестали обращать внимание на меня, предали забвению мою службу. Он просит Шейбани-хана не относиться к нему как к «чужаку». Что касается Бабура, то «не печальтесь — его дела подошли к концу. Если я и оказал ему поддержку, то сделал это из-за наговоров ничтожных людей». Далее автор письма призывает к великодушию и сообщает, что ему досаждают Танбал и ставит в трудное положение. «Если бы вы заключили мир со мной или сами выступили на Хисар, я бы направил свою конницу, на Танбала отправился бы я».

Письмо Махмуд-хана было получено, когда Шейбани-хан прибыл в Самарканд. Оно не имело ожидаемых последствий:

мир не был достигнут и отношения между двумя государями оставались натянутыми. Махмуд-хан отправился в поход на Танбала без поддержки Шейбани-хана [18, с. 114]⁹.

Некоторое время спустя Шейбани-хан вновь собрал войска и пошел на моголов [18, с. 116—121]. Когда прошли Ура-Тепе, получили известие, что в Ходженде находится шахзаде Джихангир и с ним Гариб барлас. Также стало известно, что Ханнике-хан отправил на поддержку Джихангира своего бека по имени Санджар. Шейбани-хан повернул на Ходженд. Узнав о приближении хана, Джихангир бежал в горы. В крепости остались Гариб барлас и Санджар с шестью тысячами воинов. Хан подступил к крепости и предложил сдать город, но получил отказ. Началась осада. После нескольких атак крепость была взята приступом. По приказу Шейбани-хана его воины устроили «всеобщую резню» и под конец подожгли дома. «Огонь охватил город, — пишет Салих, — не осталось ничего, что не сгорело бы в том пламени». Покинув разграбленный горящий город, хан направил поводыя в свою столицу, Самарканд.

Новый поход на моголов состоялся через месяц после ходжендских событий [18, с. 121—125]. В оправдание похода автор «Шейбани-наме» выдвигает два мотива: 1) моголы Ханнике-хана вот уже в течение двух лет беспрестанно грабят и разоряют «эль Согда» (население Согда); 2) Алача-хан, прибывший из Турфана на помощь брату, произнес «хвастливую речь», которая привела в сильный гнев Шейбани-хана.

В настоящее время, говорится в этой главе месневи, падишахом моголов является Ханнике-хан, человек «способный и рассудительный» [18, с. 78]¹⁰. Столица его — город Ташкент. Ему принадлежали также Шахрухие, Ура-Тепе и «множество» других крепостей. «На одной стороне его владений Сайрам, а на другой — Дизак и Иургам». «У него до сорока тысяч моголов», — уверяет Мухаммад Салих. Тем не менее Махмуд-хан не мог справиться с Шейбани-ханом и призвал на помощь своего младшего брата Алача-хана. Мухаммад Салих характеризует Алача-хана как храброго воина и мужественного человека¹¹. Далее сообщается, что резиденцией его является город Турфан и что он постоянно враждует с калмаками.

На этот раз Шейбани-хан издал приказ, согласно которому «все султаны, карачины и огланы» должны были явиться на место сбора с домочадцами, ибо «пока дело моголов не завершится, ни один султан не вернется в свое владение». Когда войска собрались, Шейбани-хан отправил тем двум ханам свою газель, где он называет их непокорными и грозит наказать их [18, с. 123—124]. Получив послание предводителя кочевых узбеков, ханы стали готовиться к войне: собрали все свое войско, приготовили необходимое снаряжение, раздали войсковой провиант и т. д. На состоявшемся совете военачальников была выработана программа действий. Могольские ханы и сановники решили, что будет разумнее не скрещивать оружие с Шей-

бани-ханом в открытом бою. В кургане Ура-Тепе и крепости Наррату, рассуждали они, которые находятся на пути узбекского войска, до 5 тыс. воинов. Взять эти хорошо укрепленные крепости неприятелю будет нелегко, а не захватив их, враг не двинется вперед. Пока Шейбани-хан будет осаждать крепости, могольские ханы намеревались отправиться с войском на Андижан и отвоевать его у Танбала. Чтобы Шейбани-хан не разгадал их замысла, ханы отправили ему посла с предложением мира. Сами тотчас же снялись с места и в осуществление плана двинулись в сторону Андижана. По дороге атаковали крепость Ахси, но не смогли взять ее. Совершив оттуда несколько переходов, устроили привал в местности «Архиан, что между Ахси и Андижаном».

Посол прибыл к Шейбани-хану, когда тот «пересек воды Кухака», и доложил о предложении могольских ханов [18, с. 126—128]. Разговор был коротким. Хан объявил послу, что до тех пор, пока его войска не достигнут Ура-Тепе и не займут крепость, о перемирии не может быть и речи. Тем временем воины Шейбани-хана «захватили языка». Он рассказал, что Ханিকে-хан и Алача-хан с войском направились на Андижан. Узнав таким образом истинные намерения моголов, Шейбани-хан повернул на Андижан. Достигнув берегов Сырдарьи, устроили привал. Ночью двухтысячный конный отряд разведчиков переправился через Сырдарью и двинулся на Шахрухие. Вблизи крепости захватили в плен «около десяти всадников». Из их слов стало известно, что могольские ханы на пути в Андижан, что в кургане Шахрухие оставлен только Ахмад-бек. С этим известием отряд возвратился к Шейбани. Хан держал совет с султанами: было решено всех «худых коней» и тяжелый груз оставить в Ходженде. Согласно высочайшему повелению, каждый воин должен был взять с собой в предстоящий поход четырехдневный запас провизии, двух коней, а из защитных средств только латы и шлем. После недолгих сборов Шейбани-хан поднял войска и выступил с берегов Сырдарьи.

Одновременно был отправлен гонец к Танбалу с сообщением; что Шейбани-хан спешит на помощь и выручку «своего слуги» [18, с. 129].

Гонец, сообщается в следующей главе [18, с. 129—136], достиг пределов Маргинана и доложил обстановку старшему брату Танбала по имени Тильбе. Последний отослал посыльного к Танбалу, а сам поспешил навстречу Шейбани-хану с подарками. Поблагодарив хана за его благородные намерения, он доложил, что Ханিকে-хан и Алача-хан, по его сведениям, миновали Ахси и теперь пребывают в «городе Архиан». Чтобы ускорить окончание «дела моголов», Тильбе-бек предложил Шейбани-хану отправиться в Ахси, где имелись готовые суда для переправы, а для постройки плотов камыш. Хан согласился. К ночи достигли берегов Сырдарьи. После утреннего намаза началась переправа. Первыми переправились на плотках воины, затем «хан, сул-

таны и мирзы» на имевшихся четырех судах. Тот же час из Ахси прибыли «кази, муфти и даруга» с подарками и сообщили, что Ханике-хан и Алача-хан в пяти йигачах¹² пути от крепости. Шейбани-хан расположил свою ставку на правом берегу Сырдарьи, на расстоянии одного йигача от Ахси: утомленные за день войны отдыхали перед грядущей битвой. Скоро поступил высочайший указ: «Утром бой; в полночь выступаем на ханов». Воины «похлебали талкан»¹³ и стали готовиться к предстоящему сражению: кормили коней (кто «ячменным зерном», а кто «мукой, разбавленной водой»), мыли и расчесывали им гривы, точили сабли и копья, проверяли луки и стрелы, готовили белые и красные боевые значки. В назначенный час знаменосец поднял белое ханское знамя, и армия тронулась в поход.

Наступил решительный день. Могольские ханы, приготовив свои войска к бою, стояли в ожидании неприятеля. Под знаменем Алача-хана собрались 10 тыс. калмаков (?!) и около 10 тыс. моголов. Во главе другого отряда стоял сам Ханике-хан; с ним находились два сына Алача-хана и Бабур с 1000 воинов. «Было калмаков и моголов тридцать тысяч, а с челядинцами и слугами тысяч сто». По словам Мухаммада Салиха, внешний вид могольского войска представлял «диковинное зрелище»: «дивоподобные воины» в странных головных уборах и одеждах; кони, покрытые разноцветными попонами и украшенные котасами¹⁴ из «хвостов павших лошадей», и т. п. Кто был из них из «страны калмаков», кто «уроженцем Турфана», кто «выходцем из Хотана», чьей-то «родиной был Иссык-Куль», а кому-то «домом приходился могольский Аксу». Все они стояли в ожидании, приняв боевой порядок.

Грозный час битвы приближался.

Шейбани-хан не заставил себя ждать долго [18, с. 136—141]. Он прибыл на ожидаемое место сражения на рассвете, когда еще солнце только восходило на востоке. С ним явились 10 тыс. воинов. Мухаммад Салих отмечает, что «большинство его людей составляли шибановцы (шибанлык), [племена], издревле его роду причисленные». Далее приводится родо-племенной состав узбекского войска в следующем порядке: сихиут, кыйат (славные своими качествами), конграт (всеми уважаемые за свои качества), буркут (воинственные и мужественные), мангыт, найман (достоинные благодеяния), дурман (беспредельно преданные Шейбани-хану), уйсун (помощники-пособники хана), кушчи (привязанные искренней дружбой и преданностью), джалаир, карлук, сулдуз, нукуз, тама, татар, адгу, адлу-оглы, ички, ойрат.

Во главе конгратов стоял Хусейн Али, человек здравого ума и рассудительный, мангытов и адгу уругу — Хаджи Гази, адлу-оглы — Хамза-бий. Одним отрядом племени кушчи (300 человек) предводительствовал Купек-бий, а другим отрядом этого же племени — Яакуб-бек, «страшный выдумщик и острослов, доблестный воин». Он был кукельташем (молочным братом)

Шейбани-хана и приходился младшим братом «Карачин Дивану». Во главе найманов (до 700 человек) стоял сын Карачина Канбар-бий — бек левого крыла. Он был верным слугой Шейбани-хана и его кукельташем. Хан очень почитал Канбар-бия. Предводителем дурманов являлся «потомок Каджу Мергена» Джан Вефа-бий — военачальник правого крыла. Отважный рубака, он был одним из самых почитаемых беков среди приближенных хана. Под его началом находилось около 1000 человек. У племени ички было несколько предводителей — Абукоч, Джалбаш, Баубек. Их ополчение насчитывало «четыре тысячи узбеков, каждый из которых был другому брат и товарищ».

Воины многотысячной армии Шейбани-хана, составленной из различных племен, были выстроены в боевой порядок. Они следовали старинному обычаю разделения на правое и левое крыло. В частности, правое крыло составляли ополчения племен конграт, кыйат, мангыт, дурман, уйсун, ойрат. Во главе крыла стоял Махмуд-султан, младший брат Шейбани-хана. С ним находились Урус-бий, Алмеджук — пехлеван-единоборец и др. Численность войска левого крыла составляла «на взгляд» 1500 человек. Общее командование ополчениями племен этого крыла осуществлял Хамза-султан.

Каждый воин был с запасным конем, в шлеме, латах, расписанных стихами Корана; у всех были наготове «бухарский лук и черкесские стрелы».

Дальнейшее изложение рассказа Мухаммада Салиха о походе Шейбани-хана на моголов требует разъяснения. Дело в том, что в стихах 77—80 [18, с. 140] рассматриваемой главы говорится о смотре войска левого крыла, устроенного перед боем Хамза-султаном, а в следующих стихах, которые занимают в рукописи лист 137а, о том, как поступить с оказавшимися в плену могольскими ханами. Таким образом, в единственной венской рукописи «Шейбани-наме» и соответственно в издании отсутствует описание самого сражения и обстоятельств пленения двух могольских ханов¹⁵.

Итак, военное счастье оказалось на стороне Шейбани-хана: могольская армия была разбита наголову и оба предводителя моголов — Ханике-хан и Алача-хан — были пленены. На совете военачальников армии-победителя решался вопрос, как быть со знатными пленниками. По мнению Шейбани-хана, их следовало отпустить с миром. Такой поступок, убеждал он присутствующих на высоком совете, обернется благом, так как станет известным повсюду, все будут рассказывать, что-де два таких-то хана замыслили зло против такого-то хана, но по воле всевышнего оба они оказались побежденными на поле сражения, а тот, что один, — победителем. Все будут говорить, что победитель не вспомнил тогда о плохих поступках тех двух, а освободил их, проявив благородство. Затем привели пленных ханов. Шейбани приветствовал их и сообщил, что он не намерен убивать их. «Я отказываюсь от вашей крови, — сказал он, — от немощных

ваших душ отказываюсь. Будьте свободными от мысли о смерти, будьте спокойны душой». Чтобы ханы не сомневались в правдивости его слов, Шейбани-хан публично поклялся на Коране.

Через некоторое время шибанидские султаны вновь собрались на совет, чтобы окончательно решить участь ханов [18, с. 146—149]. Совет проходил бурно. Одни твердили, что Алача-хан опасен: «Он умен и дерзок, он слишком отважен и деятелен». Не будет от него нам покоя, не раскается он в содеянном. У него на родине большое войско. Если Ханике-хан объединится с ним, они смогут принести нам много хлопот и неприятностей. Другие напоминали присутствующим, что Шейбани-хан поклялся на Коране отпустить ханов с миром. Затем с речью выступил сам Шейбани-хан. Он напомнил султанам, что Ханике-хан не раз оказывал им услуги. Превратности судьбы неведомы, наставлял он, и мы не знаем, что будет с нами завтра. Сегодня же мы совершим доброе дело: владения Ханике-хана приберем к рукам, а самих ханов отправим на родину, в Моголистан.

Совет султанов закончился. Судьба ханов была решена.

По указанию Шейбани Ханике-хан должен был содержаться в ставке Махмуд-султана, а Алача-хан — в ставке Тимур-султана. Перед отправлением в ставки шибанидские султаны сообщили ханам об условии их освобождения. Согласно решению совета, сказали они, войска и владения Ханике-хана перейдут в наше распоряжение, а затем оба вы будете освобождены. Однако до тех пор, пока «Ташкент не отворит ворота и тамошние гуляки не сгинут прочь», вы будете содержаться у нас в оковах. Если вы хотите вернуть себе свободу, продолжали султаны, напишите письмо в Ташкент, чтобы ваши люди разрушили крепостные стены и покинули город. Город должны покинуть все моголы, в том числе и Ахмад-бек со своим отрядом. Причем Ахмад-бек должен увести с собой и сына Ханике-хана. Мать Ханике-хана и ее дочери пусть остаются в кургане. Мы скоро придем туда, сообщили в заключение султаны, и устроим той. «В противном случае дело ваше затруднится: хан опять придет в ярость».

Ханы приняли условия освобождения. Султаны доложили об этом Шейбани-хану. Он повелел, чтобы письмо Ханике-хана было доставлено адресату одним из нукеров Махмуд-султана.

Содержание письма Ханике-хана матери приводится в следующей главе поэмы [18, гл. 56, с. 149—151]. В этом письме он сообщает, что его армия разгромлена, он с Алача-ханом в плену и что Шейбани-хан поклялся на Коране сохранить им жизнь. «Вот что вам надлежит сделать», — писал он матери. Пусть люди улуса моего сына и люди других улусов, находящиеся в Ташкенте, покинут город вместе с Ахмад-беком и отправятся в Моголистан. Вы с принцессами оставайтесь в крепости: они будут выданы за шибанидских султанов, состоятся свадьбы. Да-

лее Ханике просит не беспокоиться и пишет, что он прибудет в город вместе с Шейбани-ханом. «Если вы желаете лицеизреть меня, не переизначивайте это мое слово. Отправленному гонцу преподнесите подарки, из сердца вырвите тернии печали. Мир вам и поклон. Окончено письмо».

Гонец с письмом Ханике-хана отбыл верхом из окрестностей Ахси в Ташкент, имея запасного коня [18, с. 152—156]. Он прибыл в город и передал письмо. Все было исполнено так, как в нем предписывалось. Сын Ханике-хана, Ахмад-бек и все моголы покинули город, предварительно «разрушив здешние свои дома». В полуразрушенном городе остались мать хана и ее дочери.

Первыми из Шибанидов в Ташкент прибыли Тимур-султан и Джанибек-султан с несколькими тысячами воинов. Вскоре подоспел и сам Шейбани-хан. Состоялись три свадьбы: Шейбани-хан женился на самой младшей дочери ханши, Тимур-султан — на средней, а Джанибек-султан — на старшей. Через несколько дней, в течение которых дома горожан и дворец Ханике-хана подверглись грабежу, Шейбани-хан направился в Самарканд, передав управление Ташкентом в руки Джанибек-султана. Переправившись через р. Чир, он отдал приказ освободить ханов из оков и доставить их к нему в ставку. Джан Вефа-бий отправился в город и доставил Ханике-хана и Алача-хана. С пленников «сбили оковы» и привели к Шейбани-хану. Предводитель узбеков приветствовал их и советовал не огорчаться тем, что они потеряли здесь свои владения. «Еще падут много элей и улусов, — утверждал хан. — Если голова будет цела, будет все». В заключение аудиенции Шейбани-хан сказал: «Я потомок Йуджи (т. е. Джучи. — Т. С.), а вы оба — потомки Чагатая. Очевидно всем, что мы дети одной матери-прародительницы и Чингис наш общий предок». Со времен Йуджи-хана и Чагатай-хана, продолжал Шейбани, между нашим родом и вашим родом не было крови; каждый самостоятельно правил в своем владении. И теперь пусть между нами не будет крови, а будет согласие и верность. Пусть Алача-хан первым отправится в свой улус, а ты, «Улуг-хан», отправляйся вслед за ним со своими домочадцами. С этими словами Шейбани-хан дал разрешение Алача-хану тронуться в путь, подарив ему коней и снаряжение. Через два дня разрешил отбыть в Моголистан и Ханике-хану. Он также получил верблюдов, коней и снаряжение. Проводив с миром двух могольских ханов, Шейбани-хан поднял свою войску и отбыл к себе в столицу.

Описанием поражения Махмуд-хана (Ханике-хана) и Ахмад-хана (Алача-хана) под Ахси сведения «Шейбани-наме» о моголах исчерпываются. В следующей главе поэмы содержится краткое сообщение о том, что зимой (909/1503-04 г.), когда Шейбани-хан стоял лагерем под Балхом, прибыл гонец из Ташкента и доложил, что Танбал со своими моголами напал на Ташкент и осадил Джанибек-султана. Хан отправил на помощь

осажденным Суйунджук-султана с отрядом, а сам двинулся на Кундуз, оттуда на Балдахшан [18, гл. 58, с. 161—162].

Приведем теперь в русском переводе сообщения историографа могольских хаканов Мирзы Хайдара Дуглата о прибытии Ахмад-хана в Ташкент на помощь Махмуд-хану и о совместных действиях двух братьев против Шейбани-хана. Сравнение данных «Шейбани-наме» и «Тарих-и Рашиди» интересно во многих отношениях: авторы принадлежали к различным политическим и династийным лагерям; в «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха мы имеем описание, составленное буквально «по горячим следам» событий, а в «Тарих-и Рашиди» — рассказы, слышанные Мирзой Хайдаром Дуглатом от своего отца, могольских эмиров и других «достойных доверия лиц» и записанные им спустя 40 с лишним лет после самих событий. Сравнение позволяет выявить в обоих сочинениях места, которые подверглись тенденциозной обработке со стороны или самих авторов, или их интерпретаторов. В совокупности эти источники дают возможность установить подробности того драматического для моголов события, которое разыгралось под Ахси, и вместе с тем точнее определить время самой битвы, которое нигде конкретно не указано.

Из первого дафтара «Тарих-и Рашиди»

«Рассказ о Султан Ахмад-хане, сыне Йунус-хана. ...Когда таким образом минул год, пришло известие о ратных победах Шахибек-хана (т. е. Шейбани-хана. — Т. С.) над Султан Махмуд-ханом, его любимым братом. Султан Ахмад-хан отправился в путь для того, чтобы оказать службу старшему брату. Мансур-хана, старшего сына своего, он оставил вместо себя и повелел величать его ханом. Двух других своих сыновей — Султан Абу Саида и Бабаджак-султана — он привел с собой в Ташкент. Свидание двух ханов состоялось в Ташкенте. Изложение различных обстоятельств, имевших место в то время, содержится во втором дафтаре. Словом, ханы обсудили дело Шахибек-хана. В конце концов между ханами и Шахибек-ханом произошла битва при Ахси. Хань потерпели поражение: оба они были пленены. Шахибек-хан, не переступая законов [справедливости], обошелся с ними достойным образом: он отпустил ханов с тем, чтобы они удалились в Моголистан. Большую часть людей могольского улуса, что находилась в тех краях, он задержал. Эти два хана отправились в Моголистан.

Ту зиму они провели в Аксу. Султана Ахмад-хана поразил тяжкий недуг. Усилия лекарей оказались напрасными, и в конце зимы девятьсот девятого года (февраль—март 1504 г.) Султан Ахмад-хан скончался» [16, В-648, л. 67аб; С-395, л. 836—84а; D-71, с. 102].

Из второго дафтара «Тарих-и Рашиди»

«...Когда известие [о трудном положении Махмуд-хана] дошло до высокого слуха Алача-хана, в подвластных ему районах Моголистана население бунтовало и устраивало беспорядки. Он сделал все от него зависящее для того, чтобы усмирить бунтовщиков. Затем, посадив на свое место своего старшего сына, Мансур-хана, он отправился ко двору старшего брата. Солнце Небес Халифства и Полнолуние Славы сблизились при благоприятном расположении звезд, в девятьсот седьмом году [1501/02 г.].

...Шахибек-хан, которому столь опрометчиво оказал поддержку Султан Махмуд-хан, завоевал Самарканд, Бухару и нанес поражение тимуридским султанам, в особенности Бабур-падишаху, который приходился [Махмуд-хану] племянником [по сестре] и был ему подобно сыну. Отныне Шахибек-хан сменил дух преданности и дружбы на мишуру высокомерия и самонадеянности и стал открыто бить в барабан ослушания.

Тем временем Султан Ахмад Танбал, который находился на службе у Омар Шейх Мирзы, хотя он и принадлежал по происхождению к могольским эмирам, поднял мятеж в Андижане, воспользовавшись нерешительностью хана. Придя к власти, он стал метать стрелы неповиновения, целясь в мишень султанства. Чтобы отразить его, ханы выступили вдвоем. Султан Махмуд-хан оставил в Ташкенте своего сына Султана Мухаммад-султана с многочисленным и сопровождаемым большим обозом войском, чтобы упредить вероломство врагов. Моего отца оставил в Ура-Тепе, чтобы он также противостоял Шахибек-хану. Ханы полагали, что последний не пройдет между двумя этими войсками. Между тем Шахибек-хан усмотрел в этих действиях благоприятный случай и воскликнул: „Пожалуй, никогда не застану впредь этих ханов с таким малочисленным войском!“ Он выступил без обоза и направился из Самарканда в Фергану. Следуя своим путем, он достиг Ура-Тепе. Люди крепости подумали, что он прибыл для осады, и занялись делами обороны. Между полуднем и закатом солнца неприятель расположился лагерем в непосредственной близости от города. После того как вселенная лишилась величественного сияния солнца и на глаза земных созданий опустилась чернота ночи, он [Шахибек] снял свой лагерь и тронулся в путь так спешно, что пока люди, находящиеся в крепости, выясняли, в каком направлении уходит неприятель, он удалился на расстояние нескольких фарсангов. Когда достоверно было установлено, что неприятель двинется в сторону Ферганы, [из крепости] отправили друг за другом несколько вестников, чтобы они известили [Махмуд-]хана о его приближении. Оба, вестник и неприятель, прибыли в одно и то же время. Ни войска Ташкента, ни войска Ура-Тепе не имели времени выступить. Вместе с ханами находилось около 15 тыс. человек. Причиной этого было то, что в начале года они уже

ходили походом на Танбала и изрядно потрепали его, так что у того не было прежней силы и могущества. Потому ханы были уверены, что на этот раз он предпочтет бегство сопротивлению. Бабур-падишаха они взяли с собой, чтобы после бегства Танбала посадить на трон его отца, а самим вернуться обратно.

Ханы не достигли еще Андижана. В Ахси, одной из сильно укрепленных крепостей того вилайета, укрывался брат Танбала, Шейх Баязид. Он повел переговоры об условиях подчинения; поэтому [ханы] расположились лагерем вблизи крепости. При таком стечении обстоятельств прибыл Шахибек-хан с 30-тысячным отборным войском, сопровождаемый султанами, как, например, Кучум-султан, Суйунджук-Султан, Джанибек-султан и пр. Таким образом, оставалось слишком мало времени, чтобы принять боевой порядок. Каждая враждующая сторона совершила несколько нападений и притворных отступлений. Поскольку в армии неприятеля было много [талантливых] военачальников, а численность их [войска] была превосходящей, ханы потерпели поражение.

Стих:

И впрямь, кто одолел слабого,
Тот сам потерпел поражение.

Кони ханов обессилили от усталости, и оба хана были схвачены в плен. Бабур-падишах бежал к южным отрогам Ферганских гор. Шахибек-хан проявил великодушие: после присоединения к своим владениям Ташкента он напомнил ханам о сделанном благодеянии и отпустил их на волю. Он сказал: „Я достиг своего могущества благодаря вашему вспомоществованию. Я захватил вас в плен, но не умертвил. Позволяю вам удалиться“.

...Словом, когда весть о пленении ханов достигла Ташкента, Султан Мухаммад-султан поднял всех своих людей, семейство свое, людей могольского улуса и удалился в Моголистан. Мой отец и дядя [по отцу] собрали из нажитого ими то, что могли увезти, и тоже последовали за ними.

Во время пребывания ханов в неволе Шахибек-хан сказал им: „Моим давнишним заветным желанием было связать себя [с вашим родом] брачными узами, но до сих пор [судьба] не жаловала меня. В осуществлении этого желания ныне устроим три бракосочетания“. Самая младшая сестра [Махмуд-]хана, по имени Давлат Султан-ханым, которая упоминалась выше, при перечислении детей Йунус-хана, сочеталась браком с Тимур-султаном, сыном [Шахибека]. Себе он взял Айше Султан-ханым, известную как Могол-ханым, а Джанибек-султан женился на Кутлук-ханым. Обе [последние] принцессы были самыми добродетельными из всех добродетельнейших женщин, целомудренными, яркими, как солнце, и непорочными, как лунный свет. Некоторые из их детей живы и теперь и заняты в Мавераннахре заботами правления.

По возвращении ханов на родину, в Моголистан, младший хан заболел: его разбил паралич. [Вскоре] он сменил престол ханского достоинства на ложе погребальных носилок и переселился из сада земных владений в цветник рая. Это случилось в конце девятьсот девятого года» [16, В-648, л. 886—906; С-395, л. 108а, 109а—1106; D-71, с. 133—136].

После этих рассказов сочинитель «Тарих-и Рашиди» приводит красочную легенду о причине болезни Ахмад-хана. Неожиданная болезнь и скорая смерть находившегося в расцвете лет хана [ему было неполных 39 лет, когда он умер], отличавшегося крепким телосложением и отменным здоровьем, казались загадкой его современникам и ближайшему поколению его родичей. А там, где неизвестность, рождается легенда. Родилась она и тут, и в свете той характеристики, которую дают Ахмад-хану мусульманские авторы, легенда эта выглядит правдоподобной. Вот она в передаче Мирзы Хайдара Дуглата.

«Раз я слушал раба божьего Ходжа Тадж ад-Дина Мухаммада, — пишет он, — который унаследовал от своих предков должность шейх-уль-ислама этой страны (и который действительно был благородным и почитаемым человеком, одаренным многими достоинствами). Вот что соизволил он рассказать.

„Во время болезни хана, будучи однажды с ним наедине, я сказал ему: „Ходит молва, будто Шахибек-хан подложил отраву в вашу пищу. Если ваше величество того же мнения, я добуду испытанное противоядие, которое поступает к нам из Китая, и займусь лечением“. Хан отвечал: „Да, Шахибек-хан действительно отравил меня. Он отравил тем, что возвысился из низкого положения до таких высот, что захватил нас, двух братьев, в плен, а затем отпустил на волю. Причина моего недуга — этот позор. Если есть эликсир от недуга подобного рода, только он поможет мне“» [16, В-648, л. 906; С-395, л. 1106; D-71, с. 136].

Нет надобности выделять здесь особо пункты расхождения в сообщениях придворного поэта Шейбани-хана и рассказах могольского историка Мирзы Хайдара Дуглата: для внимательного читателя они очевидны сами собой. Уточним только время сражения при Ахси. По словам Мухаммада Салиха, спустя месяца два после захвата Ташкента Шейбани-хан выступил из Самарканда на Балх против Бади аз-Замана. Пока узбекские войска осаждали Балх и другие крепости, прошло еще четыре месяца и наступили зимние холода [18, с. 157—161]. Из чего можно уверенно заключить, что битва при Ахси между Шейбани-ханом и двумя могольскими ханами произошла в конце 908 г. х., т. е. в конце весны — начале лета 1503 г.¹⁶ Эта дата вполне согласуется с сообщением Мирзы Хайдара Дуглата, согласно которому освобожденные из плена могольские ханы отбыли из Ташкента в Моголистан, зиму 909 г. х. провели в Аксу, а в конце зимы Ахмад-хан скончался.

Резюмируя приведенный материал, в заключение скажем

следующее. На рубеже XV—XVI вв. кочевые узбекские племена Восточного Дешт-и Кыпчака под предводительством Мухаммада Шейбани-хана направили свои усилия на овладение территорией, принадлежащей Тимуридам. Предприятие это в силу ряда объективных причин (см. [20; 14, с. 377—385]) оказалось удачным, и в течение 1500/01 г. Шейбани-хан завоевал Бухару и Самарканд. При занятии этих крупнейших центров Мавераннахра значительную военную помощь оказал ему верховный правитель моголов Махмуд-хан¹⁷. Мирза Хайдар Дуглат характеризует эту помощь хана как «опрометчивый» поступок, т. е. как поспешный, необдуманый шаг, не предусматривающий возможной опасности для самих моголов в будущем. Действительно, обосновавшись в среднеазиатском Междуречье, Шейбани-хан вскоре направил оружие против вчерашнего покровителя и союзника. Уже зимой 1501/02 г., спустя лишь несколько месяцев после занятия Самарканда, он предпринял поход на вилайет Шахрухие, подвластный Махмуд-хану. Весной 1502 г. нападению узбеков подверглась крепость Ура-Тепе. Однако успехи, достигнутые Шейбани-ханом в рядовых походах на отдельные могольские города-крепости, не удовлетворяли его, и он искал случая дать Махмуд-хану генеральное сражение, чтобы раз и навсегда покончить с «делом моголов», т. е. выдворить моголов из среднеазиатских городов и крепостей.

Верховный предводитель моголов Махмуд-хан, отличавшийся нерешительным характером и начисто лишенный военных способностей, не смог справиться с натиском Шейбани-хана и призвал на помощь своего младшего брата Ахмад-хана, слывшего храбрым воином и грозой калмаков. Враждующие стороны сошлись в решающем сражении в начале лета 1503 г. при Ахси. Шейбани-хан не только одержал победу, но и взял в плен обоих братьев. Ханы были скоро отпущены на волю с условием, что оба они покинут Туркестан и отправятся в свои наследственные улусы, в Моголистан. Все среднеазиатские владения Махмуд-хана перешли в руки победителя; кроме того, Шейбани-ханом была задержана большая часть могольского воинства. В числе принадлежавших Махмуд-хану, следовательно отнятых Шейбани-ханом, городов и крепостей в поэме Мухаммада Салиха упоминаются следующие: Ташкент, Сайрам, Ура-Тепе, Шахрухие, Дизак, Йургам, Наррату.

Таковы известия о моголах, содержащиеся в «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха. Они, как это видно, раскрывают многие немаловажные подробности исторических событий XVI в. и в ряде случаев существенно дополняют имеющиеся в научной литературе сведения о взаимоотношениях моголов и узбеков в 1501—1503 гг. Особого внимания заслуживают сведения историко-этнографического характера, в частности сведения о родоплеменном составе узбекского войска во время битвы при Ахси. Список, приводимый Мухаммадом Салихом, тем более ценен, что в нем указывается численность отрядов ряда племен,

участвовавших в завоевательных походах Шейбани-хана. Эти данные могут быть использованы при освещении вопроса о количественном составе ушедших вместе с Шибанидами из степи родов и племен. Стоит также отметить здесь замечание Мухаммада Салиха о том, что у Махмуд-хана «до сорока тысяч моголов», т. е. около 40 тыс. воинов. В этой связи любопытно, что и Мирза Хайдар Дуглат отличает моголов от остального населения Моголистана и Восточного Туркестана и нередко также приводит число, например, уведенных в плен или оставшихся кочевать в Кашгарии моголов (см. [1, с. 6—11]). В трактовке термина «могол», как известно, нет единого мнения. Одни исследователи считают моголов конгломератом тюркских и монгольских племен, другие — сословием на службе у ханов Чагатаидов, третьи — этническим коллективом, народностью. Возможно, эти замечания Мухаммада Салиха и Мирзы Хайдара Дуглата (и подобные приведенным историко-демографические материалы о моголах, содержащиеся в других источниках) указывают на то, что название «могол» в то время относилось не ко всему населению страны, а только к военному сословию общества.

¹ О термине «могол» и этнических связях моголов с соседними народами см. [24, с. 52—65].

² В издании Н. Ильминского [6, с. 227—228] текст этого отрывка представлен не полностью: в нем отсутствует сообщение о размере месневи.

³ От топониме «Согд» см. [10, с. 487—488].

⁴ В статье Л. А. Зимина приводится перевод двух небольших отрывков из сочинения Салиха, касающихся похода Шейбани-хана против Карши [12, с. 205—206]. В книге «Хрестоматия по литературе народов СССР» [22, с. 412—420] опубликованы выдержки из трех глав «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха в переводе Л. Пеньковского, с кратким предисловием.

⁵ Время окончательного покорения Шейбани-ханом Самарканда относится к началу осени 1501 г. (см. [7, с. 112—113]).

⁶ Бабур, находившийся в то время в Ходженде, также отмечает, что «было очень холодно» и «стужа достигала такой степени, что за эти два-три дня погибло от холода два-три человека» [7, с. 114].

⁷ Согласно Бабуру, поход Шейбани-хана на Ура-Тепе состоялся весной [7, с. 115].

⁸ О помощи Махмуд-хана Шейбани-хану говорится во многих сочинениях: «Нусрат-наме», «Фатх-наме» Шади, «Шейбани-наме» Бинаи и т. д. (см. [15, с. 32, 85, 126, 208]).

⁹ Мухаммад Салих только упоминает об этом событии. Подробности похода сообщает Бабур, лично участвовавший в нем [7, с. 117—119].

¹⁰ По словам Бабура, Махмуд-хан, подобно своему отцу Йунус-хану, был «одаренным человеком и сочинял стихи, хотя законченных газелей у него было немного» [7, с. 116; 8, с. 89].

¹¹ По описанию его племянника Бабура, Алача-хан был самовластным и смелым человеком, предпочитавшим саблю всякому другому оружию [7, с. 121—122]. Таким же образом характеризует Ахмад-хана и Мирза Хайдар Дуглат в своем «Тарих-и Рашиди» [16, В-648, л. 676].

¹² И г а ч — путевая мера длины, именуемая также «фарсанг», «санг», «таш» и приблизительно равная 9 км (см. [21, с. 72, 120]).

¹³ Т а л к а н — кушанье, приготовленное из толокна и масла.

¹⁴ К о т а с (кутас) — бахромчатое украшение из волос яка или коня, навешиваемое на шею лошади.

¹⁵ Указанный эпизод не единственный пропуск в венской рукописи. Судя по резкому переходу, лакуна имеется и после листа 236 [18, с. 25]. Любопытно, что отмеченные здесь пробелы приходится в рукописи на листы gesto, из чего можно заключить, что причина лакун — потеря листов. Таким образом, венская рукопись «Шейбани-наме» не полная: в ней отсутствует какое-то количество листов.

¹⁶ В сводном труде «История Узбекской ССР» [14, с. 385] неверно указано что Шейбани-хан разбил моголов в «кровопролитном бою» и пленил Махмуд-хана зимой 1501 г. (I).

¹⁷ По сведениям Бинаи, во время похода Шейбани-хана на Самарканд Махмуд-хан выделил ему в помощь двух своих эмиров с 5 тыс. вооруженных воинов (см. [15, с. 126]).

Литература

1. *Акимушкин О. Ф.* Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI века (Заметки по политической истории региона).— XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1975.
2. *Акимушкин О. Ф.* Персоязычные источники по истории Восточного Туркестана.— Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция: АН СССР, ЛО ИВ АН СССР; ЛГУ, Восточный факультет. Л., 1967.
3. *Акрамов А. М.* Мухаммад Солих. Тошкент, 1966.
4. *Алишер Навоий.* Мажолисун нафос. Илмий-танкидий текст. Тошкент, 1961.
5. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
6. Бабер-намэ, или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским]. Казань, 1857.
7. Бабу-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. Таш., 1958.
8. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
9. *Бартольд В. В.* [Рец. на:] *E. Blochet.* Introduction...— Сочинения. Т. 8. М., 1973.
10. *Бартольд В. В.* Согд.— Сочинения. Т. 3. М., 1965.
11. *Болдырев А. Н.* Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957.
12. *Зимин Л. А.* Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности.— В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.
13. История Самарканда. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Таш., 1969.
14. История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. I. Таш., 1955.
15. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
16. *Мирза (Мухаммад) Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди, рук. ИВ АН СССР, В-648, С-395, D-71.
17. *Мукминова Р. Г.* О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в.— Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. 3. Таш., 1954.
18. *Мухаммед Салих.* Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием прив.-доц. А. Н. Самойловича. СПб., 1908.
19. *Розен В.* [Рец. на:] *Die Scheibaniade...*— ЗВОРАО. Т. I. 1886. СПб., 1887.
20. *Семенов А. А.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов.— Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 12. Вып. I. Сталинабад, 1954.
21. *Хиц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему.— *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

22. Хрестоматия по литературе народов СССР. Сост., коммент. и снабдил очерками Л. И. Климович. М., 1947.
23. *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас*. Хроника. Критический текст, пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. М., 1976.
24. *Юдин В. П.* О родо-племенном составе моголов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами.— Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1965, вып. 3.
25. The Atesh Kedah, or Fire-Temple, by Hajji Lutf Ali beg, of Isfahan. Now first edited from the collection of all the known Mss., N. Bland. L., 1844.
26. The Babar-nama, being the autobiography of the emperor Babar, the founder of the Mohul dynasty in India... (Facsimile) edited with a preface and indexes by Annette S. Beveridge.— E. J. W. Gibb Memorial, series, Vol. 1. Leyden—London, 1905.
27. *Köprülü M. Fuad*. Çagatay edebiyatı.— Islam Ansiklopedisi. Cilt 3, cüz 24. İstanbul, 1945.
28. *Rieu Charles*. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. L., 1888.
29. Die Scheibaniade. Ein özbekisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von Hermann Vavbéry. Wien 1885.

В. В. Кушев

**О СТРАНСТВИЯХ АФГАНСКОГО
ПОЭТА АЛИ-АКБАРА ОРАКЗАЯ
ВО ВЛАДЕНИЯХ ИМПЕРИИ ДУРРАНИ**

В восточном фонде Института древних рукописей им. Маштоца (Матенадаран) в Ереване хранится единственный в этом собрании манускрипт на афганском (пашто) языке. Это уникальный список сборника стихов поэта XVIII в. Али-Акбара ибн Касим-хана Оракзая. Его произведений нет больше ни в одной коллекции. Мало того, сведения о самом поэте можно почерпнуть только из ереванской рукописи, где в одном переплете с афганскими стихами находятся поэтические и прозаические сочинения на персидском языке того же автора [5].

Творчество Али-Акбара — это не просто художественные произведения, свидетельствующие о том, что их автор был одаренным литератором, а также каллиграфом и художником, написавшим свою книгу хорошим насталиком и иллюстрировавшим ее миниатюрами. Почти все им написанное представляет собою также любопытный и своеобразный источник, богатый автобиографическим материалом, данными об исторических лицах периода управления династии Дуррани, которых Али-Акбар знал, упоминаниями разных мест, где он бывал и через которые проезжал. А путешествовал он много, участвовал в военных походах и сражениях, служил в канцелярии наместника на востоке империи, и некоторые события его жизни нашли отражение на листах афганского сборника «Гулшан-и афгани» и персидского куллията. В стихах Али-Акбара содержатся десятки топонимов, причем наряду с хорошо известными пунктами и местностями он называет и почти забытые в наше время наименования областей и селений. Круг упоминаемых Али-Акбаром географических названий относится к обширной территории от Хайбера на западе до Лакхнау на юго-востоке, но большая их часть связана с родиной поэта — долиной нижнего течения р. Кабул, особенно с его правобережьем.

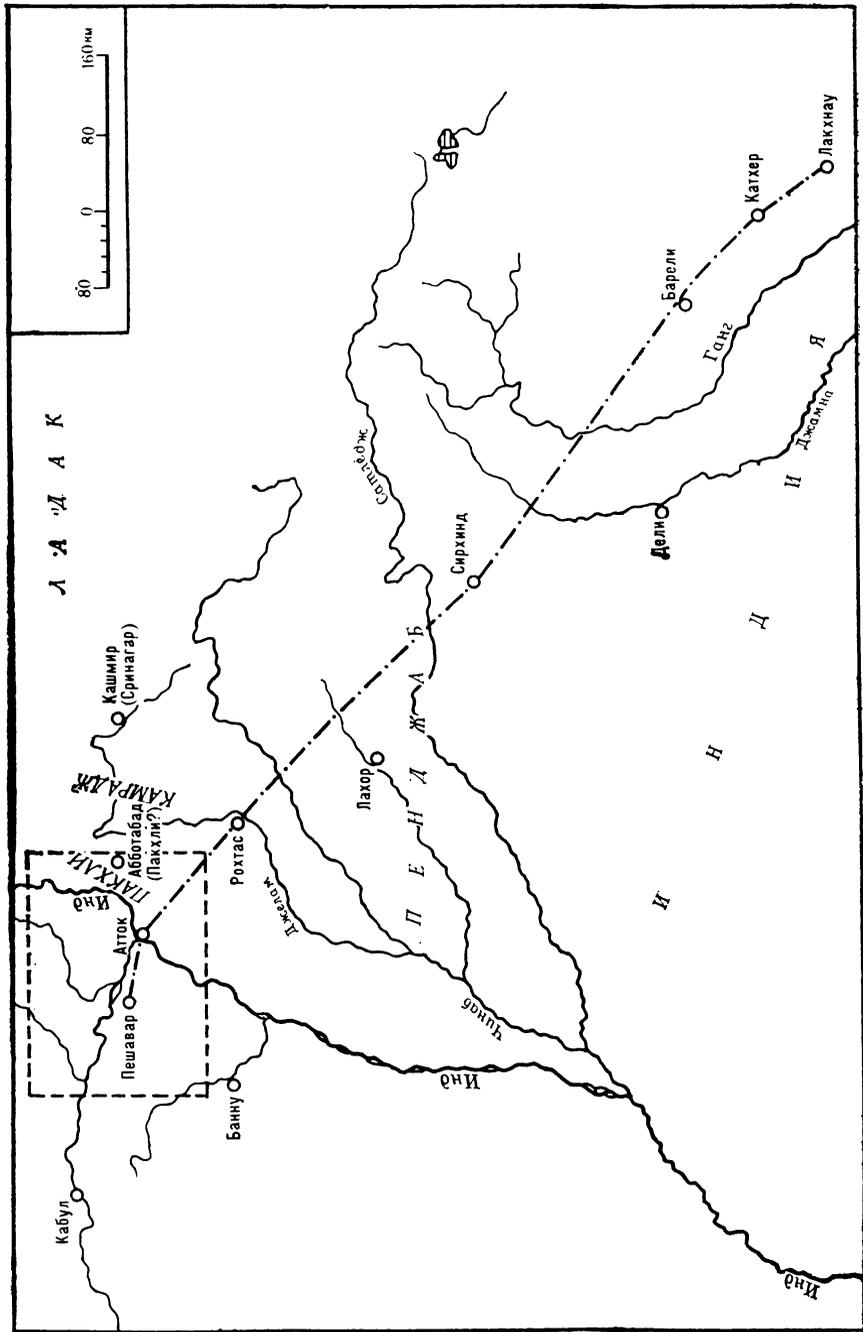
Так, в предисловиях к обеим частям Али-Акбар сообщает о том, что он происходит из племени оракзаев и был «жителем хайберского Тираха», долгое время находился при дворе наместника в Кашмире, воевал там же и в более западных райо-

нах Камрадж и Пакхли, жил в изгнании в Лакхнау, писал свои стихи в Пешаваре. В касыдах и других произведениях перечислены места, по которым пролегал его путь, селения, где жили его наставники и собраты по суфийскому ордену, родственники и друзья. Среди тех, кого он встречал, не только государственные деятели, придворные, уважаемые суфийские шейхи, но и люди, чьи имена неизвестны по другим источникам.

Таким образом, сборники Али-Акбара, имеющие немаловажное значение для истории афганской литературы, вызывают интерес к сведениям исторического и историко-географического содержания. И если в нашей статье «К биографии Али-Акбара Оракзая — афганского поэта XVIII века» была сделана попытка выявить факты жизни и деятельности его как поэта, художника, политика на основании информации, содержащейся в его собственных произведениях, то здесь нам хотелось бы идентифицировать местности, где он бывал, и тех лиц, которые его окружали.

Богаче всего географическим и историческим материалом афганские касыды Али-Акбара, и особенно две из них. В одной он отправляется в долгое воображаемое путешествие по знакомым дорогам, в другой рассказывает о самом важном, что с ним случилось. Лучшими годами своей жизни он считает первое пребывание в Кашмире, когда правителем там был Нур ад-дин. («Несколько лет я пробыл в Кашмире, наместником был здесь Нур ад-дин-хан. Судьбою даны мне были в удел свидания с большими людьми. Во встречах с наставником-пиром мне истину бог даровал»). Сардар Нур ад-дин Бамизай Попалзай Муслих ад-даула правил в Кашмире с конца 1762 г. Ранее, после завоевания провинции войсками Ахмад-шаха, предводительствуемыми Абдаллах-ханом («Большим»), правителем ее в 1752 г. был назначен Хаджжи Кучик Абдаллах («Маленький»). Однако впоследствии власть в Кашмире захватил главный финансовый чиновник индеец Секедживан. В 1762 г. туда был послан отряд афганских войск под командованием сардара Нур ад-дина, который взял Секедживана в плен, остался в Кашмире для наведения порядка и вскоре стал хакимом провинции, одновременно обладая финансовой властью [3, с. 28; 15, т. 1, с. 253; 4, с. 317, 367—368]. Находясь в Кашмире, Али-Акбар совершенствовался в языке дари, изучал поэтику, общался с поэтами, суфиями, и, видимо, к этому времени относится избрание им в духовные наставники шейха Абд ар-Рахима.

Али-Акбар рассказывает, что, после того как он в первый раз покинул Кашмир, ему очень хотелось вновь оказаться в этих прекрасных местах и в обстановке, которая, очевидно, весьма благоприятствовала удовлетворению его эстетических, а возможно, и честолюбивых устремлений. Его желание исполнилось благодаря протекции Султан-Махмуда (которого он называет также Махмуд-Султаном). Вероятнее всего, то был второй сын Тимура, впоследствии завладевший афганским престолом.

Странствия поэта Али-Акбара Оракзия

лом (1801—1803 и 1809—1818). Во время описываемых событий он был гератским наместником (1772—1793) [6, с. 143, 145—147, 181; 15, т. 2, с. 520, 628].

В этой же касыде упомянуты еще два кашмирских наместника: Амир и Хаджжи Каримдад. Первый из них — Амир-хан Джаваншер — поднял мятеж против центральной власти в начале правления Тимур-шаха, и Али-Акбар во главе вооруженного отряда совместно с войском Каримдад-хана выступил против мятежного наместника. Рассказ о первом неудачном походе и затем о пленении Амира подтверждается свидетельством историков Хусайн-Али и Дж. Форстера [17, с. 44, 45; 24, с. 14]. Хаджжи Каримдад-хан Попалзай, сын Кухандил-хана, племянник первого вазира Шах-Вали-хана, при Ахмад-шахе занимал должность арзбеги, с осени 1759 до мая 1761 г. был правителем Лахора, в 1776 г. Тимур-шах за заслуги в подавлении мятежа Амира пожаловал ему пост субадара Кашмира. Он был жестоким деспотом, что видно, в частности, из некоторых стихотворений Али-Акбара, а также из рассказа о нем Форстера [4, с. 209; 15, т. 1, с. 254; 24, с. 26—28; 3, с. 26, 27, 77, 79]. Упомянут Филиппом Ефремовым в его путевых записках: «Кашмир же под владением Овгана Темурши. Сей хан Темурша жительство имеет в городе Кабуле, расстоянием от Кашемира 7 дней езды, а в Кашемире датха, то есть начальник, именуемый Карым Дат» [14, с. 169].

Говоря о своих взаимоотношениях с Каримдадом в сложный период перехода власти, автор упоминает и имя его дяди. Беги-хан Шах-Вали-хан Бамизай Попалзай Ашраф ал-вузара, талантливый полководец и государственный деятель, был первым вазиром Ахмад-шаха. После смерти шаха он поддерживал в борьбе за престол принца Сулаймана, своего зятя, и в 1186/1773 г. был казнен пришедшим к власти Тимур-шахом. Участие Али-Акбара в этих событиях и, как он утверждает, наветы врагов, прервали его службу при дворе [3, с. 25, 39; 6, с. 140].

С большой симпатией автор в маленькой касыде рисует образ сардара Мурад-хана, обличая лицемерие, лесть и подхалимство его приближенных, пытавшихся опорочить прямого и доверчивого человека. Мурад-хан долгое время участвовал в политической жизни и войнах. В 1757 г. он был назначен хакимом Дуабы в Пенджабе после перехода прежнего правителя Адина-бега на сторону сикхов, сражался против них и участвовал в защите Лахора, где в то время находился наместник Пенджаба 13-летний принц Тимур. Спустя 10 лет был назначен «главным уполномоченным по застройке благороднейшего из городов империи». В 1773 г. способствовал улаживанию конфликта нового шаха Тимура с сардарами и дурранийскими ханами и победе первого [15, т. 1, с. 98, 99, т. 2, с. 657; 3, с. 86].

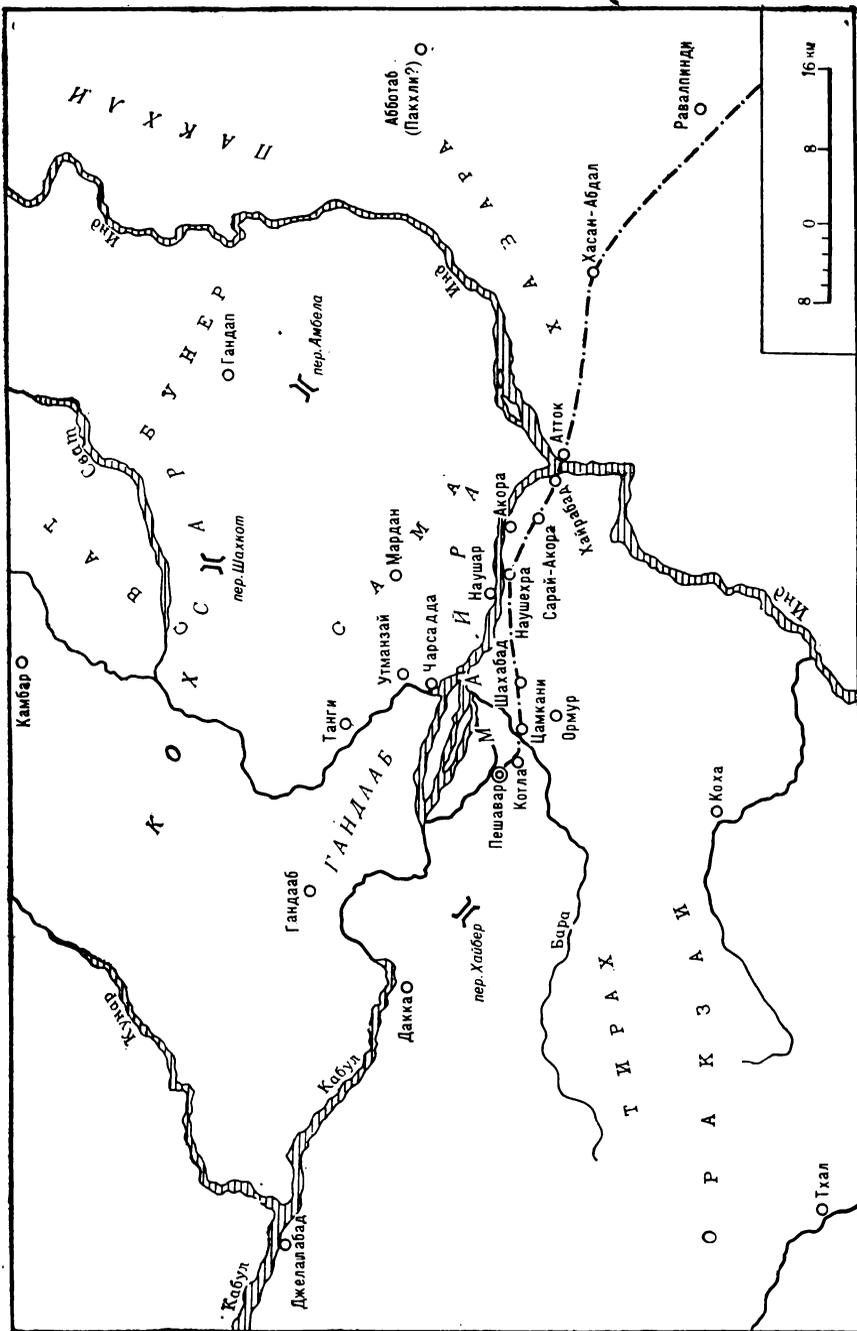
Кроме того, в числе государственных деятелей поэт упоминает еще одно лицо, связанное своим положением с Мурад-ханом, — Сарафраз-хана Баракзая. В 1757 г. малолетний Тимур,

посаженный наместником в Пенджабе, назначил его заместителем правителя провинции Дуаба; он был также хакимом и муштауфи в области гильзаев, командовал гвардией [3, с. 57, 102; 15, т. 1, с. 98].

Не обойдены вниманием поэта и современные ему государи. Одна из касыд посвящена необыкновенной судьбе Надир-шаха Афшара. Имеется фрагмент, примыкающий к этой касыде, в котором Али-Акбар прославляет некоего шаха и его сына. Но это уже не Надир и царевич Абдаллах, а, вне всякого сомнения, Ахмад-шах и шахзаде Тимур, так как в отрывке говорится о нескольких походах шаха в Индию (Надир совершил только один) и о завоевании Индии «до усыпальницы Акбара» (Надир не продвигался южнее Дели, тогда как Ахмад-шах захватил Акбарабад и всю область Агра). Здесь же сказано о женитьбе шахзаде в Индии, но невесток из могольской династии имели и Надир и Ахмад¹.

Али-Акбар, несомненно, был хорошо знаком со многими поэтами своего времени и их творчеством, а также с литературой прошлого. В «Гулшан-и афгани» есть элегия, написанная в связи с кончиной Хушхал-хана Хаттака. Али-Акбар очень высоко оценивает его поэзию, и можно было бы предположить, что речь идет о величайшем афганском поэте, жившем в XVII в. Но поскольку из содержания марсие явствует, что оно написано вскоре после смерти этого поэта и что наш автор был современником покойного, самым вероятным явится предположение, что Али-Акбар писал о Хушхал-хане Хаттаке «Шахиде», внуке Афзал-хана и праправнуке Хушхал-хана, жившем в правление Ахмад-шаха, состоявшем некоторое время хакимом Пешавара и погибшем в бою с маратхами. Очевидно, Али-Акбар был с ним знаком. С уважением относится Али-Акбар к некоему Сахиб-Муаззам-шаху. То, вероятнее всего, мог быть Пир-Муаззам-шах, живший в одном из селений пешаварской области, автор сокращения на языке пашто работы Мир-Дада, или Хаджу, «Таварих-и афагина» (сокращение было подготовлено по заказу Хафиз Рахмат-хана, тоже современника Али-Акбара). В афганских и персидских стихах автор вспоминает о Муиззаллахе и Нураллахе: и эти имена встречаются в истории афганской литературы.

Круг близких поэту людей включал в себя и суфиев, которые все или почти все принадлежали к ордену накшбанди и по преимуществу к роду Умара Цамкани. О встрече с ними мечтает Али-Акбар в своем мысленном путешествии. Неоднократно он называет имя Умара Цамкани, Миа Сахиба. Миа Мухаммад-Умар ибн Ибрахим Цамкани (Миа Сахиб, Шейх Умар Чамкани) был широко известен как богослов и руководитель ордена накшбанди. Родился около 1080 г. х. (1669/70 г.), стал суфием в 1105 г. х. (1693/94 г.), умер в 1190 г. х. (1776 г.). Им сочинен трактат «Хазинат ал-асрар» на персидском языке, выполнено несколько переводов с арабского на пашто. В 1160 г. х.

Странствия поэта Али-Акбара Оракзая

(1747 г.) его посетил в селении Цамкани — Ахмад-шах Дуррани и стал его муридом. В числе его 17,5 тыс. муридов были многие приближенные шаха, среди них уже известные нам бамизаи Шах-Вали, Нур ад-дин, Хаджжи Каримдад. Далее Али-Акбару видится свидание с Мухаммади-Сахибом и «младшим мианом». Это, несомненно, сыновья Умара: Миа Мухаммади-Сахиб-зада (Мухаммади-Азиз) и Абдаллах, или Миа Гул (или Ахмади-Сахибзада). Старший имеет диван на пашто, персидские стихи, переводы арабских трактатов, младший тоже писал стихи, поэмы на фольклорные сюжеты. Мухаммади был другом известного поэта Казим-хана Шайда, который преподнес ему и его отцу переписанные им самим в 1773 г. рукописи своего дивана [13, с. 75—158; 19, № 98].

Из предисловия к персидскому сборнику читатель узнает полное имя духовного наставника поэта — «совершенный пир с всеведущим сердцем, путеводитель знающих и заблудших, разрешитель дел правых и неправых хазрат ходжа Шах Абд ар-Рахим по прозванию Шах-Каман». Али-Акбар пишет о нем и в своих стихах (а одна из газелей является акростихом на имя старца), изображает его на нескольких миниатюрах.

В Аттоке, Сарай-Акора и Наушахре Али-Акбар хотел бы посетить могилу Миан-Йахья, увидеться с Йусуфом и муллою Саидом. Можно с разной долей уверенности считать, что он имеет в виду суфийского шейха Мухаммад-Йахья Аттоки [1041—1131 (1631/32—1719)] сына Пир-Дада, из чагатайских моголов; Мухаммад-Йусуфа, одного из трех заместителей и преемников (халифа) Умара Цамкани, и Мухаммад-Саида Базгула — племянника Умара и сына его младшего брата Мухаммад-Мусы.

Наконец, в стихах Али-Акбара встречаются имена других персонажей, не идентифицированных нами: Аскар Файзи, Мир-Хасан, Шех-Маху, Хаджи-Ахун (вероятно, суфийский шейх, похоронен в Сарай-Акора), Ахмад-Джан (возможно, лагманский поэт эпохи Тимур-шаха шейх Ахмад-Джан). В персидском сборнике зло высмеиваются враги поэта Хабиб и Рустам-Гуджар Баннучи, приводятся имена друзей — Алам-хан, Илйас.

Как отражение странствований Али-Акбара, названия рек и гор, областей и населенных пунктов постоянно попадают на листах рукописи, но больше всего топонимов в касыде о воображаемом путешествии по самой длинной дороге во всех скитаниях поэта. Он «отправляет» в этот путь ветер, и тот, напутствуемый поэтом, покидает Лакнау, куда Али-Акбар приехал, будучи вынужден оставить Кашмир, и где он находился во время написания касыды. Сначала на пути Катхер: «Улетай на родину, ветер, разузнай обо всех и каждом, откочуй из города Лакхнау, пролети над пуштунами в Катхере...» Селение Катхер есть в Раджпутане, недалеко от Джодхпура [18, с. 271; 1, с. 507], но едва ли о нем говорит здесь Али-Акбар. Он мог иметь в виду и труднодоступную гористую местность к юго-во-

стоку от Аттока, населенную индийским племенем катир [23, с. 97]; она в отличие от Раджастхана находится на пути к родным местам, однако в этом случае пришлось бы допустить нарушение топографической последовательности. Трудно видеть здесь и Катехр, расположенный слишком далеко на востоке, у границ Бенгалии. Всего предпочтительнее усматривать в этом топониме Катхер, упоминаемый, в частности, Ч. Стори в биографической справке о Хафизе Рахмат-хане. Согласно Ч. Стори, Катхер находится на северо-западной границе Ауда, близ Шахджаханпура (т. е. на юге Рохилканда. — В. К.), и туда в 1739 г. приехал Хафиз Рахмат-хан, ставший в 1748 г. фактическим правителем страны [28, № 552]. Очевидно, эта же местность, но в форме Кетр (так в русском переводе; однако в восточных сочинениях многие топонимы имеют разные формы, особенно когда речь идет о мало известных территориях: тот же Катхер в «Аин-и Акбари» выступает и как Кхер и как Комбхир) встречается в работе Губара об Ахмад-шахе: «Здесь (в Сахаранпуре. — В. К.) были Наджиб ад-дауля, Саадулла-хан из Рохилканда, правитель Кетра. Последнего сопровождали сардары Хафиз аль-мульк Хафиз Рахмат-хан со своим сыном Инаят-ханом, Дунди-хан и Кутб-хан» [4, с. 339]. Так как известно, что Хафиз Рахмат-хан жил и действовал в Рохилканде, очевидно, что Кетр у Губара и есть тот же Катхер, который упомянут Ч. Стори и который интересует нас, потому что он лежит на пути из Лакхнау на северо-запад. Впрочем, из известных нам источников самое четкое определение Катхера дано в предисловии к словарю «Аджаиб ал-лугат» Мухаммада Илахйар-хана [9]. Видимо, Катхер был владением его отца, упомянутого выше Хафиза Рахмат-хана, вождя рохиллов; после плена, последовавшего за гибелью отца, и трехлетнего пребывания в Лакхнау почти все его сыновья переехали в город Барели, который находится в «мульке» Катхер. Кроме этого города Илахйар-хан относит к Катхеру города Пилибхит и Анола и указывает, что южной его границей является р. Ганг. Следовательно, Катхер простирается к западу и востоку от р. Рамганг между Рампуром на севере и Шахджаханпуром на юге, о чем приблизительно можно судить и по сведениям Ч. Стори. Таким образом, упомянутые Али-Акбаром «пуштуны Катхера» — это афганцы Рохилканда, или, точнее, его восточной части, которая «в мусульманский период долгое время называлась Катехром (или Катхером)» [25, т. 21, с. 305, т. 7, с. 2].

Али-Акбар в своих мечтах «едет» через многие города и деревни, останавливается в них, чтобы посетить почитаемых им людей, друзей и знакомых, минует реки и горные перевалы. Рохилканд остался позади, и поэт видит себя в Пенджабе: «Остановись, приблизившись к Сирхинду, привет мой передай Муиззаллаху». При Акбар-шахе *Сирхинд* являлся округом, входившим в провинцию Дели и включавшим в себя многие города, в том числе такие крупные, как Амбала, Лудхиана, Батинда, Ма-

лер, Сана, на западе примыкал к Лахору и Мультану [1, с. 27, 515, 527, 528, 549]. После похода Ахмад-шаха в 1752 г. здесь проходила восточная граница его владений в Пенджабе [20, с. 256], а в начале 1757 г. Сирхинд был включен в империю Дуррани в качестве «приданого» дочери Великого Могола Аламгира, ставшей женой Тимур-шаха (см. выше).

«В Пенджабе поброди по всем домам знакомым и, перейдя Джелам, к Рохтасу направляйся». Река *Джелам*, приток Чинаба, притока Инда, и прилегающие горы представляют собой естественный рубеж, в связи с чем здесь нередко проходили границы различных владений, например Ахеменидской империи, строились укрепления. На правом берегу реки — город с тем же названием. Большая и мощная крепость *Рохтас* (у Али-Акбара — *Ротас*) была построена по указанию Шер-шаха в 1542 г., после победы над Хумаюном, чтобы сдерживать его сторонников гакхаров, и получила то же название, что и более древняя крепость в Бихаре. Она раскинулась на невысоком скалистом холме в отрогах Соляного холма в ущелье речки Кахан, в 10 милях к северо-западу от Джелама. Окружность крепости больше 4 км, ее стены почти 10-метровой толщины поднимаются на 10—15 м, имея 68 башен и 12 ворот, одни из которых — ворота Сохал — замечательный образец пуштунского стиля с вычурными балконами на наружных стенах. Северная стена разрушена, внутри расположилась маленькая деревня Рохтас [20, с. 147; 25, т. 21, с. 322]. На современных картах это место иногда обозначено Кала, т. е. «крепость».

«Когда достигнешь ты Хасан-Абдала, с почтением всем низко поклонись, — просит Али-Акбар, — и погуляй в садах и цветниках среди благоуханья свежих роз». В *Хасан-Абдале* на вершине холма возле большого сада находится мраморная гробница святого, чье имя дало название селению, Хасан-Абдал происходил из Кандагара, где был известен как Баба Вали [20, с. 451; 23, с. 99].

Потом «иди к Аттоку, поклонись там Миан-Йахйё». Али Акбар, видимо, весьма почитал этого святого: «Лети так ко дворцу высоких тайн; приблизившись примерно на фарсанг, с глубоким уважением приветствуй; спокойно, отрешившись от всего, у усыпальницы его прочти молитву...» *Атток* расположен у впадения р. Кабул в Инд. 20 марта 1581 г. император Акбар, возвращаясь из Кабула в Дели, переправился здесь через Инд и приказал построить крепость из камня и извести, которая контролировала бы эту часть его владений. Сооружение форта было завершено в 1586 г. Афганцы произносят это название «Атак», что значит «преграда, препятствие; запрет». Крепость якобы препятствовала переправе индийцев через реку [18, с. 311; 20, с. 207—211]. Город был известен также святыми местами, а позднее — большим железнодорожным мостом.

После переправы через Инд — посещение Хайрабада и длительная остановка в Сарае для бесед с Сарафраз-ханом. *Хай-*

рабат — населенный пункт на берегу Инда в месте впадения в него р. Кабул, напротив Аттока. На картах встречается как Хайрабад: либо оглушение конечного *д* в касыде, либо произошло переосмысление «харабат» в «хайрабат/хайрабад» [20, с. 186, 243, карта; 27, карта]. Небольшой город *Сарай*, или *Сарай-Акора* к западу от Аттока, был родиной Хушхал-хана Хаттака. Основан первым известным истории хаттакским вождем — Акорам в годы правления Акбара [20, с. 212, 243—244].

Затем «пойди дорогою к селению Наушахр, там непременно разыщи муллу Саида, весенним днем по *Майре* погуляйте, и мой поклон ему ты передай». После этого ветру надлежит лететь в *Тирах*, деревни *Шахабад*, *Манал-Умар* и *Цамкани* к старцам суфиям, в селение *Котла*, где живут отец, родня и близкие Али-Акбара. *Наушахр* — это, по-видимому, селение *Наушехра*, расположенное на южном берегу р. Кабул, но не противоположащее ему *Наушар* (Наухар). В одном из персидских месневи Али-Акбара встречается название деревни (карийа) Наушери. Майрой называется часть долины р. Кабул от Пешавара до впадения этой реки в Инд. Тирах — обширная область к югу от хребта Сафедкох, от верхнего течения р. Куррам на западе. Населена главным образом афридиями и оракзаями, а также халилами, бар-момандами, бангашами. Под Хайбером следует понимать не только горный проход, но и территорию к югу-востоку от него, с севера примыкающую к Тираху и даже отчасти его покрывающую. На картах конца XVIII—начала XIX в. хайберцам отведена обширная область от верхнего течения р. Куррам на восток до Инда. Манал-Умар буквально значит «приобретение Умара». Вероятнее всего, речь идет о владениях Миан Умара, подаренных ему Ахмад-шахом. Мазар этого святого находится в селении Цамкани [2, с. 86]. Эта деревня, а также Котла и Шахабад расположены восточнее Пешавара. От города до нее 10 км.

Основные земли племени цамкани (персидская форма — чамкани) примыкают к долине Куррама на западной окраине Тираха, но часть этого племени оторвалась от основной массы своих соплеменников и вместе с другими племенами горйа-хеля переселилась в Пешаварскую долину. Их поселение ныне носит это имя, причем названия кварталов совпадают с названиями подразделений цамкани [12, с. 99; 20, с. 184]. *Котла* и *Котли*, при нарицательном их значении «деревня, село», — распространенные топонимы и части топонимов. Окрестности Пешавара, где, видимо, и находится упоминаемое Али-Акбаром селение, заселено выходцами из разных племен, в том числе, вероятно, из племени оракзаев. Может быть, это та же деревня Котла, в которой жил известный поэт Муиззаллах Моманд [19, № 111]. В предисловии к изданию его дивана название деревни имеет более конкретную форму — Котла Мухсин-хан [8, с. 4]. Шахабад расположен в 15—20 км от Пешавара [23, карта]. Любопытно, что кроме пешаварских Шахабада и Хайрабада марш-

рут воображаемого путешествия пролегал через районы с такими же названиями на границе Ауда и Рохилканда.

Заключительная часть пути проходит по долинам рек Кабул и Бара и уходит в горные районы в сторону Свата и Кунара, через деревню *Азим*, где живет упомянутый выше Сахиб-Муаз-зам-шах, селения *Манзи*, *Нанавар*, к горе *Ландука*, с вершины которой открывается вид на хребты и долины. Поэт окидывает взором *Кохсар*, горный район к северу от Хайбера и р. Кабул. Минует перевал *Шахкот*, что рядом с перевалами Малаканд и Черат, соединяющими Сват с долиной нижнего течения р. Кабул [20, с. 54, 180]. (Кроме того, гребень Шахкот в Кашмире упомянут Аллами: с этих гор в селении Базвал низвергается знаменитый водопад Шаламар [1, с. 567].) Под именем *Кунда* Али-Акбар скорее всего имеет в виду высокий снежный пик в верховьях р. Кунар, видимый издали [23, с. 131].

На языке пашто это слово значит «вершина горы», и есть вершины, названные только этим словом (например, в Гомале) или с добавлением других элементов (Кундур, Кундигар и др.). Река Бара, о которой пишет Али-Акбар, пересекает Тирах и впадает в р. Кабул южнее Пешавара, долина ее густо заселена [20, с. 448, примеч. 16].

В конце касыды «О, ветер!» есть также топонимы Гандааб и Канбар. Местность под названием *Гандааб* имеется севернее Пешавара, близ Доаба. В форме «Гандаф» встречается в стихах Хушхал-хана (может быть, северо-западнее Наушехра). Подразделение *канбар* входило в адамхель племени африди [6, с. 106], а согласно А. Бенава [2, с. 224], является самостоятельным подразделением афридиев и живет в Бара и Майдане [канбархель]. Упоминается в литературе также Канбар как одна из больших деревень Нижнего Свата, на левом берегу реки [29, с. 40].

Баталии, в которых участвовал Али-Акбар, военные походы, поездки, связанные с делами военной и административной службы, имели место преимущественно в большом регионе, включавшем в себя Кашмир с *Камраджем* и *Пакли* (*Пакхли*). Во времена поэта Али-Акбара, как и за два столетия до него, в правление его тезки могольского императора, топонимом *Камрадж* обозначалась обширная территория, занимавшая приблизительно восточную часть Кашмира. Она, видимо, то рассматривалась как историческая провинция, то являлась административной единицей. По свидетельству переводчика «Аин-и Акбари» (со ссылкой на А. Каннингэма), Камрадж был одним из двух больших округов, на которые Кашмир делился с древнейших времен. Абу-л-Фазл Аллами сообщает, что долина Камрадж лежит между Кашгаром на востоке и Пакли на западе [1, с. 570; 18, с. 365; 21, с. 94]. Камрадж назван Али-Акбаром и в его персидском собрании как «один из округов (паргана) Кашмира». В таком же значении (паргана) он встречается и в «Аин-и Акбари», но, в свою очередь, делится на другие паргана

[1, с. 570, 571, 573]. Абу-л-Фазл Аллами называет Пакли «саркаром», входящим в состав Кабульской субы вместе с соседними Кашмиром, Сватом, Баджауром и другими саркарами. С саркаром Кашмир он граничит на востоке, а на западе — с саркаром Сват и Аттоком, на юге простирается до р. Харо и района Гуджархана. Дорога по долине Пакли — кратчайшая и одна из лучших между Пешаваром и Кашмиром наряду с путем через Бимбар [1, с. 562, 585, 152; 23, с. 172, карта; 27, карта]. Дж. Дармстетер относит Пакли к области *Хазара* [22, с. 291]. Кроме округа имеется и селение под этим названием, — по-видимому, современный Абботабад. По данным афганского историка Фуфальзаи, в Пакли дважды останавливались войска Тимур-шаха, посланные против Азад-хана [15, т. 1, с. 255, 256] (несколько позднее описываемых в касыде событий). Пакли, расположенное в провинции (зал') Хазара, в районе Мансехра, родина многих афганских поэтов: Хусайна, Леваная Мухаммаджи, Баба Сайид Гула, Мир-Афзала, Хамид-Гула [16, с. «сад», «та»; 10, № 119, 137, 142, 147].

На прилагаемых к статье картах указаны основные места, связанные с жизнью Али-Акбара Оракзая.

¹ Согласно М. Губару [4, с. 319], Тимур-шах женился на племяннице правителя Индии Мухаммада Азизаддина (Аламгира II), а по Ю. Ганковскому [3, с. 25], — на дочери Аламгира Мухаммади-бегум (она же Зухра-бегум и Гоухарафраз). Сын Надир-шаха Насраллах тоже был женат на могольской принцессе, дочери Язданбахша, праправнучке Аурангзеба [26, с. 151]. В «Ахмадшаховой истории» имеется «Рассказ о женитьбе принца Тимур-шаха на дочери Аламгир-шаха» [7, гл. 84].

Литература

1. А'ин-и акбари, тасниф-и Абу-л-Фазл Аллами ба-таских-и Блохман, джилд-и аввал, Калкатта, 1872 (The Ain-i-Akbari by Abul-Fazl-i-'Allami. Edited in the Original Persian by H. Blochmann. Vol. 1. Calcutta, 1872).
2. *Бенава, Абд ар-Ра'уф*. Паштунистан. Кабул, [б. г.].
3. *Ганковский Ю.* Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М., 1958.
4. *Губар, Мир-Гулам Мухаммад*. Ахмад-шах — основатель афганского государства. М., 1959.
5. *Кушев В. В.* К биографии Али-Акбара Оракзая — афганского поэта XVIII века. — Вестник Матенадарана. Ер., 1977, № 12.
6. *Массон В. М. и Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 2. М., 1965.
7. *Махмуд ал-Хусайни ал-Мунши*. Та'рих-и Ахмад-шахи. М., 1974.
8. Му'иззаллах. Диван. Пешавар, 1957.
9. *Мухаммад Илахйар-хан*. Аджа'иб ал-лугат. Рукопись Британского музея, шифр Ог. 399, предисловие (мы пользовались ее микрофильмом).
10. Паштаны шу'ара. Т. 2. Кабул, 1321/1942.
11. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815.
12. *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
13. *Ришад, Абд аш Шакур*. Ды Цамкано Миа Сахиб. — Ариана. Кабул, 1359 [1981], № 4/334.

14. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.
15. *Азиз ад-дин Вакили Фуфалза'и*. Тимур-шах Дуррани. Таб'-и дуввум. Т. 1—2. Кабул, 1346.
16. *Хусайн*. Диван. Сост. Хамеш Халил. Пешавар, [б. г.].
17. *Хусайн-Али*. Украшение летописей. Пер. с перс., введ. и примеч. Г. А. Волошиной. Таш., 1965.
18. *Abul Fazl Allami*. The Ain i Akbari by Abul Fazl i Allami. Translated from the Original Persian by Colonel H. S. Jarrett. Vol. 2. Calcutta, 1891.
19. *Blumhardt J. F., MacKenzie D. N.* Catalogue of Pashto Manuscripts in the Libraries of the British Isles. [Б. м.], 1965.
20. *Caroe O.* The Pathans 500 B. C.—A. D. 1957, L., 1958.
21. *Cunningham A.* The ancient geography of India by Alexander Cunningham. L., 1871.
22. *Darmesteter J.* Chants populaires des Afghans recueillis par James Darmesteter. P., 1888—1890.
23. *Elphinstone M.* An Account of the Kingdom of Caubul and its Dependencies in Persia, Tartary and India Comprising a View of the Afghaun Nation and a History of the Doorraunee Monarchy. Vol. 1. L., 1839.
24. *Forster G. A.* Journey from Bengal to England through the Northern Part of India, Kashmir, Afghanistan and Persia into Russia by the Caspian Sea by George Forster. Vol. 2. L., 1798.
25. The Imperial Gazetteer of India. Vol. 7, 21. Oxf., 1907—1908.
26. *Lockhart L.* Nadir Shah. Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources. L. 1938.
27. *Masson Ch.* Narrative of Various Journeys in Baloochistan, Afghanistan and the Panjab, from 1826 to 1838. Vol. 1. L., 1842.
28. *Storey C. A.* Persian literature. A Bio-bibliographical Survey. Section II. L., 1935.
29. *Bellew H. W.* General Report on the Yusufzais. Calcutta, 1864.

В. А. Ромодин

**СОЧИНЕНИЕ «СИРАДЖ АТ-ТАВАРИХ»
И ЕГО ИСТОЧНИКИ**

В научной литературе трехтомное кабульское издание сочинения «Сирадж ат-таварих» [35] единодушно признается одним из основных источников по новой истории Афганистана, прежде всего для исследования событий последней трети XIX в. Однако до сих пор содержащиеся в нем сведения лишь частично были использованы в работах историков. Одним из условий для более полного их использования является обстоятельное историко-ведческое исследование этого сочинения. Имеющиеся в работах историков характеристики «Сирадж ат-таварих» в большинстве случаев кратки, отрывочны и недостаточно аргументированны; даже лучшие из них страдают односторонностью, так как основаны на изучении не всего этого сочинения, а только его отдельных томов.

Наиболее полный обзор содержания первых двух томов «Сирадж ат-таварих» принадлежит А. А. Семенову, опубликовавшему в 1925 г. самую раннюю рецензию на этот труд [30], но в отношении третьего тома он ограничился лишь краткой заметкой аннотационного характера [31]. Частично верную, но явно одностороннюю оценку сочинения дал П. П. Бушев в монографии «Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг.». Основываясь на изучении разделов второго тома «Сирадж ат-таварих», содержащих материал по теме его монографии, П. П. Бушев безоговорочно утверждал при характеристике сочинения «Сирадж ат-таварих», что оно «состоит из отдельных, более или менее хронологически связанных между собой частей и представляет собой запись воспоминаний афганских влиятельных лиц, очевидцев или участников событий о разного рода происшествиях в Афганистане» [9, с. 190]. Это определение справедливо в известной мере лишь в отношении второго тома «Сирадж ат-таварих», прежде всего разделов, непосредственно использованных в монографии П. П. Бушева, однако распространение его на все сочинение неправильно.

В работах историков, обращавшихся только или преимущественно к третьему тому «Сирадж ат-таварих», неизменно подчеркивается большое значение этого тома как источника, но не

Файз Мухаммад-хан, автор «Сирадж ат-таварих». Портрет, выполненный художником М. И. Вологдиной по фотографии, опубликованной в «The Kabul Times». 26.08.1975.

рассматривается сколько-нибудь подробно состав и значение документальных материалов, положенных в основу при его составлении [4, с. 5, 6; 19, с. 22, 23, 192]. Следует отметить как пример продуманных и обоснованных суждений о третьем томе «Сирадж ат-таварих» замечания в книге Л. Тамирханова [34, с. 4, 5] о ценности содержащихся в нем обильных сведений о хазарейцах, составляющих по объему около шестой части текста этого тома.

Основываясь на изучении содержания текста трех томов сочинения «Сирадж ат-таварих» и его источников, представляется возможным дать более обоснованную и полную оценку этого труда в целом и дифференцированную характеристику отдельных его томов, которые во многом отличаются друг от друга по использованным материалам и неодинаковы по структуре.

Значение источниковедческого анализа «Сирадж ат-таварих» и исследования обстоятельств, связанных с подготовкой и опубликованием этого труда, не сводится только к задаче создания пособия, облегчающего более полное использование содержащегося в нем материала. История этой книги представляет собой интересную страницу истории культуры Афганистана, характеризующую некоторые любопытные подробности его недавнего прошлого на рубеже нового и новейшего времени.

Первые два тома сочинения «Сирадж ат-таварих» изданы в Кабуле в 1331 г. х. (1912/13 г.). Они напечатаны подвижным шрифтом в эмирской типографии форматом 21×33 см, ссылки и пояснения вынесены на поля. Оба тома вышли в свет одной книгой в общем переплете со сквозной пагинацией страниц: в первом томе 194 страницы, во втором — 183. Первый том посвящен описанию истории Афганистана при садозайской династии — с середины XVIII в. и до конца англо-афганской войны 1838—1842 гг., а во втором томе изложены события с 1843 по 1880 г.

Текст третьего тома опубликован не полностью. В переплетенных и поступивших в библиотеки отпечатанных разделах изложение событий доводится лишь до сентября 1896 г., и на стра-

нице 1240 текст внезапно обрывается на незаконченной фразе¹, тогда как хронологическими рамками этого тома, посвященного истории Афганистана в годы правления Абдуррахмана, предусматривалось изложение событий до 1 октября 1901 г. Обозначенная на титульном листе третьего тома дата — 1333 г.х. (1914/15 г.) указывает в действительности только на год начала его печатания. Как видно из замечаний, содержащихся в тексте опубликованных разделов этого тома (например, на с. 1172), печатание его растянулось на несколько лет и издание не было завершено при жизни Хабибулла-хана. А после его смерти (убит 20 февраля 1919 г.) издание «Сирадж ат-таварих» надолго прервалось, и прошло еще около пяти лет, пока возобновились типографские работы. В первую очередь предстояло закончить печатание последних разделов третьего тома, и, по-видимому, был частично выполнен набор этих разделов, были сделаны даже оттиски [48, с. 257]².

В середине 20-х годов эмир Аманулла заинтересовался содержанием третьего тома «Сирадж ат-таварих», вероятно, в связи с возобновлением типографских работ по его изданию, прочел страницы хроники, посвященные событиям времени наибольшего политического сближения эмира Абдуррахмана с Англией в 80-х годах XIX в. Аманулла поразился и возмутился прежде ему, видимо, неизвестные или мало известные факты из истории английской политики в отношении Афганистана в 80-х годах XIX в. и их хроникально-протокольное изложение, где приведены, в частности, подробности, касающиеся пожалования королевой Викторией эмиру Абдуррахману ордена «Звезда Индии»³.

Аманулла настолько возмутился прочитанным, что повелел все экземпляры уже отпечатанных разделов незаконченного третьего тома «Сирадж ат-таварих» сжечь, а изложенные в них события описать заново [17, с. 685]. Этот приказ, объясняющийся горячностью характера Амануллы и его резкой неприязнью к Англии как к врагу афганского народа, повлек за собой прекращение издания «Сирадж ат-таварих». Третий том остался опубликованным не полностью, а четвертый том, по-видимому, так и не начал печататься.

Неизвестно был ли отменен эмирский приказ о сожжении уже напечатанных разделов третьего тома «Сирадж ат-таварих». Но если он и выполнялся, то, насколько можно судить по результатам, не слишком пунктуально. Значительная часть отпечатанного в 1915—1918 гг. в Кабульской типографии тиража все же не была уничтожена, по некоторым сведениям, сохранилось около 300 экземпляров [47]. В библиотеках разных стран находятся по меньшей мере несколько десятков экземпляров объемистых книг в картонных переплетах, заключающих опубликованные разделы третьего тома этого сочинения [35, с. 378—1240]. Очевидно, что еще большее число экземпляров опубликованных разделов оказалось в руках частных лиц. В библио-

теках СССР все же чаще представлены первый и второй тома, а третий том встречается несколько реже.

Интересные данные, позволяющие приближенно судить о тираже первых двух томов «Сирадж ат-таварих», приводит А. А. Семенов в своей рецензии на них: «Не знаю, насколько это издание распространялось в Афганистане и за его пределами, но любезно доставивший мне экземпляр этого труда наш дипломатический курьер, тов. Э., приобрел его в Кабуле в обстановке довольно необычной: на аукционе всех вещей и всего гардероба эмира Хабибуллы. В кабульских книжных лавках это издание совершенно отсутствовало; на аукционе его было, по словам тов. Э., экземпляров около двухсот» [30, с. 197].

Сделать из этого сообщения вывод о том, что при жизни эмира Хабибуллы первые два тома «Сирадж ат-таварих» совершенно не поступали в продажу, было бы неправильным, так как во многих номерах газеты «Сирадж ал-ахбар» публиковались объявления о продаже этой книги с указанием цены на нее, различавшейся в зависимости от качества переплетов и стоимости материала, использованного переплетчиками. Таким образом, цифрой 200 экземпляров, по-видимому, определялся далеко не весь тираж первых томов. Незаконченные печатанием экземпляры третьего тома, очевидно, при жизни Хабибуллы в продажу не поступали и могли быть распроданы в незавершенном виде только после прекращения типографских работ над этим томом в середине 20-х годов.

Эмир Хабибулла относился к созданию исторического сочинения «Сирадж ат-таварих» как к делу всей правившей династии, побуждая своих родственников и приближенных видеть в нем мероприятие государственного значения и принимать участие в его осуществлении [25, с. 115, 116]. На титульном листе первого тома значится, что книга составлена «в соответствии с достославным приказанием его величества — падишаха правосудного и религиозного». Уже А. А. Семенов, автор первой рецензии на «Сирадж ат-таварих», отметил в 1924 г., что, как усматривается из этого заглавия, «мы имеем, так сказать, официальную историю Афганистана» [30, с. 198]. В предисловии к первому тому официальный характер этого труда виден, в частности, из слов его автора о том, что «план и хронологические рамки изложения были ему указаны эмиром» [35, с. 2].

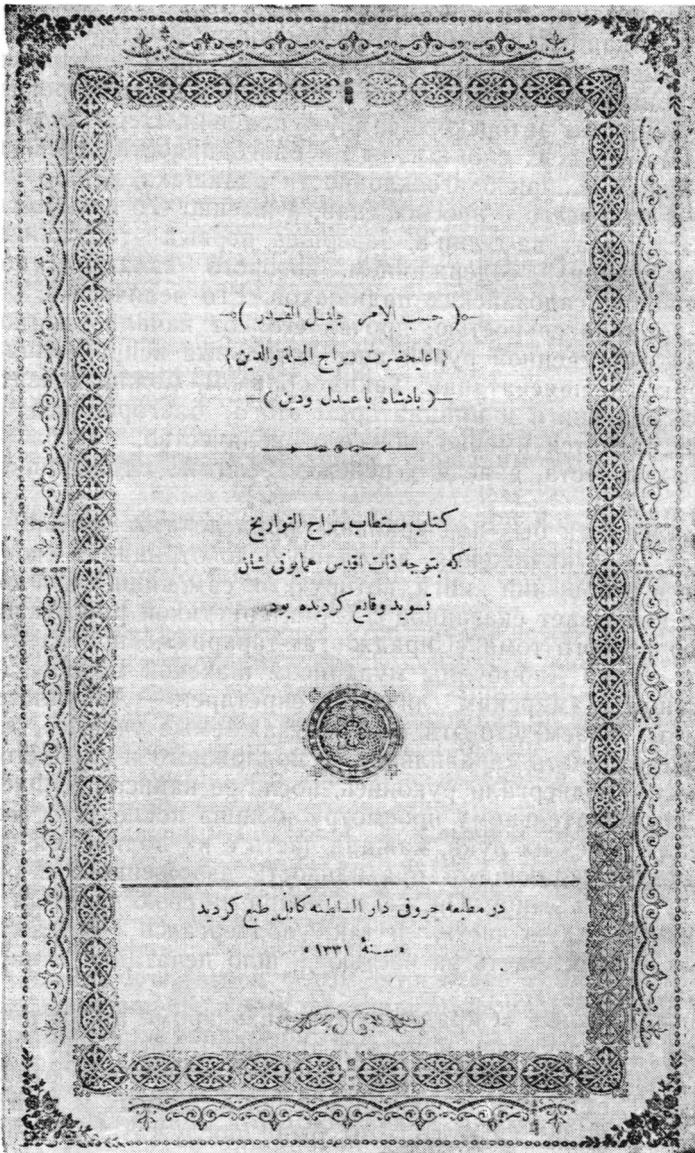
Правомерность характеристики сочинения «Сирадж ат-таварих» как официальной истории Афганистана убедительно подтверждают сведения об организации работы и контроля при написании и публикации этого сочинения, имеющиеся в самом его тексте. Подготовка к составлению «Сирадж ат-таварих» была начата еще в годы правления Абдуррахмана его сыновьями Хабибуллой и Насруллой. В дальнейшем работа по написанию и публикации направлялась эмиром Хабибуллой, контролировалась им, он принимал участие в редактировании и иногда вносил поправки в текст, держал корректуру, ему принадлежат

некоторые комментарии, напечатанные на полях книги [25, с. 116].

Об участии эмира Хабибуллы в редактировании первого тома и об организации им контроля доверенных должностных лиц над его изданием в конце тома приводятся интересные сведения от имени автора, при изложении которых употребляются традиционные для средневековой восточной историографии эпитеты и формулы авторского самоуничижения. После вступительных благочестивых слов хвалы и благодарности всевышнему, автор пишет: «...при благосклонности падишаха, ревнителя прогресса и сведущего в просвещении, а именно его величества Сирадж ал-миллат ва-д-дин'а, завершен первый том книги „Сирадж ат-таварих“, содержанием которого являются события царствования садозайских падишахов. Его величество, обладающий проницательностью, прочел его от начала до конца и одобрил, собственной рукой внес детальные исправления и отдал приказ о напечатании. Таким образом, можно сказать, что автором сей книги и инициатором этого благородного повествования является именно он — его величество, особа достохвальных качеств, а не я — невежественный служащий...» [35, с. 193].

И далее, как бы подчеркивая приведенную риторическую формулу самоуничижения, доходящую до отрицания своего авторства в отношении книги, которую он сам написал, Файз Мухаммад связывает сказанное с характеристикой работы над рукописью первого тома «Сирадж ат-таварих», проведенной по приказу эмира Хабибуллы мударисом шахской медресе Абдурауф-ханом и эмирским личным секретарем — Абдуллатиф-ханом⁴. Мы узнаем, что эти «высокоуважаемые ученые», хорошо умеющие отличать «правильное от подложного и слабое от безупречного», подвергали рукопись, после ее написания Файз Мухаммадом, тщательному просмотру и лишь после того, как она проходила через их руки, каждая часть с их подписями и печатями, подтверждающими правильность изложенного в рукописи, поступала к эмиру. Он же, несмотря на свою занятость, просматривал каждую часть, и так, подвергаясь исправлениям «лист за листом, часть за частью», шло печатание книги [35, с. 194].

При подготовке «Сирадж ат-таварих» кроме письменных источников привлекалась и устная традиция афганских племен, использовались семейные предания и воспоминания отдельных лиц. Эмир Хабибулла подобрал «людей надежных и долго проживших», чьи рассказы должны были послужить достоверным источником изустных сведений о былом, и приказал им разъяснять события прошлого и передавать «как слышанное от отцов и дедов, так и виденное своими глазами на своем веку» [35, с. 3]. В предисловии к «Сирадж ат-таварих» названы имена только трех таких информаторов, очевидно признанных заслуживающими особого доверия как хранители и передатчики тра-

Файз Мухаммад-хан. Сирадж ат-таварих. Кабул, 1331 г. х.
Титульный лист первого тома. Фото

диции: 1) Мухаммад Юсуф-хан; 2) сардар Нур Али-хан; 3) главный казий Саадуддин-хан [35, с. 3].

Мухаммад Юсуф-хан, один из младших сыновей эмира Дост Мухаммада, родился в 1845 г., умер в 1916 г. [25, с. 117]. Ранние его воспоминания восходят к 50-м годам. В 60—70-х годах он был очевидцем и участником многих политических событий, происходивших в стране. В 1880 г. принимал участие в переговорах с англичанами, завершившихся приходом к власти эмира Абдуррахмана [25, с. 117], в годы правления которого занимал различные государственные должности.

Сардар Нур Али-хан был сыном Шер Али-хана Кандахари, бывшего в качестве английского ставленника правителем якобы «независимого» Кандагарского княжества в 1880 г. и выехавшего в конце того же года с семьей в Индию. Нур Али-хан пробыл в эмиграции в Индии до 1894 г., но в мае того же года получил от эмира Абдуррахмана разрешение вернуться на родину и приехал в Кабул [35, с. 996]. Благодаря его участию как передатчика устной информации при подготовке «Сирадж ат-таварих» создалась возможность использовать в этом сочинении традицию кандагарской ветви мухаммадзайской династии.

Саадуддин-хан происходил из влиятельной баракзайской семьи казиев Кандагара, его отец Абдуррахман-хан, имевший титул «хан-и улум», был главным казием Афганистана. Саадуддин-хан, по ориентировочным данным, родился около 1848 г. и умер около 1916/17 г. [25, с. 117]. Он был известен образованностью в традиционных мусульманских науках и как человек весьма изощренный в теологических диспутах, умеющий логично аргументировать в спорах и искусно разбивать доводы оппонентов. Во время разграничения в Северо-Западном Афганистане в 1884—1887 гг., где по установлению границы работали русские и английские пограничные комиссии, Саадуддин-хан был представителем афганского эмира. Английские авторы сообщают, что Саадуддин своей остроумной аргументацией в спорах нередко ставил в тупик участвовавших в переговорах английских офицеров. С. Уилер дает ему нелестную характеристику, утверждая, что казий был «невежествен и упрям», что ему недоставало необходимых знаний для работ по разграничению, в частности будто он не умел пользоваться компасом. С. Уилер также сообщал, что Саадуддин-хан был сторонником союза Афганистана с Россией и низко оценивал могущество и ресурсы англичан [53, с. 177].

Несомненно, что как непосредственный участник разграничения 1884—1887 гг. Саадуддин-хан дал ценную информацию при описании в «Сирадж ат-таварих» событий, связанных с этим разграничением, и при комментировании содержания документов, сопровождающих его описание, в частности инструкций эмира Абдуррахмана, предназначавшихся в первую очередь для самого Саадуддина-хана. Саадуддин-хан был одним из наиболее доверенных советников эмира Абурахмана и пользовался

значительным влиянием в Афганистане и в начале XX в. В 1887—1904 гг. он занимал пост губернатора в Герате, в 1905 г. был назначен казием Кабула, в 1914 г. стал главным казием Афганистана [41, с. 219, 220].

В конце XIX в. казий Саадуддин-хан руководил деятельностью группы мусульманских ученых в Кабуле, отбиравших и переводивших на персидский язык для информации эмира и его придворных сведения, касающиеся Афганистана, из арабских и других иностранных газет. Имеются не лишние основания сообщения о том, что в создании в Кабуле литографской печати сыграла роль инициатива этих ученых и что именно по их почину была учреждена придворная библиотека, приступившая к собиранию рукописей и книг на персидском, английском и турецком языках⁵.

Кроме сведений, получаемых от назначенных эмиром трех главных передатчиков устной информации для составления «Сирадж ат-таварих», иногда привлекались рассказы и свидетельства других лиц, знакомых с описываемыми событиями [25, с. 119].

Вдохновители и руководители написания официальной истории Афганистана — эмир Хабибулла и его брат Насрулла в некоторых случаях и сами выступали как источники устной информации. Насколько можно судить по изданному тексту «Сирадж ат-таварих» и по имеющимся биографическим сведениям об эмире Хабибулле, его участие в подготовке издания было наиболее активным при написании и публикации первого тома этого сочинения. Во втором томе содержится значительно меньше указаний на непосредственную причастность Хабибуллы к изложенному материалу и к истолкованию событий, чем в первом. В третьем же томе становится заметным влияние взглядов Насруллы, в частности проявившееся в отрицательных высказываниях о модернизации в Османской Турции при описании его поездки в Лондон в 1895 г. [35, с. 1082].

Следует учитывать характеристику Хабибуллы, принадлежавшую доктору Абдулу Гани, который, высоко оценивая ум и замечательную память Хабибуллы в его молодые годы, отмечал, что эмир впоследствии настолько страдал вызванным излишествами ослаблением способности к умственной работе, что даже малейшее умственное напряжение уже утомляло его [25, с. 119].

В предисловии к «Сирадж ат-таварих» помещен список 16 книг, использованных при его написании [35, с. 3]. Названия книг в этом списке приводятся без соблюдения современных библиографических правил, часто используются краткие обиходные их наименования без указания авторов, иногда сообщаются только имена авторов и опускаются названия сочинений и т. п. (см. [30, с. 200; 25, с. 119, 120]).

Сам по себе факт помещения в предисловии к историческому труду списка использованных при его написании сочинений не

является новым для историографии Ближнего и Среднего Востока эпохи феодализма. Подобного рода списки, в которых упоминаемые сочинения приводятся обычно в их сокращенных, обиходных названиях, встречаются во многих исторических трудах. В качестве примера можно привести широко известный труд по всеобщей истории Мирхонда «Раузат ас-сафа», в предисловии к которому помещен список, насчитывающий около 30 названий использованных сочинений.

Действительно новым в «Сирадж ат-таварих», написанном в начале XX в., является состав использованных книг. Среди них есть несколько изданий, содержащих фактические данные, в основном географические, отражающие уровень европейской науки XIX в. и в ряде случаев выходящие за пределы средневековых представлений о нашей планете и странах и народах Земли. Остановимся только на этих изданиях, не вдаваясь в разбор остальных упомянутых в приведенном в «Сирадж ат-таварих» перечне книг исторического содержания, написанных главным образом в Индии и в Иране, в большинстве своем сравнительно хорошо известных востоковедам.

Указанная в списке под № 12 книга «Хаят-и Афгани» была написана на языке урду и издана в Лахоре в 1867 г. Там же в 1874 г. был опубликован ее английский перевод, несколько неполный, так как в него не вошел раздел, посвященный пуштунскому племени марватов. Автором этой книги был Мухаммад Хаят-хан (ум. в 1901 г.), пенджабец, находившийся на службе у англичан. Он поступил на службу в английской колониальной администрации в 1862 г., впоследствии в качестве политического чиновника сопровождал генерала Робертса в Афганистан во время второй англо-афганской войны, затем служил в Кашмире в качестве члена совета, после чего был назначен на пост судьи области Мультиан, с которого вышел в отставку за несколько лет до своей смерти; имел титул наваба [25, с. 120].

Несмотря на проанглийскую направленность и тенденциозность в освещении политических событий своего времени и в отдельных случаях неполноту в использовании восточных исторических источников, книга Мухаммада Хаят-хана является одним из наиболее ценных сводов сведений XIX в. по истории и этнографии афганцев, содержит уникальные сведения о родоплеменном составе и традиционных генеалогиях афганских племен, об их обычаях. Сохраняют свое значение и исторические разделы, сопровождающие описание каждого племени, при написании которых автор пользовался не только более ранними историческими сочинениями, но также и материалами из семейных архивов афганских феодалов, изустными народными преданиями и различными сведениями, полученными путем расспросов. В предисловии к «Хаят-и Афгани» перечислены использованные письменные источники на персидском, пушту, а также на английском языке — книги Эльфинстона, Феррье, Эдвардса, Раверти, Бернса, Мохан Лала и некоторых других авторов. Как

видно из предисловия к нему, работа над сочинением «Хаят-и Афгани» была закончена Мухаммадом Хаят-ханом в 1865 г.

Помещенное в списке под № 14 сочинение по всеобщей географии на арабском языке Ван Дейка (1818—1895) опубликовано на арабском языке в Бейруте и вышло в свет тремя изданиями. Корнелиус Ван Ален Ван Дейк находился в течение длительного времени в Сирии в составе американской медицинской миссии и руководил издательской деятельностью этой миссии в Бейруте в 1857—1880 гг.; он был автором многих книг учебно-педагогического характера на арабском языке. Перевод указанного в списке географического сочинения Ван Дейка на персидский язык [10] издан в Бомбее [40].

В начале этого сочинения излагаются основные сведения о земном шаре [10, с. 4—7], приводится карта мира в меркаторской проекции и карта полушарий [10, с. 10, 11]. Книга заканчивается данными о размерах окружности Земли и сообщением об открытии Антарктиды. Изложение материала о частях света, странах и народах сопровождается картами Азии, Европы, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии с Океанией. В целом книга, очевидно предназначавшаяся как учебное пособие, отражала уровень географических знаний середины XIX в. Приведенные в ней многочисленные цифровые данные относятся ко времени не позже чем начало 50-х годов XIX в., что легко прослеживается по цифрам численности населения столиц государств, приведенных для большинства упоминаемых в тексте столиц. Так, численность населения Петербурга указана в 500 тыс., Москвы — 300 тыс., Парижа — 1 млн. [10, с. 139, 140, 154].

Указанная в списке под № 16 книга «Джам-и Джем» («Чаша Джамшида») представляет собой перевод на персидский язык книги Уильяма Пиннока (1782—1843), выполненный в 1854—1856 гг. Переводчиком был Фархад-мирза Мутамад ад-даула, внесший в книгу некоторые добавления. Следует отметить, что, используя в качестве названия переведенной им книги У. Пиннока образное выражение «Чаша Джамшида», Фархад-мирза мог следовать традиции, поскольку это выражение и до него применялось в восточной географической литературе для обозначения трудов, содержащих картину мира, основанную на данных европейской географической науки нового времени⁶.

Последнее издание на английском языке переведившейся Фархад-мирзой книги У. Пиннока было опубликовано в Нью-Йорке в 1835 г. [45, стб. 399]. У. Пиннок начал свою деятельность провинциальным школьным учителем в Англии, а после переезда в 1817 г. в Лондон приобрел известность главным образом как популяризатор науки и издатель общедоступных пособий, организовавший в широких масштабах публикацию учебной литературы по самым различным областям знания [43, с. 1207]. В частности, он издал под своим именем множество

небольших книжек, составленных в форме вопросов и ответов на них в виде «катехизисов», хотя считается, что выполнявшаяся им самим для этой серии авторская работа была незначительной [43, с. 1207]. Среди них были книжки по самым различным областям знания — по грамматикам древних и новых языков, сельскому хозяйству, анатомии, ботанике, орнитологии, геологии, логике, математике, механике, медицине, навигации, геральдике, поэзии и т. д. [45, стб. 393—400]. Издававшаяся У. Пинноком серия таких книжек была очень дешевой, 83 книжки из этой серии стоили всего лишь по 9 пенсов каждая. Они широко распространялись и пользовались в свое время успехом не только в Англии, но и за ее пределами; некоторые книжки переводились на французский и немецкий языки.

Кроме книжек этой серии У. Пиннок публиковал иногда и значительно более объемистые книги, одной из которых был свод сведений по географии и истории, переведенный на персидский язык Фархад-мирзой.

Под № 15 в списке значится автобиографическое сочинение Абдурахмана «Панднама-йи дунйа ва дин», которое по замыслу автора должно было стать первой главой задуманного им обширного труда из 16 глав [15, с. 141]. Однако Абдурахману не удалось сколько-нибудь полно осуществить свой план. Изданная им в Кабуле в 1886 г. книга, представлявшая собой первую главу задуманного труда, получила то же название, которое предназначалось для всего сочинения. Книга напечатана литографским способом в Кабульской эмирской типографии на больших листах форматом 30×42 см, объемом 140 страниц. Литография была выполнена красивым насталиком, как предполагают, рукой Шер Мухаммада [15, с. 141]. По внешнему виду это было роскошное издание как по своему необычно большому формату⁷, так и по качеству оформления. «Панднама-йи дунйа ва дин» была напечатана очень малым тиражом. В библиотечных каталогах ее нет, вероятно, в библиотеках она совершенно отсутствует. Как сообщил в письме Мухаммад Сиддик Тарзи, литография «Панднама-йи дунйа ва дин» представляет собой очень редкое издание и немногие экземпляры, о которых есть сведения, находятся у частных лиц в Кабуле и Пешаваре. В советской литературе краткое описание и характеристика книги «Панднама-йи дунйа ва дин» впервые были опубликованы в статье Т. Н. Голубевой [13]. Рукопись Абдурахмана, послужившая основой для литографского воспроизведения, находилась в Кабульской публичной библиотеке [46, с. 217].

В 1894—1895 гг. по приказу эмира Абдурахмана над расширением и частичной переработкой сочинения «Панднама-йи дунйа ва дин» трудился в Кабуле эмирский мир-мунши Султан Мухаммад-хан под руководством принца Хабибуллы и дяди эмира Мухаммада Юсуфа [46, с. 217]. Впоследствии этот новый вариант автобиографии Абдурахмана был переведен на английский язык и составил первый том изданной в Лондоне в двух

томах Султаном Мухаммад-ханом книги «Жизнь Абдурахмана эмира Афганистана» [50]. Эта книга вызвала интерес в прессе и послужила поводом к оживленным спорам (см. [9, с. 1127; 27]), в связи с которыми поднимался вопрос о надобности установить действительное авторство книги и уточнить обстоятельства ее опубликования, поскольку имевшиеся на сей счет неясности не позволяли с определенностью судить о степени ответственности за текст лиц, причастных к публикации. Многими участниками дискуссии об аутентичности ее текста ставилось под сомнение или в той или иной мере отрицалось авторство Абдурахман-хана прежде всего в отношении второго тома этой книги.

К тому же и сразу же после выхода в свет этого издания, и в дальнейшем находились люди, отстаивавшие с большей или меньшей категоричностью взгляд на принадлежность самому Абдурахману, полностью или почти полностью, обоих томов опубликованной Султаном Мухаммад-ханом книги. В пользу такого взгляда высказался, в частности, британский дипломат М. Дюранд, который утверждал, будто «Автобиография» (так он неверно именовал публикацию Султана Мухаммад-хана в целом) «с исключительной точностью выражает взгляды эмира», и уверял, что в ней «множественно попадались места», в которых «слово в слово» передавалось то, что эмир излагал ему во время бесед с ним [44, с. 5]. К этим уверениям М. Дюранда следует относиться максимально осторожно, поскольку он был явно заинтересован в том, чтобы представить содержание второго тома полностью восходящим к самому эмиру. Миссия М. Дюранда 1893 г. была в этом томе описана очень идеализированно и деятельность британского дипломата представлена как весьма благоприятная для Афганистана.

Впоследствии острота многих вопросов, некогда злободневных, отошла в прошлое, и опубликованная Султаном Мухаммад-ханом книга об эмире Абдурахмане стала рассматриваться как один из любопытных исторических источников, подлинный текст которого на языке дари до нас, к сожалению, не дошел, а многие обстоятельства, связанные с подготовкой и изданием его английского перевода, остались загадочными⁸. Автобиографией изданная Султаном Мухаммад-ханом книга в целом считаться не может, такое название приложимо только к ее первому тому, что в свое время было отмечено В. В. Бартольдом [7, с. 304, 305].

Поскольку персидский оригинал книги Султана Мухаммад-хана «Жизнь Абдурахмана» оставался недоступным, многочисленные опубликованные ее переводы на различные языки выполнялись с английского издания, т. е. с перевода, а не с оригинала, в их числе и обратные переводы на персидский язык, напечатанные в Мешхеде и в Лахоре литографским способом под названием «Тадж ут-таварих». В 1902 или в 1904 г. в Агре был издан перевод с английского издания Султана Мухаммад-хана

на язык урду, в 1917 г. в Иркутске опубликован перевод первого тома книги «Тадж ут-таварих» на турецкий язык; наконец, в 1960 г. вышел перевод с английского на пушту. Все эти переводы получили при публикации различные названия [23, с. 117, 118, 119]. Русский перевод М. Грулева с английского издания, вышедший в Петербурге в 1901 г., малоудовлетворительный вследствие значительного количества ошибок и искажений, опубликован под неверным названием «Автобиография Абдурахмана».

Все перечисленные здесь переводы содержат искажения и ошибки, они могут быть полезны только для приблизительной ориентировки в содержании автобиографического сочинения Абдурахмана, однако при его использовании как источника и для цитирования необходимо обращаться к тексту «Панднама-йи дунйа ва дин» либо, на худой конец, к английскому изданию Султана Мухаммад-хана, но в этом случае с обязательной сверкой цитат с текстом сочинения «Сирадж ат-таварих», при написании которого был использован оригинал автобиографии Абдурахмана, о чем в нем имеется ряд упоминаний [35, с. 258, 296, 322, 331, 656].

Сличение литографского издания «Панднама-йи дунйа ва дин» с английским переводом жизнеописания Абдурахмана, напечатанным первым томом публикации Султана Мухаммад-хана, показывает, что при идентичности содержания в целом имеются, однако, некоторые различия в тексте. В частности, в «Панднама-йи дунйа ва дин» с большей обстоятельностью рассказано о событиях в Средней Азии, происходивших во время пребывания там Абдурахмана в 1870—1879 гг., а также несколько подробнее и правильнее в деталях изложены его наблюдения, касающиеся быта русских, с которыми он встречался в Ташкенте. Отличаются хронологические рамки вариантов: в публикации Султана Мухаммад-хана изложение событий в первом томе доводится до завоевания Кафиристана в 1895—1896 гг. включительно, а в «Панднама-йи дунйа ва дин» — только до прибытия Абдурахмана при возвращении его на родину в начале 1880 г. в Кундуз из Бадахшана. Текст «Панднама-йи дунйа ва дин» не был разбит на какие-либо разделы, а в издании Султана Мухаммад-хана он разделен на главы и на входящие в них более мелкие разделы или параграфы.

Кроме автобиографической главы сочинения «Панднама-йи дунйа ва дин» имеется еще более ранний, очень краткий вариант автобиографии Абдурахмана, содержащийся в написанной им сразу же после приезда в русские владения в Средней Азии в начале 1870 г. небольшой работе, в русском переводе озаглавленной «История Афганистана прошлых годов», выполненной Абдурахман-ханом для туркестанского генерал-губернатора. Русский перевод этой работы имеется в архивах СССР; мы пользовались копией, хранящейся в ЦГВИА⁹. В работе кратко изложены происходившие в Афганистане в 60-х годах

XIX в. события, очевидцем и участником которых был Абдурахман, в результате которых он должен был покинуть родину и стать эмигрантом, а также приводятся некоторые интересные сведения о Хивинском ханстве, посещенном им во время странствий по Средней Азии, и т. п. Рассказов о детских и юношеских годах Абдурахмана, о его воспитании и образовании и т. д., составляющих одну из ценных частей позднейших вариантов «Автобиографии», в этом — первоначальном ее наброске — еще совсем не было. Однако все же написанная Абдурахманом для туркестанского генерал-губернатора «История» носит в значительной мере автобиографический характер и может в некоторых аспектах рассматриваться как первоначальный краткий вариант составленного впоследствии более подробного его автобиографического сочинения. Для истории создания текста этого сочинения первоначальный его набросок, русский перевод которого сохранился в архивах СССР, является одним из полезных источников.

Появление довольно многочисленных переводов книги Султана Мухаммад-хана было вызвано интересом к истории Афганистана и к личности Абдурахмана, основные события жизни которого начиная с его детских лет и до 90-х годов XIX в. изложены в первом томе. Абдурахман-хан, сын Афзал-хана и внук Дост Мухаммада, родился в 1844 г. и был эмиром в Афганистане в 1880—1901 гг. Детские годы он провел в Кабуле, а отрочество и юность в Афганском Туркестане, где его отец был правителем в Балхе. Обучение, которое проходил Абдурахман, включало такие, видимо типичные при воспитании знатного юноши феодальных времен занятия, как стрельба, верховая езда и охота со свитой в несколько сот всадников, с собаками и ловчими птицами. В юные годы Абдурахман проявлял склонность к военному делу и к ремеслам, работал не без успеха в оружейной мастерской под руководством выписанных отцом для него из Кабула мастеров. Значительно хуже ему давалось усвоение мусульманской книжной учености, он испытывал большие трудности даже в приобретении самых элементарных навыков в грамоте. Рассказывая о своих занятиях в Балхе, он сообщает, что чтение и письмо давались ему весьма туго и мысли его были не в пример больше заняты верховой ездой и стрельбой, чем уроками.

Ограничиваясь приведенной краткой характеристикой «Панднама-йи дунйа ва дин» и других автобиографических произведений Абдурахмана, отметим, что они занимают особое место среди книг, послуживших источниками для исторического труда «Сирадж ат-таварих». Из произведений Абдурахмана были не только почерпнуты конкретные данные для описания ранних лет его жизни и тех политических и военных событий, современником, очевидцем или участником которых ему довелось быть, но высказанные в этих произведениях его суждения и оценки, относящиеся как к современным ему историческим лицам и их

деятельности, так и к людям и делам прошлого, в ряде случаев заметно повлияли на освещение и истолкование материала, изложенного в «Сирадж ат-таварих». Влияние взглядов Абдурахмана на осмысление истории в «Сирадж ат-таварих» сказывалось и опосредствованно — через сыновей этого эмира Хабибулла-хана и Насрулла-хана, много воспринявших от него и руководивших подготовкой к составлению официальной истории, ее написанием и публикацией.

Биография Файза Мухаммад-хана — автора «Сирадж ат-таварих» — не только помогает лучшему пониманию этого труда, но и позволяет уточнить историю его создания. К тому же сведения об авторе «Сирадж ат-таварих», о его жизненном пути представляют интерес и в более широком историческом плане, имеют самостоятельное научное значение. Его биография дополняет выразительными штрихами картину недавнего культурного прошлого Афганистана, страны, переходившей от феодального средневековья в эпоху современности лишь в нашем веке.

Однако здесь, во избежание повторений, целесообразно ограничиться краткой биографической справкой о Файзе Мухаммад-хане, поскольку недавно были опубликованы две статьи о его жизни [24; 26].

Файз Мухаммад-хан [1862—1931], сын Саида Мухаммада Могола, происходил из хазарейцев Афганистана района Газни. Он родился в газнийском Карабаге, получил сначала традиционное образование и обучался арабскому языку у местных мулл, а затем продолжал образование в Индии, где учился в 80-х годах в Лахоре и в Пешаваре. Там он занимался, в частности, языками — урду и английским. В 1305 г.х. (1887/88 г.) Файз Мухаммад возвратился из Пешавара в Джелалабад, в 1893 г. [35, с. 868] поступил на службу к принцу Хабибулла-хану в качестве делопроизводителя-секретаря и переписчика книг с жалованьем 200 рупий в год, затем находился у него на службе в течение 26 лет и стал в годы его правления (1901—1919) придворным летописцем и официальным историографом.

Сначала по приказу эмира он написал историю Афганистана в двух томах, завершленную к концу 1904 г. и названную в честь Хабибулла-хана «Тухфат ал-хабиб». Однако это сочинение эмиру не понравилось, оно не было опубликовано и сохранилось лишь в рукописях; имеются сведения о двух его списках [42, с. 94; 49, с. 62]. Затем Файзу Мухаммаду было поручено составить историю Афганистана заново. Это историческое сочинение и получило название «Сирадж ат-таварих», работа Файза Мухаммада над ним проводилась под строгим эмирским надзором и тщательно контролировалась. Продолжая эту работу, Файз Мухаммад одновременно сотрудничал в газете «Сирадж ал-ахбар», выходившей в Кабуле с октября 1911 до 18 декабря 1918 г. [18, с. 63].

В годы правления Аманулла-хана (1919—1929) источником средств существования для Файза Мухаммада становится ре-

дакторская и педагогическая деятельность. Сначала он принимает участие в подготовке и издании учебников и служит в редакционном управлении министерства просвещения Афганистана, затем преподает литературу и историю в лицее «Хабибия» и в последние годы существования младоафганского режима работает в редакции газеты «Анис» [18, с. 203]. Сведения о занятиях и трудах Файза Мухаммада в годы реформ показывают, что автор «Сирадж ат-таварих», представитель немногочисленной интеллигенции старого феодального Афганистана, нашел свое место в новой жизни своей родины, получил возможность применения своих знаний и способностей, участвуя в обновлении культуры страны, и пользовался доверием и большим уважением среди младоафганцев.

Во время правления Бача-и Сакао в 1929 г. Файз Мухаммад был отправлен с посольством к хазарейцам, не желавшим признавать власть этого правителя. Вследствие неудачи миссии историк навлек на себя гнев Бача-и Сакао, был подвергнут наказанию палками и брошен в тюрьму. Из тюрьмы он вскоре был освобожден, однако здоровье его было подорвано. Умер он в Кабуле в начале 1931 г.

В соответствии с зафиксированными в «Сирадж ат-таварих» указаниями эмира Хабибуллы автору этого сочинения предписывалось не только изложить исторические события, но также составить (в качестве приложения к книге) географию Афганистана «в его нынешних пределах» [35, с. 9] и генеалогии афганских племен, сопроводив генеалогии сведениями о численности каждого племени [35, с. 3].

Остается неизвестным, было ли такое приложение составлено полностью. В первом томе «Сирадж ат-таварих» после предисловия помещены краткие географические сведения, преимущественно относящиеся к Афганистану «в его прежних пределах», т. е. ко времени существования Дурранийской державы второй половины XVIII — начала XIX в. Лишь некоторые приведенные данные имеют отношение к описанию страны в границах конца XIX — начала XX в.

Эти географические сведения извлечены из книг «Хаят-и Афгани» и «Тарих-и Султани», а также из упомянутого выше персидского перевода сочинения У. Пиннока и из труда Корнелиуса Ван Дейка. Последний оценивается в «Сирадж ат-таварих» как источник, содержащий наиболее правильные и точные данные по географии Афганистана [35, с. 6]. Изложение географических сведений во вступительной части первого тома «Сирадж ат-таварих» сопровождается замечанием, что такого рода материал обычно не включается в состав исторических сочинений [35, с. 9].

Описание исторических событий начинается кратким рассказом о ранних годах жизни Ахмад-хана, будущего шаха Афганистана, в частности говорится о его участии в походах Надир-шаха. В форме небольших рассказов, расположенных в хроноло-

гической последовательности, построено и дальнейшее изложение истории времени правления Ахмад-шаха и его преемников. При описании событий конца XVIII в. приводятся данные об административно-налоговой и военной системе правления Шах-Замана (1793—1801), в частности о денежном содержании воинов и о вознаграждении некоторых кавалеристов и военачальников путем пожалований, для обозначения которых применены термины «тиюль» и «суюргаль» [36, с. 56]. Наличие этих данных было отмечено уже А. А. Семеновым [30, с. 202], а впоследствии их использовал в сопоставлении с материалом из других источников Ю. В. Ганковский в своей монографии, посвященной империи Дуррани [12, с. 109, 143, 144, 151, 155].

При изложении истории первых лет XIX в. приводится рассказ [35, с. 67] о восстании жителей Кабула, которое привело к свержению в 1803 г. Махмуд-шаха и к приходу к власти шаха Шуджа уль-Мулька (1803—1809). В повествовании о событиях времени правления последнего встречаются сообщения о приезде в Афганистан посольства из Бухары [35, с. 69] и о прибытии в Пешавар, где тогда находился шах Шуджа, миссии Ост-Индской компании во главе с Эльфинстоном, заключившим в 1809 г. с афганским шахом договор, содержание которого довольно подробно передано в «Сирадж ат-таварих» [35, с. 77, 78].

Содержание некоторых дипломатических документов излагается в первом томе «Сирадж ат-таварих» и в дальнейшем, при описании предыстории и истории англо-афганской войны 1838—1842 гг. [35, с. 135, 136, 143]. С другой стороны, в отличие от истории XVIII в., написанной в основном на базе книжных источников, при изложении событий первой половины XIX в. в сравнительно более значительной мере используется устная информация, воспоминания их современников и участников. Одним из эпизодов, в рассказе о которых прослеживается привлечение устной традиции, является отъезд Дост Мухаммада в Бухару, история его временного пребывания там вместе со своими сыновьями и возвращения их на родину [35, с. 152, 153 и сл.].

В первых рассказах исторического содержания в «Сирадж ат-таварих» некоторые данные о приходе к власти Ахмад-шаха и о начале его правления почерпнуты из «Тарих-и Надири» Махди-хана [35, с. 10] и из «Истории Персии» Дж. Малькольма [35, с. 13]. Больше всего материала для описания событий этого периода и последующих лет истории Афганистана во второй половине XVIII в. взято из «Тарих-и Султани» и «Тарих-и Ахмади», были использованы также «Хизана-и Амира», «Рисала» Али-Кули Мирзы, «Насих ат-таварих», «Раузат ас-сафа-и Насири» и некоторые другие книги из списка 16 сочинений, приведенного в предисловии. Из не упомянутых в этом списке встречаются единичные сообщения о других привлекавшихся источниках, в частности о сочинении «Сайр ал-мутахирин». При изложении событий, непосредственно предшествовавших первой англо-афганской войне и ее истории, автор «Сирадж ат-таварих»

пользовался дневником шаха Шуджи, трактатом Джамалуддина Афгани, сочинением «Мухараба-и Кабул ва Кандахар» и стихотворным произведением Хамида Кашмири. Рассказывая об этой войне и об осаде Герата иранцами в 1837—1838 гг., Файз Мухаммад многократно обращался к «Насих ат-таварих» [26, с. 27]. Изложение истории в первом томе «Сирадж ат-таварих» завершается описанием возвращения Дост Мухаммада из Индии в 1843 г. [35, с. 193].

Учитывая отмеченное выше использование устной традиции при изложении событий XIX в., следует подчеркнуть, что в первом томе «Сирадж ат-таварих» лишь разделы о событиях XVIII в. основаны преимущественно на книжных источниках и имеют в этом смысле компилятивный характер.

Второй том «Сирадж ат-таварих» составлен в значительной мере, а в ряде эпизодов и преимущественно, на основе устной информации. В источниковедческом аспекте этим обстоятельством объясняются многие его слабые стороны и тот факт, что степень полноты и достоверности изложенного материала неодинакова для различных периодов. При описании событий 40-х [35, с. 398—208], 50-х [35, с. 209—237] и 60-х годов XIX в. [35, с. 238—325] резко всего проявляются недостатки, свойственные историографии, основанной главным образом на воспоминаниях и не откорректированной ни документальными данными, ни письменными источниками, содержащими надежные сообщения современников. Эти недостатки — отрывочность и фрагментарность изложения, сбивчивость хронологии и неточности в датах. Вместе с тем и в изложении событий середины XIX в. иногда встречаются интересные сведения по внутренней, а отчасти и внешнеполитической истории Афганистана.

При изложении более позднего материала, относящегося к концу 60-х и началу 70-х годов XIX в., использованная устная информация становится источником более достоверным, поскольку ее главные передатчики были современниками описываемых событий, а в ряде случаев их очевидцами и участниками. Наиболее подробно излагаются факты внутренней истории Афганистана в последних разделах второго тома, посвященных описанию англо-афганской войны 1878—1881 гг. и обстоятельств, связанных с приходом к власти Абдурахмана.

Изложение ранних событий биографии Абдурахмана в значительной мере основано на его собственном жизнеописании «Панднама-йи дунья ва дин», т. е. на записи собственных воспоминаний (мемуаров).

Третий том «Сирадж ат-таварих», в изданных разделах которого описываются события 1880—1896 гг., — один из лучших источников по истории Афганистана этого периода. Изложение в нем основано главным образом на документальном материале. Значительная часть рассказов о событиях почерпнута непосредственно от очевидцев-современников и участников изложенных эпизодов. Человеком, хорошо осведомленным в том, что

происходило в описываемое время в стране, был и сам автор сочинения.

В текст третьего тома включены несколько отдельно изданных документов и публиковавшихся в Кабуле литографским способом брошюр политического, административного и административно-судебного характера. Но большая часть использованного документального материала извлечена из архивов эмирских канцелярий. Эти многочисленные неопубликованные документы часто цитируются в третьем томе в кратком пересказе, но иногда приводятся в пространных извлечениях, содержание некоторых из них передается полностью.

При изложении содержания документов эмирские ферманы, письменные распоряжения и инструкции должностным лицам приводятся, как правило, в более подробной передаче, а пересказ докладов и донесений, поступавших к эмиру снизу, от его военачальников, чиновников и тайных агентов, приводится гораздо более краткий.

В целом третий том «Сирадж ат-таварих», как и все сочинение, относится по своему жанру к источникам повествовательного характера. Документальные данные включаются в рассказы о событиях, сгруппированные в хронологической последовательности. Однако в отличие от первых двух томов третий том представляет собой основанную главным образом на документах подробную хронику, летопись современных автору событий.

Велико информативное значение содержащегося в нем материала, позволяющего уточнить и дополнить сведения других источников по самым различным вопросам истории Афганистана в 80—90-х годах XIX в. Изложение в третьем томе начинается с краткого описания прихода к власти Абдуррахмана [35, с. 378, 379] и событий первого года его правления, т. е. 1298 г.х. (1880/81 г.). Сообщается о выступлении против него Аюб-хана и их борьбе за Кандагар, закончившейся поражением Аюб-хана и взятием Герата Абдул-Куддус-ханом, военачальником Абдуррахмана. Приводятся интересные сведения, характеризующие весьма осторожную политику Абдуррахмана в отношении среднеазиатских соседей Афганистана — Бухары, Хивы и туркмен. В конце 1881 г. афганский эмир ответил отказом на присланное ему хивинским ханом предложение союза против России [35, с. 383], а затем отказал в просьбе Махтумкули, одному из мервских ханов, о присоединении Мерва, тогда еще независимого, к Афганистану [35, с. 388].

Далее значительный материал, в том числе и документальный, по пограничным вопросам и взаимоотношениям с Англией и Россией приводится при описании разграничения в Северо-Западном Афганистане в 1884—1885 гг. [35, с. 440—466]. Вопросам пограничной политики уделяется много места в третьем томе «Сирадж ат-таварих» и при изложении событий последующих лет, причем приводятся более или менее подробные пере-

сказы ферманов, письменных распоряжений, наставлений и инструкций афганского эмира своим должностным лицам и более кратко сообщается об их действиях и донесениях. Этот материал относится преимущественно к русско-афганской и индо-афганской границе; некоторые сведения имеются и в отношении ирано-афганской границы [26, с. 28].

Любопытные подробности, характеризующие взгляды афганской стороны, содержатся в описании переговоров Абдуррахмана с вице-королем Индии Дафферином в Равалпинди в 1884 г. [37, с. 456—464]. В этом описании в основном воспроизводится текст брошюры о переговорах, составленной по поручению эмира дабиром Мухаммадом Наби-ханом и опубликованной в Кабуле в 1886 г.

Однако более всего сведений в третьем томе «Сирадж ат-таварих» относится к внутренней истории Афганистана. Среди них отметим данные о налогах, обмерах земель, о землевладении [26, с. 28]. Многочисленны сообщения о содержании различных документов, касающиеся общих и частных вопросов административного характера; в их числе имеется полный текст правил для хакимов вилайетов, действовавших в Афганистане до 1919 г. [35, с. 762—771].

Для истории горного дела интересны данные о работе рудников в Бадахшане, о количестве добытых там ляпис-лазури и других ценных минералов и свинца [35, с. 503, 702, 736, 943, 976, 980, 1023, 1026, 1028, 1087, 1113, 1159, 1167, 1168, 1190]. Для геологов могут оказаться полезными сведения о появлении источника нефти в русле р. Герируд около Кухсана [35, с. 1026], основанные на донесении об этом гератского наместника, поступившем в Кабул в августе 1894 г. В донесении утверждалось, будто бы нефть из этого источника по качеству воспламеняемости и горючести не уступала лучшей нефти, добываемой в Иране в Ахвазе. Эмиру были доставлены бутылки с полученной из этого источника нефтью.

В источниковедческом аспекте третий том «Сирадж ат-таварих» следует рассматривать прежде всего как обширный свод материалов, освещающих с различной степенью полноты и достоверности многие стороны жизни Афганистана конца XIX в. В отдельных случаях содержащиеся в этом томе сведения уникальны и в других источниках отсутствуют.

Оценивая место сочинения «Сирадж ат-таварих» в целом в историографии Афганистана, отметим, что это сочинение представляет собою официальную версию истории страны, вступившей в XX в. при преобладании феодальных отношений. Труд этот при обилии собранного фактического материала, особенно обширного в летописном изложении событий позднейшего времени в третьем томе книги, в общем еще не выходит из обычных для феодальной историографии рамок по своей тематике, по кругу затронутых вопросов и по характеру их освещения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в этом труде прослеживается,

с одной стороны, следование традиции придворного летописания, а с другой — проявляются тенденции развития культуры в русле «просвещенного абсолютизма» в стране, стоявшей на пороге национально-буржуазного развития и остро нуждавшейся в реформах, необходимость которых, прежде всего в области военной и технической, отчасти осознавалась правящей верхушкой.

Новое проявлялось в расширении кругозора автора и других лиц, принимавших участие в работе над книгой, в использовании находившейся в известной мере на уровне европейской науки XIX в. географической и исторической литературы, содержащей информацию, которая выводила читателей за рамки средневековых представлений. Наблюдается стремление к описанию исторических событий с привлечением более широкого круга источников и литературы, опубликованных в соседних странах Востока, авторы которых в отдельных случаях, как, например, Мухаммад Хаят-хан, сравнительно полно использовали не только восточные, но и английские источники. Однако более всего новизна третьего тома «Сирадж ат-таварих» в историографии Афганистана состоит в том, что изложение материала в нем в значительной мере основано на архивных документах. Это было новым не только для афганской, но и для историографии Ближнего и Среднего Востока.

Опубликование трех томов сочинения «Сирадж ат-таварих» следует рассматривать и как определенный этап в истории развития книжного дела в Афганистане. Это была одна из первых книг, напечатанных подвижным шрифтом в стране, где прежде издание книг осуществлялось только литографским способом.

В более широком историко-культурном плане написание официальной истории «Сирадж ат-таварих» и публикацию трех томов этого сочинения следует рассматривать как одно из существенных проявлений процесса роста национального самосознания афганцев в годы, непосредственно предшествовавшие завоеванию независимости. Рост национального самосознания в те годы был вызван происходившим, несмотря на все препятствия, складыванием афганской нации. Он проявился и в развитии национальной культуры, в деятельности Махмуда Тарзи и его сподвижников на поприще просветительства, в начинавшемся новом этапе развития письменной литературы на языке пушту. В то же время имело место повышение интереса к истории своей родины со стороны интеллигенции Афганистана, в частности среди образованных людей из окружения эмира. Сам Хабибулла-хан разделял интерес к истории, руководствуясь, как уже отмечалось выше, желанием укрепить популярность своей династии освещением прошлого в выгодном для нее духе. В 1918 г. на основе эмирских коллекций в Кабуле был создан первый в Афганистане музей, впоследствии ставший одним из центров национальной культуры и ныне пользующийся широкой известностью благодаря хранящимся в нем находкам археологов, древним монетам, произведениям искусства и т. п. Создание этого

музея и составление официальной истории Афганистана явились предпосылками развития последовавших исследований своего прошлого в современном Афганистане.

¹ Пагинация в первых двух томах и в изданных разделах третьего тома «Сирадж ат-таварих» сквозная.

² Однако неизвестно, сохранились ли эти оттиски, а если сохранились, то где они находятся.

³ Грамота королевы Виктории о награждении эмира Абдурахмана этим орденом была датирована 11 апреля 1885 г., в третьем томе «Сирадж ат-таварих» (стр. 468) приводится перевод ее на фарси, а также дается описание ларца, в котором была доставлена награда.

⁴ Абдуллатиф-хан был особо доверенным лицом у эмира Хабибуллы, находился у него на службе с конца 80-х годов XIX в., имел титул «муниши-и хузуур» и получал жалованье в размере 4833 и $\frac{1}{8}$ кабульской рупии в год [35, с. 1236].

⁵ Считается, что эта библиотека послужила впоследствии ядром при организации в Кабуле Публичной библиотеки [19, с. 189].

⁶ Фархад-мирза имел в этом отношении предшественника в географической литературе Турции XVIII в. в лице Петро Бараниана, включившего выражение «Чаша Джамшида» в название своего сочинения, являвшегося переработкой части французского труда по географии, изданного впервые в Париже в 1678 г. (см. [16, с. 651]).

⁷ По описанию 28 кабульских литографий времени Абдурахмана, содержащемуся в статье Джавида, формат остальных изданий колебался от 12×13 до 27×22 см. Наибольшим форматом после «Панднама-йи дунйа ва дин» была выпущена книга о портяжном искусстве, переведенная с английского — 27×22 см, с чертежами выкроек [15].

⁸ Султан Мухаммад-хан в своем предисловии к английскому изданию книги сообщил, что он намеревается поместить рукопись сочинения в Восточный зал библиотеки Британского музея. Однако она туда не поступила; предполагают, что в настоящее время она находится в частной коллекции пакистанского поэта Фаиза Мухаммада, сына Султана Мухаммад-хана [46, с. 220].

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6821 за 1870 г., л. 72—86.

Литература

1. *Абдурахман-хан*. Панднама-йи дунйа ва дин. Кабул, 1886.
2. Агехи, Шахид-и икбал, рук. ЛО ИВ АН, С-572.
3. *Азизуддин Вакили Фуфалзай*. Тимур-шах Дуррани. Т. 1. Кабул, 1346[1968].
4. *Бабаходжаев М. А.* Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана, конец XIX в. Таш., 1975.
5. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
6. *Бартольд В. В.* События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка.— Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
7. *Бартольд В. В.* Иран. Исторический обзор.— Сочинения. Т. 7. М., 1971.
8. *Богданович Л. А.* Признания эмира Афганского.— Исторический вестник. Т. 83. СПб., 1901.
9. *Бушев П. П.* Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М., 1959.
10. *Ван Дейк, Корнелиус ван Ален*. Китаб-и Мираат ал-вазият фи-л-курат ал-арзият. Пер. с перс. Фахруддина Гулпайагани. Бомбей, [б. г.].
11. Воспоминания об Абдурахмане.— Абдурахман-хан. Из воспоминаний о нем.— Новое время. 30.03; 11, 12, 24.04.1885.
12. *Ганковский Ю. В.* Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М., 1958.
13. *Голубева Т. Н.* Сочинение эмира Абдурахмана *Панднама-йи дунйа ва дин*

- и его историко-культурное значение.— Страны и народы Востока. Вып. 22. М., 1980.
14. Григорьев С. Е. Реформы 70-х гг. и проблемы развития Афганского государства в 80-е—90-е гг. XIX в. (По материалам персоязычных источников). Автореф. канд. дис. Л., 1983.
 15. Джавид. Саргузашт-и Тадж ат-таварих.— Адаб. Кабул, 1349 (1970); № 5—6.
 16. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 4. Арабская географическая литература. М.— Л., 1957.
 17. Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан дар масир-и тарих. Кабул, 1346 [1967].
 18. Мухаммад Казим Аханг. Сайр-и журнализм дар Афганистан. Т. 1. Кабул, 1970.
 19. Назаров Х. Н. Народные и просветительско-антифеодальные движения в Афганистане (конец XIX и начало XX веков). Душ., 1976.
 20. Неби-хан, Мирза Мухаммад. Подробности беседы его величества эмира Абд-ур-Рахмана с его превосходительством вице-королем Индии во время свидания их в 1302 году хиджры (1884). Пер. с перс.—Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. 14. Таш., 1899, прил.
 21. Рейснер И. М. Независимый Афганистан. М., 1929.
 22. Ристия, Сеид Касем. Афганистан в XIX в. Пер. с перс. М., 1958.
 23. Ромодин В. А. «Автобиография» Абдурахман-хана и его переводы.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН автоаннотации и краткие сообщения. М., 1972.
 24. Ромодин В. А. Еще об авторе «Сирадж ат-таварих» и об издании этого сочинения.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Доклады и сообщения. Декабрь 1978. Ч. 1. М., 1979.
 25. Ромодин В. А. Очерки по истории и истории культуры Афганистана. Середина XIX — первая треть XX в. М., 1983.
 26. Ромодин В. А. Источники «Сирадж ат-таварих».— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВ АН, май 1969 года. Л., 1969.
 27. Ромодин В. А. Последний летописец Афганистана.— Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1983.
 28. Ромодин В. А. Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана.— Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.
 29. Саидмурадов Д. Источники по истории Афганистана второй половины XVIII в.— Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. М., 1972.
 30. Семенов А. А. «Светильник истории» سراج التواريخ История Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибуллы-хана.— Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества. Т. 17. Таш., 1925.
 31. Семенов А. А. سراج التواريخ «Светильник истории». Т. 3. Кабул, 1333.— Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. 1. Таш., 1928.
 32. Станисhevский А. Афганистан. М., 1940.
 33. Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. Пер. с англ. Ч. 2. М., 1972.
 34. Темирханов Л. Хазарейцы (очерки новой истории). М., 1972.
 35. Файз Мухаммад-хан. Сирадж ат-таварих. Т. 1—2. Кабул, 1331 [1912]; Т. 3. Кабул, 1333—1336 [1914/15—1918].
 36. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. 60—90-е годы XIX в. М., 1965.
 37. Хугиани Хаят-и Сеид Джамалуддин Афгани. Т. 1. Гарджума-и татиммат ал-баян фи тарих ал-афган. Кабул, 1318 [1939].
 - 38—39. Шохуморов С. «Ахкам-и хузур» как источник по истории Афганистана начала XX в. М., 1980.

40. Щеглова О. П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ч. 1. М., 1975.
41. *Adamec L. W.* Historical and Political Who's Who of Afghanistan. Graz, 1975.
42. *de Beaurecueil S.* Manuscrits d'Afghanistan. Le Caire, 1956.
43. The Dictionary of National Biography. Founded in 1882 by G. Smith ed by L. Stephen and S. Lee. From the Earliest Times to 1900. Vol. 15. Oxf., 1921—1922.
44. *Durand H. M.* The Amir Abdour Rahman Khan, delievered 6.XI.1907.— Proceedings of the Central Asian Society. [1907].
45. General Catalogue of Printed Books. British Museum. T. 190. L., 1961.
46. *Kakar Muhammad Hasan.* Afghanistan. A Study in Internal Political Developments 1880—1896. Kabul, 1971.
47. [*Kakar Muhammad Hasan*]. Government and Society in Afghanistan. The Reign of Amir Abd al-Rahman Khan by Hasan Kawun Kakar. Texas, 1979.
48. *Lentz W.* Sprachwissenschaftliche und völkerkundliche Studien in Nuristan.— Deutsche im Hindukusch. Bericht der deutschen Hidukusch-Expedition 1935 der deutschen Forschungsgemeinschaft. B., 1937.
49. National Museum of Pakistan. Catalogue of the Persian Manuscripts... Karachi, 1971.
50. [*Sultan Mohammad Khan*]. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. Ed. by Mir Minshi Sultan Mahomed Khan. T. 1—2. L., 1900.
51. *Sultan Mohammad Khan.* The Constitution and Laws of Afghanistan. Cambridge—London, 1900.
52. *Tarzi [Mohammad Seddiq, Ahang] Mohammad Kazem.* Is It Pand Naama-i Donya wa Din or Taj ot-Tawarikh? The Mystery Which Is at Last Reveales — Afghanistan. T. 23. 1349 [1970], № 3.
53. *Wheeler S.* The Amir Abdur Rahman. L., 1895.

Н. А. Кисляков

МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНИМ ВЕРОВАНИЯМ ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ

От редакции

Настоящая статья является частью задуманной книги крупного этнографа и историка Средней Азии и Ирана Николая Андреевича Кислякова (11 декабря 1901 г.— 8 октября 1973 г.). Незадолго до смерти Н. А. Кисляков приступил к написанию монографии «Древние поверья и обряды горных таджиков», объемом в 10—15 авторских листов, используя также полевые записи последних лет А. З. Розенфельд. Автор успел составить лишь план издания, закончить «Введение» и первую главу монографии. По авторскому плану она должна была состоять из «Введения» и пяти глав.

Ниже представлены «Введение» и первая глава. Глава приводится в несколько сокращенном виде за счет сопоставительного материала и некоторых подробностей. Публикуемые материалы включают описание мифологических образов не только собственно таджиков, но также и таджиков (припамирский таджиков), говорящих на так называемых памирских языках и проживающих в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР. План остальных глав монографии см. в «Приложении».

Публикацию подготовила профессор кафедры Иранской филологии Восточного факультета ЛГУ А. З. Розенфельд.

Введение

Многолетняя работа автора в горном Таджикистане, как стационарная, так и экспедиционная, позволила близко и в ряде случаев интимно познакомиться с духовной жизнью его населения, в частности с многочисленными поверьями и обрядовыми действиями таджика-горца.

В связи с проникновением мусульманства в горы следует отметить, что, вероятно, здесь первоначально распространялись такие его течения, которые носили оппозиционный характер по отношению к ортодоксальному исламу (шиизм, исмаилизм). Это обстоятельство может быть легко объяснено тем, что приверженцы оппозиционных религиозных течений, испытывая гонения со стороны представителей ортодоксального ислама, спасались бегством, в частности бежали в горы и укрывались там. Ярким примером этого может служить крупный персидско-таджикский поэт и мыслитель Носир Хосров (XI в.), прошедший последние годы своей жизни и скончавшийся в горах Афганского Бадахшана в Юмгане.

Конечно, мусульманство оказало известное воздействие на прежние верования и представления горных таджиков, в известной степени их модифицировало, придало им своеобразную «мусульманскую» окраску (как это было и в других местах, где распространялся ислам): прежние почитаемые места — обиталища духов становились мусульманскими святынями, теперь они связываются с тем или иным мусульманским «святым», праведником, мучеником за веру; в старинные мифы, сказки, легенды и предания вплетаются мусульманские мотивы, различные древние обряды сопровождаются мусульманскими молитвами или выдержками из Корана, древние земледельческие праздники и культы приобретают мусульманскую окраску. Словом, в горном Таджикистане, как и повсюду, где новая религия приходит на смену первичным верованиям, мы сталкиваемся с явлениями религиозного синкретизма, что в значительной мере затрудняет работу исследователя, старающегося обнаружить «первичное» и отделить его от «вторичного», наносного.

В данной работе мы стремимся к тому, чтобы выявить и описать это «первичное». Следует, однако, помнить, что горные таджики не стояли особняком в отношении первобытных верований.

Во-первых, нельзя игнорировать различные и подчас весьма многочисленные заимствования не только со стороны ближайших, в частности ирано-язычных, народов, но и народов более отдаленных, имевших в какое-то определенное время контакт с горными таджиками непосредственно или через каких-либо посредников. Во-вторых, нельзя исключать и возможности конвергентного возникновения тех или других представлений, образов и культовых действий, свойственных, если не всему человечеству на определенном этапе в целом, то по крайней мере значительной части самых различных племен и народов.

Не вдаваясь в дискуссию с историками религии, которые отстаивают ту или иную концепцию в области смены форм религиозного (или дорелигиозного) мышления и сознания, и деления этих форм на ряд отдельных систем (анимизм, анимализм, фетишизм, тотемизм, магия и т. п.), мы полагаем, что в основу многочисленных поверий и представлений, с которыми нам пришлось столкнуться среди горных таджиков, могут быть положены две основные системы.

Первая из них анимизм, т. е. наделение душой не только человека (отсюда и культ предков и все связанное с ним), но и животных, а также неодушевленных предметов — деревьев, камней, источников; сюда же должны быть отнесены и различные сверхъестественные существа, которых изобрело воображение человека, этими существами, по поверьям, заселена вся окружающая его среда — дом, двор, поле, горы, ущелья и т. п.

Вторая — это магия, под которой следует понимать главным образом различные культовые действия, направленные, с одной стороны, на охрану и благополучие человека (поддержание здо-

рочья, забота о многочисленном потомстве, забота о хорошем урожае, об обилии скота, молока и других жизненно необходимых вещей), а с другой — на причинение определенного вреда недругу, обидчику или какому-нибудь человеку вообще (вера в силу «дурного глаза», в определенные свойства некоторых людей, способных причинять вред, наслать болезнь, вера в колдунов и колдовство), сюда же, вероятно, можно отнести различные приметы, предсказания и гадания.

Анимистические и магические представления у горных таджиков, точно так же как и у других народов, тесно переплетаются. Они в равной степени пронизывали в прежнее время всю повседневную жизнь горца, касалось ли это его хозяйственной деятельности или же семейной жизни и основных событий, связанных с ней (рождение, брак, смерть). Различные культовые действия, обычаи и обряды в огромном большинстве случаев выполнялись именно в силу того, что они были призваны либо уберечь то или иное действие или же самого человека (например, новорожденного) от пагубных влияний злых сил, или же, напротив, снискать благоволение сил добрых.

А. А. Бобринской очень метко охарактеризовал веру горца-таджика в сверхъестественные существа. Он пишет, что горцы окружают себя ими, сталкиваются с ними постоянно и повсеместно: горец знает все их повадки, их характер, вкусы, внешний вид каждого из них. Он вполне осведомлен какие духи, где и когда особенно опасны, ему знакомы излюбленные места пребывания того или другого духа. К сказанному, однако, нужно сделать следующую оговорку. В ряде случаев представления таджика-горца о сверхъестественных силах были не совсем четки в том отношении, что свойства одного из персонажей нередко приписывались другому, по-видимому существовали и локальные версии при описании различных качеств того или другого духа, иногда и его внешнего вида. Все это несколько затрудняет нашу задачу, и поэтому образ сверхъестественного персонажа получается расплывчатым.

В представлении горцев сверхъестественные существа (для краткости будем называть их также духами) олицетворяются, причем одни из них принимают образ антропоморфный, в то время как другие имеют зооморфный образ; часто антропоморфные и зооморфные черты сочетаются в одном и том же персонаже, при этом многие из них могут делаться вообще невидимыми. Некоторые духи могут принимать любой образ, являясь перед глазами человека в виде ребенка, кошки, собаки или какого-либо другого животного, либо в виде тени, ветра, вихря и т. п. Что касается животных, то тут, возможно, мы имеем дело с тотемистическими представлениями или духами — хозяевами окружающей природы (гор, леса, рек) или данного вида животных. В то же время наличие сверхъестественных свойств того или иного человека может рассматриваться как колдовские способности.

Глава первая

Сверхъестественные существа, вера в сверхъестественную силу людей, животных и вещей

Перейдем теперь к характеристике отдельных духов, большинство которых может быть отнесено к демоническим, злым персонажам.

Важнейшим из них, наиболее известным и популярным, пожалуй, является альмасти (альбасти), основная функция которой — нанесение вреда роженице и новорожденному младенцу. М. С. Андреев посвятил этому персонажу особое приложение к главе «О рождении» своей монографии о Хуфе. Он отмечает широкое бытование представления об этом духе среди многих народов, в основном тюркоязычных [4, с. 78—82]. У горных таджиков альмасти (у М. С. Андреева — аламасты) также главный враг роженицы и новорожденного [4, с. 53—54]. Чаще всего она представляется в образе безобразной женщины с длинными рыжими волосами (по некоторым представлениям, подобным лошадиным), с кожей красного или желтого цвета; у нее длинные отвислые груди или большое количество грудей, которые она дает сосать младенцу, отчего тот умирает. По некоторым представлениям, груди у альмасти закинута за спину, пятки выворочены. В некоторых поверьях альмасти может принимать и другие образы. Так, А. Л. Троицкая сообщает, что в записанных ею рассказах, альмасти принимает образ коровы, если же она является в образе женщины, то имеет на голове много косичек, тело покрыто шерстью [21, с. 449; 20, с. 111—112]. В Вахане и Ишкашуме верили, что альмасти встречаются с двумя глазами или одним глазом во лбу.

Горные таджики нередко связывали альмасти с водой, что делает правдоподобной версию М. С. Андреева о древней связи альмасти, она же — аль, с Анахит — богиней водной стихии и плодородия. По представлениям припамирских таджиков, альмасти является водяным существом. Так, спасаясь от преследования, альмасти якобы прыгает в воду, и в том месте, куда она прыгнула, вода расступается и появляется столб пламени. Вообще, часто приходилось слышать, что альмасти живут у воды, иногда на заброшенных водяных мельницах. В ущелье Баджу (Шугнан) на большом обломке скалы имеется изображение фантастического существа с удлиненной кверху головой и подобием ног, на «животе» фигуры высечено изображение пятерни человека. По словам местных жителей, это изображение альмасти, жившей якобы в реке и выходившей посидеть на камне, на другом берегу реки на скалу поднималась другая альмасти — сестра первой, тоже выходившая из воды. Они подстерегали путников, убивали их и одна сестра посылала другой ее долю мяса. Однажды пришел святой Али и расправился с этими альмасти, в знак чего осталось изображение пятерни.

Как видно из только что сказанного, по существовавшим представлениям, альмасти может вредить не только новорожденному и его матери, но и людям вообще [8, с. 104—105]. У тех же памирских таджиков ночью альмасти подстерегает одинокого всадника и пытается вскочить на круп его лошади. При виде альмасти человек может умереть от одного только страха, особенно страшное впечатление производят ее закинутые за спину груди. Стоит человеку испугаться, как альмасти убивает его; если же человек не растеряется и, взяв в руки камень, скажет: «Сейчас я ударю тебя», то альмасти убегает. Но можно и побороть альмасти: например, когда она прыгает на круп лошади, нужно ее схватить, привязать к себе и привезти домой; если затем альмасти обрезать волосы, то она будет служить человеку. Альмасти, по поверью, очень боится собак, которые на нее нападают, а также огня.

Однако, по-видимому, в основном альмасти представляется как дух, вредящий новорожденным и их матерям. Что же касается вреда, наносимого альмасти другим людям, а также «приручения» альмасти, то здесь, по всей вероятности, мы сталкиваемся с фактом смешения образа альмасти с образами других демонических персонажей, в частности с представлением об аджине. С последней альмасти сближает и то, что, по существовавшим представлениям, она часто живет в золе, боится собак и является оборотнем.

Аджина занимала очень большое место в верованиях горного таджика. Она являлась настолько неотъемлемым персонажем окружающей горца среды, что рассматривалась наравне с животными, населяющими леса, горы и ущелья вблизи родного кишлака.

Так, в начале 30-х годов в одном из горных кишлаков на наш вопрос мальчику — школьнику первого класса местной школы, каких диких зверей он знает, он не задумываясь ответил: «Волка, медведя, лисицу, аджину».

Аджина — это оборотень, поэтому в различных местах и в различных рассказах она принимает всевозможные обличья. Так, например, в долине р. Хингоу аджина представляется в виде небольшого, покрытого шерстью существа, часто преследуемого каким-либо крупным зверем, например волком. Иногда аджина, по поверью, может быть вообще невидима (во всяком случае, для человека), и можно видеть только ее тень, движущуюся по земле, или же человек может просто почувствовать ее присутствие, часто как дуновение ветра. Аджина может появиться в виде маленького ребенка. В припамирских районах имелось представление об аджине как человекообразном существе, которое вступает в борьбу с сильными мужчинами, или, напротив, как о безобразного вида женщине (долины Язгулема и Ванджа), что сближает представление об аджине с представлением о гуле (гули биёбон, см. ниже) либо с описанной выше альмасти. Однако и здесь часто аджина представляется в виде маленького

человечка, обросшего шерстью и могущего принимать различные образы [20, с. 111—112; 8, с. 105].

Аджина отчасти напоминает русского домового. Есть много рассказов о том, что аджина живет в заброшенных хозяйственных постройках или на мельницах, а зимой приходит погреться у очага; аджина незаметно присаживается к огню, а ночью прячется в золе [20, с. 111—113; 8, с. 105]. Иногда из чулана или сарая слышится плач ребенка, это означает, что у аджины родился ребенок. На Вандже существовало поверье, что если снять с себя рубашку и накрыть ею ребенка аджины, то она наградит человека богатством и счастьем. В наиболее отдаленных кишлаках Ванджа долго сохранялся обычай оставлять в чистой посуде на ночь лепешки, похлебку и свежую воду. Считалось, что ночью аджина, зайдя в дом погреться, поест и утолит жажду. По поверью, если аджина и отведаст лепешек, то это будет незаметно, но сколько бы человек ни съел лепешки, которую отведала аджина, он не насытится (вероятно, это следует понимать так, что остается только видимость целой лепешки). Если дети просили лепешек больше, чем им следовало, мать обычно говорила: «Я тебе дам, а ночью придет аджина, захочет поесть и не найдет лепешки, она может рассердиться».

Наряду с только что изложенными представлениями об аджине существуют и другие, в которых аджина выглядит не таким уж безобидным духом. В верховьях р. Пяндж (кишлак Шамбеде) рассказывали, что если аджина ударит человека (в особенности тогда, когда он снимает с себя одежду), то тело его становится багровым или же на нем остаются глубокие кровавые полосы, иногда человек делается калекой. В верховьях р. Хингоу передавали, что аджина может похитить ребенка или же напугать человека до того, что у него начинаются нервные припадки или же человек вообще заболевает.

Про одного человека из кишлака Боршид (верховья р. Хингоу) рассказывали, что однажды он встретил аджину, которая несла ребенка; тогда этот человек выпустил на аджину собаку, она бросила ребенка и скрылась; к удивлению рассказчика, ребенок оказался сыном его сестры. Другой человек, хороший знакомый автора и очень уважаемый в названной местности, рассказал следующую историю о встрече с аджиной. Поздно вечером он возвращался в свой родной кишлак. Стало уже смеркаться, когда, подъезжая к кишлаку, он заметил одиноко стоящего на дороге мальчика лет десяти. Ему показалось, что это его племянник. Он несколько раз окликнул ребенка, предлагая ему сесть к нему на лошадь, но тот не шевелился. Когда он подъехал ближе, мальчик медленно стал поворачиваться к нему лицом; вдруг лошадь захрипела, задрожала и бросилась в сторону. Не помня себя от обуявшего его страха, он еле доскакал до дома и затем в течение трех дней тяжело болел. Таких рассказов о встречах с аджиной можно было бы привести огромное количество.

Существовало и несколько иное представление об аджине — как о домашнем духе или же существе, которое может быть легко приручено. В основе этого отношения к аджине лежало представление, что аджина имеет при себе какую-то монетку, денежку (таньга). Если ее удастся отобрать у аджины, то она будет стараться всячески услужить человеку, завладевшему денежкой, лишь бы вернуть ее обратно (эта денежка как бы душа аджины).

На Вандже пришлось слышать рассказ о том, что аджина была в услужении в одной семье, мыла посуду и выполняла другие домашние работы, а спала в конюшне. Но она очень не любила, чтобы в доме ночевали посторонние: в таких случаях она устраивала различные проказы, стаскивала со спящих одеяло и т. п. По некоторым представлениям, аджина выбирает для себя тот или другой дом и не дает там находиться посторонним, устраивая разные каверзы: причиняя неприятности или даже насылая смерть.

Там же, на Вандже, считалось, что аджина часто держится не только близ людей, но и при некоторых домашних животных и птицах. Так, например, существует «лошадиная аджина», она живет только на конюшнях, расплетает и заплетает гривы у лошадей; женщины-роженицы остерегаются ступить на лошадиный навоз, так как, по поверью, если аджина касалась данной лошади, то у кормящей матери может перегореть молоко.

В связи с тем, что аджина часто воспринималась как злое существо, стремящееся навредить человеку, имя ее в ряде мест (например, на Вандже) подвергалось табу: для термина «аджина» имеется несколько заменителей, ее называют «шакарак» («сладенькая»), «хаджалак»¹, «мандук» (значение неясно). Кроме того, существует вера в «аджинаи кар» («глухая аджина»), которую считают особенно опасной, так как по своей глухоте она не слышит «святого слова», которое могло бы ее обезвредить. Если человек долго болел, то ему говорили «аджинаи кар ёрут шуд» — «глухая аджина стала твоим другом» (привязалась к тебе).

Термин «аджина» связан с представлением о джинне — мусульманском кораническом персонаже². А. А. Семенов ставил знак равенства между аджиной и джинном и, говоря о поверьях горных таджиков, называл этот персонаж именно джинном [17, с. 76, 78]. Однако наши наблюдения говорят о том, что в горном Таджикистане повсюду шла речь именно об аджине; термин «джинн» употреблялся, когда дело касалось психически больных людей, которых обычно называли «джинни», «джинди», т. е. «одержимый джинном». Лишь среди припамирских таджиков (Вахан, Горон) были встречены представления о некоем существе, называемом «джиндык» (от слова «джинн» + уменьшительный суффикс). В одних случаях про него рассказывали, что это маленькое существо, которое бродит ночью, носит белую одежду и людей не касается; в другом — говорили, что

если человек встретит джиндыка, то, по примете, этого человека загрызет волк.

Следующим демоническим персонажем может быть назван дэв (дев, див). В целом, как нам кажется, представление о дэвах, хотя и является довольно широко распространенным, но в то же время более абстрактным, чем представления о многих других демонических персонажах. Образ дэва трактуется по-разному, что также наводит на мысль об отсутствии конкретности и определенности в представлении о нем, несмотря на широкое распространение поверий о дэве [17, с. 73; 23, с. 207—208; 18, с. 48—53]. На наш взгляд, этот персонаж мало фигурировал в повседневной жизни горца, а скорее являлся достоянием различных повествований, сказок, легенд, где его образ довольно расплывчат. В этой связи мы считаем, что роль дэвов у таджиков несколько преувеличена в статье О. Муродова «Представление о дэвах у таджиков долины Зеравшан» [14, с. 148—155]. Как мы отметили, дэв далеко не всегда наделяется конкретными чертами. Если на ряд прямо поставленных вопросов информаторы отвечают, что в том или ином случае речь идет именно о дэвах, то часто это просто переосмысление, приписываемые дэвам черты встречаются и у других духов, о которых идет речь в данной нашей работе.

Таджики, в частности припамирские, различают два вида дэвов: белый дэв «дев-и сафед» и черный дэв «дев-и сиёх». В шугнано-рушанской группе памирских языков отмечены две фонетические формы — зев и дэв, первое — местное второе, — видимо, заимствованное из таджикского. По объяснению рушанского информатора, дев более высокого роста и очень тонкий. М. С. Андреев отметил, что таджикское «девлех (дэвлех)» — «летовка», «альпийское пастбище» — связано с термином «дэв» [2, с. 176—177]. Особое место занимает белый дэв («дев-и сафед»). Согласно легенде, записанной в Каратегине, один из первых исламских деятелей, появившихся в этих местах, убил жившего в колодце белого дэва и освободил дочь правителя, которую тот похитил [11, с. 192—193]. Белого дэва в некоторых районах считают женским существом — покровительницей прях [3].

Представления о белом дэве несколько противоречивы: он рассматривается и как демоническое существо (каратегинская легенда), и как существо положительное, доброе (образ покровительницы прях). Не находим ли мы здесь отголосок происшедшего в весьма отдаленное время превращения добрых божеств в демонические существа?

Гуль, или гул-и биёбон, — демоническое существо, привнесено, по-видимому, в таджикскую среду из мифологии других народов: как известно, гуль упоминается в доисламской арабской поэзии, где он представляется в виде страшного демона женского пола [16, с. 57—58]. Представление о гуле было широко распространено у горных таджиков (кроме припамирских)

в Каратегине, Дарвазе, Гиссаре и других местах. Многие рассказы в отдельных кишлаках нередко указывали места, где, по существовавшим поверьям, можно встретить гуля; при этом обычно назывались или малопосещаемые человеком лесные массивы по склонам гор, или заросшие лесом и кустарником овраги. В существование гуль-и биебона верили и киргизы Восточного Памира [16].

Гуль у таджиков представляется в образе страшного лесного полузверя-получеловека, без пощады убивающего встреченного им человека дубиной или камнем. По сложившемуся у нас впечатлению, горцы-таджики скорее склонны были относить гуля к животному миру, чем к антропоморфным существам, в то же время он не наделялся никакими сверхъестественными свойствами, присущими духу. Это скорее мифологическая разновидность сильного животного (однако ходящего на двух ногах и имеющего руки, чем он напоминал человека), наделенного огромной силой (16, с. 57—58; 17, с. 76—77).

Конечно, характеристика гуля не везде одинакова, например, у соседних с горными таджиками киргизов (Восточный Памир, также район Джиргаталая) приходилось слышать, что гуль существо более миролюбивое, что он избегает людей и борется лишь с богатырями: его шерсть желтовато-серого цвета, от него исходит резкий, неприятный запах, у него вывороченные ступни [16; 17, с. 74].

Среди горных таджиков обычно в разговоре можно встретить выражение «бадвохима», или «бадвойма», употребляется оно в том случае, если речь идет о чем-то некрасивом, отталкивающем, безобразном. Так нередко говорят, правда больше в шутку, об очень некрасивом, уродливом человеке, иногда о каком-либо животном, вид которого или размеры вызывают чувство страха или отвращения, или же об устрашающем явлении природы — землетрясении, селе-грязевом потоке, снежной лавине, обвале. Слово «вохима», «войма» значит «страх», однако у припамирских таджиков «войма» может значить также некое демоническое существо, вредящее человеку. Женщину, заболевшую от страха, называют «воймадор» — «преследуемая демоном», «одержимая демоном страха» [4, с. 46]. Поверья, связанные с этим демоном, не исследовались, однако можно предполагать, что в основе их лежит испуг, страх, который может вызвать нарушение определенных физиологических функций.

Некоторые демонические существа, неизвестные до последнего времени в литературе, были отмечены в припамирских районах [15, с. 114—116; 16, с. 57]. Остановимся вкратце на этих персонажах.

Хыдыр — длинноногое существо, которое нападает на человека и старается обвиться вокруг его ног³. Однако представление о хыдыре не очень отчетливо в поверьях горцев. Кывкунак — в таджикских бадахшанских говорах (кыв кардан лув кардан — звать: кывкун + суффикс «-ак»). Кывкунак (лувкунак) якобы бро-

дит по ночам, окликает людей и тем самым пугает их. Кывкунак (лувкунак) для взрослых людей не страшен, но ребенку может нанести вред. Сангзанак — бросающий камни (санг — камень, задан — бросать); сангзанак живет на высокой горе и швыряет камни в проходящих людей. Хафакунак — душащий (хафа кардан — душить); это существо якобы вредит маленьким детям (душит их). Сюда же может быть отнесено и демоническое существо, известное в Рушане и Шугане под именем веламбацак — ночной кошмар, оно накидывается на спящих людей. В дарвазско-ванджских говорах таджикского языка ночной кошмар воспринимается как злой дух — нижлик⁴.

В предыдущем изложении речь шла главным образом о демонических персонажах, относящихся к категории «злых», в основном стремившихся повредить человеку, причем некоторые из них в существовавших поверьях отличались большой конкретностью и как бы близко стояли к повседневной жизни таджика-горца. Напротив, другие носили скорее книжный, легендарный характер (дэв, гуль) и, по существу, были далеки от повседневной жизни, встречались лишь людям, находившимся где-либо далеко от дома — в путешествии, на охоте; они являлись объектами многочисленных рассказов вечерами в общественных местах, которые присутствовавшие так же охотно слушали, как сказки и различные повествования. Иногда эти рассказы могли быть книжного происхождения, слышанные где-то рассказчиком или прочитанные им, а иногда являлись плодом его собственной фантазии. К категории сверхъестественных персонажей следует отнести так называемых пари (в русском и других языках пэри, нередко фигурирующая в сказках и повествованиях как образ молодой женщины необыкновенной красоты). По собранным нами материалам, пари — это антропоморфные существа, преимущественно женщины, но встречались рассказы о существовании якобы пари-мужчин, однако скорее в виде исключения, чем правила. Согласно собранным нами довольно многочисленным материалам, пари очень часто вступают в тайные любовные связи с приглянувшимися им мужчинами, особенно молодыми и красивыми. Хотя А. А. Семенов и указывает на то, что пари из сочувствия к беднякам, не имеющим жены, нередко заменяют такую [17, с. 71—72], более распространено мнение, что пари вступают в любовную связь не только с холостыми, но и женатыми мужчинами и даже требуют от последних, чтобы они прекратили сношения со своей женой, угрожая им в случае неповиновения различными бедами и карами. Возможно, что и поверья, слышанные А. А. Семеновым, о нанесении вреда женщине и новорожденному, отражают представления о ревности пари в отношении избранного ею мужчины.

Нами записан ряд рассказов о любви пари и обращении их со своими возлюбленными. Один из них (долина р. Хингоу) связан с тем, что пари унесла своего возлюбленного в Ташкент [12, с. 113]; другой же записан в кишлаке Ямг (Вахан), в нем

говорится, что в кишлаке Гармчашма жил один человек, которого полюбила пари, она жила с ним и предупредила, чтобы он не касался своей жены; он нарушил этот запрет, в отместку пари забросила его на высокую скалу. Иногда в случае измены пари может убить своего любовника. Представление о том, что пари уносят людей (своих возлюбленных, а иногда и детей) было широко распространено в горах: считали, что пари обычно возвращают похищенных или люди сами находят их где-либо на скалах, в горах. По существовавшим поверьям, горные козлы — нахчир являются скотом пари. Так как пари имеют к людям чисто физическое влечение, то быть удачливым охотником — значит пользоваться успехом у пари — хозяек горных козлов. Пари может домогаться ласк охотника и платить ему поимкой козлов, но иногда это делается якобы из чисто платонической любви. По другим поверьям, хозяевами козлов являются одновременно и пари и дэвы. Но дэвы плохо заботятся о нахчирах по своей лени. Так как считалось, что пари и дэвы пасут нахчиров по одному году, сменяя друг друга, то в те годы, когда пасут дэвы, охота на козлов бывает удачна, пари же сразу дают нахчирам знак о появлении охотников и нахчиры убегают.

В то же время пари иногда выступают в образе существ, о которых некому позаботиться. Так, там же, в верховьях р. Хингоу, рассказывали, что однажды какой-то местный житель, проезжая по долине, подслушал жалобы пари на то, что идет дождь, холодно и сыро и им негде переночевать, придется провести ночь на голой скале. Другое повествование говорит о том, что один человек встретил пари, преследуемую волком, он убил волка и затем стал возлюбленным этой пари, которая в дальнейшем всегда покровительствовала ему на охоте.

Как говорилось выше, вера в пари (пери) широко распространена у многих народов, отметим, что в персидских поверьях пари обычно не называли этим термином, а, говоря о них, употребляли эвфемизм «аз мо бехтарун», что значит «лучше, чем мы» [24, с. 270, примеч. 57]. А. А. Бобринской пишет, что пари, по поверью горных таджиков, являются существами хотя и не злыми, но нечистыми и что, по словам некоторых горцев, пари имеют человеческое туловище, но коровьи ноги [17, с. 71; 8, с. 104—105].

Другой добрый дух — фаришта. Фаришта могут быть отнесены к мусульманскому пантеону и выступать в роли ангелов [8, с. 104—105]. Однако в ряде мест фаришта приобретают свои локальные черты, несколько отличающие их от представления об ангелах-хранителях. Так, например, в селении Баджу (Шугнанский район ГБАО) они имеют свои особенности, по которым, с одной стороны, как бы приближаются к пари, с другой — к вуйду (см. ниже). Верхний Баджу представляет собой исключительно живописное место с чистыми родниками и речками, питающимися снеговой водой, обильной растительностью. Дома

селения привольно раскинулись на склонах гор. Такое местонахождение селения создало представление о том, что фаришта могут жить лишь в таком чистом, красиво расположенном кишлаке. Таким образом, здесь уже идет речь не об ангеле, посылаемом каждому смертному, а о духах, выбирающих себе место жительства по своему вкусу. Даже в Баджу верили в то, что фаришта находятся в каждом доме, а выбирают для себя чистые, опрятные дома. В одном из таких домов, как рассказывают местные жители, и поселилась фаришта и в кладовой родила ребенка. Хозяева отнесли ей горячую пищу, а когда вернулись за миской, то последняя была пуста и чисто вымыта. Вскоре в этом доме отвели помещение под птицеферму, вследствие чего фаришта переселилась в другой дом. Рассказывая о злых и добрых духах, баджувцы (баджувский диалект входит в шугнано-рушанскую группу памирских языков) объединяют их общим названием «дэват фаришта» («дэвы и фаришта»), что соответствует таджикскому «дэв у пари» («дэвы и пари»).

В Вахане, описывая фаришта, отмечают, что она имеет облик человека (женщины или иногда мужчины), характер ее безвредный, мягкий, все ее дела направлены на добро. В Ишкашине считали, что, когда человек направляется на охоту, фаришта берет у охотника немного хлеба и тем самым содействует успеху охотника. Однако есть разные фаришта, некоторые привыкают к человеку и делают ему добро, но встречаются и такие, что не любят людей, могут даже причинить им вред. Однако последнее мнение стоит несколько особняком от общего представления о фариште.

Среди припамирских таджиков не менее широко была распространена вера в вуйда (у шугнанцев: вуйд — мужское существо, войд — женское; у рушанцев: вуйд — также мужское существо, вайд — женское; у бартангцев [Бартанг входит в Рушанский район] оно по полу не различается и называется «вайд»). Это демоническое существо якобы очень высокого роста, узкотелое, в белой одежде, живет оно либо в пустынных местах, либо вблизи человеческого жилья в хозяйственных постройках. Вуйд боится собак — услышав издали собачий лай, убегает. Вуйд по ночам навещает ту или иную женщину, войд — мужчину. Лучшим средством избавиться от их прихода является дым от горящего собачьего помета.

В Шугнани и Рушани рассказывали, что время от времени из сарая или кладовой доносится детский плач, это означает, что войд (вайд) родила ребенка и кормит его. Если ей принести горячую похлебку, она поест и затем уходит вместе с ребенком. Иногда в Шугнани и Рушани о вуйде (войде) рассказывают, что у него (у нее) длинные волосы и тело обросло собачьей шерстью.

На Бартанге вайд представляется в виде женщины в белом, которая часто является ночью к молодым людям, но вреда им не приносит, хотя если человек этот увидит вайд, то потом мо-

жет заболеть. Вайд любит чистоту и чистые дома. Существовал обычай во время печения лепешек отделять несколько штук для вайд; их клали в чистую миску, покрывали куском ткани, в отдельную чашку наливали горячую похлебку, и только после выделения доли вайд семья принималась за еду. Считали, что вайд приносит в дом счастье и богатство и что у того человека, к которому вайд проявляет свою благосклонность, будет увеличиваться количество скота. В то же время верили, что вайд может быть очень мстительной, и если не оставить еды и попытаться порвать с ней отношения, она может жестоко отомстить.

В долинах рек Вандж и Язгулем этот мифический персонаж известен под именем «войд». Но здесь он имеет другой образ — это исполин, гигант, рождающийся из вихря. Сначала войд кажется маленьким, но потом постепенно растет и в конце концов достигает головой неба. У него такой широкий шаг, что одной ногой он может стоять на одном берегу реки, а другой — на противоположном. Обычно войд, если его не трогать, не приносит человеку зла. В Дарвазе это существо называют «хойт».

Таким образом, вайд (вуйд, войд) по верованию припамирских таджиков, говорящих на памирских языках, может рассматриваться как дух-покровитель домашнего очага, которому приносится жертва в виде горячей еды или хлеба. Вместе с тем этот образ у различных припамирских народностей имеет и свои локальные черты. Так, например, в Рушане существует представление, что вуйд (вайд) обитает в заброшенных строениях и испускает сильное зловоние. Вуйд в ряде мест носит отдельные черты, приписываемые гулю (зловоние), пари (связь с людьми), аджине (боязнь собак). Что касается ванджского войта (на Вандже распространен диалект таджикского языка), то, несмотря на фонетическое совпадение его названия с вуйдом припамирских таджиков, представление о нем совершенно другое: ванджский войт скорее напоминает древнейшее иранское божество пространства и ветра вауу [1, с. 450].

Отметим еще одну параллель. Упомянутый нами выше для Рушана и Шугнана веламбацак (ночной кошмар) в сангличско-ишкашимском и ваханском языках носит название «вагд».

Среди таджикоязычных ваханцев особый интерес имеет представление о так называемом бургуш [возможная этимология «буроухий» — от «бур» («бурый»), «гуш» («ухо»)]. По внешности это мужчина, по одним представлениям, красивый, по другим — уродливый, волосатый. Характерной особенностью облика бургуша является отсутствие кожи на животе, ее заменяет тонкая пленка, сквозь которую видны внутренности. Бургуш может быть видим, но может быть невидимкой. Он необычайно способен и ловок, может выполнить любое дело. Особенно же он привлекает своей музыкальностью, голосом (пением) и игрой на музыкальном инструменте (рубоб). Этим он привлекает женщин, которые в него влюбляются. Среди них обычно он избирает себе подругу, независимо от того, замужем она или

нет. Но избранницами бургуша являются только чистоплотные, опрятные и аккуратные женщины; бургуш приходит к своей избраннице по ночам, но запрещает ей иметь связь с мужем и заставляет строго поддерживать чистоту. За нарушение этих условий бургуш наказывает женщину, иногда ломает и портит ее вещи. Если же она вздумает порвать связь с бургушем, то он разорвет все ее хозяйство. Будучи в связи с женщиной, бургуш выполняет все ее прихоти и капризы; так, например, он может по ее желанию достать для нее среди зимы свежие фрукты; рассказывают, что на чьей-то свадьбе не хватало набота (леденцов) и одна женщина сказала, что набот сейчас появится, она семь раз взмахнула руками, и каждый раз у нее в широких рукавах оказывался набот. Все присутствующие поняли, что у нее связь с бургушем. Во всяких трудных делах, в работе бургуш всегда помогает своей возлюбленной. Бургуш очень ученый, он знает на память все суры Корана и выступает иногда в диспутах с духовенством. Удачливого в жизни человека считают сыном бургуша — бургушзода.

Одним из духов-покровителей у горных таджиков, особенно практиковавших выпас скота на летних альпийских пастбищах, считали так называемого хасмон. Его представляли в образе антропоморфного существа, обитавшего на летовках и способствовавшего увеличению удоя молока. С хасмон отождествляли также крысу или ласку, водящихся на летовках, и поэтому их никогда не убивали. В кишлаке Сафедорон (северные склоны Дарвазского хребта), например, где на летовках крыс и ласок тоже не уничтожали, их называли «эльчи». В некоторых таджикских говорах этот термин применяется к старшей женщине, ведающей заготовкой молочных продуктов. Термин «эльчи», переносимый на указанных животных, говорит о том, что крыса и ласка считались покровителями молочного хозяйства, способствовали изобильному удою молока и что хасмон был (была) как бы пиром (покровителем) крыс и ласок, перевоплощаясь в них, и одновременно — пиром молочного хозяйства. С другой стороны, считали, что хасмон вообще является покровителем дома или даже целого селения, домашнего или кишлачного хозяйства и в этой связи хасмон называли «хасмон джои манзил» — хасмон обитаемого места. В адрес хасмона нельзя было говорить чего-нибудь бранного, порочащего или осуждающего⁵.

Мы кратко охарактеризовали известных нам сверхъестественных или демонических существ, которыми наделяли окружающий их мир горные таджики в прошлом и вера в которых еще кое-где сохранялась до недавнего времени, главным образом среди пожилых людей. Возможно, что некоторые из подобных персонажей остались нам неизвестны и не попали в наш перечень. Но, по-видимому, горцы и сами верили, что существуют еще какие-то таинственные существа, даже им остающиеся неизвестными.

В качестве иллюстрации этого предположения мы можем

привести следующий факт. Еще в начале 30-х годов, во время объезда кишлачных школ и бесед с учителями, особенно в глухих горных уголках, очень часто приходилось слышать рассказы о том, что на уроках в школах вдруг какая-либо девочка вскакивает со своего места в испуге и в слезах; выясняется, что кто-то срезал сзади у нее косичку. Никакие разъяснения с нашей стороны, что это мог сделать кто-либо из сидящих сзади мальчишек, не убеждали наших собеседников. В ответ обычно слышалось, что, мол, как же, я сам внимательно следил за классом, никаких мальчишек сзади не было, иногда даже доказывали, что девочка сидела на последней парте. Рассказчик утверждал, что это сделала какая-то нечистая сила, возможно, как следовало понимать, в знак протеста против посещения девочками школы, что совпадало с убеждениями наиболее отсталых людей.

Помимо сверхъестественных антропоморфных существ, по представлениям горных таджиков, сверхъестественными качествами обладали и некоторые виды животных.

Больше всего различных поверий связано с горным козлом — нахчир. Он являлся в недалеком прошлом как объектом охоты, так и объектом известного почитания. По словам А. А. Бобринского, местные жители считали, что мясо горного козла святое, рога его чистые, потому что животное ходит по чистым, незагрязненным местам [8, с. 107; 6, с. 226]. Автором этих строк в свое время был довольно подробно рассмотрен культ козла у горных таджиков [9, с. 11]. Напомним здесь лишь основные положения: по-видимому, в отдаленные времена горный козел почитался у местного населения как тотем: с распространением ислама он был вытеснен образом одного из мусульманских святых, которому стали приписывать власть над горными козлами, об этом говорят сохранившиеся легенды, а также атрибуты, связанные с местом легендарного захоронения святого. Изображение козла почти всюду в горном Таджикистане встречается на камнях, скалах, на стене у очага и на внешних стенах жилища, так же как и рога горного козла можно было встретить на почитаемых местах — мазарах, на перекладинах при входе в жилище или в самом жилище и т. п. Культ козла, по-видимому, восходит к седой древности, когда охота на него, возможно, составляла одно из главных занятий местного населения.

Из других диких животных некоторыми сверхъестественными качествами наделялся медведь. Его внешний вид и хождение на задних лапах напоминает что-то человеческое. Отсюда, по-видимому, и возникли различные легенды о том, что медведь раньше был человеком, который за какие-то поступки затем был превращен в медведя [5, с. 226—227]. По записанным нами в долине р. Хингоу поверьям, медведь раньше был человеком и занимался взбиванием хлопка для изготовления пряжи, т. е. был мастером (паханда). Его однажды позвала к себе святая Биби

Фатима, чтобы он взбил ей хлопок для изготовления одеяла; паханда явился, она приготовила угощение и положила перед ним кучу хлопка. Паханда сказал, чтобы она часть хлопка положила под него, так как ему жестко сидеть. Биби Фатима выполнила это, но он стал требовать положить еще и еще, пока весь хлопок не ушел на его сиденье, так что бедной Биби Фатиме ничего не осталось для одеяла. Тогда, рассердившись, она сказала: ты превратишься в медведя, будешь ходить по горам, потому что обидел старуху. С тех пор паханда в образе медведя ходит по горам и лесам и спит под арчевым деревом, подкладывая под себя содранную кору арчи.

В приведенных нами поверьях мы видим, что мысль о превращении человека в медведя мусульманизирована, однако известно, что поверье о том, что медведь — это тот же человек, широко распространено у многих народов, в частности у народов Севера [10, с. 169—240].

Петух, по поверьям горцев, обладает способностью угадывать то место, где может находиться погребенный под снежным обвалом человек. В горах зимой, а особенно весной, случаются грандиозные снежные обвалы; нередко под лавину — тарма — падают проезжающие или проходящие внизу люди. Для того чтобы обнаружить то место, где засыпан человек или группа людей (которых иногда можно еще спасти), приносят петуха и ходят с ним взад и вперед по снежной лавине и он своим криком указывает соответствующее место.

Кое-какие поверья связаны со змеей, хотя нужно сказать, что они не являются специфическими для горных таджиков и распространены очень широко среди других народов. Нам лично не пришлось слышать по этому поводу ничего интересного, но в литературе по горным таджикам они отмечены [4, с. 49; 5, с. 227; 22, с. 216—228].

Что касается животных вообще, верили в то, что различные части их тела, а также жир, сало и прочее по законам симпатической магии могут передавать те или иные качества человеку. Так, например, когти барса, носимые в качестве амулета, делают человека сильнее и крепче. На Шахдаре (ГБАО) пришлось видеть больного ребенка, в рубашку которого на спине были вшиты когти орла. Сало лисицы, даваемое ребенку, сделает его сообразительным, находчивым и ловким, медвежий жир — крепким и сильным и т. п. По словам М. С. Андреева, половые органы убитой волчицы, носимые в качестве амулета мужчиной, способствуют успеху его у женщин.

Следует еще хотя бы кратко остановиться на сверхъестественных свойствах и качествах, приписываемых самим людям.

В Средней Азии была широко распространена вера в так называемых чильтанов (от «чил» — «сорок», «тан» — «тело», «человек», «особа»). Это воображаемая группа людей, численностью в 40 человек, ведущих правильную, безгрешную жизнь, близких по своему характеру к полуаскетам, полуотшельникам. Их чис-

ло не изменяется, в случае смерти кого-либо из них они выбирают на место выжившего другого человека, обычно молодого, но известного своим хорошим поведением и другими положительными качествами. Избирают кандидата в результате предварительного совещания всех чильтанов: избранный человек обычно пропадает для его окружающих без вести, поскольку чильтаны всегда остаются невидимыми простым смертным. Чильтаны, как правило, не делают зла людям, напротив, к ним мысленно или словесно обращаются за помощью. Имеется много различных рассказов о чильтанах, в основном, по-видимому, книжного характера.

В горном Таджикистане эти персонажи были сравнительно мало известны и особой популярностью не пользовались. Во всяком случае, нам, кроме Бадахшана, не приходилось сталкиваться с рассказами о них. Однако из публикации М. С. Андреева, посвященной специально чильтанам, явствует, что кое-какие поверья о них встречаются и в горных районах Таджикистана, в основном среди населения верхнего Зеравшана, а частично и в других районах [6, с. 10—11]. В. Н. Басилов сообщает, что чильтаны были известны туркменам, но как книжный образ [7, с. 194]. В кишлаке Барушан (Рушан) существовало святилище, по-видимому, очень древнее, доисламское, ныне приписываемое чильтанам. Это утрамбованная площадка, обнесенная невысокой каменной стеной, с очагом (кострищем) в одном углу. Здесь в курбан резали жертвенный скот и устраивалась общая трапеза. Название чильтан отмечено И. М. Стеблин-Каменским в заброшенном селении в горах над кишлаком Зунг (верховья р. Пяндж).

Другой категорией людей, уже вполне реальных, но обладающих сверхъестественной силой, считают тех, кто, по поверью, обладает «дурным глазом». Так, в долине р. Ниоу (бывш. Даштиджумский район Кулябской области) существовало поверье о так называемых дегдунах, согласно которому жители одного из кишлаков считались одержимыми колдовской силой, в частности они могли наслать на неугодного им человека сильные желудочные колики.

Нам не раз приходилось встречаться с тем, что именно тот или иной человек в селении, в округе считался опасным, как бы заклейменным. Его все боялись и сторонились, ожидая от встречи или столкновения с ним какой-либо беды, несчастья.

При этом важно отметить, что мусульманская идеологическая надстройка, напластовавшаяся на более примитивные религиозные верования и воззрения, создавала как бы двойное отношение к рассматриваемому явлению: с точки зрения примитивных верований это было колдовство, с точки зрения исламских представлений — чудеса. По-видимому, существовало представление, что не всегда эти качества были свойственны человеку до рождения, они могли приобретаться путем прохождения известного курса обучения. Поэтому нередко приходилось слы-

шать о существовании так называемого или каработ, выражение, которое может быть переведено как «наука колдовства» или «наука творить чудеса».

Как говорилось выше, существовали разного рода защитительные средства — амулеты, обереги, обеты, подношения на мазарах, описанный в литературе и очень распространенный обычай привязывать на деревьях лоскутки, ленточки материи; в долине р. Ниоу (Даштиджум) от злых чар «дегдуна» можно было избавиться, если поджечь ему вслед нитку из его одежды и т. п.

¹ Х а д ж а л а к — возможно, уменьшительная фонетическая форма от «аджар» («хаджар», «аджар» — «дракон»).

² У персов джинн иногда называется «сайе» («тень»), так как считают, что если на человека упадет тень джинна, то человек делается безумным [24, с. 270, примеч. 56].

³ Ср. с демоническим существом «девалпа» («ремненог») в верованиях персов [24, с. 326].

⁴ Известный на Вандже и в Дарвазе местный поэт Мулло Ёр (конец XIX — начало XX в.) в одном из своих стихотворений упоминает термин «нижлик» в значении демонического существа:

Чи нижлик би, мусулмано,	Что за кошмар (злой дух) был,
Ки Рохарв свар ай руму?	Который на нашу голову наслал Рохарв?
Оши мо боклеги,	Наша еда — бобовая похлебка,
Тарси джогар ай руму.	Страх зоба перед нам.

Рохарв — крупное селение в долине р. Вандж (ныне районный центр); в прошлом среди ванджцев было широко распространено заболевание зобом.

⁵ В языке пушту «хасман» — «поручитель»; «хасманá» — «охрана», «защита».

Литература

1. Абаев В. И. Этимологические заметки.— Труды Института языкознания АН СССР. Т. 6. М., 1956.
2. Андреев М. С. По этнографии таджиков.— Таджикистан. Таш., 1925.
3. Андреев М. С. Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница, Див-и Сафид.— По Таджикистану. Вып. 1. Таш., 1927.
4. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 1. Сталинабад, 1953.
5. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. 2. Сталинабад, 1958.
6. Андреев М. С. Чильтаны в среднеазиатских верованиях.— Сборник в честь В. В. Бартольда. Таш., 1927.
7. Башилов В. Н. Хозяйство западных туркмен-номудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования.— Труды Института этнографии АН СССР. Т. 98. М., 1973.
8. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). М., 1908.
9. Кисляков Н. А. Бурх — горный козел — Советская этнография. 1934, № 1—2.
10. Кисляков Н. А. Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и в фольклоре.— Советская этнография. 1937, № 4.
11. Крейнвич Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.

12. *Мандельштам А. М. и Розенфельд А. З.* Калаи-Имлок и Калаи-Джамхур в Каратегине и связанные с ними легенды.— Памяти М. С. Андреева. Труды АН Таджикской ССР. Т. 70. Душ., 1960.
13. *Муродов О.* Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана. Душ., 1979.
14. *Муродов О.* Представление о дэвах у таджиков средней части долины Зеравшана.— Советская этнография. 1973, № 1.
15. *Розенфельд А. З.* Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения советского Бадахшана.— Советская этнография. 1970, № 3.
16. *Розенфельд А. З.* О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (в связи с легендой о «снежном человеке»).— Советская этнография. 1959, № 4.
17. *Семенов А. А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.
18. *Снесарев Г. П.* Три хорезмийских легенды в связи с доисламскими представлениями.— Советская этнография. 1973, № 1.
19. *Таджики Каратегина и Дарваза.* Вып. 1. Душ., 1966; вып. 2, Душ., 1970; вып. 3, Душ., 1976.
20. *Троицкая А. Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана.— Советская этнография. 1935, № 6.
21. *Троицкая А. Л.* Первые сорок дней жизни ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда.— Сборник в честь В. В. Бартольда. Таш., 1927.
22. *Хамиджанова М.* Некоторые представления таджиков, связанные со змеёй.— Труды АН Таджикской ССР. Сб. памяти М. С. Андреева. Т. 120. Душ., 1960.
23. *Ханыков Н. В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
24. *Хеббат С.* Нейрангестан. Пер. с перс. Н. А. Кислякова.— Переднеазиатский этнографический сборник. 1. Труды Института этнографии АН СССР. М., 1958.

Приложения

План II—V глав предполагавшейся монографии Н. А. Кислякова «Древние поверья и обряды горных таджиков»

Глава II. Почитаемые места, мазары, поклонения им, вотивные подношения, наскальные рисунки, рисунки на стенах снаружи и внутри домов.

Глава III. Поверья и обряды, связанные с хозяйственной деятельностью:

- а) поверья и приметы, связанные с природой;
- б) сельскохозяйственные поверья и обряды;
- в) обряды, связанные с другими видами деятельности (охота, промыслы, ремесла).

Глава IV. Поверья и обряды в семейной жизни: рождение и воспитание детей, свадьба, новоселье; современные семейные праздники — окончание средней школы, вуза, присвоение почетных званий, награждение, проводы в Советскую Армию, возвращение с воинской службы и др.

Глава V. Культ предков, смерть, похороны.

Работы

доктора исторических наук Н. А. Кислякова по древним верованиям ираноязычных народов — таджиков и персов

1. Бурх — горный козел.— Советская этнография. 1934, № 1—2, с. 181—189.
2. Охота таджиков в долине Хингоу в быту и фольклоре.— Советская этнография. 1937, № 4, с. 104—119.

3. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу.— Советская этнография. 1947, № 1, с. 108—125.
4. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу.— Известия Таджикского филиала АН СССР. Т. 15, история и этнография. 1949, с. 37—46.
5. Свадебные лицевые занавески таджичек.— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 15. 1953, с. 291—316.
6. Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Нершахи «История Бухары» как этнографический источник.— Труды АН Тадж. ССР. Т. 27. 1954, с. 57—67.
7. О некоторых древних поверьях таджиков долины р. Хингоу.— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 80. М., 1960, с. 114—117.
8. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям Музея антропологии и этнографии).— Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 26. Л., 1970, с. 5—15.
9. О древнем обычае в фольклоре таджиков.— Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 70—82.
10. *Садек Хедаят*. Нейрангестан. Пер. с перс., предисл., коммент. Н. А. Кислякова.— Переднеазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР. Т. 39. 1958, с. 259—336.
11. Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в. Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973, с. 179—195.
12. [Рец.] *Мохаммед Бахман-беги*. Обычаи племен Фарса.— Советская этнография. 1948, № 3, с. 181—186.
13. [Рец.] *Садек Хедаят*. Фольклор и народные знания.— Сохан. Тегеран, 1945, № 35.— Советская этнография. 1949, № 2, с. 230—234.
14. Полковник Авранг. Праздники древнего Ирана. Тегеран, 1956. Пер. с перс. Н. А. Кислякова (Рукопись перевода хранится в библиотеке отдела Востока Государственного Эрмитажа).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. И. Хотеев.</i> Памяти Вадима Александровича Ромодина (1912—1984)	5
<i>Е. А. Княжецкая.</i> Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719—1720)	10
<i>М. И. Воробьева-Десятовская.</i> Лист тибетской рукописи из Аблай-кита	36
<i>А. П. Терентьев-Каганский.</i> Изучение археологии Центральной Азии русскими исследователями (по материалам архивов Русского географического общества и Ленинградского отделения ИВ АН СССР)	43
<i>Б. А. Вальская.</i> Василий Михайлович Сяницын и Географическое общество СССР	67
<i>Ю. Л. Кроль.</i> Борис Иванович Панкратов зарисовка к портрету учителя	84
Описание иностранных государств на Западе. Герат. <i>Перевод с китайского Б. И. Панкратова</i>	101
<i>А. Г. Сазыкин.</i> Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-доржи Заяевым	117
<i>Е. С. Борочина.</i> Михаил Степанович Андреев и его путешествие из Индии в Туркестан в 1907 г.	126
<i>А. Л. Грюнберг.</i> В афганском Бадахшане (страницы из дневника)	147
<i>Е. И. Кычанов.</i> Тангутские источники о Хара-Хото	170
<i>Б. И. Панкратов.</i> Об этимологии титула «Чингис»	180
<i>Т. И. Султанов.</i> Известия «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха о моголах (XVI в.)	190
<i>В. В. Кушев.</i> О странствиях афганского поэта Али-Акбара Оракзая во владениях империи Дуррани	212
<i>В. А. Ромодин.</i> Сочинение «Сирадж ат-таварих» и его источники	225
<i>Н. А. Кисляков.</i> Материалы по древним верованиям горных таджиков	249

CONTENTS

<i>P. I. Khotyeev</i> . In Memorium Vadim Aleksandrovich Romodin (1912—1984)	5
<i>Ye. A. Knyazhetskaya</i> . New Data on I. M. Likharev's Expedition (1719-20)	10
<i>M. I. Vorobyova-Desyatovskaya</i> . A Folio of the Tibetan Manuscript from Ablai-Kita	36
<i>A. P. Terentyev-Katansky</i> . Russian Archeological Studies in Central Asia (Based on Archives of the Russian Geographical Society and the Leningrad Department of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences)	43
<i>B. A. Valskaya</i> . Vasily Mikhailovich Sinitsyn and the USSR Geographical Society	67
<i>Yu. L. Krol</i> . Boris Ivanovich Pankratov. (A Sketch of the Teacher's Portrait)	84
A. Description of Foreign States in the West. Herat. Translated from Chinese by <i>B. I. Pankratov</i>	101
<i>A. G. Sazykin</i> . A Description of Tibet Composed by the Buryat Pilgrim Damba Dorzhi Zayayev (13th Century)	117
<i>Ye. S. Borochina</i> . Mikhail Stepanovich Andreyev and His Voyage from India to Turkistan in 1907	126
<i>A. L. Grünberg</i> . In the Afghan Badakhshan (Selected Pages from the 1967 Diary of Travels)	147
<i>Ye. I. Kychanov</i> . The Tangut Sources of Hara-Hoto	170
<i>B. I. Pankratov</i> . On the Etymology of the Title "Chinghis"	180
<i>T. I. Sultanov</i> . Reports of the Moghols (16th Century) in <i>Sheibani-name</i> by Muhammad Salih	190
<i>V. V. Kushev</i> . Wonderings of the Afghan Poet Ali-Akbar Orakzei in the Lands of the Durrani Empire	212
<i>V. A. Romodin</i> . <i>Siraj at-tawarikh</i> and the Sources of the Chronicle	225
<i>N. A. Kislyakov</i> . Materials Concerning the Early Beliefs of Mountain Tajiks	249

Научное издание
СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА
Вып. XXVI
Средняя и Центральная Азия
(География, этнография, история)
Книга 3

Редактор *М. И. Штемпель*
Младший редактор *Л. А. Добродесва*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 16148

Сдано в набор 04.05.89. Подписано к печати 20.11.89. А-12744. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17. Усл. кр.-отг. 17. Уч.-изд. л. 18,97. Тираж 2200 экз. Изд. № 6762. Зак. № 337.
Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА**

Мейер М. С.

Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. 20 л.

Монография представляет собой комплексный анализ ключевого периода на историческом пути превращения Османской империи из крупнейшей и влиятельнейшей державы Старого света, выступавшей на рубеже средневековья и нового времени в роли лидера мусульманского Востока в его противостоянии христианскому Западу, в периферийный элемент мировой капиталистической системы. Монография имеет остро полемическую идеологическую направленность и вместе с тем объективно показывает достижения зарубежной немарксистской историографии. Автор впервые вводит в научный оборот дипломатические документы из российских архивов, представляющие ценный материал по социально-политической истории Османской империи XVIII в.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкниги», а также по адресу: 117393, Москва, ул. Академика Пилогина, 14, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкниги».

